

Роберт Брюс Йен Дикки Кевин Кайли Майкл Павкович Фредерик Шнейд

ВОЙНЫ и СРАЖЕНИЯ ЭПОХИ НАПОЛЕОНА

1792—1815

ЭКСМО
МОСКВА
2009

УДК 355/359
ББК 68
Б 89

Печатается по изданию:
FIGHTING TECHNIQUES OF THE NAPOLEONIC WORLD
1792–1815
Equipment, Combat Skills, and Tactics
Robert B. Bruce, Iain Dickie, Kevin Kiley,
Michael F. Pavkovic, Frederick C. Schneid

Перевод с английского *Александра Колина*

Брюс Р.
Б 89 Войны и сражения эпохи Наполеона : 1792–1815 / Роберт Брюс и др ; [пер. с англ. А. Колина]. – М. : Эксмо, 2009. – 272 с. : ил.

ISBN 978-5-699-38052-7

Книга «Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792–1815» представляет собой исследование вопросов тактики и способов боевых действий армий и флотов разных стран в период Революционных и Наполеоновских войн. Ее авторы рассматривают различные аспекты применения пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных частей и военных кораблей, а также организацию системы командования и управления вооруженными силами. Они подробно описывают 20 известных сражений (включая столкновения на море и осады крепостей), в том числе битвы при Риволи, Аустерлице, Ваграме, Бородино, Лютцене, Лейпциге и Ватерлоо, связанные с именем великого французского полководца Наполеона Бонапарта. Читатель найдет в книге цветные тактические карты, показывающие диспозиции и передвижения противоборствующих войск, а также многочисленные иллюстрации, изображающие образцы оружия, обмундирования и снаряжения воюющих армий, батальные сцены и портреты военачальников.

Эта книга, несомненно, станет подарком как для новичков, желающих ознакомиться с интересными страницами истории, так и для искушенных любителей, изучающих войны 1792–1815 гг.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-38052-7

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

Роль пехоты

Летом 1789 г. политические, социальные и экономические перипетии, давно уже терзавшие французское государство, в конце концов вылились в кризис. Французской революции предстояло не только повлечь за собой глобальные политические и общественные перемены, но также и решительным образом изменить приемы и методы ведения войны.

В отличие от революции в военном деле, начавшейся в Европе на исходе XV столетия по причине изобретения пороха и появления огнестрельного оружия, Французская революция повлияла на характер ведения боевых действий без внедрения в них каких-то технических или технологических инноваций. И в самом деле, стандартное оружие – гладкоствольный мушкет и гладкоствольная же пушка – осталось практически неизменным на протяжении более чем столетия. Конечно, кое-какие пошаговые изменения все же происходили, что делало кремневые ружья и артиллерию более эффективными, но солдат в армии времен Марлборо смог бы довольно легко приспособиться к оружию и тактике, применявшимся в войсках Веллингтона. Основные подвижки происходили в области набора пополнений для армии, способах руководства их действиями и осуществления поставок снабжения, что, в свою очередь, вело к значительным переменам в части боевых приемов.

Пусть революция и послужила определенным катализатором процесса преобразований,

Замок Угумон стал своего рода фокальной точкой для французских войск во время битвы при Ватерлоо, оттягивая на себя значительную часть сил от наступления на британский центр. На подступах к замку Угумон бойцы Колдстримского гвардейского полка связали французских солдат яростным и кровопролитным боем.

однако французская армия, безусловно, и сама по себе созрела для перемен. Уже более чем столетие французские офицеры спорили по поводу разного рода военных вопросов. В дебатах этих превалировали два основных течения, одно прагматического, а другое – философского свойства.

Прагматические соображения, господствовавшие в дискуссиях французских военных, сосредотачивались вокруг эффективности действий французской армии на исходе XVII и в начале XVIII века. В период войн Людовика XIV и вплоть до Войны за независимость США включительно французские войска показывали себя по меньшей мере по-разному – неровно. Несколько крупных поражений во время Семилетней войны дорого обошлись монархии, особенно в плане заморских владений, вылившись в потерю территорий и снижение влияния в Северной Америке и в Индии. Как и многие другие институты и образования с подмоченной репутацией, армия осознавала, что подобные, мягко говоря, неблестящие успехи требуют самоанализа и поиска причин, приведших к поражениям. Начались разговоры в отношении изменения самих основ военной организации и тактики, а некоторые офицеры даже написали трактаты, в которых всесторонне освещали различные темы, в том числе снаряжение, устройство боевых частей, их комплектование, способы осуществления маневра и ведения боя.

Второй фактор, заставлявший военных браться за перо и развивать теории, носил более философский характер и происходил из недр основного интеллектуального течения той эпохи, а именно из идей Просвещения. На протяжении нескольких первых десятилетий XVIII века жаркие сторонники его – философы – господствовали во всех секторах французской мысли. В основе Просвещения лежал поиск ответов в сфере разума; отличала его в том числе вера в естественные законы, в важность классических примеров и систем, в математическую точность науки Ньютона. Слияние двух этих направлений – самоанализа французских военных и Просвещения – вызвало огромный подъем творчества в плане создания трудов военной литературы, которых по мере течения столетия выходило все больше и больше. Подобное особенно верно по отношению к периоду с Семилетней войны и до начала пожара Революционных войн. В соответствии с духом эпохи, во многих этих публикациях предпринимались попытки выстраивать упорядоченные «системы», которые представлялось бы возможным использовать для ведения войны.

L'ordre profonde – глубокий строй

Одним из наиболее важных предметов обсуждения в военных трудах описываемого периода служил вопрос определения правильного строя для ведения боевых действий. В конце XVII века и на протяжении почти всего XVIII столетия стойко держалась тенденция применения неглубокого линейного построения из традиционных трех шеренг, что позволяло разом задействовать большое число ружей при огневой работе. На протяжении войны за австрийское наследство и Семилетней войны Фридрих Великий (1712–1786) и прусская армия зарекомендовали себя мастерами в деле использования именно такой техники.

Некоторые французские военные авторы возражали, замечая, что подобная разновидность маневра очень подходит для обстоятельных и скучных прусских командиров, но никак не уместна для горячих и не лишенных фантазии французских солдат. Они утверждали, что будет лучше – и куда в большем соответствии с французским характером – строиться в более глубокие формирования, или *l'ordre profonde*, поскольку такое развертывание войск подходит для тактической системы, в основу которой положены движение и ударная штыковая атака.

Французские пехотные роты 1791–1808 гг., развернутые в три шеренги, как показано в «Уставе от 1 августа 1791 г.» (Règlement du 1er Août). Такое построение являлось основой французских тактических формирований. Линии образовывались за счет размещения рот одна подле другой, тогда как колонны создавались путем выстраивания рот в более глубокие формирования – обычно из 9 или 18 шеренг.

64 РЯДОВЫХ
2 БАРАБАНЩИКА
8 КАПРАЛОВ
1 ФУРЬЕР
4 СЕРЖАНТА
1 СТ. СЕРЖАНТ
2 ЛЕЙТЕНАНТА
1 КАПИТАН

Одним из писателей, посвятивших себя данному доктринальному вопросу, был подполковник Поль-Гедеон Жолли де Мезеруа (1719–1780), большой любитель изучать военное дело античности. В многотомном труде о проблемах тактики Мезеруа ратовал за более глубокие формирования. Признавая слабое место подобного приема, не позволяющего достигнуть столь же высокой плотности огня, как при неглубоком развертывании, он тем не менее утверждал, что такой недостаток с лихвой окупится за счет роста боевого духа и слаженности действий.

> *«Хорошо известно, сколь отважно [французские] офицеры ведут в бой солдат и сколь отчаянно те бросаются вслед за командирами...»*
>
> *Уильям Нэйпир,*
> БРИТАНСКИЙ ОФИЦЕР, ИСТОРИК И УЧАСТНИК ВОЙНЫ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Особенно красноречивым адвокатом формирования типа *l'ordre profonde*, которое – и это говорит само за себя – называется также *l'ordre française*, или французский строй, следует считать барона Франсуа-Жана де Мениль-Дюрана (1729–1799). Он служил во время войны за австрийское наследство, а поскольку работу свою о тактике писал вскоре после унизительного поражения в Семилетней войне, не жалел крепких эпитетов по поводу подходов к управлению тактическими формированиями, бытовавших во французской армии. Мениль-Дюран утверждал, что в основе любой успешной тактической доктрины находятся «три кита»: целостность строя, безопасность флангов и скорость. С целью достигнуть соответствия трем вышеприведенным условиям, барон разработал схему нового построения, или *plésion* – формирования из 768 пехотинцев, построенных в шеренги по 24 и в глубину по 32 чел. Поддержку *plésion* обеспечивали два взвода гренадеров – всего 96 чел. – и небольшой отряд из 50 конных гренадеров. По чисто тактическим причинам формирование делилось по вертикали и горизонтали на подразделения, что позволяло легко разворачивать *plésion* в любом направлении. В результате *plésion* отвечал как условию целостности, или массивности, так и имел обеспеченные фланги. Что же касается скорости, то столь компактный строй мог легко маневрировать.

В 1778 г., когда Франция готовилась воевать с Англией, французская армия маршала Виктора-Франсуа де Бройе (1718–1804) в составе 44 пехотных батальонов, поддержанных кавалерией и артиллерией, стояла лагерем в Воссьё, в Нормандии. Там личный состав проходил обучение по методике Мениль-Дюрана. Результаты оказались не слишком впечатляющими, поскольку некоторые маневры на практике осуществлялись вовсе не так живо, как представлялось в теории. Более того, когда решили сравнить две бригады – одна пользовалась традиционной доктриной, а другая схемами действий Мениль-Дюрана, – то всем находившимся в поле офицерам стало очевидно превосходство первой из них. Тем не менее маршал де Бройе – большой сторонник *l'ordre profonde* – провел на протяжении трех недель ни много ни мало восемь маневров с использованием новой школы и официальный отчет его о результатах был положительным.

Переосмысление тактики

В большинстве своем военная литература обращалась к проблемам применения пехоты, представлявшей собой наиболее крупную и важную составляющую в армиях, однако некоторые уделяли внимание и теме артиллерии, традиционно считавшейся войсками поддержки. Выдающимся специалистом в данной области был шевалье

Жан дю Тей, французский артиллерийский офицер, опубликовавший в 1778 г. свой трактат по вопросам применения артиллерии. Работа его оказала огромное влияние на Наполеона. Да они и знали друг друга, поскольку оба служили в том же самом полку под командованием старшего брата дю Тея, Жозефа, ставшего одним из покровителей будущего императора. Дю Тей смог направить собственные помыслы в новое русло артиллерийской мысли благодаря введению во французской армии генералом Жаном-Батистом де Грибовалем (1715–1789) новой артиллерийской системы.

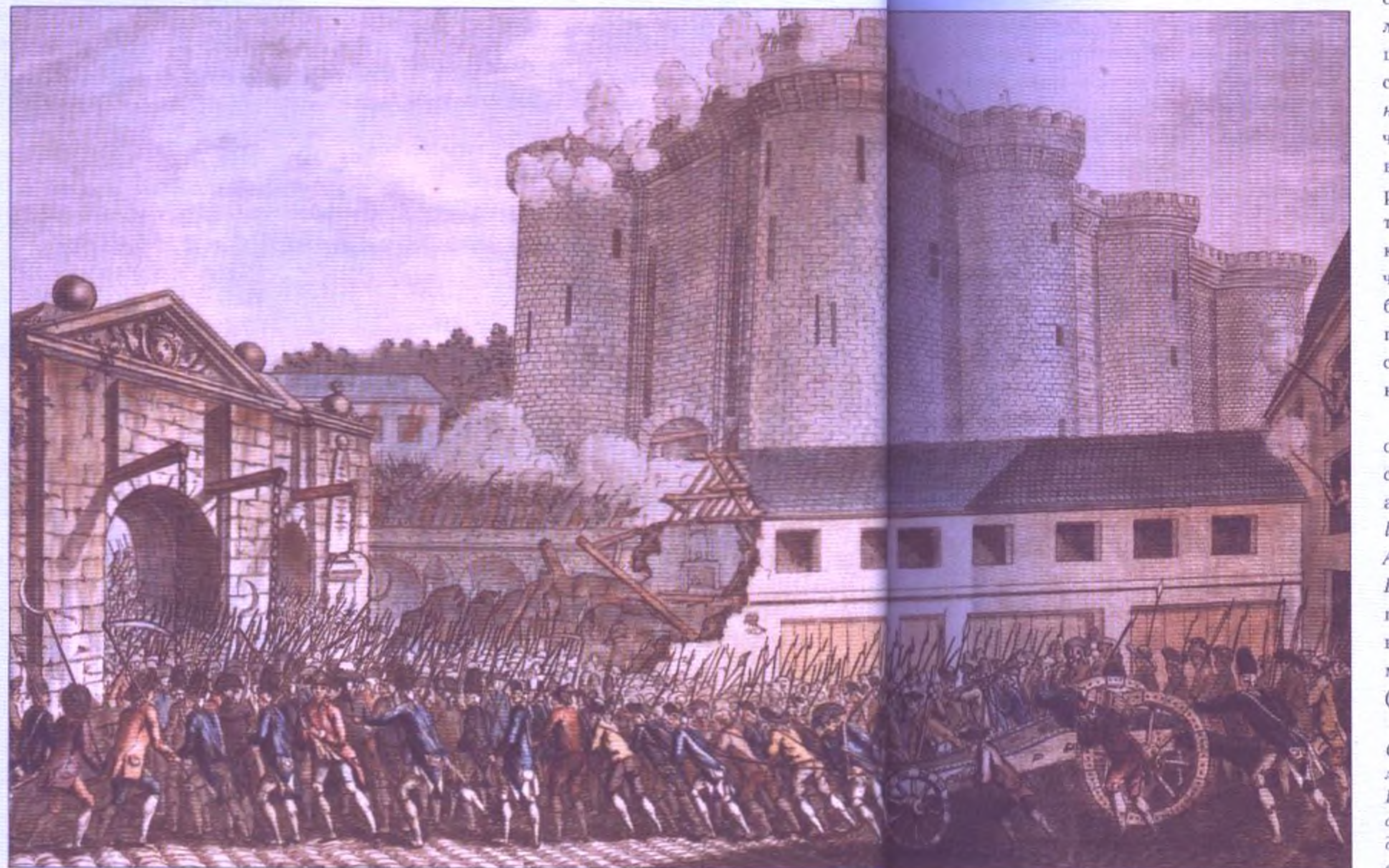
Будучи главным инспектором артиллерии, Грибоваль поставил на вооружение пушку, оказавшуюся оружием, значительно превосходившим орудия, применявшиеся во время Семилетней войны. Он переработал ствол, сделав его легче и долговечнее, внедрил улучшенный механизм регулировки углов возвышения/склонения и новые прицельные приспособления, усовершенствовал выстрел и сбрую, или упряжь, с помощью которой прислуга выводила орудие на огневую позицию. Все эти инновации сделали французские пушки более маневренными и точными.

Дю Тей оценил важность перемен и стал призывать к превращению артиллерии из привычного в прошлом придатка к пехоте в отдельный род войск, способный самостоятельно вести наступательные действия во взаимодействии с пешими формациями. Пушки, по мнению дю Тея, надлежало задействовать для нанесения наибольшего урона противнику, а не «прятать за пазуху» по мере того, как разворачиваются события битвы. Когда батарея понесет потери, ее надо заменить свежей, при этом проделать все как можно более плавно, дабы не снижать огневого натиска на врага в бою. И наконец, дю Тей восставал против общепринятой мудрости, в соответствии с которой пушки должны были вести контрбатарейный огонь. По дю Тею же, вместо нанесения ударов по неприятельским пушкам артиллерии следовало избрать в качестве основной мишени вражескую живую силу, переключаясь на противодействие неприятельским батареям только за неимением иных целей или же в том случае, если пушки противника наносят слишком большой урон собственным войскам.

Если говорить о персоналиях, то фигурой, олицетворяющей некий апофеоз всех этих интеллектуальных дискуссий, следует, наверное, назвать графа Жака-Антуана-Ипполита де Гибера (1743–1790). Он находился в рядах французской армии во время Семилетней войны и отличился в ходе кампании по аннексии французами Корсики. Де Гибер дослужился до полковника и почитался многими этаким архетипом военного мыслителя. Хотя сам он носил сравнительно скромное воинское звание, де Гиберу повезло с родителем – выдающимся солдатом, послужившим в штабе у маршала де Бройе и военного министра Шуазёля (1700–1770) и не поленившимся преподать сыну все премудрости тогдашней армейской науки.

Гибер очень и очень потрудился на поприще военных изысканий. Самой знаменитой его работой надо считать «Общий очерк тактики», опубликованный в 1772 г. и посвященный отцу. Для Гибера тактика представлялась сердцем теории войны, причем все равно, была ли это тактика малого подразделения или же целой армии. Хотя и будучи в большей степени сторонником традиционного линейного, или *неглубокого,* строя (*l'ordre mince*), Гибер отличался прагматизмом. Он выступал за гибкость в тактических приемах: пусть часть маневрирует в одной формации, а атакует – если потребуется – в другой. Ему принадлежит также концепция смешанного строя, при котором часть подразделения образовывала более глубокое формирование для маневра и предполагаемой ударной атаки, в то время как прочие силы брали на вооружение традиционную линейную тактику.

Хотя Гибер и умер в 1790 г., его находки в области тактики легли в основу «Правил, касающихся движения и маневра пехоты, от 1-го августа 1791 г.» – *Règlement concernant l'Exercice et les Manoeuvres de l'Infanterie du 1-er Août 1791* (далее именуемый для краткости *Règlement du 1-er Août 1791*). Данный устав представлял собой свод правил и уложений, вобравших в себя все лучшее, что дала военная мысль французской армии «старого режима» (*Ancien Régime*) на протяжении столетия деба-

Событием, традиционно ассоциирующимся с началом Французской революции, считается штурм Бастилии 14 июля 1789 г. Как мы видим на представленной здесь иллюстрации, французские гвардейцы присоединяются к толпе, прихватив с собой веский аргумент в споре – пушку.

тов. Так ненавистное наследие королей послужило базой для подготовки армий революционного и наполеоновского периодов.

Пехота в ходе Революционных войн

Начало революции пагубным образом отразилось на французской армии. Хотя и раньше шли споры в отношении доктринальных перемен и даже проводились кое-какие действительные реформы, армия страдала от разного рода внутренних сложностей, что делало ее уязвимой перед силами революции. С приходом новых веяний процессы самоанализа и перемен организационного характера застопорились, и хотя семена, посеянные интеллектуальными дебатами на протяжении предыдущей половины столетия, дали ростки и в итоге даже всходы, происходило все это вовсе далеко не обязательно упорядоченно.

В середине 1789 г. французская армия все еще представляла собой грозную силу, насчитывавшую свыше 180 000 человек, состоявших под ружьем, и более 70 000 ополченцев (служащих провинциальной милиции), которых представлялось возможным призвать на военную службу в случае необходимости. И хотя в данном варианте войско значительно уступало в численности тому, что Франция разворачивала ранее в том же столетии, когда армия могла похвастаться более чем 300 000 штыков и сабель, тем не менее оно продолжало оставаться достаточно мощным, по крайней мере на бумаге. Более того, некоторые военные реформы способствовали его развитию, как то же введение новой системы Грибоваля в артиллерии, превратившее этот род войск в лучший в Европе. Однако социальные, политические и экономические проблемы, одолевавшие Францию в преддверии революции, нанесли болезненный удар и по армии. Офицерский корпус разделился из-за вопроса политической реформы, причем настолько, что дуэли между либеральными и консервативными офицерами стали обычным делом. Не обошли стороной сложности и унтер-офицерскую среду. В данном случае проблема заключалась в ограниченности возможностей. Скажем, если вести речь о производстве в офицерское звание, повышение для унтер-офицерской касты было делом крайне медленным и практически невозможным. Согласно подсчетам, шанс для унтер-офицера подняться на следующую

Этот британский пехотинец изображен в военной форме революционного периода. Данное обмундирование имеет много сходства с формой, которую солдаты носили на протяжении значительной части XVIII столетия. Шляпа с загнутыми боковыми полями слегка сдвинута, чтобы не мешать носить ружье (на левом плече), и несколько нависает над правым глазом.

Маршал Жан-Батист Бернадотт, входивший в число ведущих полководцев армии Наполеона, на протяжении своей непростой карьеры поучаствовал во многих сражениях. Он неплохо показал себя под Лимбургом, Аустерлицем, Морунгеном, Шпанденом и Линцем, но проявил пассивность в ходе Йена-Ауэрштедтского маневра и не лучшим образом действовал при Ваграме, где император даже отстранил его от командования.

ступень воинской иерархии и получить доступ в офицерский корпус, где господствовали аристократы, составлял примерно 1 к 2000. Подобные тенденции подрывали устои и дисциплину среди военнослужащих сержантского состава.

Когда революционные сантименты, долгое время подогревавшиеся протекавшими во Франции событиями, наконец вылились в восстание летом 1789 г., воздействие его на армию оказалось поистине сокрушительным. В формированиях Королевской гвардии началось дезертирство, а многие унтер-офицеры и солдаты пешего полка Французских гвардейцев даже приняли участие в штурме Бастилии. 20 000 военнослужащих линейных войск вели себя ничуть не лучше. Некоторые части проявляли полную апатию и пассивность перед лицом революционной деятельности, показательным примером тут может служить Фландрский пехотный полк, который позволил состоявшей из женщин толпе захватить венценосное семейство в Версале и увести его с собой в Париж без какой бы то ни было попытки противодействия.

Падение дисциплины влекло за собой подъем уровня дезертирства. Что интересно, части, от которых, казалось бы, следовало ожидать симпатий делу революции, – ветераны, сражавшиеся в Северной Америке в поддержку другого восстания, – в меньшей степени страдали от эрозии, размывавшей их ряды, и поддерживали более высокий уровень дисциплины по сравнению с другими формированиями.

Когда обстановка в Париже и вокруг него стала ухудшаться, упадок дисциплины распространился и на части, стоявшие в других городах и крепостях Франции, при этом несколько подразделений взбунтовались. Офицерский корпус также пребывал в состоянии подавленности. Вот один, но зато знаменитый пример – граф де Рошамбо (1725–1807), командовавший французскими войсками в Северной Америке в ходе американской революции. Когда летом 1789 г. Рошамбо принял командование войсками, дислоцировавшимися в Эльзасе, развал дисциплины произвел на него такое удручающее впечатление, что он подал в отставку и удалился в свое имение. К августу стало совершенно ясно, что монархия, поддерживавшая властную монополию силами королевской армии, оказалась не в состоянии отвечать за законность и порядок в стране. В таком же положении находилось и Национальное собрание, которое не взяло под контроль армию, предпочитая положиться на собственные военные формирования, Национальную гвардию, взвалив на нее для начала ответственность за безопасность Парижа, а затем – по декрету от 11 августа 1789 г. – и всей Франции.

На протяжении 1790 и 1791 гг. ситуация все заметнее ухудшалась. Национальное собрание возлагало надежды на Национальную гвардию, насчитывавшую свыше 65 000 чел., служивших на постоянной и временной основе под началом маркиза де Лафайета (1757–1843), тогда как армия тем временем продолжала разлагаться. Отмена старых феодальных привилегий серьезно ударила по офицерству, привыкшему быть кастой избранных. Новшества привели в ужас офицеров из числа благородных господ.

Идеализированное изображение французского лагеря в эпоху Революционных войн. Французские войска того периода обычно испытывали острую нехватку снаряжения, они не выглядели столь полно экипированными, как не имели возможности упражняться в стрельбе с боевыми патронами.

Многие из них, особенно те, кто носил звание выше капитанского, ушли из армии. И в самом деле, к концу 1792 г. более 6000 офицеров распростилось с военной службой, что, конечно же, лишь способствовало углублению процесса развала дисциплины в частях. Хотя командование полков пыталось ограничивать политическую деятельность личного состава и изгонять смутьянов и нарушителей порядка, особого успеха это не приносило. Самым ярким примером развала в армии стала, вероятно, фактически почти полномасштабная битва, разыгравшаяся в августе 1790 г. в Нанси между тремя взбунтовавшимися полками и формированием из примерно 4500 сохранивших порядок солдат. К концу 1791 г. армия потеряла, по всей видимости, до 40 процентов прежней численности.

Создание армии республики

Стоя перед необходимостью воссоздания вооруженных сил, революционное правительство принялось сколачивать новую армию. Летом 1791 г. начался набор добровольцев, в результате которого под ружьем оказалось 100 000 чел. Эти «волонтеры 1791 года» были лучшими из всех призывников, когда-либо поступавших во французские войска периода Великой революции. Многие из них уже имели за плечами опыт военной службы в королевской армии или в Национальной гвардии. Но даже и при наличии вышеназванных добровольцев вооруженные силы Франции все равно испытывали недостаток численности личного состава для обеспечения потребностей обороны страны. И в самом деле, к 1792 г. комплектность не приблизилась даже к дореволюционному уровню. Той весной, когда на горизонте все отчетливее вставал призрак военной грозы, новый набор дал 200 000 чел. — так называемых «волонтеров 1792 года».

Вышеуказанные тысячи не обладали военными навыками в отличие от пришедших служить годом раньше, однако в качестве поддержки набору 1792 г. были приданы еще 20 000 *fédérés* («федератов») — политически благонадежных людей из Национальной гвардии от разных департаментов (административных областей) Франции.

Но даже и такие значительные вливания не покрывали полностью военных потребностей республики, солдаты которой скоро очутились перед необходимостью сражаться ни много ни мало на шести различных ТВД, в том числе и противодействовать контрреволюционерам в пределах самой Франции. В феврале 1793 г. пришлось прибегнуть к новому набору с расчетом призвать еще 300 000 чел., каковой прогноз оправдался только наполовину. Затем, в августе 1793 г., последовал так называемый указ о массовом призыве, или *levée en masse*, что означало всеобщий набор среди годного к службе мужского населения в армию и мобилизацию всех ресурсов республики для вооруженной борьбы с врагом.

Ранее перечисленные факторы крайне осложнили дело выработки эффективных боевых приемов для армии молодой республики. Особенно не хватало опытных офицеров определенного уровня. Посты среднего командного состава, лейтенантские и капитанские должности, удалось заполнить бывалыми унтер-офицерами; и в самом деле, где-то около 60 процентов капитанов приходились тогда на выслужившихся из низших чинов, тогда как примерно 55 процентов перешагнули в офицеры из капралов. Некоторые в итоге доросли до самого верха и получили наивысочайшие звания. Например, маршалы Жан-Батист Бернадотт (1763–1844) и Андре Массена (1758–1817) служили в королевской армии старшими сержантами. Такие люди оказывались весьма ценными, когда заходила речь о подготовке новобранцев и обучении их основам воинских премудростей, однако им недоставало знаний для руководства более крупными формированиями непосредственно на поле боя. Подобные обязанности являлись принадлежностью офицеров более высокого звания, но как раз в них-то в армии республики и ощущался особенный голод, поскольку именно такие командиры особенно часто оставляли службу из-за революции.

Следующая сложность состояла в мощном приливе рекрутов, бывших поначалу волонтерами (добровольцами), а позднее конскриптами (новобранцами, призванными по закону о воинской повинности). Многие из них либо вовсе не располагали опытом службы в вооруженных силах, либо имели лишь незначительные навыки, а потому их предстояло обучить всему с азов, привить им необходимые знания, причем в как можно более короткий срок. Как бы там ни было, существовало и существует мнение, что просто количество не проливает подлинного света на действительную ситуацию, особенно когда речь заходит о волонтерах, поступивших в армию между 1791 и началом 1793 г. Многие волонтеры 1791 года действительно обладали каким-то опытом, да и волонтеры более позднего набора попадали в действующую армию готовыми батальонами, имевшими перед тем время на подготовку или даже успевшими послужить в гарнизонах прежде, чем принять участие в крупных боевых операциях; до этого момента порой им удавалось прослужить около года. Такой срок явно считался более чем достаточным для приобретения военных навыков, поскольку позднее сам Наполеон будет упирать на обязанность пехотных частей уметь хорошо маневрировать и выдерживать огонь противника всего после трех месяцев учебы.

Подготовка начиналась сразу после призыва в армию, затем продолжалась, когда новобранцы расходились по своим депо, и не останавливалась даже тогда, когда их часть выступала в поле, чтобы присоединиться к действующей армии. Подобные методы, само собой разумеется, давали свои плоды, поскольку молодые бойцы проходили так называемую «солдатскую школу», обучающую их основным строевым и ружейным приемам, и «*école de peloton* (взводную школу)», где они учились действовать в сомкнутом строю в составе небольшого подразделения, маневрировать, перестраиваться и вести огонь в рамках отдельного взвода.

Взводы представляли собой наименьшие тактические подразделения в составе батальона, и каждый взвод обычно вбирал в себя людей одной из девяти административных рот, хотя встречались и исключения. В общем, вся схема походила и опиралась на уже довольно давно бытовавшую практику ведения огня повзводно, каковая школа к 1720-м годам распространилась в европейских армиях повсеместно. Французы сохранили прежнюю тактику огня шеренгами, но приняли и повзводную систему.

Не так хорошо понятно, насколько эффективно действовал революционный подход на

уровне «батальонной школы», где речь заходила уже о маневре целого батальона и даже полка. Хрупкость французской армии как некой слаженной военной силы в период Революционных войн, особенно в туманные дни конца 1792 г. и начала 1793 г., хорошо продемонстрирована определенными обстоятельствами — тем, как часто французские войска впадали в панику и замешательство; чего, правда, никак не скажешь о битве при Вальми, разыгравшейся 20 сентября 1792 г. Подобная тенденция, по крайней мере отчасти, объясняется нехваткой взаимодействия на более высоком уровне — батальона, полка и далее, — что, вероятно, является следствием недостаточной подготовки войск именно на данных ступенях. Другой причиной может выступать неоднородность новобранцев, часть из которых располагала военным опытом, иногда значительным, тогда как прочие не имели его вовсе.

ЛАГЕРЬ В БУЛОНИ играл важную роль в процессе созревания и возмужания юных армий революционного периода на их пути превращения в la Grande Armée – Великую армию Наполеона. Особенно хорошо послужил лагерь делу повышения качества подготовки французских солдат – их обучению всему, от индивидуального обращения с оружием до знакомства с приемами «большой» тактики. Справа офицеры и унтер-офицеры наблюдают за солдатами в ходе учебы.

Организация новых армий

Принимая во внимание пестроту частей и широкую разницу в источниках получения пополнений живой силы, возникла необходимость в введении для армий республики некой единой организационной структуры — по крайней мере, в теории. К 1793 г. существовали регулярные пехотные полки прежней королевской армии, или «белые», называвшиеся так из-за их белой формы времен Бурбонов, а также батальоны волонтеров и конскриптов, именуемых «синими», по причине синих мундиров Национальной гвардии, в которые они облачались (или, по крайней мере, должны были облачаться).

В соответствии с постановлением от августа 1793 г., батальонная организация оставалась той же, что и в королевской армии до революции, а именно, батальон линейной пехоты включал в себя восемь рот фузилеров и роту гренадеров — всего 777 чел.

После принятия 21 февраля 1793 г. постановления об «Амальгаме» (*Amalgame*, букв. слияние, сращивание) во французской армии на смену привычным пехотным полкам начали приходить так называемые полубригады. Каждая такая полубригада формировалась из одного батальона «белых» и двух батальонов «синих». В ближайшие годы предстояли и другие амальгамы и прочие организационные

пертурбации, при этом количество полубригад то увеличивалось, то уменьшалось, словно маятником качаясь между 94 и 205 единицами, чтобы в конечном итоге успокоиться на 100. В отличие от прежних формирований, которые назывались по провинциям и другим территориям (например, Фландрский полк) или по особым титулам (Королевский полк и т.п.), теперь все части получили номера. В результате Амальгамы 1793 г. появилось к тому же 14 отдельных легких пехотных батальонов; и вновь количество их менялось, доходя в один момент до 35, и остановилось затем на 30. Легкие пехотные батальоны организовывались как и обычные линейные, только простые роты в них назывались егерскими (шассёрскими), а элитная рота — карабинерской.

Принимая во внимание размер французского войска, армиям республики требовался более высокий организационный уровень. Французы экспериментировали с укрупненными соединениями начиная с 1740-х годов и далее в ходе Семилетней войны. К 1780-м годам в рядах французской армии насчитывалось 17 постоянных территориальных дивизий, каждая из которых имела ряд полков, приписанных к ней на перманентной основе. Во время войны дивизии могли служить основой для более крупных боевых формирований. В 1791 г. эту систему заменили 23 дивизии, в обязанности руководства которых входила и организация призыва.

Сохранив данную традицию, революционные армии, как и было заведено, создавали дивизии, часто состоявшие из частей всех родов войск. По состоянию на 1792 г. правила ведения кампаний французскими войсками требовали передвижения армии отдельными колоннами. Когда соединение включало в себя пехоту, кавалерию и артиллерию, оно обладало значительной оперативной гибкостью. Развитию такой системы сопутствовал ряд различных факторов.

В первую очередь надо отметить, что при ситуации, когда большое число войск приходилось задействовать на разных фронтах, подобная организационная структура обеспечивала довольно заметную гибкость.

Более того, концентрация значительного количества частей давала французам реальное преимущество над противником, который нередко распылял силы в попытке защищать ключевые города и крепости. Однако сосредоточение войск у французов вызывало большие сложности в деле нормальной работы тылового обеспечения, особенно в свете слабости системы поставок всего необходимого, едва справлявшейся с задачами, если приходилось нагружать ее в течение сколь-либо длительного времени. Дивизионный механизм позволял облегчить бремя тылового обеспечения за счет распределения усилий на отдельные и потому большие по размерам ареалы, при том, что все части сосредотачивались совокупно только тогда, когда сражение становилось неизбежным.

Тактика революции

Тактические поиски и военный самоанализ в королевской армии оказали глубочайшее влияние на тактику, взятую на вооружение во времена республики. Республиканские генералы все еще спорили в отношении плюсов и минусов неглубокого строя, или *l'ordre mince*, и его глубокого собрата — *l'ordre profonde*. Вдобавок ко всему, приходилось принимать в зачет как практические, так и политические соображения. Прагматический момент состоял в том, что солдаты республики мало походили на прослуживших долгое время профессионалов из регулярных войск, побывавших в лагере под Воссьё и попрактиковавшихся там в применении той и другой системы. Бойцы новорожденной республики являлись некой смесью из остатков старой армии и молодых рекрутов, многие из которых или вовсе не служили раньше, или же имели лишь начальную подготовку, а потому качество выучки их на батальонном уровне — так важном для осуществления эффективного маневра на поле сражения — вызывало большие подозрения.

Если же смотреть на вопрос с точки зрения политиков, революционные правительства отличались пристрастием к *l'arme blanche*, то есть к применению «холодной стали» как к средству достижения победы. Считалось, что именно такое оружие лучше всего подходит для идейных и мотивированных *citoyens* — граждан молодой республики. Подобная точка зрения завоевала столь сильные позиции, что летом 1792 г. военный министр, Жозеф

Молодой Наполеон запечатлен во время битвы при Арколе в ноябре 1796 г. Со знаменем в руке, он увлекает свои войска в атаку через мост. Это полотно барона Гро способствовало созданию мифа о Наполеоне.

Серван де Жерби (1741–1808), выступал за создание батальонов пикинёров, и в связи с этим производственники успели даже выпустить полмиллиона копий.

Вместе с тем, как становится совершенно очевидно, многие республиканские генералы предпочитали тактическую систему образца Гибера, воплощенную в правилах *августовского регламента*, или *Règlement du 1er Août 1791*, а именно *тонкий* строй из трех шеренг, или *l'ordre mince*.

Однако *Règlement du 1er Août 1791* не являлся неким закостенелым трактатом. Он предусматривал применение колонн для самых разных задач, в том числе для маневрирования и вывода батальона на огневые, а также и на штурмовые позиции — для действий на укреплениях и в населенных пунктах, то есть в городах и селах, где, вполне возможно, пришлось бы полагаться больше на штык, чем на пулю. Одним из примеров полководца, который намеревался использовать доктрину Гибера и установления, прописанные в *Règlement du 1er Août 1791*, служит тот же генерал Шарль-Франсуа Дюмурье (1739–1823).

6 ноября 1792 г., в ходе битвы при Жемапе, 40 000 солдат Дюмурье атаковали 13 000 закрепившихся на хорошо подготовленных позициях австрийцев. Французы выдвигались открытыми колоннами и принялись перестраиваться в линию, когда приблизились к неприятельским позициям. Французскому центру досталось со стороны австрийцев, когда колонны попытались развернуть строй под огнем врага, однако левый фланг выбил австрийцев с их рубежа. Судя по всему, подобная тактика находилась уже за пределами возможного для преимущественно слабо обученных в ту пору французских частей, хотя смена строя под обстрелом вражеских пушек дело трудное даже и для основательно вымуштрованных войск, не говоря уж о предпочтительной нежелательности подобных маневров вообще. Но Жемап продемонстрировал также и другие аспекты влияния тактики революционных войск. Первый заключается в очень широком применении легких частей, действующих в рассредоточенных порядках. Местность на правом фланге у французов плохо подходила для развертывания тяжелых и сравнительно негибких колонн. В итоге французские солдаты наступали там на манер застрельщиков.

Подобные свидетельства показывают готовность французских командиров дополнять и изменять *Règlement du 1er Août 1791* для более верного достижения целей, и отличный пример такого подхода — применение целых батальонов и полубригад на открытой местности.

Легкие части

Написанные в дореволюционную эпоху французские трактаты по большей части обходят молчанием вопросы применения легких частей, сосредотачиваясь вместо того на споре между преимуществами развернутой линии и колонны. Вместе с тем революционные армии очень широко задействовали такого рода формирования. Их можно рассматривать как пример тактической гибкости, суть которой в получении максимальной отдачи от имеющихся в распоряжении войск.

Фактически застрельщики вписываются в доктрину Гибера как слабоватые с точки зрения подготовки линейные формирования, которым, однако, со своей стороны не занимать отваги и целеустремленности. Жемап также продемонстрировал преимущество, предоставляемое численным превосходством. Дюмурье располагал возможностью сосредоточить силы, втрое превышавшие войска противника. Взятые вместе, две эти составляющие помогли французским солдатам выстоять под огнем врага, не снижая натиска на тактическом уровне. В отличие от образцовой модели «большой тактики» XVIII столетия, в которой отдельные части не учитывались как нечто весомое, творцы новой системы осознавали значимость подразделений, действующих разными приемами, часто в зависимости от характера местности или складывающихся обстоятельств, при этом крупными сосредоточениями, что позволяло создавать критическое давление в решительный момент в наиболее важной точке на поле сражения.

Другое проявление гибкости со стороны республиканских войск видим мы в тактике, выработанной для борьбы с восстаниями на западе Франции. Вдобавок к необходимости вести бои с регулярными армиями таких государств, как Австрия, Пруссия, Россия и Великобритания, республиканским частям приходилось сталкиваться с нерегулярными отрядами всевозможных контрреволюционных фракций, имевших сильные позиции в регионах вроде Вандеи и Бретани. Поначалу повстанцам не хватало оружия, которым они скоро разжились, как только разбили первые посланные против них войска — скверно подготовленные формирования Национальной гвардии и наспех собранные регулярные подразделения. Позднее правительство направило в Вандею и Бретань лучше обученные части, которые смогли не только разгромить мятежников в открытых сражениях в поле, но и преодолеть их оборону в городах и селениях.

Как бы там ни было, словно бы заранее готовясь в будущем к борьбе с нерегулярными

отрядами в таких местах, как Испания и Тироль, войска учились противостоять нападениям из засад и неожиданным наскокам, к каковым часто прибегали повстанцы. Несмотря на тот факт, что французская армия уже тогда располагала значительным опытом ведения боевых действий против нерегулярных сил, в частности, в Северной Америке, особого интереса в изучении тактики «малой войны» у военных как-то не отмечалось.

Тактика и доктрина развивались уже непосредственно в ходе конфликта. Например, генерал Луи-Лазар Гош (1768–1797) написал и старался пропагандировать книгу «Наставления для войск, участвующих в боях с шуанами», то есть с роялистскими мятежниками из Бретани. В этой работе автор подчеркивал важность целостности воинской части, единства ее действий, проведения разведывательных мероприятий и выставления боевых охранений против мятежников, которые не раз использовали численное превосходство, чтобы вернее одолеть небольшие и дезорганизованные подразделения регулярных войск.

На тактическом уровне наставления Гоша особенно подчеркивали линейную тактику, способную обеспечить максимально возможную огневую мощь в столкновениях с мятежниками. И в самом деле, Гош настаивал на необходимости построения частей не просто по линейному принципу, но в две шеренги, дабы так применить при стрельбе всю живую силу батальонов разом с большей отдачей. Использование застрельщиков также рекомендовалось, но малыми отрядами и всегда при поддержке строя других частей, чтобы те не слишком отдалялись от основных позиций и не рисковали бы оказаться отрезанными от них.

И наконец, революционные армии очень широко задействовали артиллерию, в соответствии с заветами Гибера и – особенно – шевалье дю Тея. Такое стало возможным благодаря усилиям Грибоваля, который ввел в обиход более легкие артиллерийские орудия, а кроме того, по причине особой *политической* стойкости артиллерии, сумевшей из всех родов войск наилучшим образом пережить бури и грозы революции. Пушкари, например, сохранили больший процент прежнего офицерского корпуса, чем пехота или кавалерия.

Нововведения в артиллерии

Революционные силы строились с учетом опытов прошлого – прежних усовершенствований и теорий, – но и вводили собственные инновации. Одним из таких ранних новшеств можно назвать возвращение батальонных пушек. Три легких 4-фунт. пушки придавались каждому пехотному батальону. Пусть они несколько замедляли темпы продвижения батальона, однако при этом орудия в значительной степени повышали его огневую мощь. Что еще не менее важно, пушки делали батальон не столь хрупким и уязвимым за счет как повышения боевого духа части, так и обеспечения прикрытия бегущим, если вдруг солдатам случалось впасть в панику и оборотить тыл.

Второй инновацией можно назвать введение конной артиллерии. Несмотря на затраты, связанные с данным видом войска как в плане потребности в большой численности лошадей, так и сложностей тылового обеспечения, конные батареи значительно усиливали наступательную мощь армии.

Поначалу предполагалось просто подкреплять кавалерию силами артиллерии, как в случае с теми же батальонными пушками, добавлявшими «жесткости» пехоте, но скоро пушкари почувствовали себя не просто нужными и важными, но осознали себя как элиту. Их скорость, подвижность и натиск давали им возможность обеспечивать непосредственную огневую поддержку другим родам войск в атаке, по словам генерала Фуа (1775–1825), служившего как раз в конной артиллерии, «придвинуться поближе и стрелять почаще».

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что армии революции создавались не на пустом месте, а на основе результатов проб, поисков и своего рода процесса интеллектуальных изысканий целого предшествовавшего столетия. Однако нельзя не признать, что не все из прошлого опыта и не всегда воспринималось войском молодой республики, поскольку какие-то вещи, хотя и подходили для королевской армии, не считались приемлемыми в новых условиях. Но вот что делало войска республики успешными – по крайней мере отчасти, – так это способность к восприятию нового и гибкость – умение учиться и приспосабливаться к реальным условиям.

Битва при Риволи, 14–15 января 1797 г.

В ноябре 1796 г. созданная в предшествующем году Директория вознамерилась завершить войну в Италии на более или менее благоприятных для себя условиях. В общем, открылись переговоры, однако все надежды на окончание войны споткнулись об один камень преткновения – город-крепость Мантую. В сентябре австрийский фельдмаршал, граф Дагоберт фон Вурмзер (1724–1797), оказался там в западне с более чем 18 000 войска. Солдат этих осаждали части армии Наполеона в Италии. Мантуя представляла собой сильнейшую из так называемых четырехугольных крепостей, с помощью которых австрийцы старались держать под контролем север Италии, а к тому же являлась последним принадлежавшим им крупным городом. Среди условий на переговорах австрийцы выдвигали требование о позволении им усилить гарнизон, чего не могли принять французы. Посему переговоры прекратились, и обе стороны стали готовиться решить дело силой оружия.

Австрийцы определенно стремились снять осаду и усилили армию, действовавшую в Северной Италии под началом генерала барона Иосифа Альвинци фон Берберека. Численность войск Альвинци достигла 50 000 чел. Для противодействия им Наполеон располагал более чем 55 000 чел., находясь при этом, однако, в более уязвимом положении. Во-первых, ему приходилось держать примерно 10 000 для блокады крепости, а следующие 10 000 составляли гарнизоны раскиданных тут и там крепостей, что оставляло французам для использования в прочих операциях всего 34 000 штыков и сабель.

Во-вторых, Наполеон не знал, когда и в каком направлении будет атаковать Альвинци, а потому ему приходилось делить собственную армию на отдельные боевые соединения. Генерал Пьер-Франсуа-Шарль Ожеро (1757–1816) имел около 9000 чел. в районе Леньяно с целью прикрытия нижнего течения реки Адидже. Генерал Андре Массена с таким же по численности соединением стоял в Вероне и обеспечивал сектор верхней Адидже. Генерал Бартельми-Катрин Жубер (1769–1799) располагал дивизией в 10 000 чел., дислоцированной к северу от Риволи. Принимая во внимание количественное неравенство сил и отсутствие

СТИЛИЗОВАННАЯ ГРАВЮРА *с изображением битвы при Риволи. Художник запечатлел сцену, когда к французским войскам в самый ключевой момент сражения подошли подкрепления. Слева мы видим, как с поля уводят австрийских пленных. В ходе битвы в плен попало свыше 3000 австрийцев.*

верных данных разведки в отношении планов австрийцев, Наполеон не мог перейти к наступательным действиям, тогда как три вышеназванные дивизии его армии располагались соответствующим образом с целью прикрытия трех основных маршрутов, которыми мог бы воспользоваться Альвинци для деблокировки Мантуи.

7 января Наполеон выступил из штаб-квартиры и отправился в Болонью с целью разрешения некоторых дипломатических и военных вопросов, связанных с прибытием в Тоскану 6000 папских солдат.

Судя по всему, Наполеон пребывал в убеждении в неготовности на тот момент австрийцев дать старт деблокировочной операции, иначе непонятно, почему он решил оставить штаб именно в тот момент. Однако именно в тот самый день австрийское командование привело войска в движение. В соответствии с планом, основной армии из 28 000 чел. под началом самого Альвинци предстояло спуститься по долине Адидже с севера, форсировав узкое «бутылочное горло» в горах поблизости от Риволи. В соответствии со схемой действий, разворачивались также второстепенный и отвлекающий маневры силами, насчитывавшими всего 15 000 чел., под командованием генералов Проверы и Баялича. Хотя 11 января колонны Проверы и Баялича продвигались медленно, они уже вступили в отдельные стычки с солдатами Ожеро, и Альвинци в тот же день проложил себе путь в направлении Риволи. Новость достигла ушей Наполеона, который как раз только что закончил дела подписанием соглашения с герцогом Тосканы. Французский командующий немедленно возвратился в штаб-квартиру, откуда проследовал в Верону и застал Массена, когда тот отражал атаки неприятеля, а также узнал, что вражеские войска наседают на дивизию Жубера севернее Риволи. Похоже, Наполеон еще не чувствовал себя готовым встретить врага всеми силами, хотя он и отправил гонцов за дополнительными войсками, дислоцированными там и тут небольшими отрядами. Пока же командующий отписал Жуберу, спрашивая того, сколько солдат противника противостоит ему – 9000 или же больше.

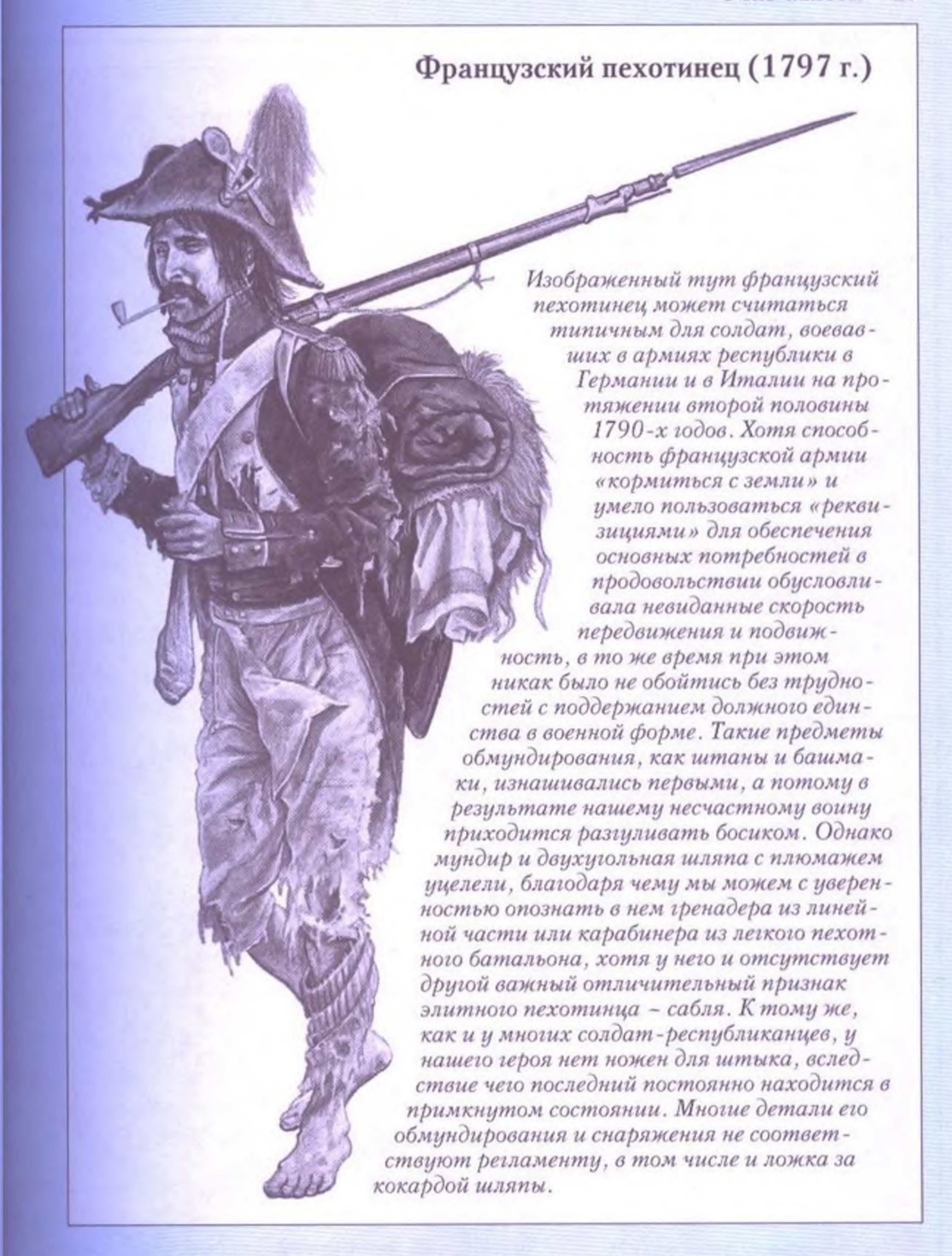
«Солдаты... на протяжении пяти часов сражавшиеся с исключительной храбростью, сильно рассеялись в силу особенностей рельефа местности и... по большей части уже преследовали противника... когда были атакованы горстью всадников; как только эти люди возвратились назад с криками “французская кавалерия!”, внезапная паника распространилась среди войск точно огненный вихрь».

Полковник Томас Грэм, наблюдавший за действиями австрийцев под Риволи

Утром 13 января он получил от Жубера известие о многочисленности наступающих австрийцев, которые наседают на французскую дивизию, заставляя ее пятиться к Риволи. Тогда Наполеон приказал Жуберу подготовиться держать оборону и одновременно велел Массена послать солдат к Риволи, причем проделать все как можно скорее.

Сам же Наполеон прибыл туда в 2 часа после полуночи 14 января, найдя Жубера в здании церкви, где тот занимался составлением приказов на предстоящий день. Наполеон принял решение изготовиться к немедленной атаке.

Тем временем австрийцы стояли лагерем, ожидая наступления. Альвинци, питавший страсть к сложным маневрам в духе Фридриха Великого, разделил войска на шесть отдельных штурмовых колонн, но, к несчастью для австрийцев, армия его не очень-то походила на ту, которая находилась в распоряжении Фридриха. Трем колоннам, действовавшим под началом генералов Липтаи, Кёблёша и Очкаи и насчитывавшим всего 12 000 чел., предстояло развивать наступление на высоты, на которые отошли французы. Две колонны генералов Кваждановича и Вукассовича, численностью 15 000 чел., должны были продвинуться

Французский пехотинец (1797 г.)

Изображенный тут французский пехотинец может считаться типичным для солдат, воевавших в армиях республики в Германии и в Италии на протяжении второй половины 1790-х годов. Хотя способность французской армии «кормиться с земли» и умело пользоваться «реквизициями» для обеспечения основных потребностей в продовольствии обусловливала невиданные скорость передвижения и подвижность, в то же время при этом никак было не обойтись без трудностей с поддержанием должного единства в военной форме. Такие предметы обмундирования, как штаны и башмаки, изнашивались первыми, а потому в результате нашему несчастному воину приходится разгуливать босиком. Однако мундир и двухугольная шляпа с плюмажем уцелели, благодаря чему мы можем с уверенностью опознать в нем гренадера из линейной части или карабинера из легкого пехотного батальона, хотя у него и отсутствует другой важный отличительный признак элитного пехотинца – сабля. К тому же, как и у многих солдат-республиканцев, у нашего героя нет ножен для штыка, вследствие чего последний постоянно находится в примкнутом состоянии. Многие детали его обмундирования и снаряжения не соответствуют регламенту, в том числе и ложка за кокардой шляпы.

по обоим берегам Адидже и попытаться подняться по склонам ущелья с задачей достигнуть вражеских расположений на высотах. И наконец, шестой колонне из 4500 солдат с полковником Лузиньяном во главе отводилась задача выполнения продолжительного флангового маневра вдоль правого крыла французских войск с целью выхода в тыл армии Наполеона и пресечения ей путей к бегству.

Наполеон разворачивает войска

Наполеон и Жубер ночью провели рекогносцировку и, соответственно, приступили к дислокации собственных войск. Одну полу-

Битва при Риволи
14–15 января 1797 г.

В январе 1797 г. австрийская армия численностью около 50 000 чел. под началом генерала барона Иосифа Альвинци выступила против Наполеона в Италии с целью снять осаду с Мантуи и освободить запертый в ней крупный контингент; крепость являлась главным опорным пунктом Австрии в Северной Италии. Австрийцы развернули сложную по построению атаку силами шести отдельных колонн против войск Жубера, занимавших позиции на высотах. Численное превосходство австрийцев позволило им смять левый фланг французов, однако тут в дело на стороне последних вступили свежие силы. Сражение полыхало, этакими морскими волнами прокатываясь то туда, то сюда по возвышенностям, в процессе чего австрийские солдаты наконец захватили ущелье на правом крыле у французов, хотя посланную в тыл последним колонну разгромили вовремя прибывшие на усиление части Наполеона. Австрийцы на высотах продолжали ломиться вперед, однако утратили порядок в ходе преследования противника на сложной местности, и французы потеснили их с высот своевременной контратакой. На следующий день Наполеон с частью армии выступил на поддержку своим силам, подвергавшимся натиску с запада, в то время как Жубер нанес под Риволи поражение утратившим порядок австрийцам.

Австрийцы под командованием Альвинци сосредоточили силы для нападения на войска Наполеона в Италии с намерением снять осаду и освободить одну из армий, запертую как в ловушке в стратегически важной крепости Мантуя.

1 Три австрийские колонны штурмуют позиции французских частей на высотах, разгорается в значительной степени беспорядочная битва, в которой атакующие в итоге теснят французов.

2 Австрийские колонны двигаются вдоль реки Адидже через ущелье в поисках пути атаковать и смять правый фланг французов на высотах.

3 Крупные силы австрийцев выдвигаются в тыл французам с целью отрезать противника на высотах и не допустить подхода на помощь неприятелю дополнительного усиления.

4 Когда французы начинают откатываться, австрийцы принимаются теснить и преследовать их, однако утрачивают целостность строя, а потому своевременная контратака французской кавалерии и пехоты отбрасывает австрийцев.

5 После ожесточенной схватки австрийские солдаты прорывают французский заслон в ущелье, однако собственные их товарищи, бегущие с высоты, увлекают добившихся было успеха австрийцев за собой.

6 Французские подкрепления атакуют австрийцев, когда те стремятся выйти во французский тыл, и наносят им поражение, при этом берут в плен множество солдат противника.

Каприно
Костерман
Дольче
Инканале
Риволи
Аффи

В ходе сражения при Риволи, в острейший момент противостояния, генерал Жубер схватил ружье и лично возглавил действия солдат. Вследствие вмешательства командира французы обрушились на откатывающихся австрийцев продольным огнем, превратив отступление противника в его разгром.

бригаду линейной пехоты, 39-ю, насчитывавшую менее 1000 чел., они послали удерживать ущелье против восьмитысячной колонны Кваждановича. По счастью, 39-я полубригада сумела занять отчасти усиливавшие ее положение полевые укрепления и к тому же воспользовалась поддержкой артиллерии. Оставшиеся силы Жубера при 18 артиллерийских стволах находились на высотах и атаковали австрийцев с первыми проблесками рассвета. Несмотря на численное превосходство противника (соотношение сил составляло примерно 4:3 в его пользу), наступление французов поначалу развивалось неплохо, и они захватили ключевое селение, отбив его у австрийцев.

Однако по мере замедления темпов продвижения французов, австрийцы сумели развернуть атаку на неприкрытый левый фланг французского строя, где действовала 85-я полубригада. В прошедшем ноябре данная часть немало претерпела от австрийцев, и Наполеон стыдил ее военнослужащих за слабость и малодушие. Несмотря на насмешки и пятно давешнего позора, солдаты 85-й вновь не выдержали вражеского натиска и побежали. По счастью, обстановка еще не успела сделаться совсем безнадежной к тому моменту, когда генерал Массена привел около 6000 чел. подкреплений, задача которых состояла как раз в прикрытии уязвимого левого фланга. Они и в самом деле сумели стабилизировать положение на левом крыле строя.

Между тем сложилась сложная ситуация в открывшемся французском центре. Там 14-я полубригада отважно противостояла в обороне великолепным австрийским войскам, в том числе батальону гренадеров и еще одному — из элитного полка «Хох-унд-Дойчмайстер». В ходе ставшего знаменитым эпизода австрийцы смяли французскую батарею как раз перед позициями 14-й. Французский офицер воскликнул: «Четырнадцатая! Вы что же, отдадите им пушки?!» Призыв вдохновил 14-ю полубригаду на контратаку, солдаты бросились в штыковую и отбили батарею.

Справа у французов 39-я полубригада находилась под сильным обстрелом колонн Вукассовича и наконец была вынуждена отойти с занимаемых ею оборонительных фортификаций.

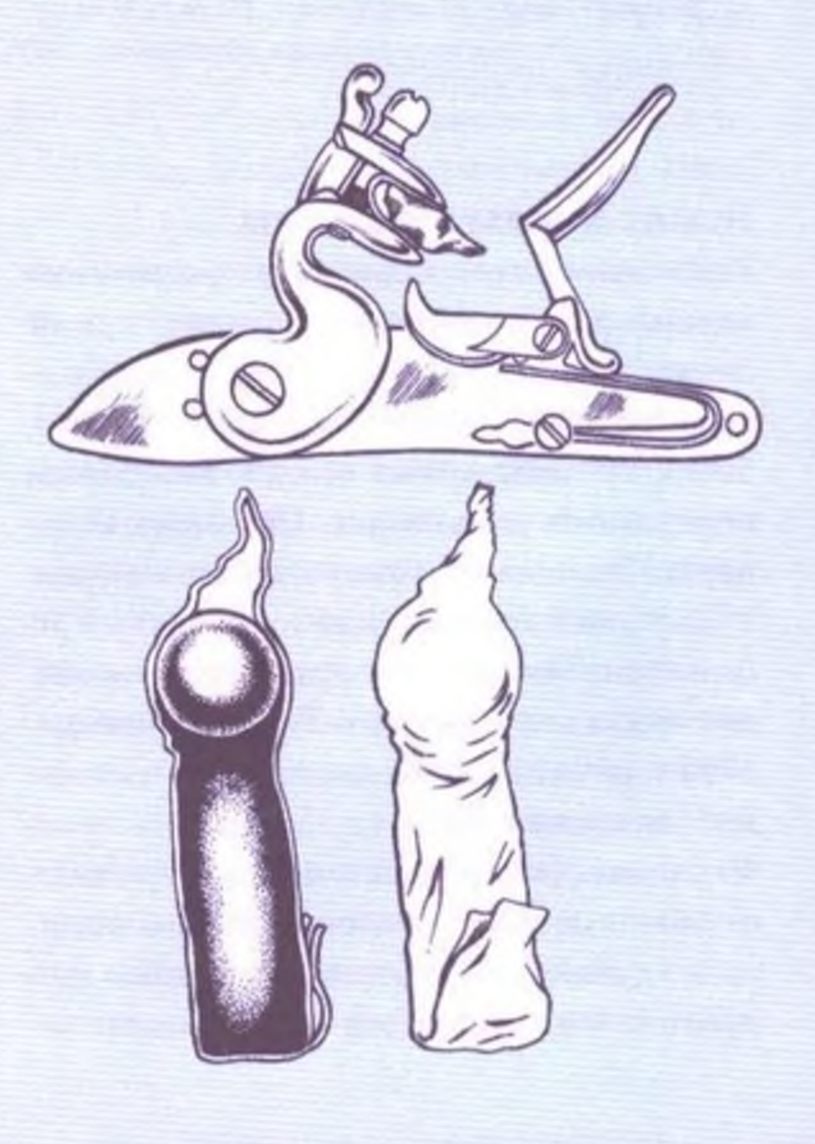
В результате открылся также и правый французский фланг, хотя сложная по характеру местность сковывала темпы продвижения австрийских войск, и обороняющиеся смогли даже отбросить несколько вражеских частей. По счастью, в большинстве своем французские формирования не рассеялись и сумели собраться после выхода из боевого соприкосновения с неприятелем. Дом с вместительным подворьем послужил сборным пунктом для них. Там оказались и кое-какие отряды усиления, прибывшие совсем недавно с озера Гарда.

Сложилась очень неблагоприятная обстановка для французов, но дела для них готовились вот-вот обратиться еще более неприятной стороной, поскольку залпы раздались и позади них – колонна Лузиньяна стала наконец-то заходить французам в тыл, перекрывая не только пути для отступления, но и маршрут подхода подкреплений. Некоторые из офицеров Наполеона испытали прилив отчаяния, но Наполеон, как рассказывали, произнес лишь: «Они – наши». Наполеон и Массена обратились к некоторым из вновь прибывших на усиление частей, подбадривая их прежде, чем повести против колонны Лузиньяна. На плато французам удалось качнуть маятник удачи в свою сторону и выровнять обстановку.

Небольшой кавалерийский отряд из 200 чел. бросился в отчаянную контратаку против австрийцев, уже прокладывавших себе путь через французский центр.

В процессе преследования откатывавшегося врага австрийцы устали и изрядно утратили целостность порядков. В результате даже небольшой отряд кавалерии смог легко обратить их в бегство. Охватившая солдат паника передавалась от одной колонны к другой, и некоторые побежали даже в ущелье, сметая у себя на пути тех из своих товарищей, которые пытались подняться на высоты. Ситуация позволила Жуберу, возглавив полубригаду и открыв огонь по неприятельским войскам внизу с обрыва, отбросить их. Вскоре затем к французам подошли подкрепления из свежих бойцов, так что несчастная колонна Лузиньяна очутилась между двух вражеских соединений. Течение сражения быстро повернулось в удачное для Наполеона русло.

Ближе к вечеру битва была выиграна, но Наполеон все еще оставался в трудном положении. Ему донесли о наступлении Проверы, а потому командующий и Массена с их усталыми солдатами оказались вынуждены покинуть поле для противодействия новой опасности. Жуберу предстояло завершить сражение на следующий день. Хотя в распоряжении Альвинци по-прежнему оставалось немало войск, противник сбросил его солдат с высот, а потому боевой дух их находился на очень низкой отметке. На следующий день Жубер добился убедительной победы.

Типичным оружием пехоты на протяжении всего описываемого нами периода было и оставалось гладкоствольное кремневое ружье. Выстрел из него производился за счет удара бойка с зажатым в нем кремнем в стальную крышку пороховой полки, что приводило к высеканию искры, вызывавшей воспламенение пороха на запальной полочке, откуда пламя поступало к основному заряду в каморе казенной части. В большинстве армий применяли заранее заготовленные патроны, позволявшие ускорить процесс заряжания. Для того чтобы зарядить оружие, солдат откусывал край патрона, насыпал немного пороха на полочку и закрывал крышку. Остальной порох, бумажный пыж и пулю он загонял в ствол и утрамбовывал там шомполом.

Весьма героическое изображение Наполеона в сражении при Риволи 14 января 1797 г., когда он руководил действиями своих войск. На заднем плане ущелье, захваченное австрийцами ранее утром, но позднее отбитое французами.

Пехота в эпоху Наполеона

Различные прогрессивные тенденции и составляющие французских революционных армий слились воедино и достигли своего апогея под началом великолепного молодого офицера, быстро продвигавшегося по служебной линии, перескакивая через звания, Наполеона Бонапарта. Всего лишь только капитан в начале 1793 г., он к концу того же года поднялся до бригадного генерала, поскольку очень хорошо действовал во время осады Тулона. В октябре 1795 г. он показал себя как политически весьма благонадежное лицо перед правительством, Национальным конвентом, когда рассеял озлобленную толпу ставшим потом легендарным «дуновением картечи». В феврале следующего года Наполеона назначили командующим республиканской армией в Италии, и именно там ему довелось свести воедино различные тактические и оперативные инновации революционных войск, превратив их в поистине впечатляющую систему для ведения боевых действий. Кампании того периода особенно примечательны тем, что в ходе них удалось достигнуть столь значительных результатов на второстепенном ТВД, в то время как основным объектом внимания республики выступала Германия. Дав с начала марта 1796 г. несколько боев и сражений, Наполеон в течение года уверенно разгромил австрийцев и вынудил их к подписанию перемирия.

После успешных кампаний в Италии Наполеон отплыл в Египет, где надеялся добыть себе еще большую славу и создать угрозу британским владениям в Азии. Он достиг немалого на местном уровне, однако в стратегическом плане положение его выглядело совершенно безнадежным, поскольку британский противник почти полностью безоговорочно господствовал на море. Затем Наполеон возвратился во Францию и начал восхождение к вершинам абсолютной власти, приняв в 1799 г. участие в заговоре против Директории. Впоследствии он занял пост первого консула Французской республики. Вскоре после этого Наполеон провел новую кампанию в Италии, где 14 июня 1800 г. одержал убедительную, хотя и недолговечную победу над австрийцами в битве при Маренго. В следующем году Австрия подписала мир с Францией, а в 1802 г. примеру ее последовала и Англия.

В тот период Наполеон продемонстрировал собственное понимание того, как наилучшим образом и с максимальной пользой задействовать различные перемены и преобразования, привнесенные в войска в ходе Революционных войн. Во время итальянской кампании он разглядел и взял на вооружение потенциал вновь организованных боевых дивизий. Наполеон разделил армию в Италии на четыре крупных соединения, или боевые дивизии, и несколько частей поменьше.

> *«Ничто не могло поколебать их. У них не было иного прошлого и иного будущего, кроме войны. Они ни о чем другом не говорили. Офицеры их были либо достойными их или же становились таковыми. Ибо для того, чтобы подняться на одну ступеньку над такими людьми, приходилось показать собственные раны и суметь превратить себя в пример для прочих».*
>
> Граф Филипп-Поль де Сегюр
> о ветеранах Великой армии

Размеры и устройство таких дивизий варьировались от кампании к кампании, в зависимости от ситуации. Более того, дивизии дали Наполеону возможность наилучшим образом воплощать в жизнь боевые приемы, скоро ставшие его фирменным знаком. Первый заключался в использовании внутренних оперативных линий, позволявшем быстро сосредоточить силы, при этом часто против пользующегося численным перевесом неприятеля. Вторым следует назвать маневр *sur les derrières*, а иначе охват, направленный на выход во фланг или в тыл армии противника. Готовность к последнему приему отчасти обусловливала бедность революционных армий, которые не располагали такими же снабженческими обозами, какие волочили за собой большинство прочих европейских войск в ту пору. В то время как такое положение вынуждало французов добывать себе провиант на местах, Наполеон осознал способность системы «реквизиций» обеспечить ему куда большую степень подвижности, чем у неприятеля.

Наполеон задействовал оперативную подвижность с большим эффектом, часто нанося удар по противнику раньше, чем тот успевал полностью сосредоточить войска для битвы. Как бы там ни было, некоторые из оперативных принципов, взятых на вооружение Наполеоном, отражают дореволюционное влияние, легко позволяя проследить их корни в трудах более ранних военных мыслителей. Одним из таких очевидных и несомненных предшественников и своего рода учителей великого воителя следует назвать генерала Пьера де Бурсе (1700–1780). Его труд, посвященный планированию кампаний, оказал такое воздействие на Наполеона, что тот часто цитировал его, когда заводил речь в отношении важности подготовительного этапа операций.

L'ordre mixte – смешанный строй

С тактической точки зрения Наполеон также продолжал развивать идеи и наработки «революционного способа ведения войны». Одним из тактических формирований, находивших широкое применение у Наполеона, являлся так называемый *l'ordre mixte*, или смешанный строй, в котором использовались как линии, так и колонны. И в самом деле, подобный строй представлялся неким компромиссом в долгих дебатах по поводу преимуществ линейной тактики – *l'ordre mince* – с одной и глубокого строя – *l'ordre profonde* – с другой сторо-

ны. Авторство данного нововведения, конечно же, не принадлежало Бонапарту, поскольку, безусловно, еще Гибер указывал такой путь в своих работах. Более того, нетрудно разглядеть примеры использования смешанного строя у французов в более ранних битвах. В самом чистом виде *l'ordre mixte* два батальона из состава полубригады образовывали две колонны, тогда как третий батальон строился в линию между этими колоннами.

Построенное таким образом формирование обеспечивало значительную огневую мощь со стороны линейного батальона, сохраняя ударный потенциал части в колоннах, в то же время позволяя прикрывать уязвимые фланги линейного батальона. Вместе с тем такой строй требовал высокого уровня подготовки и отточенных навыков, как и отмечалось в «августовских уложениях», или *Règlement du 1er Août 1791*. Посему неофициальные, если можно так сказать, версии такого строя находили применение в сражениях и раньше, когда вместо линейного батальона огневую работу вели построенные не так плотно солдаты-застрельщики боя.

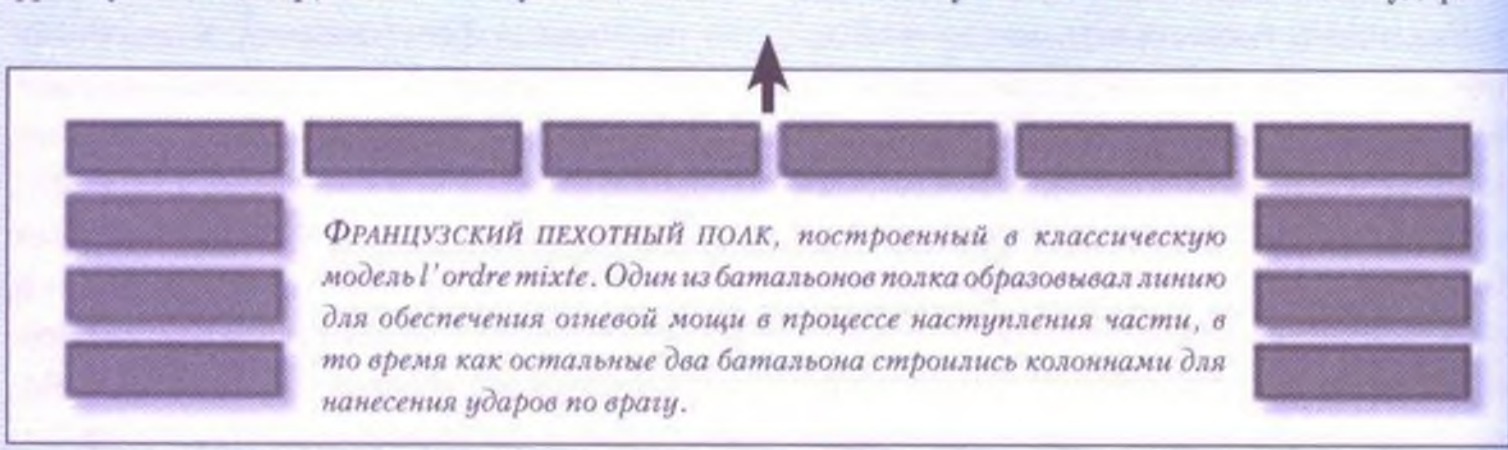
Как бы там ни было, Наполеон в большей степени приблизился к классическому варианту *l'ordre mixte* в ряде битв на протяжении итальянской кампании. Например, под Ареолой дивизия генерала Пьера-Франсуа-Шарля Ожеро выстроилась в боевой порядок, образованный из батальонных колонн и линий, при этом между колоннами стояли по одному или два батальона, развернутых в линию. Подобный способ развертывания играл важную роль в сражении, поскольку обусловливал не только значительную огневую мощь, но и высокую маневренность, обеспечиваемую колоннами. И в самом деле, в какой-то момент в битве, когда австрийцы начали было продавливать французский центр, Наполеон сумел ввести в действие одну из полубригад для атаки во фланг наступавшему противнику, что позволило остановить австрийцев. Такой маневр в большей степени под стать колоннам полубригады, поскольку они способны быстрее выполнить разворот, чем выстроенные в линию батальоны.

Во времена битвы при Маренго мы обнаруживаем полубригады под началом генерала Луи-Шарля Дезе (1768–1800), построенные в классическом духе смешанного формирования, когда центральный линейный батальон имел по флангам две колонны, и именно эти части послужили инструментом для срыва наступления австрийцев ближе к исходу дня. Нет сомнения, одной из причин, подаривших Наполеону способность все чаще и чаще применять *l'ordre mixte*, следует по праву назвать возросший профессионализм солдат в выполнении их уставного маневра по мере течения событий итальянского похода, а также тесное взаимодействие частей под напористым и вдохновенным командованием.

Но, как бы там ни было, настоящий прыжок вперед в развитии наполеоновских боевых приемов как на оперативном, так и на тактическом уровне стал возможен только тогда, когда Наполеон поднялся к безграничной власти во Франции. В 1802 г. он сделался пожизненным консулом, а несколько позднее — 2 декабря 1804 г. — короновался как император французов.

Время это совпало с периодом относительного затишья, что позволило Наполеону посвятить себя усовершенствованию механизмов военного дела и упорядочению правил ведения боевых действий.

Идеи и наработки его воплотились в итоге в образе Великой армии. Она представляла собой основу французской военной силы, включавшую в себя также войска государств-союзников и находившуюся под прямым командованием Наполеона. Войско состояло из нескольких *corps d'armée*, или армейских корпусов, и в том числе, несомненно, из Императорской гвардии, которая сложилась из сравнительно небольшого формирования, насчитывавшего четыре пехотных и два кавалерийских полка с артиллерией, но к кампании 1812 г. превратилась едва ли не в отдельную армию в армии.

Французский пехотный полк, *построенный в классическую модель l'ordre mixte. Один из батальонов полка образовывал линию для обеспечения огневой мощи в процессе наступления части, в то время как остальные два батальона строились колоннами для нанесения ударов по врагу.*

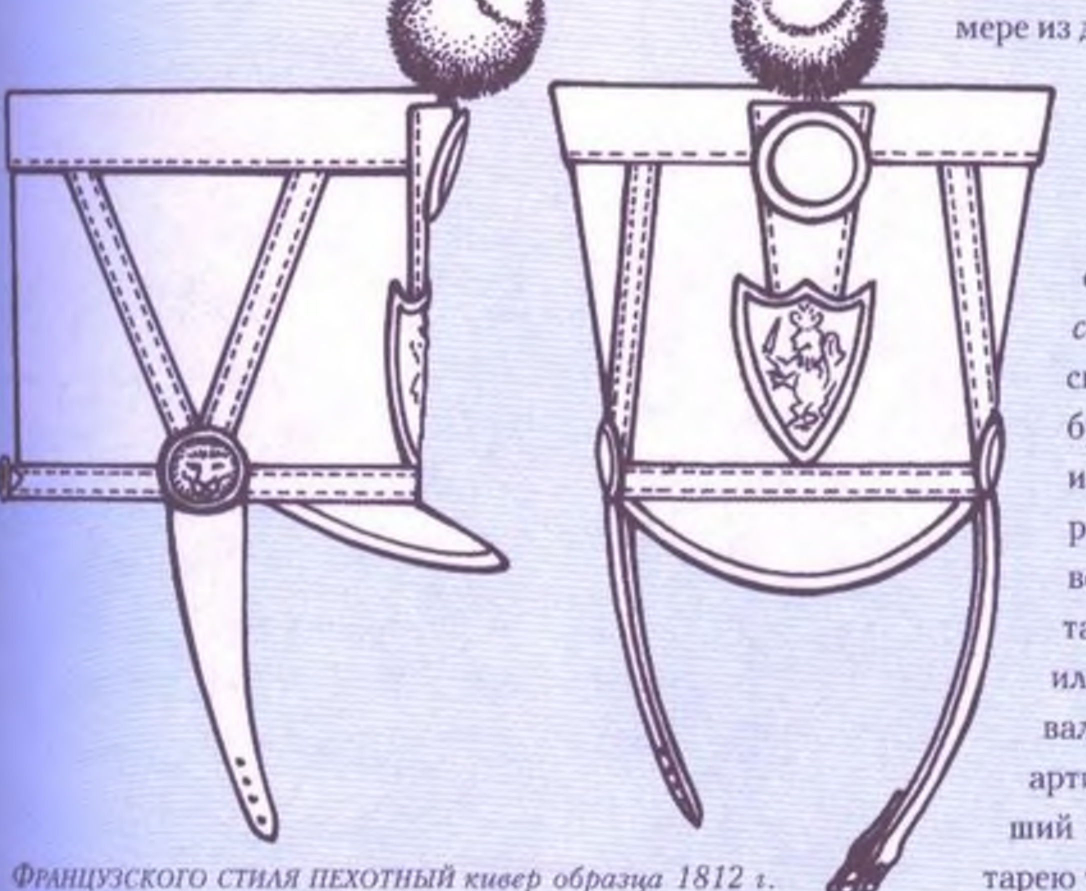
Le corps d'armée – армейский корпус

Одной из наиболее значительных подвижек на оперативном уровне стало создание армейского корпуса — *le corps d'armée*. Такая административно-управленческая единица вызрела на ниве дивизионной системы, которая получила распространение в армиях республики. На самом деле, несмотря на большую величину, армейский корпус имел много общего с ранними дивизиями. Он представлял собой соединение из частей всех сухопутных родов войск и, следовательно, включал в себя пехоту, кавалерию и артиллерию, так же как вспомогательные подразделения и части поддержки, в том числе медицинский персонал и инженерно-саперные формирования.

Армейские корпуса, как и дивизии, использовавшиеся Наполеоном в войсках в Италии, не имели раз и навсегда установленного единого для всех состава. Строение корпуса менялось в зависимости от характера поставленной задачи и общей стратегической обстановки. Численность бывала очень и очень несходной. В 1805 г., например, самый крупный корпус насчитывал около 41 000 чел., в то время как самый меньший — всего 14 000. В преддверии кампании 1809 г. III корпус маршала Луи-Николя Даву (1770–1823) включал в себя свыше 60 000 чел., тогда как VIII корпус генерала Доминика-Жозефа-Рене Вандамма (1770–1830) мог похвастаться не более чем 13 000 солдатами. Тем не менее необходимо выделить некоторые общие аспекты, касающиеся организации «типичного» *le corps d'armée*.

Ядром любого армейского корпуса служил крупный пехотный контингент. В нормальных условиях он включал в себя от двух до четырех дивизий, подразделявшихся на две или три бригады (иногда более), которые, в свою очередь, состояли по меньшей мере из двух полков.

Более того, все дивизии располагали собственными формированиями артиллерии из средних полевых пушек. *Le corps d'armée* имел также свою кавалерию в размерах бригады или даже дивизии из легкоконных частей егерей, гусар или улан. Вдобавок к артиллерийским батареям, приписанным к той или иной дивизии, существовал также парк корпусной артиллерии, обычно включавший по крайней мере одну батарею тяжелых 12-фунт. орудий. И наконец, нельзя не упомянуть самые различные войска поддержки, в том числе саперно-строительные, мостостроительные, технические, медицинскую роту и небольшое подразделение

Французского стиля пехотный *кивер образца 1812 г. (по регламенту Бардена). Данный конкретный экземпляр принадлежал солдату из воинского контингента великого герцогства Гессен-Дармштадт, поскольку на киверной бляхе изображен гессенский лев. Кивер изготовлялся из кожи и войлока и имел помпон – во французских частях цвет его служил для обозначения роты.*

жандармерии – *gendarmerie*, выступавшее в роли военной полиции корпуса. *Le corps d'armée* сделался наименьшей оперативной единицей, предназначенной для ведения самостоятельных боевых действий или же для операций в составе более крупных соединений из нескольких корпусов.

В ходе битвы при Канопе (под Александрией) ранним утром 21 марта 1801 г. французы развернули атаку против британских войск. Боевые порядки британцев испытывали сильный натиск французской пехоты и кавалерии. Здесь мы видим, как 42-й полк хайлендеров (шотландских горцев), известный как «Блэк Уотч» (Black Watch, то есть «Черная Стража»), бросается в штыковую на фланг одной из колонн французов. В данном случае хайлендеры слишком увлеклись преследованием и затем сами были атакованы и сильно потрепаны французскими драгунами.

Такая организация предоставляла Наполеону значительную оперативную гибкость, а равно и подвижность. Командующий мог передислоцировать отдельные *corps d'armée* по разным дорогам, снижая нагрузку на службы тылового обеспечения, но сосредотачивать их все вместе для будущего сражения.

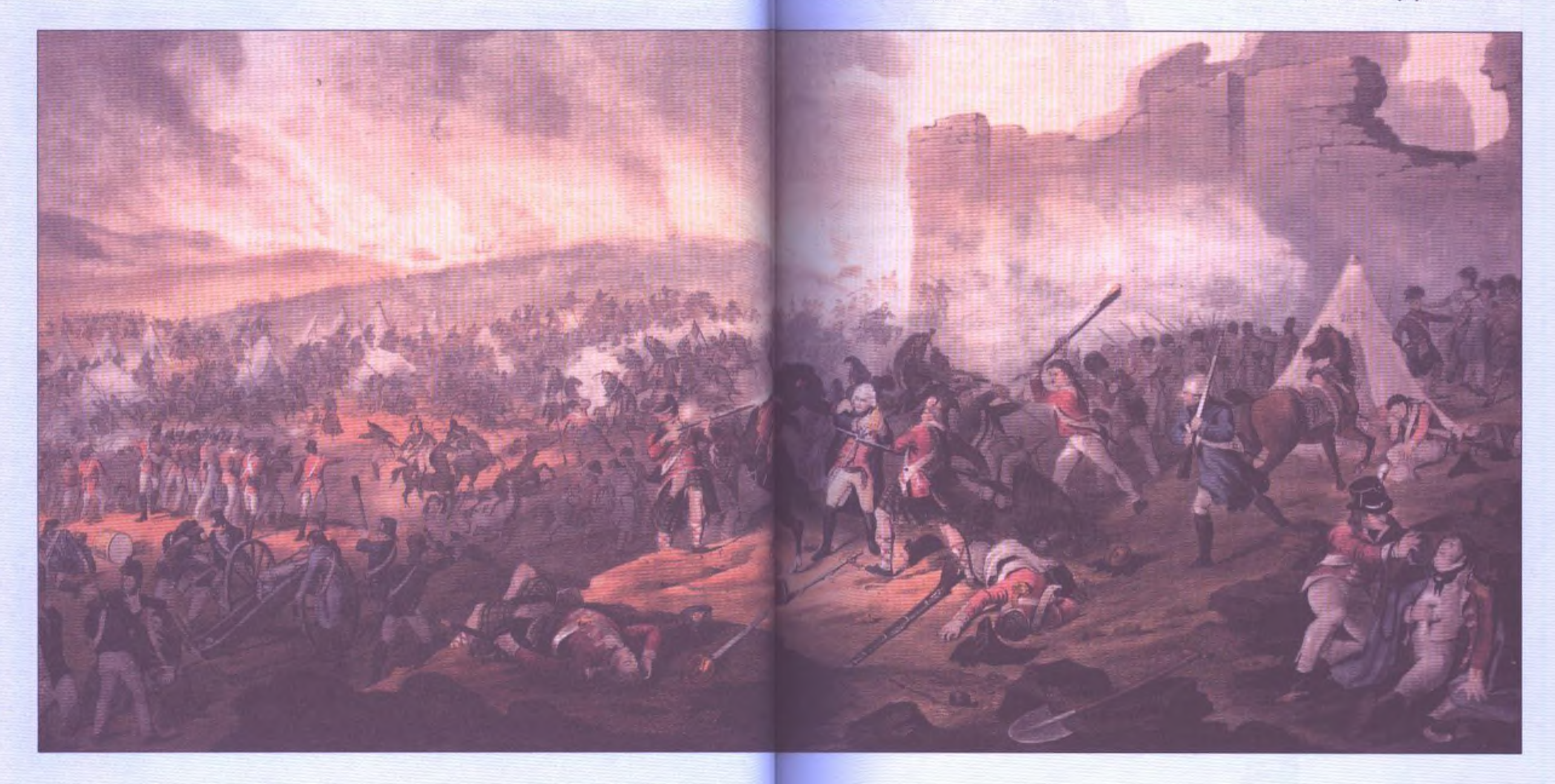
Более того, в случае необходимости, армейский корпус обладал способностью самостоятельно вести широкомасштабную битву, поскольку располагал всем потребным для этого, что в действительности и проделал корпус Даву в сражении под Ауэрштедтом в октябре 1806 г.

Говоря об армейских корпусах, следует неизменно помнить об одном важном обстоятельстве, отличавшем их от дивизий времен республики, поскольку *le corps d'armée* не только являлся соединением из разных родов войск, но и обладал массированной численностью, чем не могли похвастаться более ранние формирования и что давало корпусам значительные преимущества в условиях боя. Прекращение крупных военных действий на континенте после 1801 г. подарило Наполеону и французской армии шанс закончить процесс формирования официальной военной организации в пехоте.

В 1803 г. полубригады были переименованы в полки, которые различались по номерам, а не по региональным или личным названиям, как это было до революции. На 1804 г. во французской армии имелось 90 *Régiments d'Infanterie de Ligne* (линейных пехотных полков) и 26 *Régiments d'Infanterie Légère* (легких пехотных полков). До 1803 г. организационная структура полка оставалась сравнительно постоянной и включала три батальона, каждый из которых состоял из восьми обычных рот (фузилерных и егерских в линейных и легких полках соответственно) и одной элитной роты (гренадерской в линейных и карабинеров в легкопехотных батальонах).

В сентябре того года Наполеон приступил к изменению батальонной организации. Количество рот он снизил с девяти до восьми, при этом одна из них стала обозначаться как легкая рота «вольтижеров». Для большинства частей структурные перетасовки носили более или менее формальный характер, поскольку одна рота в них и так уже на постоянной основе служила в качестве застрельщиков.

И наконец, еще одна реорганизация произошла в 1808 г., когда был учрежден новый

Рядовой полка Chasseurs à pied (пеших егерей)

Два полка пеших егерей Старой гвардии Наполеона вместе с двумя гренадерскими полками представляли собой элиту Великой армии. В обиходе солдат этих отборных частей называли «ворчунами» (les grognards). Каждому пешему егерю Старой гвардии полагалось иметь за плечами по крайней мере 10 лет военной службы, опыт участия в боях на протяжении нескольких кампаний и — не менее 170 см роста. Более того, кандидатуру каждого соискателя места в Гвардии одобрял или не одобрял лично император.

Такие части получали лучшее обмундирование, снаряжение и снабжение, а в сражениях служили ударным кулаком Великой армии. Форма одежды Chasseurs à pied очень походила на униформу их товарищей из полков Grenadiers, или гренадеров. Главной особенностью обмундирования пеших егерей являлось отсутствие налобной бляхи на медвежьей шапке, а также зелено-красные султан и эполеты, служившие отличительными знаками элитных подразделений легкой пехоты.

штат пехотного полка, который теперь состоял из пяти батальонов — четырех действующих и одного (5-го) запасного. В расчете на батальон, однако, количество рот снизилось еще больше и дошло до шести: четырех фузилерных или егерских, в зависимости от типа части, одной гренадерской или карабинерной, и одной вольтижерской. В запасные батальоны элитные роты не включались. Что небезынтересно, процесс отражает рост пропорции элитных подразделений в составе батальона: 11 процентов в батальоне из девяти рот, 25 процентов в батальоне из восьми и 33 процента в батальоне из шести рот.

Учебные лагеря

Кроме того, армия обрела возможность заняться подготовкой в условиях мира, а не пытаться на ходу осваивать все хитросплетения маневров, описанные в *Règlement du 1er Août 1791*, находясь в походе. Особенно справедливо это замечание по отношению к лету 1803 г., когда Наполеон, готовясь к возобновлению враждебных действий с Британией, создал так называемую «Армию Океанского побережья», или *l'Armée des Côtes de l'Océan*. Те солдаты, которым предстояло послужить основой Великой армии в ходе великих же кампаний 1805–1807 гг., дислоцировались шестью крупными лагерями по Атлантическому берегу, вблизи таких городов, как Булонь, Брест и Утрехт. На протяжении двух лет в различных лагерях, из которых позднее вышли отдельные корпуса, или *les corps d'armée* Великой армии, проходили интенсивные учения и тренировки. Каждый лагерь поступал под командование одного из высших офицеров Наполеона, на которых и возлагалась ответственность за подготовку личного состава их соединений.

В тот период в частях тратили много времени на тренировки и на изучение различных разделов *Règlement du 1er Août 1791*, от правил и приемов обращения с оружием до маневров силами батальонов. Дабы добиться высоких показателей при такой подготовке, в войска отправлялись специальные инспекторы, которые следили за тем, как солдаты ведут себя на различных стадиях тактических перестроений, и проверяли унтер-офицеров и младших офицеров на предмет знания статей и параграфов *Règlement du 1er Août 1791*. Вдобавок ко всему, регулярно проводились собрания на полковом уровне, где старшие офицеры давали задания подчиненным и выясняли степень понимания последними этих приказов. Ожидалось, что младший офицерский состав и унтер-офицеры будут передавать полученные от старших командиров знания солдатам в ходе проведения подготовки.

В каждом из лагерей существовали собственные правила недельного распорядка. В Булони, например, два дня в неделю отводилось обучению на батальонном уровне и занятиям на стрельбищах, чего фактически вообще не делалось тогда в армиях других стран, за исключением британской. Три дня шли маневры на более высоком уровне, в том числе — различных дивизий в составе корпуса, в то время как в воскресенье устраивались учения целого корпуса. Дважды в месяц проводились упражнения, называемые нами сегодня «боевыми стрельбами», когда солдаты вели огонь по мишеням настоящими боеприпасами.

Помимо отработки всех тех навыков, которые и естественно развивать в пехотинцах, солдаты в Булони и прочих лагерях готовились к вторжению в Англию. Соответственно, личный состав учили основам обращения с плавсредствами, а также посадке на суда и высадке с них на берег. Некоторых бойцов наставляли в обращении с корабельными пушками. Наполеон совершенно очевидно всерьез избрал для тех армий такую цель, как вторжение в Англию, а потому требовал от личного состава частей участвовать в маневрах на море.

Начиная с осени 1803 г. в каждом французском пехотном батальоне надлежало учредить одну роту «вольтижеров». В такие роты набирали самых невысоких и проворных бойцов батальона, отводя им задачу застрельщиков при прикрытии основных подразделений. Их отличали желто-зеленые султаны и этишкеты (плетеные шнуры) на киверах и эполеты такой же расцветки.

Однажды, не придав значения предупреждению адмиралов о приближавшемся шторме, он приказал отправить в плавание 20 шлюпов. Итогом стала потеря многих из этих судов вместе с 2000 солдат и моряков.

Такие непрекращающиеся учения и муштра на протяжении двулетнего периода были, вероятно, опасно однообразными и утомительными. Для поддержания высокого морального состояния и боевого духа Наполеон старался почаще посещать лагеря, устраивать войскам смотры, сопровождавшиеся огромной помпой и пышными церемониями. В ходе одного из подобных визитов в августе 1804 г. ни много ни мало 1300 барабанщиков отбивали «Aux Champs» для сбора целой армии. Когда войско построилось, Наполеон дал старт процедуре вручения орденов Почетного легиона, или *Légion d'Honneur,* отличившимся военнослужащим, осуществив первую массовую раздачу этой награды. Как он высказался: «Людьми двигают побрякушки».

> *«Мы стояли в порту Амблетёз, где был оборудован отличный лагерь; генерал Удино командовал нами, имея в своем подчинении 12 000 гренадеров, составлявших часть резервных войск. Каждый божий день мы упражнялись и упражнялись. Нас сгруппировали в бригады для обучения погрузке на суда».*
>
> *Жан-Рош Куанье,*
> гренадер гвардии,
> о Булонском лагере

Интенсивные процессы подготовки нарождающейся Великой армии во времена дислокации ее частей там и тут вдоль Атлантического берега окупились сторицей, когда настала пора войскам вступить в баталии в центре Европы, гремевшие с 1805-го и не умолкавшие до 1807 г. В чем Великая армия, вне всякого сомнения, превосходила неприятеля, так это в уровне подготовки. Маневры и перестроения, проводившиеся как на тактическом уровне, так и на оперативно-тактическом, или на уровне «большой тактики», давали французским войскам особенно явные преимущества в гибкости на поле сражения. Главной пользой этого являлась значительная способность французских соединений поддерживать координацию между различными формированиями внутри их командной структуры и координировать их действия в зависимости от складывающейся обстановки.

В кампаниях 1806–1807 гг. для батальонов в составе французских бригад было обычным делом менять строй на поле боя в соответствии с конкретными условиями. Например, если бригаде из четырех полков с полными восемью батальонами предстояло атаковать укрепленные позиции, для командиров такой бригады не составляло труда развернуть один или два батальона и застрельщиков-вольтижеров в прикрывающий заслон для трех или четырех батальонов в штурмовых колоннах.

Оставшуюся часть бригады легко представлялось возможным придержать в резерве или же развернуть в линию для обеспечения огневой поддержки или для прикрытия флангов атакующей массы. Ключом к успеху служила возможность для командира бригады придать любую тактическую форму любой из находящихся под его началом частей без необходимости заботиться о поддержании искусственной целостности строя на полковом или бригадном уровне.

Битва при Ауэрштедте, 14 октября 1806 г.

Летом 1806 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм III оказался в сложной ситуации. На протяжении большой кампании 1805 г. он придерживался нейтралитета и даже, в действительности, выступил как союзник Франции в обмен на шанс для Пруссии поживиться землями курфюршества Ганновер на севере Германии, принадлежавшего через династические связи английской короне. Как бы там ни было, Фридрих Вильгельм довольно быстро уразумел, что союз с Францией будет длиться лишь до тех пор, пока того хочется Наполеону.

Прусский пехотинец

Изображенный здесь прусский пехотинец принадлежит к 1-му Силезскому пехотному полку. На нем полевая форма, принятая в прусской армии в 1808 г. и состоявшая из темно-синего мундира, или колета, с воротником и обшлагами определенного цвета, установленного для частей той или иной провинции (для Силезии – желтого), а также с погонами, по расцветке которых различались полки одной и той же области. Его кивер и помпон покрыты клеенчатым чехлом прусского образца. Белые ремни выдают в солдате принадлежность к одному из двух мушкетерских батальонов полка и отличают его от легкого пехотинца из фузилерного батальона. Шинель, носимая им в скатке через левое плечо, продета через кожаный рукав, служащий дополнительной защитой от сабельных ударов. Помимо ружья со штыком у пехотинца имеется короткая сабля, которая является в большей степени украшением, чем настоящим боевым оружием.

В начале 1806 г. он узнал о предстоящем пересмотре условий альянса: Пруссия сохранит за собой Ганновер, но лишь в обмен на другие территории в Германии и в Швейцарии. Спустя несколько месяцев Фридрих Вильгельм прослышал о переговорах Наполеона с Англией, в которых император предлагал британцам вернуть Ганновер, принадлежавший на тот момент Пруссии, если в обмен Франция получит мир с Британией. В результате такого оборота событий Пруссии грозила утрата территорий даже по сравнению с положением, существовавшим до заключения союза с французским императором. Такую ситуацию

никак нельзя было назвать удовлетворительной, и Фридрих Вильгельм пришел к убеждению в неизбежности войны, как и виделось это «ястребам» из его правительства и королеве Людовике, которую Наполеон называл «единственным мужчиной в Пруссии».

В июле 1806 г. пруссаки заключили новый альянс, на сей раз с Россией, и 10 августа приступили к мобилизации сил армии. На протяжении примерно месяца французы никак не реагировали на военные приготовления у неверного союзника. Но вот наконец император распорядился призвать под знамена резервистов и начать обучение новых партий призывников. В середине сентября Наполеону стало известно, что пруссаки занимают Саксонию с целью предотвращения присоединения этого государства к *Rheinbund*, или Рейнскому союзу – организации германских государств, находившихся под протекторатом Наполеона.

26 сентября Фридрих Вильгельм отправил Наполеону ультиматум с требованием убраться из Германии и пригрозил войной в случае невыполнения. Однако жребий уже был брошен, поскольку пятью днями ранее Наполеон отбыл в Германию и принял под командование Великую армию. Хотя Наполеон знал об альянсе Пруссии с Россией, он прекрасно понимал, что понадобится время, прежде чем русские войска смогут фактически помочь пруссакам в назревшем конфликте.

6 октября в Бамберге император возглавил Великую армию и повел ее воевать с Пруссией. Командующий войсками последней, герцог Брауншвейгский, намеревался выступить против французов до того, как те соберут силы, однако ситуация полностью переменилась. Большинство прусских войск сосредоточилось в районе Эрфурта, на опушке Тюрингенского леса. Наполеон с несколькими армейскими корпусами продвигался по прямому пути в направлении Лейпцига, откуда мог продолжить путь на Берлин. Армия образовывала *bataillon carrés*, или батальонные каре – квадраты, дававшие французам небывалую оперативную гибкость.

13 октября, когда два корпуса на левом фланге у Наполеона – а именно, соединения Ланна и Ожеро – встретились с прусскими войсками поблизости от Йены, батальонные каре позволили Наполеону быстро изменить направление продвижения, повернув части на 90 градусов и сосредоточив основные силы армии против формирований противника у Йены, которые он считал главными у врага.

Стремясь раздавить пруссаков целиком и полностью, Наполеон велел Даву с его III армейским корпусом выдвигаться на Наумбург, а затем к Апольде и в тыл к пруссакам. I армейский корпус Бернадотта получил приказ наступать на Дорнберг с целью обеспечения линии коммуникаций между основной армией и Даву, а затем присоединиться к последнему, чтобы отрезать прусским войскам пути для отступления. В приложении к изначальному оперативному приказу Наполеон рекомендовал Даву и Бернадотту выступать общими силами. В 1:30 пополуночи 14 октября Даву встретился с Бернадоттом с целью договориться о совместных действиях, однако последний предпочел не согласиться с рекомендацией и выбрал вместо того путь на Дорнберг через Камбург.

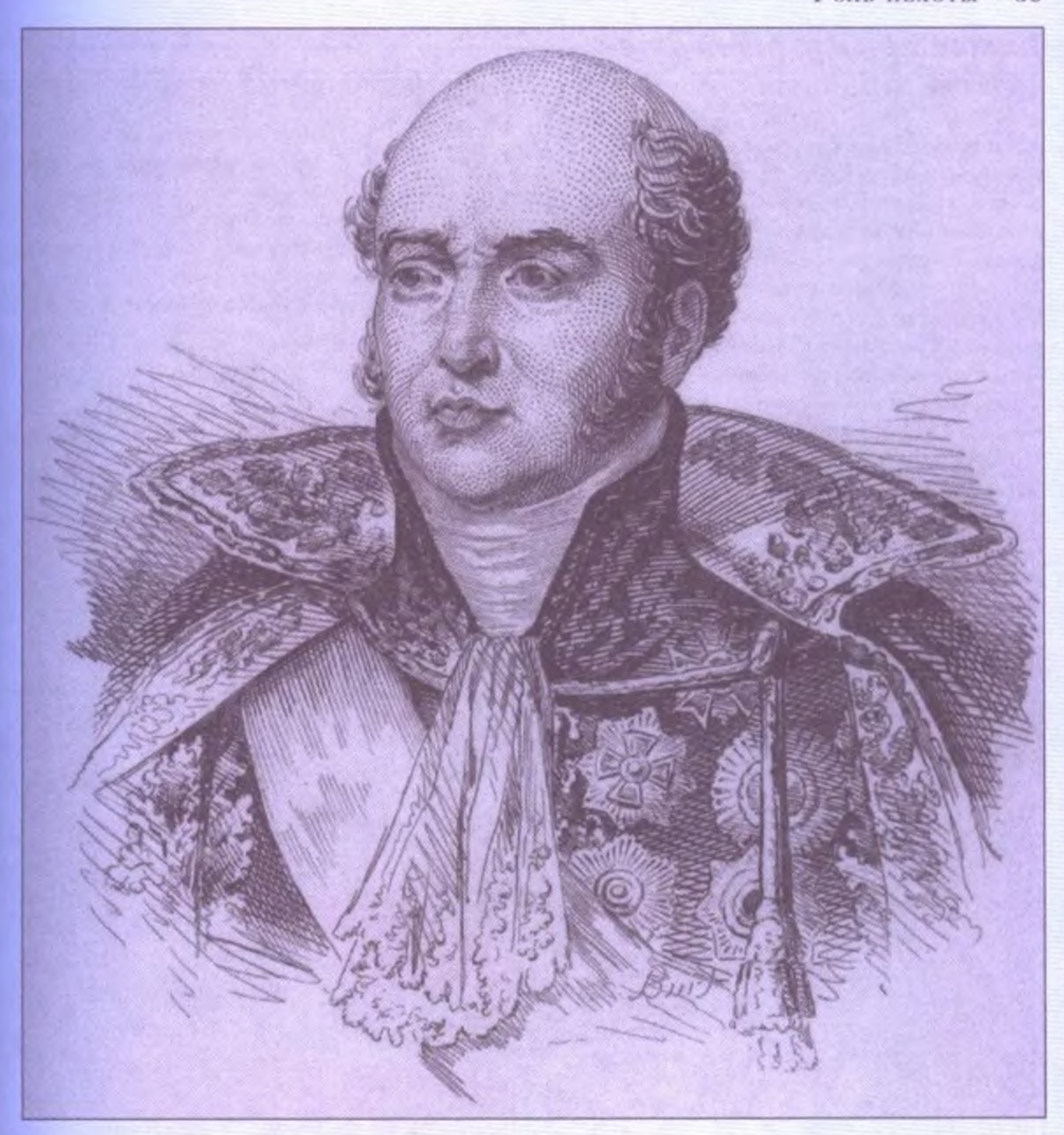
Шаг этот привел к опасной ситуации, поставив маршала Даву с III армейским корпусом численностью в 26 000 чел. перед лицом основной прусской армии, насчитывавшей, вероятно, до 63 000 чел.

Даву повел корпус в направлении Апольды незадолго до 5:30 утра. Продвигались они медленно по причине густого тумана и из-за трудного подъема вследствие условий местности. Более того, у Даву отсутствовала большая часть корпусной кавалерии, поскольку три полка *chasseurs à cheval* (конных егерей) отправились в рейд, имея цель раздобыть лошадей. Вся разведка у Даву состояла из 80 всадников, вероятно, из одной роты 1-го конно-егерского полка, под начальством полковника Бурка, первого адъютанта маршала.

Приблизительно в 7 утра туман ненадолго рассеялся, и Бурк с его небольшим отрядом, связанный боем с превосходящими силами прусской кавалерии и конной артиллерии, отступил под защиту собственной пехоты.

Первое соприкосновение

Головные отряды из восьми батальонов линейной пехоты и батареи конной артиллерии,

Маршал Луи-Николя Даву до революции служил в армии офицером и немало отличился во время Революционных войн. Наверное, моментом величайшей славы для него следует считать сражение при Ауэрштедте, где Даву с его III корпусом нанес сокрушительное поражение основным силам прусской армии.

насчитывавшие всего 8400 чел., вел дивизионный генерал Этьен Гюден (1768–1812). Даву приказал одной бригаде образовать четыре пехотных каре – благословенное решение для французов, поскольку как раз тогда два эскадрона прусских драгун из полка Королевы устремились в отчаянную атаку, которую французские пехотинцы, благодаря своевременному построению, легко отразили. Остатки дивизионной пехоты тоже выстроились в каре, а когда туман поднялся, конная батарея Гюдена своим огнем вывела из строя прусскую батарею и отбросила пехотные и кавалерийские подразделения противника. Затем Даву велел Гюдену занять селение Хассенхаузен.

К сожалению для Даву и особенно для Гюдена, остатки корпуса все еще находились на марше, при этом большинству частей оставалось покрыть добрых 3–5 км.

По счастью же, на тот момент в состоянии перейти в наступление оказались лишь три крупные прусские дивизии, возглавляемые генералом фон Шметтау, а также прусский авангард генерала Гебхарда Леберехта фон Блюхера (1742–1819). Остальные прусские формирования пока только неспешно выдвигались в направлении поля сражения. Батальоны Гюдена закрепились в Хассенхаузене,

Битва при Ауэрштедте
14 октября 1806 г.

Летом 1806 г. Пруссия заручилась союзным договором с Россией против Франции, и к сентябрю война стала неизбежной. Наполеон счел нужным взять инициативу в собственные руки и, собрав под знамена Великую армию, выступил в направлении Лейпцига с намерением продвигаться далее на Берлин. В процессе похода два из его корпусов вступили в боевое соприкосновение с пруссаками, и император решил дать противнику бой под Йеной. Однако перед основными силами Наполеона находилась лишь меньшая часть прусской армии. Тем временем армейский корпус маршала Даву, отправленный для выхода и нанесения удара в тыл неприятелю, столкнулся под Ауэрштедтом с главным ядром прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского. Сражение представляло собой, по сути дела, встречный бой, поскольку части обеих сторон сошлись на поле битвы по пути следования в заданные районы. Французские войска расположились вокруг селения Хассенхаузен. Пруссаки развернули серию атак, не отличавшихся, однако, должной слаженностью и координацией, что подарило Даву ценное время. Ближе к концу утра, когда весь целиком корпус его находился на поле, Даву сумел перейти к наступательным действиям против дезорганизованных пруссаков и разгромить их.

Сражение при Ауэрштедте продемонстрировало всю гибкость корпусной системы Наполеона как на оперативном, так и на тактическом уровне, в процессе чего один армейский корпус сумел не только выстоять перед натиском превосходящих сил противника, но и уверенно победить его.

1 Дивизия Гюдена из состава III корпуса Даву прибывает на поле сражения и сдерживает наступление прусского кавалерийского авангарда. Свернув свои части в каре, она отбивает атаки пруссаков и располагается в Хассенхаузене и вокруг него.

2 Прусская пехота генералов фон Шметтау и фон Блюхера наступает против частей Гюдена, однако эти атаки не получают должной поддержки и потому заканчиваются безуспешно.

3 Подтягиваются новые прусские силы, но они теряют непростительно много времени на подготовку к наступлению, и это позволяет французам дождаться усиления. В разворачивающейся затем атаке герцог Брауншвейгский получает смертельную рану.

4 Французские подкрепления из состава дивизии генерала Фриана и корпусной кавалерии, а также тяжелая артиллерия подходят на усиление частей Гюдена, с трудом отбивающих вражеский натиск.

5 Крупная прусская дивизия под командованием принца Оранского прибывает для помощи своим войскам в наступлении, однако силы ее разделяются между двумя крыльями прусской армии, что ослабляет ударный потенциал соединения.

6 Подходит последнее соединение корпуса Даву – дивизия Морана, которая, образуя левое крыло французских войск, атакует правый фланг прусской армии и превращает отступление противника в бегство.

ЗУЛЬЦА
ТАУХВИЦ
НА АУЭРШТЕДТ →
ХАССЕНХАУЗЕН
ИСДОРФ

поддерживаемые дивизионной артиллерией, и отбили несколько атак прусской пехоты и кавалерии, которые все время действовали без взаимной координации. Бурк и его конные егеря, поддержанные небольшой командой *gendarmes* (жандармов), захватили несколько прусских полевых орудий и доставили их к французским позициям.

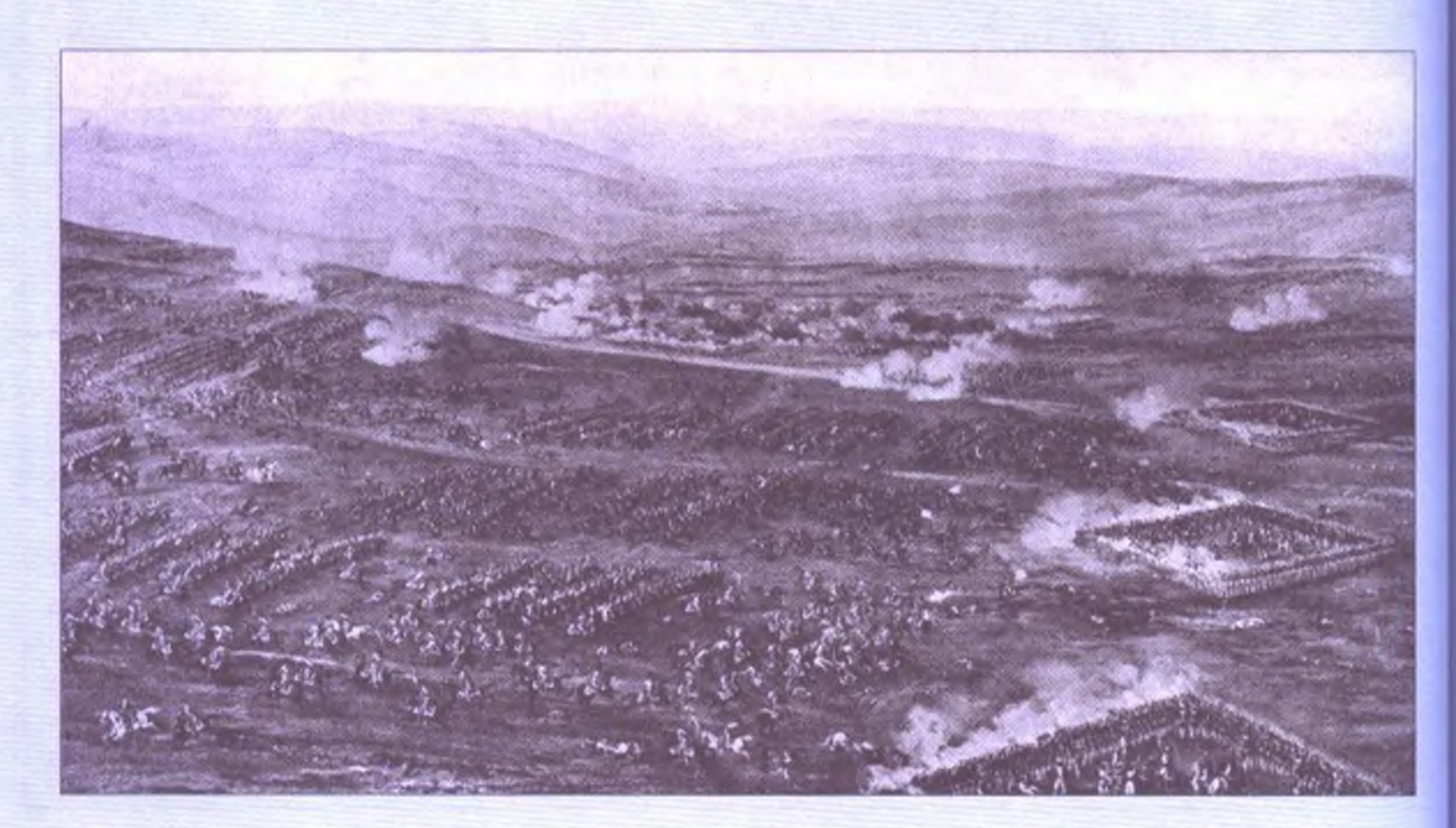
К 8:30 утра на правом крыле пруссаков появилась следующая прусская дивизия, ведомая генералом фон Вартенслебеном. Тут Блюхер к северу от Хассенхаузена бросил в наступление крупные силы кавалерии, преимущественно кирасир. Батальоны Гюдена благоразумно выстроились в каре и отразили натиск прусских всадников, атаковавших без поддержки со стороны пехоты и остальных кавалерийских частей.

Под генералом Блюхером пал конь, но сам седок, по-прежнему горячий и неугомонный, сумел добраться к своим пешком, хотя и без оружия. За этой атакой последовала широкомасштабная акция пехоты против засевших в селении французов силами дивизии Шметтау, которого фланговым маневром поддержал Вартенслебен, ударивший в левый французский фланг. Разыгрался ожесточенный бой, но солдаты Гюдена выстояли. К счастью для Даву, пруссаки потратили слишком много времени на вывод войск на позиции, и это сыграло на руку французам. В тот критический момент подтянулись передовые части 2-й дивизии генерала Луи Фриана, а также артиллерийский резерв корпуса из семнадцати 12-фунт. орудий под начальством полковника Жоффруа и заблудившаяся корпусная кавалерия.

Около 10 утра пруссаки развернули атаки против обоих флангов французской позиции, при этом особенно сильно досталось 85-му линейному полку, который единственный остался в юго-западном секторе, поскольку остальные части Гюдена передислоцировались далее к северу для поддержки дивизии Фриана, когда та расположилась на французском правом крыле. Противник вытеснил 85-й полк из Хассенхаузена. По счастью, маршал Даву оказался там и смог собрать отступившие подразделения. Чтобы отбить назад потерянное селение, он отправил к нему два полка из дивизии Гюдена.

На тот момент пруссаки дали старт широкому пехотному наступлению, на сей раз сосредотачивая усилия на селении и оставляя без внимания открытый левый фланг французов. Атака дорого обошлась прусской армии: генерал фон Шметтау и сам главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, получили ранения, причем последний – смертельное. При этом пруссаки потеряли еще больше времени на восстановление работоспособности командной структуры; теперь общее руководство войсками принял на себя король Фридрих Вильгельм III.

В ходе сражения при Ауэрштедте пруссаки провели ряд крупных, но плохо поддержанных другими силами и неуспешных кавалерийских атак против частей III корпуса Даву. Хорошо подготовленные французские войска образовали пехотные каре, расположив их облически, таким образом, чтобы можно было стрелять в приближающуюся кавалерию из максимального количества ружей.

Подкрепления

В 11 утра к обеим сторонам подошли подкрепления. К месту действия прибыл с дивизией принц Вильгельм Фридрих Оранский. К сожалению, вместо того, чтобы использовать дивизию как единое целое и ударить всей свежей силой по одному из флангов французской армии, король Фридрих Вильгельм приказал принцу Оранскому разделить формирование надвое между крыльями прусской армии, лишив себя возможности обрушить массированное сосредоточение войск в какое-то одно место. На французской стороне к Даву тоже подтянулась последняя дивизия его корпуса, возглавляемая генералом Шарлем-Антуаном Мораном; она принялась разворачиваться на левом фланге французов.

Дивизия Морана сполна показала присущую ей гибкость, когда выдвигалась для вступления в сражение. Поначалу дивизия построилась в три линии. В первой находились два батальона легкой пехоты в колоннах с заслоном из застрельщиков и при поддержке артиллерии. Во втором эшелоне действовали четыре батальона линейной пехоты, а как прикрытие использовались вольтижеры. Третий эшелон ничем не отличался от второго за исключением лишь того, что в нем насчитывалось только три батальона. Когда дивизия готовилась вступить в борьбу за Хассенхаузен, ее первая линия перегруппировалась. Левофланговый батальон, оказывавшийся наиболее уязвимым к вражеским атакам (особенно со стороны прусской кавалерии), образовал плотную колонну, каковой строй позволил бы отбить натиск конницы, но по-прежнему оставлял возможность подразделению двигаться и даже атаковать, в то время как правофланговый батальон, приготовляясь принять бой, растянулся шеренгами в линию.

И наконец, покуда легкая пехота «отслоилась» по косой вправо для вступления в схватку с неприятелем в Хассенхаузене и вокруг него, левофланговый батальон тоже растянулся в линию. Эти части соединились с полками Гюдена и совместными усилиями отразили широкомасштабную атаку прусской пехоты.

Тем временем массивное формирование из 30 прусских эскадронов на галопе бросилось в наступление, намереваясь сокрушить оставшиеся части дивизии, которые споро образовали каре, из раза в раз отбрасывая наседающих прусских конников. Увидев же, как прусская кавалерия покидает поле, те семь французских батальонов перестроились в линию и включились в атаку против войск Вартенслебена. Поражение прусской кавалерии, а также вступление в бой на стороне французов свежих сил лишили надежды на победу прусскую пехоту, и та стала пятиться и отходить.

Подкрепления из состава дивизии принца Оранского начали было выступать в поддерж-

Фридрих Вильгельм III проявил себя стратегически нерешительным в ходе кампании 1805 г., а в битве при Ауэрштедте в 1806 г. продемонстрировал к тому же тактическую некомпетентность. В результате Пруссию едва не постигла полная катастрофа, и страна потеряла значительные по протяженности территории с проживающим на них населением. По счастью, на службе у короля находилось несколько превосходных офицеров, которые смогли реформировать и воссоздать прусскую армию, сыгравшую потом важную роль в окончательном падении Наполеона.

Наполеон на переднем плане наблюдает за тем, как V корпус его армии выходит для атаки на пруссаков в сражении при Йене. V корпус маршала Ланна оказался на поле битвы первым и устремился вперед с целью сдержать пруссаков, обеспечивая время для подхода подкреплений.

ку товарищей, однако количество новых бойцов оказалось недостаточным для предотвращения отступления. Более того, Фридрих Вильгельм III не хотел или не мог уже эффективно управлять действиями дрогнувшей и слабеющей армии.

К полудню французы находились в состоянии готовности к генеральному наступлению, чтобы превратить отступление противника в бегство. Все три дивизии двинулись вперед, при этом крылья корпуса слегка выдавались по отношению к центру. Бой еще не закончился, и прусские артиллерийские батареи продолжали вести огонь, прикрывая отход своих войск и нанося врагу чувствительный урон. Но французы словно не замечали неприятельского противодействия и, преследуя отступавших пруссаков на протяжении четырех часов, продвинулись вперед на несколько километров, прежде чем остановиться полностью вымотанными.

Сражение при Ауэрштедте завершилось величайшей победой, сполна показавшей гибкость французских войск на оперативном, общем оперативно-тактическом и тактическом уровнях, в то же время она сделала очевидной ограниченность военных приемов XVIII столетия на всех трех вышеназванных ступенях.

Однако битва дорого обошлась корпусу Даву. Сам он нанес врагу потери в размере 10 000 чел., взял 3000 пленных, а также захватил свыше 100 пушек, заплатив со своей стороны за успех 27-процентным уроном, то есть потеряв убитыми и ранеными свыше 7000 солдат и офицеров.

Тактическая эволюция

В тактическом плане способы построения продолжали усложняться. Хорошим примером тому служит тот же *l'ordre mixte*. Во времена империи *l'ordre mixte* превратился в тактический строй, который мог использоваться на оперативно-тактическом или широком общевойсковом уровне. Пример того мы видим в письме маршала Луи-Александра Бертье (1753–1813) маршалу Николя-Жану-де-Дьё Сульту (1769–1851). В письме Бертье описывает замыслы Наполеона в отношении соединений, которые император намеревался применить против русских: дивизия из двух бригад с всего четырьмя или даже пятью полками. Первый полк каждой бригады предполагалось разворачивать в линию. Строй мог быть усилен дивизионными батареями, при этом частично развернутыми на флангах, а частично в пространствах между отдельными батальонами, образующими линию.

Первый полк каждой бригады должен был пользоваться поддержкой второго ее полка. Обоим предстояло выстраиваться в параллельные колонны, которые бы защищали фланги линии и оказывали бы помощь солдатам первого эшелона. Если наличествовал пятый полк, приданный одной из двух бригад, Наполеон считал целесообразным дислоцировать его колонной в 100 шагах позади с целью образования резерва, который мог бы поддержать одну из двух бригад. И наконец, один или два эскадрона кавалерии следовало поместить позади всего формирования в качестве заслона перед казаками — нерегулярной русской конницей.

Замысел такого расширенного варианта *l'ordre mixte* довольно интересен. При построенных в линию четырех батальонах да плюс еще дивизионной артиллерии данный порядок развертывания сулил значительное повышение

Русский гренадер

Гренадеры русской армии представляли собой элиту линейной пехоты. Они образовывали отборные роты в составе линейных батальонов, однако русская армия располагала и рядом гренадерских полков, которые иногда объединялись и в ходе кампании 1812 г. составляли даже целые дивизии. Помимо гренадерских полков существовали также сводные гренадерские батальоны, сколачивавшиеся из элитных рот запасных батальонов линейных пехотных полков; и такие части в свою очередь тоже объединялись в целые дивизии. На голове у изображенного на данной иллюстрации солдата характерный русский кивер, введенный в 1812 г. Он украшен черным султаном, являвшимся отличительным знаком гренадера. Шинель в скатке переброшена за плечо, дабы служить защитой от сабельных ударов. Во время похода шинель часто надевали не поверх суконного зеленого мундира, а прямо на рубаху, поскольку русские крестьяне, из которых набиралась основная масса солдат, предпочитали свободную одежду. В полевых условиях кивер покрывался водозащитным чехлом, а султан носился прикрепленным к ножнам сабли.

огневой мощи – серьезный огневой натиск на неприятеля. К тому же за счет колонн заметно повышалась обеспеченность флангов, особенно против вражеской кавалерии. Колонны второго уровня представлялось бы возможным задействовать для усиления нажима на противника и развития успеха, после того как стрелки и пушкари первого эшелона пробьют бреши в неприятельских порядках. То же самое можно сказать в отношении пятого полка и в особенности о кавалерийском резерве. Идея с таким тыловым кавалерийским резервом, вероятно, отражает то уважение, которое вызывало у Наполеона осознание опасности со стороны нерегулярной легкой конницы во время кампании в Египте, где французам пришлось сражаться с яростными мамелюками.

Хотя в революционный период колонны рассматривались как почти единственный строй для некоторых частей на поле сражения, в период 1805–1807 гг. французские тактические построения, судя по всему, варьировались значительно больше. Отдельные части и соединения прибегали к изменению концепции в соответствии с непосредственно складывающейся обстановкой. Французские командиры часто обращались к использованию линейного строя как для наступления, так и для обороны, когда позволяла ситуация, хотя для выхода на боевые позиции могли передвигаться по полю и в колоннах. В некоторых случаях отдельные командиры неправильно оценивали положение или же не имели возможности развернуть части в линию, что приводило и приводит к неверному взгляду на применение колонны как таковой, о чем пойдет речь ниже.

После описываемой битвы, где французские войска продемонстрировали вершины тактического мастерства, Великая армия более уже не показывала себя таким виртуозом. Причины для столь необратимых изменений в размывании частей высшей пробы, личный состав которых потратил много времени на обучение и подготовку во время пребывания в лагерях на Атлантическом побережье, и в потерях среди ветеранов, павших или вышедших из строя на протяжении многочисленных кампаний и заменявшихся неопытными конскриптами. Данные факторы поспособствовали ослаблению тактических и оперативно-тактических возможностей французских войск. С течением времени для прорыва неприятельских порядков командирам частей и соединений армии Наполеона вынужденно приходилось все больше и больше полагаться на «большие батареи» артиллерии и состоящие из множества батальонов, а то и полков густые колонны. Такой спад тактической компетентности у французов происходил как раз тогда, когда оппоненты Наполеона стали понемногу нарабатывать мастерство и технику.

Ответы на наполеоновскую систему

По самой природе своей военные структуры демонстрируют тенденции к консерватизму. Потому нет ничего удивительного в той медлительности, с какой противники революционной и наполеоновской Франции реагировали на перемены в военном деле и новые способы ведения боевых действий на оперативном и тактическом уровнях. Для оказания должного противодействия французской системе им предстояло стать совершенно другими – измениться интеллектуально, организационно и доктринально.

Подобные трансформации заняли у самих французов не годы, а десятилетия, так стоит ли удивляться сравнительно медленной реакции и во вражеском стане?

Большинство континентальных противников Наполеона начали отвечать на его методы чем-то новым лишь после кампаний периода 1805–1807 гг., когда военная машина Франции достигла пика мощи и эффективности, тогда как армии тех, кто противостоял Наполеону, пали под ударами его войск. Одна из крупных реформ, предпринятых большинством континентальных держав, выразилась в изменении размеров их вооруженных сил. Несмотря на необходимость преодолевать стоявшие у них на пути общественные факторы, ограничивавшие готовность правительств к вооружению большого количества людей, Австрия, Пруссия и Россия стали наращивать военные мощности, часто за счет использования резервных сил или отрядов ополчения.

Например, в 1809 г. в Австрии собрали национальную милицию, или *Landwehr*, а в 1813 г. к созданию ландвера прибегли как Австрия, так и Пруссия, хотя австрийцы использовали ополченцев по большей части как источник пополнений. И наконец, в ходе кампании 1812 г. в России тоже созвали многочисленное ополчение. Более того, почти все европейские армии имитировали французские структуры армейского корпуса в собственных вооруженных силах, по крайней мере до той или иной степени.

Если брать тактический, оперативно-тактический, или общевойсковой тактический уровень, враги Франции вступили в период боевых столкновений с применением традици-

онного линейного построения XVIII века. Во многих европейских странах офицерский корпус на протяжении последнего столетия тоже активно занимался развитием тактических принципов.

К началу революционного периода большинство армий применяли линейный строй в три шеренги и ту или иную систему ведения огня повзводно.

В то время как в пехотных войсках в большинстве стран солдаты продолжали называться мушкетерами, фузилерами или гренадерами, в основном различия между ними ограничивались особенностями униформы или же статуса.

Во всех таких армиях полки обычно строились в один или несколько параллельных рядов — традиционно в три шеренги. Во многих государствах культивировали также и специализированные, обычно легкие части; особенно процветал данного рода подход у австрийцев, которые широко применяли такие войска в пограничных столкновениях с турками-османами, однако особые формирования никогда не являлись ключевой составляющей войска на поле сражения. Точно так же обстояло дело в британской армии: хотя она экспериментировала с легкими частями, например в Северной Америке, и включала роту легкой пехоты в каждый батальон, знаменитые легкопехотные и стрелковые полки возникли только в результате Революционных войн и постоянных столкновений с Францией.

Такой подход к ведению боевых действий в доктринальном плане можно назвать простым, поскольку при нем перед командованием вставало сравнительно мало сложностей. Основные проблемы полководца на поле битвы сводились к вопросу в отношении того, во сколько линий построить батальоны или как далеко следует расположить части одну от другой, чтобы те могли лучшим образом обеспечить друг другу взаимную поддержку. Артиллерию зачастую ставили на возвышенностях и не прибегали к ее передислокации в бою, в то время как кавалерия традиционно занимала

Герцог Веллингтон наиболее знаменит кампаниями на Пиренейском полуострове и, конечно же, битвой при Ватерлоо. Однако используемые там тактические подходы он выработал и отточил еще во время службы в Индии. Тут мы видим эпизод сражения с маратхами при Ассайе 23 сентября 1803 г., когда солдаты генерал-майора Артура Уэллсли (будущего герцога Веллингтона) устремляются в смелую штыковую атаку, впоследствии ставшую их своего рода фирменным знаком.

Британский пехотинец из центральной, или батальонной роты, изображенный таким, каким он, вероятно, выглядел в походах периода Революционных войн, например в 1793–1794 гг. в Нидерландах. Военная форма солдата сходна с той, которую носили на протяжении большей части XVIII столетия – открытый мундир с длинными фалдами и двухугольная шляпа («бикорн»).

Британский линейный пехотинец в военной форме, которую носили солдаты на протяжении большей части войны на Пиренейском полуострове. Такому обмундированию присущ короткий однобортный мундир и цилиндрический кивер, введенные в обиход в 1797 и 1800 гг. соответственно.

Солдат 43-го Монмутширского полка – одной из частей, составлявших знаменитую Легкую дивизию. Солдата можно опознать как представителя элитного легкопехотного полка по цилиндрическому киверу старого образца с зеленым султанчиком и по отделанным галуном «крыльям» на его плечах.

Гренадерский офицер в походной форме с кивером образца 1812 г., обычно называемым «бельгийским». На его принадлежность к гренадерской роте указывают белый султанчик на кивере и наплечные «крылья».

места на флангах. Проще говоря, в таком виде механизмы военного дела отличались сравнительно малым количеством «двигающихся узлов», особенно на фоне боевых приемов, получивших развитие у французов. В результате противники Франции сталкивались с проблемами, не имея ничего равноценного наработкам революционных и наполеоновских армий.

Реформы в союзническом стане

Однако унизительные поражения, понесенные от французов, вкупе с наличием некоторого числа готовых к реформам – или, по крайней мере, способных широко мыслить – высших офицеров привели к тактическому реформированию в таких армиях. В большинстве своем реформы сосредотачивались на двух наиболее очевидных особенностях французского подхода к военному делу, а именно на применении глубокоэшелонированного строя и использовании застрельщиков.

Те же австрийцы, например, к 1809 г. стали прибегать к новому более сомкнутому построению колоннами на поле сражения. Первым делом надо отметить так называемую «батальонную массу», которая имела по фронту одну развернутую роту и в глубину – все шесть рот батальона, выстроенных одна за другой. Далее идет «дивизионная масса», когда фронт батальона был образован из двух рот, объединенных в дивизион, а глубина построения состояла, соответственно, из трех развернутых дивизионов. Ни то, ни другое формирование нельзя, однако, считать совершенно новым, многие армии использовали тесные колонны при маневре, однако не особенно часто. Австрийцы же стали с большей готовностью прибегать к ним на поле сражения, особенно для противодействия кавалерии, поскольку строиться таким образом было довольно легко. Полое каре – стандартный строй, применяемый перед лицом атакующей конницы, – требовал сложных перестроений. Во время кампании 1809 г. был отмечен ряд случаев, когда австрийская пехота в таких формированиях отражала нападения французской кавалерии.

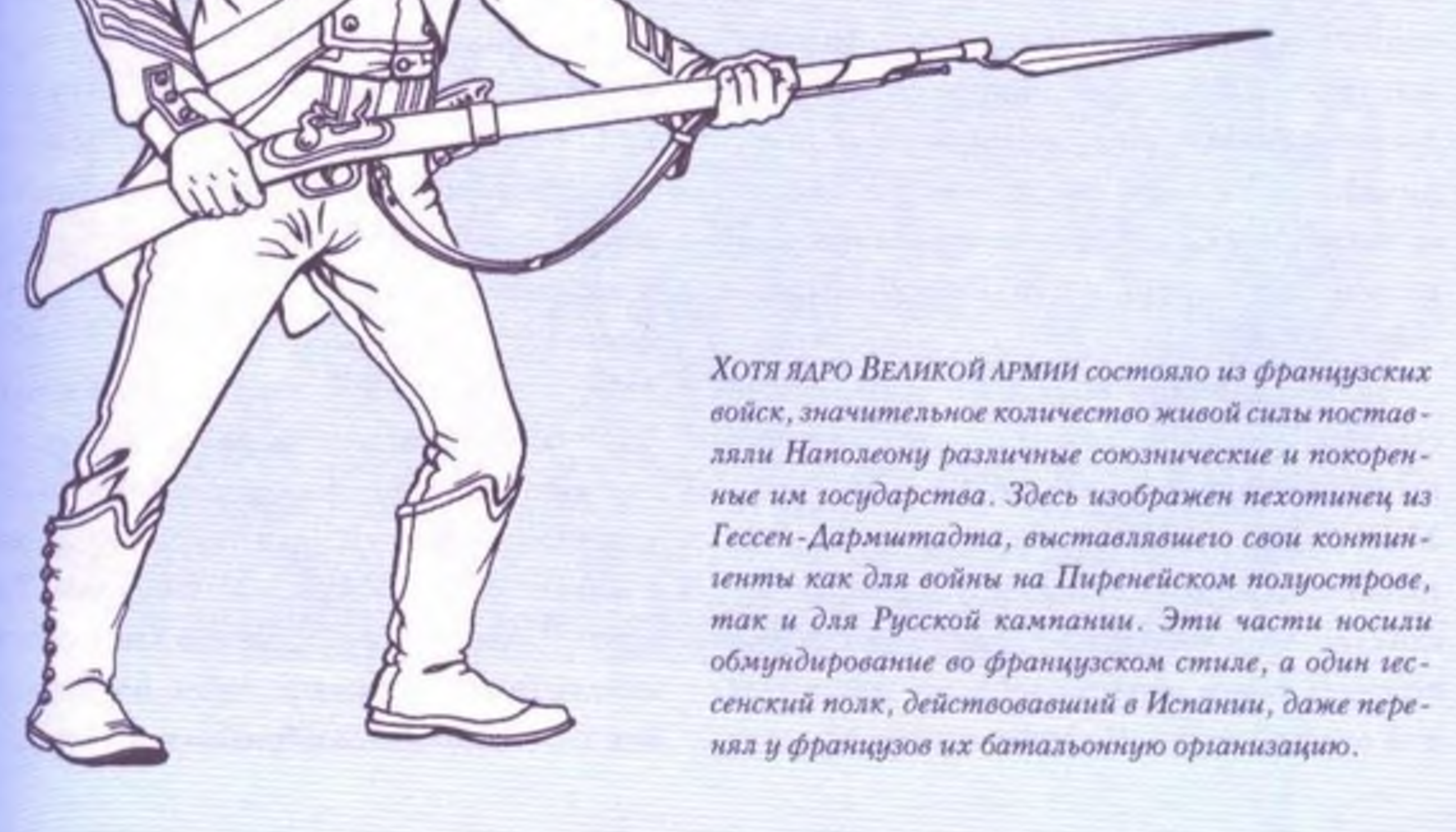
Русские еще до революционных войн удачно применяли построение колоннами в сочетании с линейной тактикой. Подобная тенденция происходила, вероятно, от предпочтения, отдаваемого рукопашной схватке перед ружейной стрельбой. По всей видимости, такой строй часто использовали формирования на, так сказать, «восточных фронтах» России против нерегулярной кавалерии, с которой русские войска сталкивались в степях. Данная тактика обычно ассоциируется с известным русским полководцем Александром Суворовым (1729–1800), бывшим большим сторонником интенсивной подготовки личного состава и поборником применения «холодной стали», особенно после изучения французской тактики. В веках осталось его крылатое выражение: «Пуля – дура, штык – молодец». Более того, русские внедрили у себя один из вариантов *l'ordre mixte*, применив его в битве при Эйлау в 1807 г., когда некоторые полки разворачивали один из своих батальонов в линию, разместив позади него два других батальона, построенных колоннами.

В то время как каждый французский полк располагал полковым знаменем на древке, увенчанном имперским орлом, более важным, чем собственно само полотнище, в руках у изображенного тут старшего сержанта мы видим батальонный флаг, или фаньон. В отличие от полковых орлов, которые являлись как бы воплощением императора, батальонные флаги использовались прежде всего в сигнальных целях – служили солдатам знаком местонахождения их батальона.

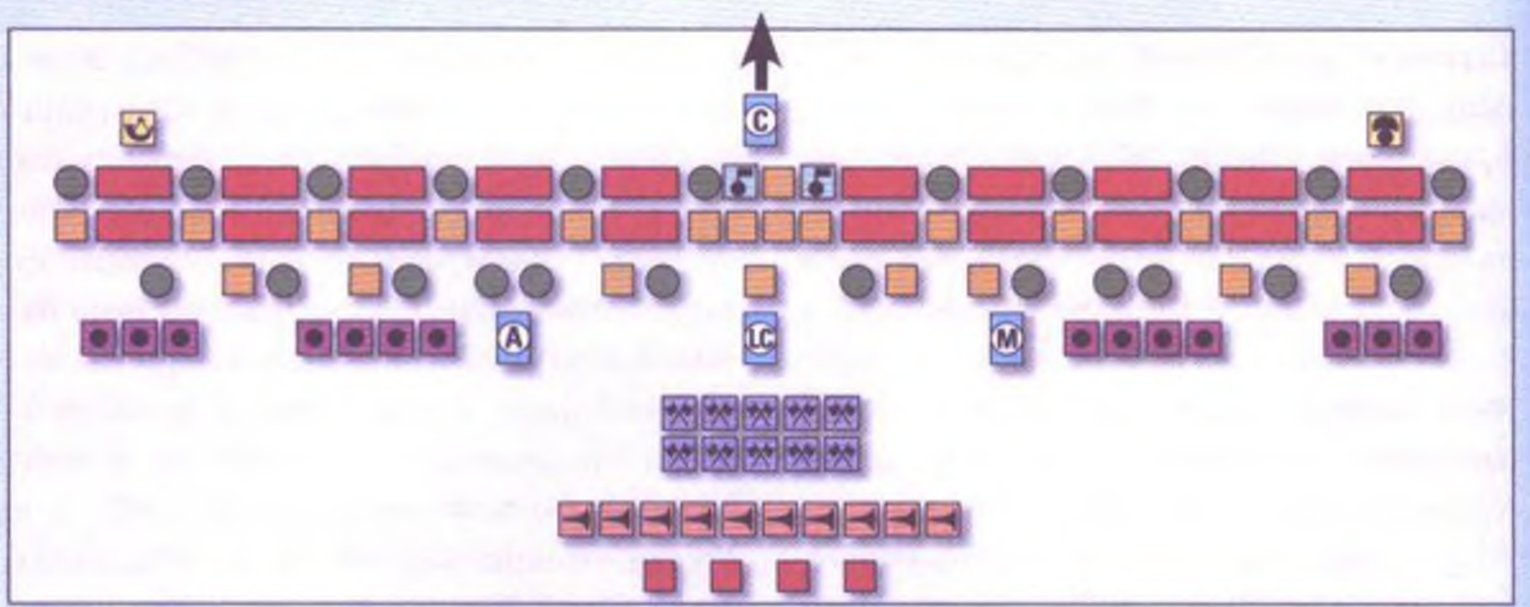
Пруссаки, славившиеся как мастера линейной тактики при Фридрихе Великом, тоже оказались вынуждены принять новые приемы ведения боевых действий после катастрофического поражения в 1806 г. Реформу в Пруссии осложняли ограничения, наложенные на страну по условиям Тильзитского мира, вследствие чего армия ее подверглась сильному сокращению.

Тем не менее в 1812 г. пруссаки ввели новые правила, вобравшие в себя многое из того, что отличало французскую систему в тактике и «большой» тактике. В том числе возникли стандартизированные бригады из двух пехотных полков, включавших каждый по два батальона линейной пехоты – мушкетеров, один легкий батальон – фузилеров, и две роты гренадеров. Гренадерские роты, выделенные из двух полков, сводились в единый элитный батальон. Вдобавок ко всему бригада располагала одной пешей и одной конной артиллерийскими батареями и 12 кавалерийскими эскадронами. Составителей уложений 1812 г. в России, совершенно очевидно, вдохновлял французский *Règlement du ler Août 1791*. Однако пруссаки, похоже, в итоге пошли дальше использования застрельщиков и колонн, позаимствованных из французской системы, поскольку их устав позволял применение гибкого варианта *ordre mixte*, поразительным образом похожего на тот, который в 1807 г. предлагал Наполеон Сульту. Бригаде рекомендовалось выстраивать фузилерные батальоны в линию, прикрываемую застрельщиками из состава тех самых батальонов. Такое формирование получало поддержку от второго эшелона из трех батальонов мушкетеров в колоннах с артиллерией по флангам, тогда как пояс этот подпирал третий эшелон, составленный из построенных так же колоннами мушкетеров и сводного гренадерского батальона. Ну и наконец далее следовала кавалерия и конная артиллерия.

Из всех врагов Наполеона только британцы сопротивлялись серьезным реформам в армии. В 1790-х годах и затем до 1805 г., когда население Британских островов опасалось воз-

Хотя ядро Великой армии состояло из французских войск, значительное количество живой силы поставляли Наполеону различные союзнические и покоренные им государства. Здесь изображен пехотинец из Гессен-Дармштадта, выставлявшего свои контингенты как для войны на Пиренейском полуострове, так и для Русской кампании. Эти части носили обмундирование во французском стиле, а один гессенский полк, действовавший в Испании, даже перенял у французов их батальонную организацию.

Британский батальон в тесном строю. Обратите внимание на позиции старших офицеров – они находятся впереди и командуют, – тогда как младшие офицеры и сержанты располагаются сбоку и позади шеренг. Такое построение осуществлялось с целью поддержания строя формирования в бою и для предотвращения разрушения линии.

- ГРЕНАДЕРЫ
- ЛЕГКАЯ РОТА
- ОФИЦЕР
- СЕРЖАНТ
- А АДЪЮТАНТ
- LC ПОДПОЛКОВНИК
- ШТАБ
- M МАЙОР
- ЗНАМЕНОСЕЦ
- БАРАБАНЩИК
- МУЗЫКАНТ
- САПЕР
- C ПОЛКОВНИК
- ЛИНЕЙНАЯ ПЕХОТА

можного вторжения французов, в стране было собрано территориальное ополчение (милиция), и некоторые из его подразделений даже участвовали в малоизвестной битве при Фишгарде в 1797 г., когда небольшой французский отряд высадился в Уэльсе и был быстро разгромлен британскими войсками. Как бы там ни было, такие формирования не развертывались в составе полевых сил.

Британии, конечно же, очень повезло, коль скоро не пришлось сполна испытать яростного натиска французов с их новомодными приемами войны, поскольку Королевский военно-морской флот господствовал в проливе Ла-Манш. Когда же британская армия действовала на суше, она выступала в роли экспедиционных сил на второстепенных или периферийных театрах, потому до самого последнего акта драмы – битвы при Ватерлоо – ей не приходилось сталкиваться лицом к лицу с Великой армией и лично с Наполеоном, а лишь доводилось иметь дело с его назначенцами и порученцами.

Посему британская тактика оставалась по существу линейной, хотя и с некоторыми усовершенствованиями в соответствии с нормами XVIII столетия. Во-первых, британцы применяли построения в две шеренги, а не практически стандартное формирование из трех шеренг, стремясь таким образом добиться максимальной огневой мощи. В других армиях обсуждалась целесообразность такого подхода в определенных ситуациях, как у тех же французов в борьбе с шуанами, да и сам Наполеон высказывался за этот метод в 1813 г.

Однако у британцев отмечается интересная вариация на тему двухшереножной линии. Несмотря на большее соответствие такого строя целям огневой работы, чем ударной атаки, нет сомнений в наличии фактов применения британцами данной схемы построения и для наступления. Обычная британская тактика состояла в том, чтобы избегать продолжительной стрельбы и беречь огневые ресурсы ради достижения максимального эффекта – не торопиться открывать огонь до тех пор, пока не представится возможность дать сокрушительный залп на сравнительно малом расстоянии от противника. Такой залп в сочетании с немедленным переходом в ударную атаку обычно оказывал сильное воздействие на неприятельскую способность к сопротивлению. Более того, линейные формирования действовали за заслоном из большого количества хорошо подготовленных частей легкой пехоты, в том числе и особых легких пехотных полков и даже двух полков солдат с нарезным оружием в противовес гладкоствольным ружьям. Такие войска обладали способностью вести огонь на изматывание вражеских войск по мере того, как те приближались к британскому строю.

Битва при Майде, 4 июля 1806 г.

Летом 1806 г. французы находились на завершающей стадии завоевания Неаполитанского королевства, которое прежде имело неосторожность позволить присутствие на своей земле англо-русских войск. К лету французы и их союзники нанесли поражение неаполитанской армии. Несколько тысяч уцелевших солдат и офицеров спаслись бегством на Сицилию или же оказались в осаде в городе Гаэта. Британцы опасались, как бы падение Гаэты не стало для французов трамплином для вторжения на Сицилию. Поначалу британские командиры в регионе, контр-адмирал сэр Сидни Смит (1764–1840) и генерал Джон Стюарт, ограничивались пассивной позицией и приготовлениями обороны острова. На первых порах они вообще не считали возможным шанс захвата французами Гаэты. Занятые в осаде французские войска мало подходили для успешного выполнения подобных задач, поскольку – ввиду нехватки осадной артиллерии – им недоставало огневой мощи, да и живой силы. Как бы там ни было, с течением времени французский осадный корпус под Гаэтой получил подкрепление и к июню насчитывал около 12 000 чел. при расширенном парке тяжелой артиллерии, достаточном для завершения осады.

Ввиду того, что теперь падение Гаэты выглядело неминуемым, контр-адмирал Смит и генерал Стюарт разработали операцию по высадке британских войск в Калабрии с целью отбросить оттуда французские силы.

Таким образом, задача британских войск заключалась во вступлении в бой и достижении победы над сосредоточенными в регионе французами под командованием дивизионного генерала Жана-Луи-Эбенезера Ренье (1771–1814), считавшимися слабыми в количественном отношении.

Генерал Стюарт приступил к сбору сил вторжения. Они включали в себя три бригады и передовой отряд, представленный исключительно легкими частями. В этот авангард вхо-

Первое столкновение между французскими колоннами и британской линией произошло под Майдой в 1806 г. Как изображено здесь, британская пехота, произведя залпы из ружей, бросилась в штыковую атаку на французов, которые не имели возможности должным образом развернуться.

Панорамный вид битвы при Майде в 1806 г. Британская пехота интенсивно обстреливает французские войска при поддержке артиллерии, которая бьет по французам прямой наводкой.

дили легкие роты, набранные из всех пехотных батальонов, составлявших гарнизон Сицилии, всего семь рот.

Вдобавок к этому командование располагало ротой «фланкеров», или наиболее метких стрелков, отобранных из 35-го пешего полка. И наконец, были там и подразделения местной легкой пехоты: две роты Корсиканских рейнджеров и одна рота Сицилийских волонтеров. Первая бригада включала в себя два регулярных пехотных батальона – 1-й батальон 27-го пешего полка и сводный гренадерский батальон из шести рот – вместе с батареей пешей артиллерии. Вторую бригаду составляли 1-й батальон 78-го хайлендерского полка и 1-й батальон 81-го пешего полка, а третью бригаду – 1-й батальон 58-го пешего полка и однобатальонный 20-й пеший полк. Кроме того, в подчинении генерала Стюарта имелись четыре роты швейцарского полка Луи де Ваттвиля, но они не входили в состав бригад и предназначались для охраны лагеря. Полк Ваттвиля был сформирован из остатков нескольких швейцарских частей на британской службе и из французских эмигрантов. Десантный корпус не располагал вообще никакой кавалерией, вероятно, по причине сложности транспортировки лошадей на боевых кораблях. Все соединение насчитывало 5200 солдат и офицеров.

1 июля контр-адмирал Сидни Смит доставил Стюарта с его десантом к берегу у городка Санта-Еуфимия. Высаживаясь посредине района ответственности Ренье, британцы рассчитывали застать его силы разделенными. Осуществив высадку, Стюарт расположил свои войска лагерем. 20-й пеший полк он отправил на юг для введения неприятеля в заблуждение. Две роты корсиканских рейнджеров были посланы на разведку и продвинулись от побережья в глубь Калабрии, однако натолкнулись на несколько польских рот, которые отбросили их и заставили возвратиться назад к береговому плацдарму. Там на помощь корсиканцам пришли три батальона британской пехоты: развернувшись в линию, они отразили атаку поляков. К Стюарту присоединились и отряды калабрийских партизан, хотя британский командир, судя по всему, не высоко ценил их боевые качества, и они, похоже, не принимали

активного участия в развернувшемся затем сражении.

Ренье, находившийся с основными силами у Реджо, быстро выступил в северном направлении, снимая по ходу движения с постов занятые на гарнизонной службе части. Он командовал II корпусом *L'Armée du Naple*, или «Неаполитанской армии», однако, если говорить о численности, корпус его более походил на небольшую дивизию. Соединение Ренье, подразделявшееся на три бригады, включало 1-й и 23-й легкие пехотные полки, состоявшие из двух батальонов каждый; 42-й линейный пехотный полк, также из двух батальонов; один батальон 4-го швейцарского полка; два батальона 1-го польского легиона (*1-re Légion polonaise*); 9-й полк конных егерей (4 эскадрона); и две артиллерийские батареи – конную и пешую. В общей сложности эти силы насчитывали 6400 чел.

К вечеру 3 июля Ренье с войсками продвинулся до города Майда и велѐл разбить лагерь к югу от него. Стюарт узнал о подходе Ренье и собрал части. 4 июля с войском и дозорами британский командир выступил навстречу французам, по-прежнему считая неприятеля численно уступающим ему. Обе армии маршем двинулись в направлении равнины на северном берегу реки Ломато и стали строиться для сражения. Поскольку Ренье приходилось перемещаться по перпендикуляру по отношению к выстраивавшимся британским боевым порядкам, его войска разворачивались поэтапно, или *en echelon*; так, части на левом крыле осуществили разворот первыми и первыми же пошли на британцев.

Правофланговые формирования, которым приходилось проходить большее расстояние до поворота, оказались дальше всех от британцев. Части Ренье выдвигались следующим образом: два батальона 1-го легкого полка образовывали колонну, а их вольтижерские роты оказались рассыпаны по обоим берегам реки; далее за 1-м легким следовал 42-й линейный полк,

В отличие от большинства армий того периода, в которых пехота разворачивалась в три шеренги, британцы держались традиций и применяли двухшереножный строй. При таком подходе разом выпаливало больше ружей, что делало залпы более эффективными.

Битва при Майде
4 июля 1806 г.

В начале июля генерал сэр Джон Стюарт высадился на юге Италии, в Калабрии, с 5000 пехотинцев при поддержке батареи пешей артиллерии с целью вступить в боевые действия с находившимися там французами. Французские войска численностью примерно 6000 чел. под командованием генерала Ренье выдвинулись для боя со Стюартом. Так два формирования встретились на равнине к северу от реки Ломато неподалеку от селения Майда. Поскольку французы находились к югу от реки, им пришлось маршировать под перпендикуляром к линии британского наступления. В то время как солдаты Стюарта строились для сражения, французы переправились через Ломато, а затем развернулись для атаки на британцев. Ситуация вынудила войска Ренье наступать облическим боевым порядком и не позволила им развернуться из колонны в линию. Британцы дождались момента, когда передовые французские колонны оказались на расстоянии действенного ружейного выстрела, и встретили врага сокрушительными залпами. Отбросив головные части французов, британские батальоны двинулись вперед и вступили в бой с оставшимися французскими силами, когда те оказались на дистанции поражения. Большинство пехотных частей Ренье было обращено вспять, и только присутствие французской кавалерии, прикрывавшей отступление своих войск, не позволило британцам сполна пожать плоды достигнутой победы.

Битва при Майде разыгралась вследствие высадки британцами в Калабрии небольшой армии, имевшей задачей оттянуть внимание французов от Гаэты, в которой те осадили неаполитанских союзников Британии.

Река Ломато

Заросли кустарника

Заросли кустарника

1 Первая бригада из состава так называемого корпуса Ренье, состоящая из 1-го легкого и 42-го линейного полков, переходит Ломато и колоннами выдвигается против британцев, уже развернутых в линию для боя.

2 Бригада из двух батальонов польских легионеров и одного батальона швейцарцев переходит реку вслед за головными частями и продолжает двигаться параллельно британской боевой линии, прежде чем развернуться к ней лицом, выстроившись правее и позади первой бригады.

3 Последние французские части переходят реку, в том числе 23-й легкий и 9-й конно-егерский полки с поддерживающей французской артиллерией. Они занимают позиции немного позади и справа от поляков и швейцарцев.

4 Французы наступают колоннами и, приблизившись на расстояние 150 м к британским легким ротам, начинают перестраиваться в линию, но затем британцы отбрасывают их губительными ружейными залпами.

5 Французский центр продолжает наступать, но встречает также продвигающиеся навстречу ему шеренги британских пехотинцев, которые разряжают ружья по врагу, отбрасывая поляков, а затем и швейцарцев.

6 На поле сражения прибывает 20-й пеший полк и вынуждает французскую кавалерию, сдерживающую главную британскую линию, начать отход, прикрывая отступление своей пехоты.

Французский пехотинец (1812 г.)

В то время как наполеоновский период признанно знаменит традиционным разноцветьем военной формы, французский пехотинец линейных частей запечатлен здесь в обмундировании, имевшем, вероятно, самый распространенный характер. Поверх мундира на нем надета шинель, которая в снятом виде часто носилась в скатке через плечо. Его кивер лишен украшений и покрыт водозащитным чехлом, хотя цветной помпон, служащий для определения ротной принадлежности солдата, все же различим. На пехотинце одна ременная перевязь, к которой спереди прикреплены ножны штыка, а на боку у бедра — патронная сумка. За спиной он носит ранец из телячьей кожи, в котором хранятся остальные предметы снаряжения и личные вещи. У него также имеется металлическая фляга. Для французского пехотинца последняя представляет собой нерегламентированный образец, однако подобные фляги обычно использовались в русской армии, посему и эта, возможно, была взята как «трофей» у убитого или взятого в плен русского солдата.

также колонной; справа от французской пехоты, но слегка позади находились два батальона поляков, а затем шли швейцарцы.

За ними следовала французская артиллерия, поддерживаемая двумя эскадронами конных егерей. Справа от артиллеристов и немного в тылу у них оказалась колонна из двух батальонов 23-го легкого полка, а уже совсем на дальней правой оконечности французских порядков — остальные два эскадрона 9-го конно-егерского полка. Стюарт «зацепился» за Ломато флангом как якорем и соответственным образом развернул войска в боевой порядок, пустив вперед легкие пехотные подразделения передового отряда. Опираясь на реку, части создали обычную линию из двух шеренг, в то время как корсиканские рейнджеры и сицилийцы рассыпались вдоль реки в виде заслона застрельщиков. Следом за авангардом, опять-таки в линию, построились хайлендеры и батальон 81-го пешего полка. По левую руку от них расположилась артиллерийская батарея, тогда как батальон 58-го пешего полка разместился в тылу. Левую оконечность фланга составлял сводный батальон гренадеров. Как ожидалось, 20-й пеший полк, отправленный ранее с другим заданием, прибудет позднее уже в ходе сражения и займет место на левом крыле.

Стычки на начальном этапе

Сражение открылось небольшими сшибками между подразделениями, двигавшимися в рассыпном строю вдоль реки. Французским вольтижерам сопутствовала на данном этапе большая удача, правда, до тех пор, пока к своим на помощь не подоспели британские легкие роты. Затем на авангард, насчитывавший не более 650 чел., всей силой обрушился 1-й легкий полк, имевший в составе двух своих батальонов примерно 1800 чел. Британцы выждали момент, когда французы подошли на расстояние в 137 м (150 ярдов), после чего дали сокрушительный залп. Но элитная французская легкая пехота продолжала наступать, правда, затем лишь, чтобы получить следующий залп с примерно 73 м (80 ярдов). Этого для французских солдат оказалось достаточно, они сломали строй и побежали.

Положение первой бригады корпуса Ренье стало быстро ухудшаться, поскольку ее 42-й линейный полк очутился под смертоносным огнем батальонов 78-го хайлендерского и 81-го пешего полков. Приняв на себя несколько залпов, этот французский полк тоже решил, что с него довольно. Британская линейная пехота продолжала наступать и вошла в боевое соприкосновение с поляками и швейцарцами. Поляки побежали быстро, однако «красные мундиры» — швейцарцы — не сдавались долго, но в итоге и им пришлось откатываться. Они отошли в порядке, пятясь в направлении оставшейся французской бригады.

«Мы сталкивались в стычках и перестреливались с противником в оливковой роще, в деревне и на берегах небольшой речки... Неприятель несколько раз пытался прорваться, но мы всякий раз встречали его столь сильным огнем, что вынуждали отказаться от такового намерения после того, как он оставлял много мертвых...»

КАПИТАН ТОМА БЮЖО,
О БОЕ ПРИ МАРИИ В ИСПАНИИ,
15 ИЮНЯ 1809 г.

Французы сумели стабилизировать положение благодаря усилиям 9-го конно-егерского полка. Тот развернул серию атак, вынудивших британскую пехоту остановиться и перестроиться в каре для отражения кавалерийского натиска. Такое положение сохранялось до тех пор, пока на поле сражения не появился 20-й пеший полк, включившийся в действия против еще сохранивших порядок французских частей на их правом фланге. На этом этапе французы прекратили противодействие, оставив поле британцам, которые достигли поставленной задачи — нанесли поражение крупному по масштабам ТВД французскому соединению.

Линия против колонны

Последствия сражения при Майде мало повлияли на исход Наполеоновских войн, хотя и замедлили подчинение французами Калабрии. Столкновение это по всем параметрам незначительное и представляет собой не более чем стычку, по сравнению с баталиями, разыгрывавшимися в то же самое время в Центральной Европе. Однако данный эпизод немало помогает историкам в правильном понимании боевых приемов войн того периода.

Битва послужила своего рода основой для споров на тему «линия против колонны», побудив какую-то часть ученых высказывать утверждения в отношении превосходства огневой мощи линии над ударной силой колонны.

Однако в действительности ситуация не столь проста и однозначна, как кажется на первый взгляд, поскольку очевидно, что колонны под Майдой вовсе не задумывались и не рассматривались в качестве строя для боевого столкновения, а служили лишь для выполнения маневра. Есть признаки того, что как 1-й легкий, так и 42-й линейный полки французской пехоты на самом деле развернулись в линию. Тот же Ренье отмечал это в письме к Жозефу Бонапарту на следующий день после битвы. Две вышеназванные части располагали очень кратким промежутком времени для перестроения и, находясь ближе всех к британскому боевому порядку, слишком быстро оказались под вражеским огнем.

Стойко удерживая позиции в Ла-Э-Сент на протяжении большей части сражения при Ватерлоо, военнослужащие 2-го легкого батальона Королевского германского легиона израсходовали все боеприпасы. В ходе последнего штурма, приведшего к захвату фермы французами, горстка солдат сумела выбраться оттуда и достигнуть относительной безопасности на британских позициях.

Следовательно, сражение скорее демонстрирует другое — важность способности части к сохранению целостности в процессе перестроения под огнем.

«Асимметричный подход»

Следует вспомнить и еще один особый ответ французским приемам ведения войны, пусть даже он и не вписывается в рамки официальной тактики. Речь идет о ведении боевых действий силами партизанских отрядов и нерегулярных формирований. Об опыте борьбы с французскими контрреволюционерами мы уже говорили выше.

Наиболее известны проблемы, досаждавшие французам в Испании, где им пришлось иметь дело с широким сопротивлением со стороны местных партизан — так называемых «гуэрильяс» (guerillas). Партизаны стали источником серьезных трудностей, поскольку вынуждали оттягивать колоссальные ресурсы в тыловые эшелоны для обеспечения гарантий поставок снабжения, защиты гонцов и так далее.

Рядовой 95-го стрелкового полка

95-й полк являлся единственным полком в британской армии, вооруженным полностью нарезными ружьями, или карабинами Бейкера, а не обычными гладкоствольными ружьями. 95-й был сформирован в 1802 г. и обязан своим происхождением Экспериментальному стрелковому корпусу, основанному в 1800 г. Данная элитная часть не только оснащалась нарезным оружием, но также проходила специальную подготовку с уклоном в применение тактики малого подразделения и прицельной стрельбы. Более того, тренировки в рамках обучения действиям небольшими группами у стрелков способствовали повышению уровня взаимопонимания между офицерами, унтер-офицерами и солдатами, что для британской армии рассматриваемого периода являлось делом исключительным.

На показанном тут солдате зеленый мундир, служивший отличительным признаком вооруженных нарезными ружьями стрелковых частей, в том числе и 5-го батальона 60-го полка и двух легких батальонов Королевского германского легиона. Боец имеет при себе карабин Бейкера, обладавший большей точностью и дальностью стрельбы, чем штатное гладкоствольное ружье или кавалерийский карабин. Главным недостатком нарезного оружия был более длительный процесс заряжания по сравнению с обычным ружьем и меньшее удобство в рукопашной, поскольку карабин Бейкера был относительно коротким и снабжался неудобным клинковым штыком. И даже в более поздние времена в частях, ведущих свое происхождение от 95-го полка, команда «примкнуть штыки» звучала иначе: «примкнуть клинки».

Что еще сильнее осложняло положение, испанские партизаны не являлись некой единой группировкой. Отряды «гуэрильяс» создавались не только из представителей гражданского населения, но также и из остатков бывших частей испанских регулярных войск, посему партизаны в применении к военному делу XVIII–XIX веков есть нечто иное, чем партизаны современные. И в самом деле, по мере того как все продолжалась и набирала обороты

война в Испании, некоторые «партизанские» части, фактически носившие военную форму, могли выставлять в поле силы, по численности соразмерные дивизии.

Полурегулярная природа некоторых из таких отрядов наглядно отражается в регламенте действий для партизанских формирований Верховной хунты на исходе 1808 г. Помимо Испании существовали, однако, и другие партизанские и повстанческие движения, с которыми приходилось иметь дело французам, особенно в России и в Германии. В 1809 г. жители Тироля – сторонники австрийской монархии – подняли восстание, вылившееся в жестокую и кровопролитную горную кампанию, в ходе которой против повстанцев действовали баварские, французские и итальянские войска. Отмечался ряд мятежей и в королевстве Вестфалия, однако их удалось подавить силами вестфальских и французских солдат.

Что небезынтересно, единственными успешными партизанскими движениями оказались те, которые пользовались поддержкой регулярных войск, то есть в Испании, в Тироле и в России. Повстанцы в Вестфалии надеялись на прусскую помощь, но так и не получили ее, если не считать единственного перешедшего на их сторону гусарского полка под командой майора Фердинанда фон Шилля; регулярные силы легко подавили возмущение.

Война Ста дней

В марте 1815 г. Наполеон возвратился во Францию после почти года, проведенного в изгнании на острове Эльба. Там «бог войны» не имел под командованием Великой армии численностью свыше 100 000 чел., а располагал лишь личной стражей из одного батальона гренадеров и уланского эскадрона – всего не более 1000 чел.

Вчерашний император не мог смириться с этим. Однако новости из Франции обнадеживали, позволяя считать восстановленную монархию Бурбонов совершенно непопулярной ни в одном из сегментов общества, особенно в правительстве и у военных. Данные факторы подтолкнули Наполеона к принятию решения о возвращении. Он спланировал побег, сел на корабль и высадился на южном побережье Франции.

Так начался его триумфальный марш на Париж в сопровождении гвардии и войска, все пополнявшегося на пути за счет ветеранов и солдат, которые желали встать под трехцветные знамена, увенчанные «орлами». Под Греноблем произошел, наверное, самый примечательный инцидент из всей стодневной кампании. Путь Наполеону преградил 5-й линейный пехотный полк. Молодой офицер приказал личному составу открыть огонь. Никто не пошевелился. Наполеон спросил их: «Солдаты Пятого, кто из вас готов выстрелить в своего императора?» Вместо залпа раздались крики: «Vive l'empereur!» («Да здравствует император!»), и пехотинцы в ликовании воздели кивера на штыки.

Набранный на британскую службу Королевский германский легион включал в себя два батальона легкой пехоты. Личный состав обучался, снаряжался и получал обмундирование по образу и подобию 95-го полка и, следовательно, стрелял из карабинов Бейкера. 2-й легкий батальон, возглавляемый майором Бэрингом, играл важнейшую роль в ходе битвы при Ватерлоо, стойко обороняя Ла-Э-Сент до тех пор, пока не закончились боеприпасы.

Британский кивер менял форму и вид в ходе Наполеоновских войн. Принятая как штатная в 1799 г. и начавшая поступать в части в следующем году, цилиндрическая модель, или «дымовая труба» (вверху слева), на первых порах изготавливалась целиком из кожи, но к 1807 г. материал изменился на войлок. По регламенту 1812 г. кивер-цилиндр был заменен так называемым «бельгийским кивером» (вверху справа), который изготавливался из фетра и имел спереди фальшивый налобник. В качестве украшения бельгийскому киверу служил этишкет (плетеный шнур с кистями), чей цвет, наряду с перьевым султанчиком, позволял установить принадлежность военнослужащего к той или иной роте.

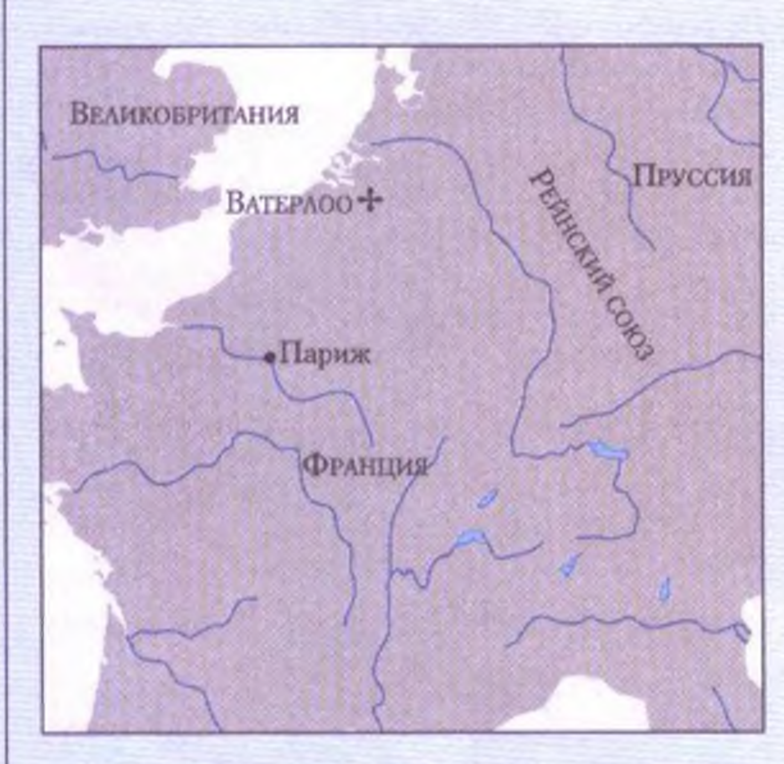
Когда же Наполеон в конце месяца добрался до Парижа, он явно пользовался поддержкой у себя дома, но не за границей. И в самом деле, венценосные монархи Европы объявили Наполеона преступником.

Следовательно, ему неизбежно приходилось вновь собирать Великую армию, чтобы отстоять себя как императора французов. Различные государства Европы выступили против него единым фронтом, намереваясь собрать войско в 700 000 штыков и сабель и имея под ружьем уже 400 000 чел. Со своей стороны, Наполеон созвал 300 000 чел. под знамена регулярной армии и мобилизовал к тому же еще 150 000 бойцов для Национальной гвардии. Однако император оказался в том же положении, как и некогда молодая республика: ему приходилось воевать сразу на многих фронтах, а потому для наступательных операций оставалось всего где-то около 125 000 чел. Посему Наполеон решил нанести удар первым. Самой логичной целью могли бы стать союзнические войска, дислоцированные в Бельгии. Там находилась прусская армия численностью примерно 116 000 чел. под началом фельдмаршала фон Блюхера и многоязыкая англо-нидерландская армия из 105 000 чел., которой командовал герцог Веллингтон (1769–1852).

15 июня Наполеон повел войска на север, в Бельгию, форсировав реку Самбра в районе города Шарлеруа. Армия его состояла из 17 000 чел. Императорской гвардии, представлявшей собой лишь тень себя прежней, пяти армейских корпусов, из которых четыре имели примерно такую же численность, как гвардия,

Битва при Ватерлоо
18 июня 1815 г.

В марте 1815 г. Наполеон возвратился из места ссылки и оказался один противником всей Европы. К июню он изготовился к наступательным действиям силами свыше 120 000 чел. против англо-нидерландской и прусской армий, находившихся в Бельгии под командованием герцога Веллингтона и фельдмаршала фон Блюхера. 16 июня Наполеон вступил в боевое соприкосновение с пруссаками под Линьи, в то время как его помощник, маршал Ней, атаковал части англо-нидерландской армии у Катр-Бра. Хотя Наполеон разбил Блюхера, а Ней принудил англо-нидерландские войска к отходу, союзники сумели сохранить способность к координации передвижений. Наполеон отправил примерно треть армии на преследование пруссаков, в то время как сам выдвинулся с целью разгромить Веллингтона у Ватерлоо. Сражение стартовало на исходе утра 18 июня серией плохо согласованных пехотных атак на позиции Веллингтона. Французы наступали в колоннах и несли потери по причине высокой огневой мощи британской пехоты. Прусские войска подтянулись в район боя во второй половине дня и создали угрозу тылу Наполеона. Наполеон вновь попытался сокрушить порядки Веллингтона вечером, однако прочность строя британской пехоты и ее огонь заставили отступить элиту Старой гвардии, на чем битва и закончилась.

В ходе кампании Ста дней Наполеон стремился к нанесению упреждающего удара по англо-нидерландским и прусским силам в Бельгии. Кампания достигла апогея, когда в сражении при Ватерлоо встретились два наиболее успешных полководца той эпохи.

Плансенуа

Угумон

Ла-Э-Сент

Паплот

Мон-Сен-Жан

1 Сражение открывает брат Наполеона Жером, он ведет дивизию против британских и союзнических подразделений, удерживающих замок Угумон.

2 Очередные французские части втягиваются в тяжелые бои вокруг замка вместо того, чтобы действовать против центра британской линии.

3 Французская пехота идет на штурм вражеской позиции, но встречает стойкое сопротивление со стороны британских пехотных частей, которые залп за залпом поливают наступающие колонны свинцом, а затем устремляются в контратаку, поддерживаемую британской тяжелой кавалерией, и отбрасывают французов.

4 Первые прусские части подходят к полю боя, вынуждая Наполеона расходовать резервы, в том числе и подразделения Императорской гвардии, для отражения угрозы с тыла.

5 Ней остается за командующего на поле битвы, в то время как Наполеон занят борьбой с пруссаками; маршал посылает кавалерию, не поддержанную пехотными соединениями, в одну атаку за другой, но построенная в батальонные каре британская пехота отражает натиск французов.

6 С приближением ночи Наполеон, стремясь прорвать боевую линию армии Веллингтона, бросает в атаку элиту французских войск, Старую гвардию, однако сосредоточенный огонь британских пеших гвардейцев и легкой пехоты заставляет ее отступить.

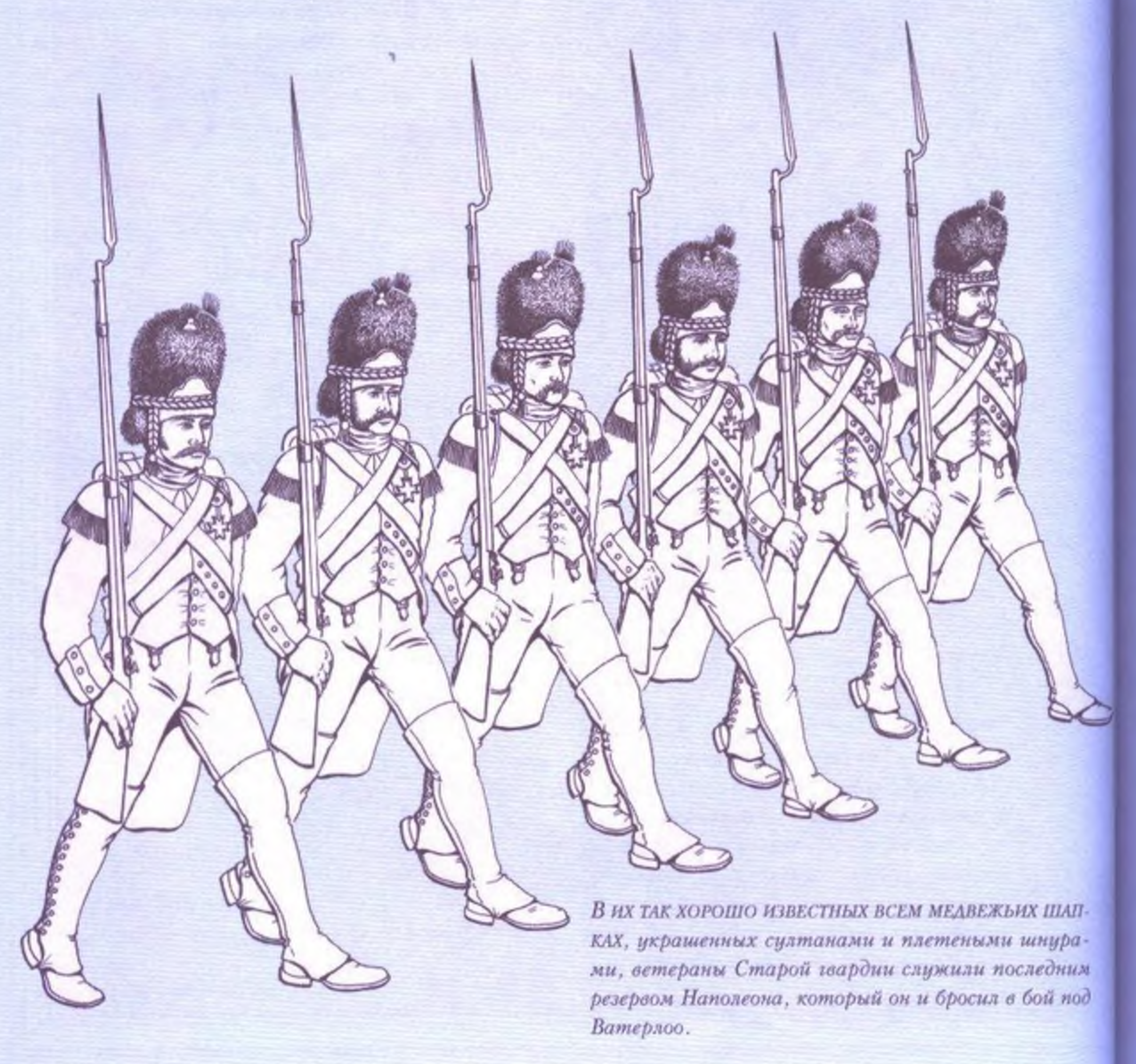
и в одном корпусе было не более 9000 чел., а также пяти малочисленных кавалерийских корпусов, насчитывавших в среднем по 2500 чел.

Наполеон намеревался начать с войск Веллингтона, рассчитывая разгромить их и вынудить британцев убраться с континента. 16 июня он послал маршала Мишеля Нея (1769–1815) с авангардом из примерно 40 000 чел. в направлении Брюсселя, чтобы связать боем британцев.

Как бы там ни было, император, к некоторому собственному удивлению, нашел, что возможности дать ему сражение ищут пруссаки – Блюхер питал не вполне обоснованную личную ненависть к Наполеону, мечтая захватить его в плен и расстрелять. В результате 16 июня разыгралось сразу две битвы: Ней вел бой с англо-нидерландской армией у ключевого перекрестка при Катр-Бра, а Наполеон сражался с пруссаками при Линьи. Хотя император одержал победу, его прусский противник отошел в сравнительном порядке. В свою очередь Ней, зарекомендовавший себя как храбрый и отважный воин, действовал под Катр-Бра неожиданно осторожно, позволив тем самым Веллингтону усилить собственные войска, а потом с благоприятным для себя исходом выйти из боевого соприкосновения.

Битва при Ватерлоо, 18 июня 1815 г.

Веллингтон отошел на заранее подготовленные позиции у Мон-Сен-Жана, где планировал вести боевые действия в обороне. Блюхер отступал в направлении Вавра, что позволяло ему взаимодействовать с армией Веллингтона. Наполеон отрядил последнего из произведенных в маршалы генералов, Груши, на активное преследование пруссаков с заданием не дать им соединиться с союзными англо-нидерландскими войсками.

В ИХ ТАК ХОРОШО ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ МЕДВЕЖЬИХ ШАПКАХ, украшенных султанами и плетеными шнурами, ветераны Старой гвардии служили последним резервом Наполеона, который он и бросил в бой под Ватерлоо.

Для выполнения этой важной задачи Груши получил от императора два корпуса, составлявшие около трети всей армии. Тем временем сам Наполеон отправился навстречу Веллингтону и его англо-нидерландской армии. Однако он не преследовал британцев с обычным для себя пылом и напором, даже двинулся 17 июня поздновато, тогда как продвижение еще больше осложнилось из-за сильных дождей.

18 июня обе армии стояли на исходных позициях. Пролившиеся в тот день ливни напитали почву влагой, она раскисла и сделала крайне затруднительной передислокацию тяжелой артиллерии. Более того, все из-за того же состояния грунта на поле ослаблялось ударное воздействие пушечных ядер (плохо отскакивавших от земли), и утро, в общем и целом, прошло довольно спокойно, поскольку обе стороны больше не воевали, а занимались подготовкой позиций. Веллингтон тщательно выбирал место для войска. Англо-нидерландская армия расположилась вдоль длинного кряжа, протянувшегося почти на 3 км. Данное обстоятельство позволяло герцогу выстроить большинство из имевшихся у него бригад в линию, заполнив пространства между ними артиллерией.

Центр строя удерживали наиболее закаленные бригады, состоявшие из ветеранов кампаний на Пиренейском полуострове. То были британские части, в том числе элитные, как три полка пеших гвардейцев и формирования из состава знаменитой Легкой дивизии, а также и некоторые превосходные иностранные подразделения, в особенности ганноверские войска из Королевского германского легиона. Поддержку им осуществлял ряд кавалерийских бригад, развернутых позади вытянутого хребта. Перед основными британскими позициями находилось к тому же несколько укрепленных аванпостов. На правом крыле у Веллингтона роль такого передового укрепления играл замок Угумон, где закрепились гвардейцы, а также некоторые подразделения из Нассау и Ганновера. Прямо напротив центра боевой линии Веллингтона располагалась ферма Ла-Э-Сент, которую занимал элитный 2-й легкий батальон Королевского германского легиона. Наполеон разместил два крупных армейских корпуса так, чтобы командование каждого отвечало за одно из крыльев боевого порядка. Корпуса пользовались поддержкой артиллерии, расставленной вдоль строя, в том числе большой батареи из 80 пушек, установленной перед позициями I армейского корпуса генерала д'Эрлона, находившегося лицом к лицу с центром англо-нидерландской армии. Кавалерия выстроилась за пехотой. В резерве у Наполеона оставался самый маленький VI армейский корпус и сильная Императорская гвардия – пехотные и кавалерийские части.

Начало битвы

Сражение стартовало в 11 утра. Вскоре затем II армейский корпус генерала Рейля выслал вперед на Угумон одну из пехотных дивизий, действовавшую под командованием самого младшего брата Наполеона, Жерома, бывшего короля Вестфалии. Дивизия достигла некоторого успеха. К сожалению для императора, замок оказался фокальной точкой, на протяжении всего дня оттягивавшей на себя много сил французов, заставляя их вновь и вновь посылать туда войска, тогда как они могли бы, возможно, с большим эффектом

КАРАБИН БЕЙКЕРА И ШТЫК К НЕМУ, использовавшиеся в британских стрелковых частях, в том числе в 95-м полку. Выпускаемый в Англии с 1800 г., карабин Бейкера стал первым штатным нарезным ружьем, поступившим на вооружение британской армии.

использоваться на других участках. Примерно в 2 часа пополудни, после массированного артиллерийского обстрела орудиями большой батареи, французы развернули крупное наступление против центра англо-нидерландской армии силами I корпуса графа д'Эрлона (1765–1864).

Что небезынтересно, данная атака проводилась французскими войсками в плотных колоннах, но в отличие от того, как обстояло дело в прошлом, на сей раз попытки перестроиться в линию вообще не предпринимались: скопление частей маршировало прямо навстречу ветеранским батальонам Веллингтона, а те обрушивали на французские колонны залп за залпом.

Ряды солдат д'Эрлона изрядно поредели от огня противника, чем воспользовалось англо-нидерландское командование, развивая успех конной контратакой, в которой приняли участие две британские бригады тяжелой кавалерии: 2-я, называемая также «Юнион бригейд» (Union brigade, «Союзная бригада»), и 1-я, или «Хаусхолд бригейд» (Household brigade, «Домашняя бригада»). К ним присоединились шотландские пехотинцы из Гордонского хайлендерского полка, бросившиеся в штыковую и добившиеся неплохих результатов; при этом некоторые из хайлендеров, стремясь поспеть за конницей, висли на стременах верховых товарищей. Однако британская кавалерия увлеклась и заскакала слишком далеко, вследствие чего была серьезно потрепана в ходе французской контратаки.

Но и корпус д'Эрлона отступил в беспорядке и требовал перегруппировки. Однако перед Наполеоном встали более серьезные трудности. В 1 час пополудни он узнал о появлении у него на правом фланге пруссаков, которые вступили в бой за селение Плансенуа. Наполеону пришлось отправить резервный корпус для противодействия пруссакам, в результате в запасе у него осталась лишь Императорская гвардия. К 4 часа пополудни д'Эрлон изготовился к следующей атаке, однако результат ее оказался тем же, что и накануне. Плотные колонны были отброшены с большими потерями.

Кавалерийские атаки

Между тем становился очевидным рост угрозы, исходившей от пруссаков, устранение каковой и приковало внимание Наполеона, и он оставил Нея командовать на основном поле битвы. После отражения пехоты д'Эрлона Веллингтон отвел войска с линии кряжа с целью защитить их от французских пушек. Ней принял шаг противника за отступление и бросил в атаку массу кавалерии: 5000 всадников, в том числе и гвардейские части, устремились к боевой линии англо-нидерландских войск. Однако вопреки тому, чего можно было бы ожидать от отступавшей армии, атакующие столкнулись с артиллерией. Дав залпы, канониры отошли под прикрытие пехотных батальонов, построенных в каре по косой, что позволяло им оказывать друг другу взаимную огневую поддержку без опасности попасть по своим. Французская кавалерия понесла заметный урон и почла за благо ретироваться, но Ней не унимался, вновь и вновь бросая конницу в атаку.

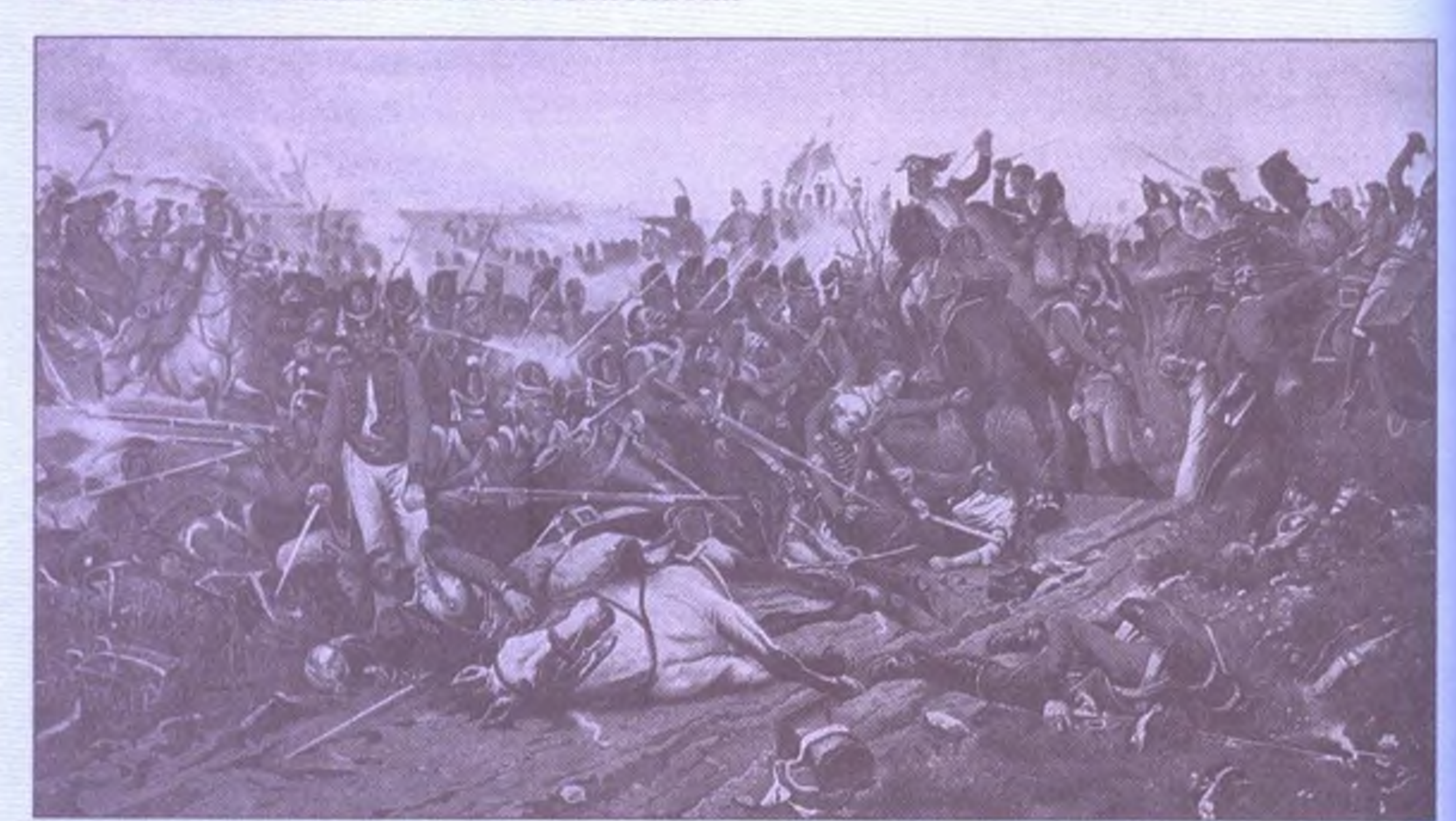
И наконец, около 6 часов вечера Ней организовал общую атаку силами уцелевших бойцов корпусов д'Эрлона и Рейля, но опоздал – для успеха войск уже не хватало. Единственным и то небольшим достижением стало овладение фермой Ла-Э-Сент после того, как стрелки из легкого батальона Королевского германского легиона израсходовали все боеприпасы.

Тем временем, пока Ней в тщетных потугах сломить вражеское противодействие бросал в бой конницу без поддержки пехоты, пруссакам удалось продвинуться в Плансенуа, это вынудило Наполеона послать против них всю Молодую гвардию для стабилизации обстановки, чего та так и не сумела сделать.

К 7 часам вечера положение сделалось настолько отчаянным, что Наполеону пришлось «выворачивать карманы», жертвуя последним и ставя все на одну-единственную карту – заключительное наступление, возглавленное Старой гвардией. К 8 вечера гвардейцы двинулись с места, поддерживаемые потрепанными частями уцелевшей армейской пехоты. Веллингтон заранее скрыл часть элитных пеших гвардейцев, придав им в помощь легкопехотные подразделения. Когда в бой пошла наполеоновская гвардия, Веллингтон прокричал командиру британской гвардейской пехотной бригады, генералу

На знаменитом полотне Филиппото запечатлена атака французских кирасиров против британского пехотного каре, в данном случае – хайлендерского батальона. Канониры и прочая прислуга при артиллерийских стволах на переднем и заднем плане, должно быть, находились при орудиях до самого последнего момента, после чего пушкари, дав на прощанье залп прямой наводкой, бросились спасаться под прикрытие пехотинцев в каре.

Стандартное построение, применяемое пехотными частями для защиты от кавалерии, – каре. Здесь мы видим, как британское батальонное каре отражает атаку французских кирасир при Ватерлоо. Пехота применяет трехшереножный строй, при этом бойцы первой шеренги опустились на колено, чтобы отгонять вражескую кавалерию штыками, в то время как в двух других шеренгах солдаты стоят и ведут огонь из ружей.

Мэйтленду: «Сейчас, Мэйтленд! Вот ваше время!» Мэйтленд приказал своим солдатам подняться и стрелять. Они дали сокрушительный залп, затем еще один, в результате чего заставили Старую гвардию откатываться, оставив на поле сражения 1200 убитых.

Это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения большинства частей армии, – они сломали строй и побежали. Несколько батальонов Императорской гвардии упорно вели арьергардные бои, позволив спастись Наполеону и остальным, кто бежал с поля. Противостояние это стало последним актом в длинной цепи картин под названием Наполеоновские войны.

Заключение

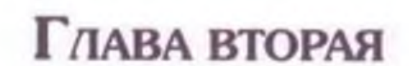
Боевые приемы, наработанные в процессе французских Революционных и Наполеоновских войн с 1792 по 1815 г., оказали глубочайшее влияние на военное дело и характер ведения боевых действий практически на всех ступенях. На оперативном уровне в большинстве армий на протяжении всего XIX столетия сделались общепринятым явлением корпусная система и маневрирование крупными формированиями. Новое поколение военных мыслителей-интеллектуалов начало пытаться провести кристаллизацию принципов ведения боевых действий по Наполеону, в том числе прусский реформатор Карл фон Клаузевиц и швейцарский барон Антуан-Анри Жомини, бывший банковский служащий из Швейцарии, дослужившийся до генеральских чинов во французской, а затем в русской армии. Работы этих господ стали обязательным чтением для офицеров на протяжении многих поколений вплоть до сего дня.

На тактическом уровне французский *Règlement du 1er Août 1791* превратился в образец для подготовки и модель тактики у многих народов в течение почти полувека, претерпевая при этом лишь небольшие усовершенствования, требовавшиеся для отражения улучшений в области военных технологий.

Примечателен тот факт, что в 1814 г. Уинфилд Скотт перевел *Règlement du 1er Août 1791* на английский, обеспечив возможность использовать его в армии США. Устав продолжал служить основой, регулировавшей тактические построения, вплоть до начала Гражданской войны в Северной Америке. Даже и тогда тактика оставалась на вооружении американских военных, и данное обстоятельство побуждает некоторых утверждать, будто Гражданская война не являлась первой современной войной, какой ее часто рисуют, а, напротив, была в действительности последней войной по образу и подобию наполеоновских. Как бы там ни было, время идет вперед, и перемены в военных технологиях скоро зазвучали погребальным набатом по приемам и тактике, предписанным *Règlement du 1er Août 1791*, а именно, появились казнозарядные винтовки, пулеметы и затворные стальные пушки. Развитие техники стало провозвестником новых веяний в военном деле, которые скоро получили название «пустого поля битвы», по причине роста смертоносности нового оружия.

Рядовой 92-го (Гордоновского хайлендерского) полка

В состав британской армии входил ряд шотландских полков, в том числе и несколько хайлендерских, набранных в горной Шотландии, или Хайленде. Изображенный солдат принадлежит к 92-му полку, называемому также полком Гордоновских хайлендеров (Gordon Highlanders). Этот полк, сформированный в 1794 г., первоначально имел 100-й номер, но в 1798 г. стал 92-м. Он принимал участие во многих важных кампаниях и походах Революционных и Наполеоновских войн, в том числе в боях на Пиренейском полуострове и в сражении при Ватерлоо. Нарисованный тут хайлендер выглядит так, как выглядели его товарищи в 1815 г., когда все они носили килты. Ранее, на заключительных этапах войны в Испании, солдатам 92-го полка было трудно сохранять килты в нелегких походных условиях и они заменяли их панталонами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кавалерия

Кавалерия являлась неотъемлемой составляющей армий всех стран–участниц Революционных и Наполеоновских войн (1792–1815 гг.). Верховые части выполняли крайне важные задачи по сбору данных разведки и функции прикрытия основных войск в ходе маневров накануне сражения, они играли решающую роль на самом поле битвы и осуществляли преследование врага после достижения перелома в бою и развития победного успеха.

Наиболее крупные армии той эпохи располагали грозными верховыми формированиями, и на протяжении французских Революционных войн (1792–1802 гг.) между конными частями войск Великих держав складывалось обычно, если оценивать ситуацию в общем и целом, паритетное состояние. Однако в 1805 г., когда Наполеон (1769–1821) повел Великую армию в завоевательные походы, кавалерия Франции вдруг засияла как наиболее славная и великолепная сила из всех себе подобных. Столь доминирующего положения она добилась благодаря своей превосходной организации как рода войск и отличным офицерам, руководившим действиями ее частей и соединений на всех командных уровнях.

Во французской армии времен *ancien régime* бал правила аристократия, причем ни в каком роде войск, ни в какой иной службе господство

Неподражаемая и всесокрушающая сила сталкивается с непреодолимым препятствием. Французские кирасиры и конные гренадеры атакуют британские пехотные каре при Ватерлоо. Построение в виде полого квадрата с успехом применялось пехотой для защиты от кавалерийской атаки. Но, как бы там ни было, каре не являлось некой совершенной панацеей и делало пехоту более уязвимой перед орудийным огнем.

Французский кавалерийский эскадрон обычно строился в две шеренги, как показано здесь на схематической диаграмме. Эскадрон представлял собой базовое подразделение кавалерии, возглавляемое капитаном.

РЯДОВЫЕ
ТРУБАЧИ
КАПРАЛЫ
МАРЕШАЛЬ ДЕ ЛОЖИ (СЕРЖАНТ)
МАРЕШАЛЬ ДЕ ЛОЖИ ШЕФ (СТ. СЕРЖАНТ)
ЛЕЙТЕНАНТ
КАПИТАН

«белой кости» не проявлялось так очевидно, как в кавалерии. Тут не последнюю роль играла древняя традиция нобилитета, столетиями формировавшего верховые рыцарские дружины; постепенно рыцарство ушло в прошлое, но сыновья из лучших дворянских семейств Франции продолжали ходить в бой конными, как делали их далекие предки. Когда произошла революция, – и особенно после прихода к власти в 1793 г. якобинцев, – в аристократическом офицерском корпусе начались чистки, и армию фактически лишили старших представителей командного звена. Что, однако, куда важней и значительней, даже радикалы осознавали, сколь нереалистичны потуги совершенно избавиться от дворян в кавалерии, поскольку подготовленных командиров для этого рода войск отчаянно не хватало, по крайней мере поначалу. Так или иначе, офицерский корпус французской конницы в период между 1792 и 1799 гг. представлял собой смесь всякого рода люда, наделенного, как правило, весьма скромными талантами.

Восхождение к власти Наполеона, начавшееся с созданием консулата в 1799 г., повлекло и большие изменения во многих сферах, в том числе полную реорганизацию и перестройку французской кавалерии. Наполеон твердо вознамерился превратить кавалерию Франции в превосходящую силу, поднять ее на уровень на голову выше, чем у противника, а потому не жалел ни времени, ни усилий, ни денег для переоснащения и переучивания конных войск. Вдобавок к курсу на поощрение и продвижение лучших солдат любых званий, выражавшемуся в формуле «карьера открыта для любого одаренного человека вне зависимости от рода и происхождения», он также выразил готовность принимать в армию эмигрантов из офицеров-аристократов и даже давать им выдающиеся командные посты в кавалерии. В результате французская кавалерия заметно выгадала, поскольку получила множество компетентных офицеров из нобилитета, которые занимали посты в соответствии с талантами, а не старшинством рода; в то же время она пользовалась тем преимуществом, что черпала из общества людей худородных, но наделенных способностями, причем способности эти порой прокладывали офицерам путь к самой верхушке командной лестницы. И в действительности, мы видим, как обычные военнослужащие невысоких званий становились старшими и даже высшими офицерами, а некоторые – Жоашен Мюрат (1767–1815) и Мишель Ней (1769–1815) – сделались маршалами Франции. Среди кавалерийских генералов империи значились такие отпрыски древних родов французского нобилитета, как Этьен де Нансути (1768–1815) и Эммануэль Груши (1766–1847), а общее дело – борьба с врагом во благо великого Наполеона и Франции – связывало их воедино.

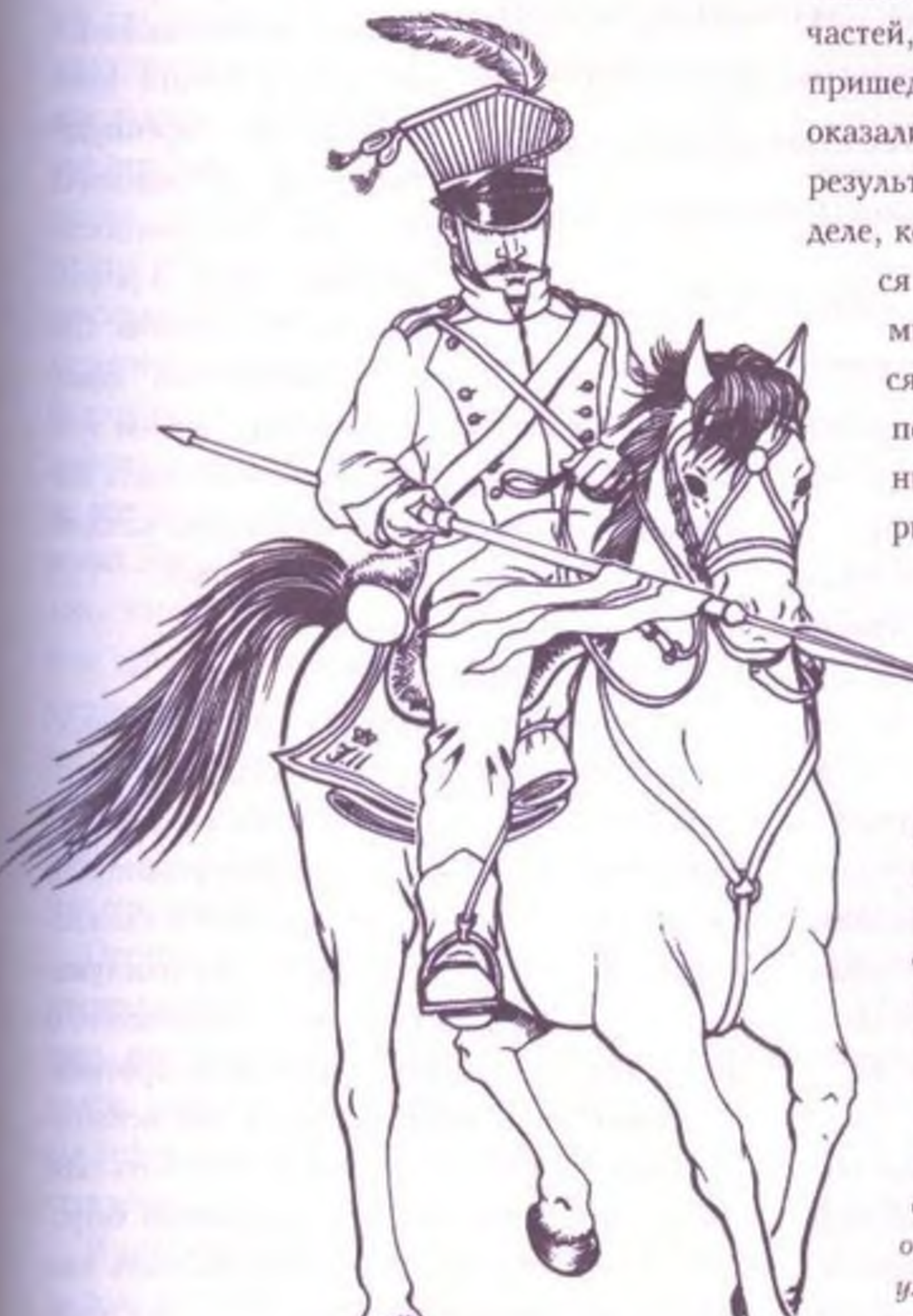
Будучи продуктом глобальной армейской реформы Наполеона, протекавшей и завершившейся в учебных лагерях в Булони, обновленная французская кавалерия вышла на свет божий в 1805 г., сразу же показав себя силой, с которой приходится считаться. На протяжении следующих двух лет она заявила о себе как о самой неподражаемой коннице в Европе и отныне и впредь – до завершения Наполеоновских войн в 1815 г. – играла важную роль почти во всех крупных победах Наполеона. Французская кавалерия – и особенно кавалерия тяжелая – являлась господствующей силой на полях сражений в период Наполеоновских войн.

И хотя в армиях союзников существовали элитные кавалерийские полки, такие, например, как «Шотландские Серые» и русские кавалергарды, способные помериться силой с французскими кирасирами, карабинерами и гвардейскими конными гренадерами, если говорить о роде войск в целом, французская тяжелая конница в период с 1800 по 1812 г. не знала себе равных.

Как бы там ни было, Русская кампания значительно изменила расклад сил. Одной из самых страшных утрат Наполеона в том кошмарном катаклизме, в который вылился поход в Россию, стало уничтожение французской кавалерии.

В последовавших затем кампаниях 1813 и 1814 гг. французская кавалерия попросту утратила способность править бал и доминировать над конницей противника так, как обстояло дело в предшествующие годы. В битвах, в особенности открывших кампанию 1813 г., нехватка численности и снизившееся качество кавалерии Наполеона значительно ограничивали возможности его в операциях и мешали превращению одержанных им побед под Лютценом и позднее под Баутценом в подлинные триумфы, как почти наверняка получилось бы в прошлых походах и сражениях. Достаточно привести такой пример: высказываясь о битве при Лютцене, маршал Ней высоко оценивал молодых французских кавалеристов, хваля их за отвагу и напор, но сетовал на скверную координацию этих неопытных конскриптов и на выказываемую ими тенденцию иногда падать с лошадей во время атаки.

Почти повсеместно низкое качество подготовленности личного состава кавалерийских частей, нехватка опыта у зеленых новобранцев, пришедших на замену погибшим ветеранам, оказали глубочайшее воздействие на течение и результаты кампаний Наполеона. И в самом деле, когда летом 1813 г. Наполеон согласился заключить перемирие с противниками – шаг, который повсеместно считается крупной ошибкой, – он, сознавая риск подобной политики, нуждался во времени для обучения и снаряжения кавалерии, поскольку не видел смысла вести войну дальше, до тех пор пока данный род войск в его армии не будет окончательно готов для продолжения военных действий.

Австрийский улан. Уланские полки начали образовываться в австрийской армии с 1798 г. и представляли собой небольшую, но важную составляющую австрийской легкой кавалерии. Используемые главным образом для разведки и организации заслонов и прикрытий, австрийские уланы набирались преимущественно из польских подданных Австрийской империи, поскольку поляки славились мастерством обращения с таким оружием, как пика. Они носили характерные уланские «шапки», которые были сходны с головными уборами польских улан, служивших во французской армии.

Конский состав кавалерии

Вдобавок к подбору рекрутов, пригодных к конной службе, не менее значимым предметом озабоченности руководства армий всех стран являлось обеспечение частей кавалерии хорошим конским составом. В кавалерийских войсках наполеоновской эры отдавалось предпочтение коням ростом около 15 ладоней (1,5 м) в холке, хотя в легкой коннице солдаты восседали на животных поменьше. Лошадь обычно считали достаточно взрослой для несения боевой службы в пятилетнем возрасте, после чего, как полагали, она останется способной выполнять обязанности на протяжении 10–15 лет. Почти все кавалерийские лошади были представлены кобылами или меринами, поскольку жеребцы становились часто почти не поддающимися управлению при наличии рядом кобыл.

Несмотря на размеры, кони существа менее выносливые, чем люди, а потому о лошадях необходимо как следует заботиться. Во время похода в Россию летом 1812 г. генерал Нансути как-то заметил: «Наши кони лишены патриотизма. Солдаты еще готовы драться без хлеба, но лошади не пойдут в бой без овса».

Крайне важным для кавалериста служило знание того, сколько могла пройти его лошадь и как много воды и пищи ей требуется, – все это играло не меньшую роль, чем способность сражаться, сидя на спине животного. И в самом деле, наверное, наибольшей проблемой с необстрелянными кавалерийскими рекрутами, которыми Наполеону пришлось восполнять гигантские потери после кампании в России, где нашла смерть его кавалерия, являлся высокий уровень износа конного парка в руках молодежи.

Одна лишь Франция не располагала возможностями покрыть потребности в лошадях крупнейшей на тот момент армии в европейской истории, а посему источником поступления боевых коней, а равно лошадей для артиллерии и служб снабжения рассматривались имперские территории в Германии и в Италии. Одним из пагубных следствий катастрофической Русской кампании 1812 г. стала резкая нехватка лошадей. Вдобавок к создавшемуся дефициту коней после тяжелейшего похода, германские земли, откуда предполагалось черпать пополнения для конского состава армии, превратились в поле битвы и в конечном итоге попали в руки союзников. Последствием этого стало значительное снижение как количества, так и качества частей французской кавалерии на протяжении кампаний 1813 и 1814 гг. Восстановленный на троне режим Бурбонов позаботился о закупках большого количества лошадей из разных частей Европы в ходе первой краткосрочной ссылки Наполеона, и по возвращении к власти в 1815 г. император не замедлил воспользоваться как нельзя кстати представившимся преимуществом для возрождения кавалерии как боеспособного рода войск. В результате на протяжении Ста дней императора французская кавалерия располагала лучшим конским составом, чем когда-либо с момента возвращения из России, а потому играла важнейшую роль в крупных битвах кампании.

> *«Кирасиры важнее и полезнее, чем прочая кавалерия. Ими... надо только правильно руководить. Именно в тяжелой кавалерии искусство верховой езды надлежит поддерживать на самом высочайшем уровне».*
>
> *Наполеон*

Порядок и дисциплина

Как и все прочие солдаты, отдельные кавалеристы время от времени проявляли трусость, выказывали склонность к уклонению от исполнения служебных обязанностей и утрачивали дисциплину. Среди таких проблем и сложностей можно назвать нежелание военнослужащих тяжелой кавалерии носить неуклюжее и неудобное снаряжение и оружие на протяжении длительных маршей, когда они испытывали наибольшую потребность облегчить себе жизнь. Кавалеристы знали множество хитростей, как заставить животное хромать или сделать его больным, например, за счет помещения небольших камешков под седло, отчего лошади натирало спину. Подобный ход давал всаднику повод отвести коня к ветеринару в тыл и так избежать участия в бою.

Время от времени солдаты кавалерии оказывались повинны в эксцессах с гражданскими лицами. Порой ослабление дисциплины рассматривалось как хоть какой-то проблеск света среди серой рутины тяжелой службы, и, похоже, легкая кавалерия с готовностью пользовалась тем огромным преимуществом свободы действий, которое предоставлялось ей ввиду самого характера ее задач. Воины легкой конницы вовсе не вызывали улыбок умиления у видевших их гражданских лиц, будь то земляки, союзники или враги. Легконконные всадники жили, сражались и грабили, находясь как бы за пределами границ устоев нормального общества, они презирали смерть, ни во что не ценили собственную жизнь, не говоря уже о жизнях всех прочих. Мародерство являлось делом скорее обычным, чем исключительным, и легкая кавалерия всегда ухитрялась выкроить для этого время, причем нет-нет даже и тогда, когда находилась на ответственном боевом задании. Подобные действия, сопряженные нередко даже с убийствами и изнасилованиями, совершались с попустительства, если не при участии, офицеров. Казаки из России снискали себе самую скверную репутацию среди легкой кавалерии на всем протяжении Наполеоновских войн. Эти представители вчерашних кочевых народов и беглых крепостных не всегда поддавались контролю в самих границах Российской империи, не говоря уже о том, чтобы сдерживать их, оказавшихся на воле среди народов Европы. Даже прусские и австрийские союзники России в голос жаловались на поведение грабителей на их территории, потому легко представить себе все гнусности, творимые казаками на землях Франции и ее союзников.

Организация кавалерии могла заметно различаться от армии к армии. Австрийцы и пруссаки, например, создавали кавалерийские дивизии, которые придавались армиям или, после реформ 1807–1809 гг., включались в состав корпусов.

В таких войсках традиционно поддерживали роль кавалерии как защитницы флангов армии или, соответственно, корпуса. Хотя каждый французский армейский корпус располагал приписанной к нему легкой кавалерийской дивизией, Наполеон создавал также и отдельные корпуса из соединений кавалерии и подразделений конной артиллерии. В день сражения Наполеон сосредотачивал основные силы тяжелой конницы в одном месте, обычно в центре боевого порядка собственного войска, и на протяжении боя придерживал этот грозный кавалерийский резерв, ожидая подходящего момента. Предоставляя своей пехоте и артиллерии право вступить в боевое соприкосновение с противником, французский главнокомандующий давал им шанс добиться успеха, а когда неприятельские войска ослабевали в достаточной степени, или же подворачивалась удачная возможность, он бросал всадников в слабое место вражеского строя сокрушительной массой. Хотя и будучи артиллерийским офицером по образованию и несмотря на любовь к этому роду войск, Наполеон высоко ценил ударную мощь кавалерии в сражении и умел полноценно ее использовать. Нередко именно могучая атака кавалерийского резерва решала исход битвы, а в иных случаях спасала ситуацию, как произошло в 1807 г. на покрытых снегом полях под Эйлау.

Битва при Эйлау, 7–8 февраля 1807 г.

Кампания 1806 г. закончилась уничтожением прусской армии в Йена-Ауэрштедтском сражении 14 октября, а две недели спустя победоносные французские войска вступили в Берлин. Русская армия выдвинулась на помощь союзнику и нагнала его во время отступления, когда остатки прусских соединений бежали в восточном направлении, преследуемые французами. С наступлением зимы Наполеон распустил войска на постой там и тут в весьма малонаселенной глубинке в Пруссии и в Польше, сам же стал дожидаться возможности начать новый военный сезон.

VI корпусу маршала Нея достался особенно незавидный кусок польской сельской местности, и, в прямое нарушение приказа, тот в декабре 1806 г. повел дивизии на поиск лучших зимних квартир. Русские лазутчики донесли о продвижении неприятеля своему командующему, генералу Левину Августу Беннигсену (1745–1826), который расценил простую

Маршал Эммануэль Груши (1766–1847). Являясь представителем старинного дворянского рода, Груши на протяжении долгого времени служил во французской кавалерии и сделал в ее рядах славную военную карьеру. Его специализацией было управление тяжелой конницей, и он снискал великий почет и уважение за отчаянные кавалерийские атаки под Эйлау и Фридландом в 1807 г. Ярый сторонник Наполеона, он вновь встал под знамена императора в период Ста дней в 1815 г. и получил от него маршальский жезл. В ходе кампании, закончившейся битвой при Ватерлоо, Наполеон вверил Груши командование правым крылом Северной армии, и новоиспеченный маршал руководил действиями корпусов, которым было поручено преследовать пруссаков, разбитых под Линьи (16 июня 1815 г.). Не обладая большим опытом в качестве командующего крупной группировкой войск, Груши плохо справился с порученной ему задачей. Ему не удалось ни воспрепятствовать соединению пруссаков с Веллингтоном на поле битвы при Ватерлоо, ни усилить сражавшегося там Наполеона, что сделало неизбежным поражение французов.

передислокацию войск Нея как начало наступательных действий и двинул навстречу неприятелю собственную армию. Осознав действительные устремления французов, Беннигсен вознамерился воспользоваться представившимся преимуществом и попытался изолировать и уничтожить корпус Нея до того, как вся прочая армия Наполеона успеет отреагировать и вмешаться. Наполеон получил известия о вспышке активности врага и, кляня Нея на чем свет стоит, приказал армии сниматься со стоянок, вынужденный встретиться с русскими в зимней кампании.

После серии ожесточенных боев малого масштаба Наполеон приблизился к основной армии Беннигсена и перехватил русский арьергард у селения Хоф, где тот держал оборону у перекинутого через глубокий овраг моста. Рассчитывая на легкую победу, Наполеон приказал драгунским полкам броситься на штурм вражеских позиций, однако противник отразил натиск с тяжелыми потерями для нападавших. Несмотря ни на что, Наполеон пребывал в убеждении о возможности достигнуть победы на данном участке и приказал ввести в дело кирасирскую дивизию генерала Жана-Жозефа д'Опуля (1754–1807). Человек гигантского роста, д'Опуль являлся закаленным в сражениях ветераном, считавшимся мастером операций с применением тяжелой кавалерии. В свои 52 года он оставался грозным соперником для любого неприятеля, с которым сталкивался на полях сражений. Пользуясь огромным уважением со стороны своих кавалеристов, он лично водил их в атаки во время битвы, где его почти всегда можно было видеть с саблей наголо в самой гуще схватки.

И вот генерал д'Опуль повел облаченных в стальные кирасы всадников на так нужный императору мост, который сотрясался и гудел под копытами рослых кирасирских коней. Достигнув противоположной стороны, французские кирасиры врубились в формирования русских драгун и гусар, смяли их и обратили в бегство оставшихся. Под ударами противника русские конники утратили всякое подобие целостной боевой силы и помчались прямо через свою пехоту, расстроив порядки последней и сделав ее уязвимой перед лицом мчавшихся позади кирасир д'Опуля, которые обрушились на пехо-

Рядовой французского 7-го кирасирского полка

Кирасиры – высокие и сильные воины на крупных лошадях – являли собой элиту французской тяжелой кавалерии и считались лучшими в описываемую эпоху. В комплект изображенного тут всадника входит металлическая кираса (собственно и давшая название данному виду конницы), прикрывающая торс и способная защищать от попаданий пуль, сабельных ударов и уколов пикой или штыком. На голове солдата железный шлем, или каска с гребнем и волосяным плюмажем в виде конского хвоста. Шлем закрывал голову и отчасти предохранял от ран лицо. Представленный на этой иллюстрации всадник вооружен палашом – широкой и массивной прямой саблей французской тяжелой кавалерии. Такой палаш предназначался в первую очередь для нанесения колющих ударов. Эмблема в виде пылающей гранаты на суконной попоне под седлом указывает на принадлежность кавалериста к кирасирскому полку – элитному формированию, служба в котором означала лучшую плату и паек.

На поле битвы кирасиры представляли собой грозную силу. Их сотрясающие землю атаки решили в пользу Наполеона исход не одного сражения и сделали французскую кавалерию самой прославленной в ту эпоху.

тинцев и нанесли им сильные потери. Смелая атака завершилась захватом жизненно важного моста, а с ним пяти пушек и четырех знамен.

Наполеон весьма обрадовался такой победе и после окончания боя поздравил д'Опуля, обняв могучего генерала перед строем его кирасирской дивизии. Обычно сдержанный д'Опуль немало поразился такой чести от императора, к тому же еще и в присутствии всего соединения, что значило особенно много. Он сказал Наполеону: «Государь, чтобы показать себя заслуживающим подобной чести, я должен отдать

жизнь за вас». Затем неустрашимый кирасирский генерал обратился к солдатам: «Император обнял не только меня, но со мной и всех вас. А я так доволен и горд вами, что поцелую вас всех в задницу!», каковое замечание было встречено смехом и ликованием. Обеспечив за собой мост у селения Хоф, Наполеон получил возможность продолжить преследование армии Беннигсена, и ближе к вечеру 7 февраля, как раз в сгущавшихся сумерках, авангард французских войск достиг городка Прейсиш-Эйлау. Когда настала ночь и температура упала далеко за нулевую отметку, французские солдаты развернули полномасштабное наступление на селение Эйлау, подбадриваемые офицерами, которые гарантировали им в случае победы возможность переночевать под крышей в тепле. После упорного боя атакующие французы выбили русских из Эйлау, а тем временем подтянулась основная армия Наполеона.

Блуждая в снегу

На следующее утро две почти одинаковые по численности армии построились друг против друга по противоположным концам небольшой долины, изрезанной замерзшими ручьями и речушками да покрытыми прочным льдом и засыпанными снегом озерцами. Наполеон знал, что VI корпус Нея находился *en route* – в пути – к полю сражения, но был в курсе также относительно присутствия где-то поблизости прусского корпуса генерала Антона Лестока (1738–1815), единственного уцелевшего после разгрома в 1806 г. и могущего подать усиление Беннигсену. Уверившись, что ожидание ничего не принесет ему, Наполеон дал старт сражению отправкой III корпуса маршала Луи Даву (1770–1823) против левого фланга русских. С присущим ему профессионализмом Даву развернул мастерское наступление на левое крыло противника, смяв его и создав угрозу полного крушения русских позиций. В критический момент Наполеон велел маршалу Пьеру Ожеро (1757–1816) с его VII корпусом атаковать центр левого крыла русских, что обеспечивало условия для развития и закрепления успеха Даву и, вероятно, позволило бы закончить битву в течение считаных часов. Но в этот момент схема так хорошо скоординированного наступления Наполеона вдруг дала непредвиденную трещину.

Атака французской кавалерии под Эйлау 8 февраля 1807 г. В критический момент сражения Наполеон бросил против русского центра конный резерв под общим командованием маршала Мюрата. Этот массированный удар, в котором приняли участие более 10 000 французских кавалеристов, стал самой крупной конной атакой эпохи Наполеоновских войн.

Маршал Жоашен Мюрат в битве при Йене, 14 октября 1806 г. Сын содержателя таверны, Мюрат (или, точнее, Мюра) сделался маршалом Франции и королем Неаполя. Напористый и отважный порой до безрассудства, он облачался в яркую военную форму собственной конструкции, а вместо чепрака использовал тигровую шкуру. Мюрат находился в своей стихии, когда возглавлял лихую кавалерийскую атаку, однако порой принимал неудачные решения вне поля битвы.

Не успел Ожеро двинуть корпус через узкую долину, разделявшую французские и русские позиции, как все поле сражения охватила и заволокла неожиданно налетевшая метель. Колонны Ожеро утонули в крутящихся снежных смерчах, а головные отряды заблудились, потеряв ориентацию в снегу. Остальные колонны изо всех сил старались не отрываться от ведущих батальонов, следуя за ними след в след, но даже и так солдаты едва различали товарищей перед собой, не говоря уже о том, чтобы видеть русские порядки.

В результате весь корпус Ожеро брел в снегу наобум через долину, пока не оказался идущим параллельно неприятельским линиям, а не вперед на них. Вдруг снегопад прекратился так же внезапно, как и начался, ветер стих, воздух очистился и стало очевидным, что корпус Ожеро занесло вбок и он очутился развернутым флангом прямо к главной русской батарее из 72 орудий, служившей «якорным центром» русских позиций. Пораженные русские артиллеристы не поверили собственным глазам – тому, что целый французский корпус стоит, подставив фланг им так, словно приглашает стрелять. И вот загрохотали русские пушки, круша и разрывая на части плотные пехотные колонны. Офицеры и солдаты падали во множестве под вражескими ядрами, и скоро соединение утратило всякое подобие единства под смертоносным огнем русской артиллерии. Не прошло и часа, как свыше 5000 французских солдат лежало на снегу мертвыми или ранеными, включая самого Ожеро и обоих командиров дивизий, а потрепанный VII корпус откатывался с поля, открывая гигантскую брешь во французских порядках.

В одно мгновение в битве, которая, казалось, была уже выиграна и вот-вот сулила закончиться убедительной французской победой, внезапно создался опасный кризис, грозивший превратить недавний успех в поражение Наполеона. Видя происходящее, генерал Беннигсен собрал резервы пехоты и кавалерии и бросил их в зияющую дыру во французских позициях. Как бы там ни было, по причине поспешности и стремления Беннигсена поскорее

воспользоваться представившимся преимуществом, подаренным неожиданным изменением обстановки, атака страдала от недостаточной координации участвовавших в ней частей.

Тем не менее русские сумели глубоко врезаться во французские позиции и в какой-то момент угрожали захватом импровизированному полевому госпиталю, где раненые французы оказались брошены на милость наступающей русской пехоты. Один русский батальон, отколовшийся от основной массы и ответвившийся от направления главного удара, устремился прямо к ставке Наполеона.

Император наблюдал за всем этим с поразительным надменным спокойствием, в то время как за спиной у него обеспокоенные офицеры приказывали, примкнув штыки, идти в бой гренадерам Старой гвардии. Когда же стало ясно, что русский отряд доберется до императора раньше, чем подоспеют гренадеры, личный эскортный эскадрон Наполеона выхватил сабли и ударил в голову русской колонне. 120 всадников казались мелочью на пути крупной части русских, но бросились на противника с почти самоубийственной храбростью. Смельчаки понесли серьезные потери в сумасшедшей атаке, однако все же очень замедлили продвижение русского батальона, что позволило другим французским кавалеристам выйти в тыл русским, в то время как бегом на помощь государю явилась гвардейская пехота, молотом обрушившись на врага с фронта. В той схватке русские пали все до последнего человека.

Ударная атака Мюрата

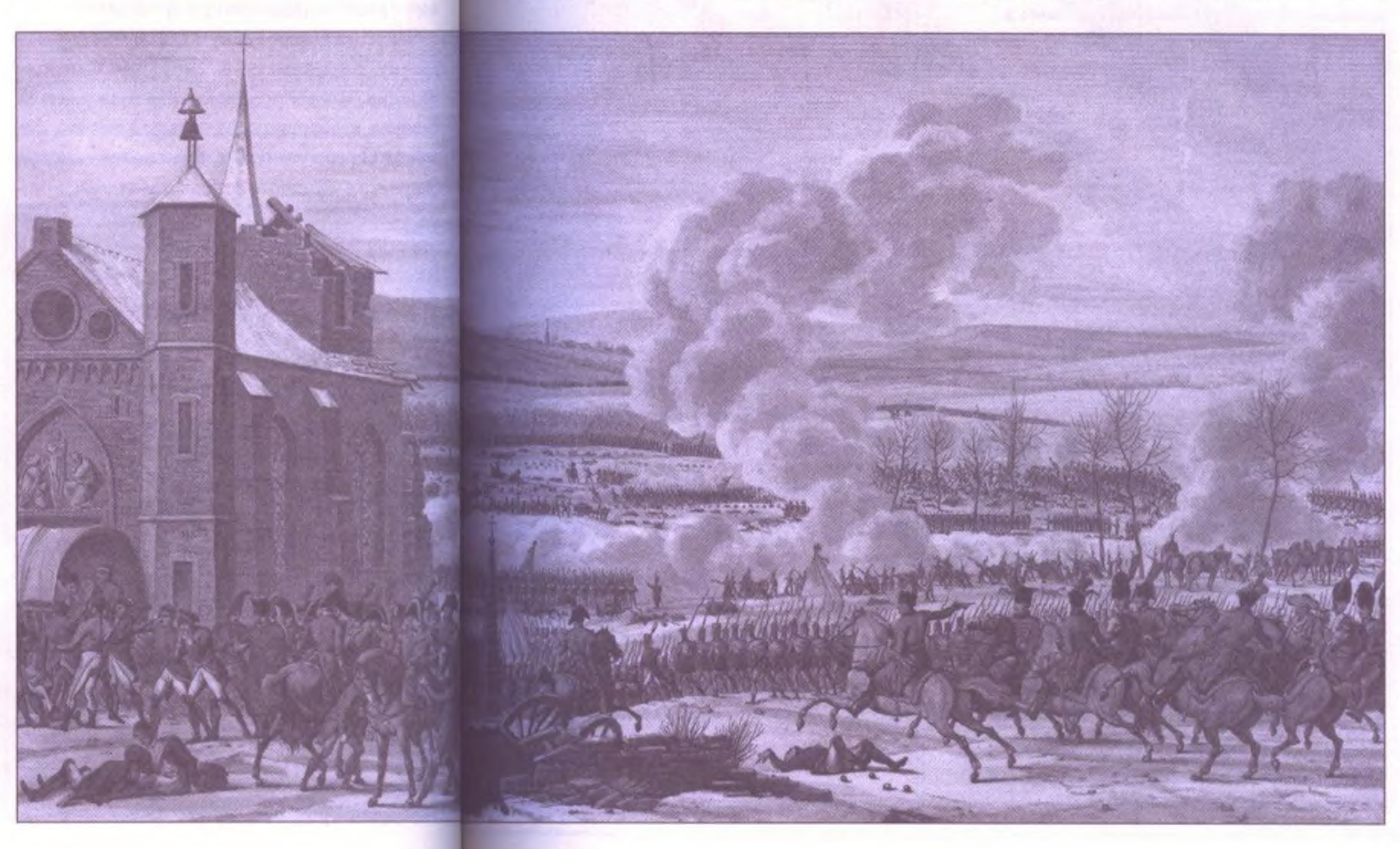
Ничто так наглядно не подтверждает того факта, какую опасность представляла брешь во французском центре, как вышеописанный инцидент. Следя в подзорную трубу за развитием наступления русских, император наблюдал за тем, как все больше и больше неприятельских солдат устремляется в атаку, спеша развить успех и лишить его победы. Очень быстро он понял, что для контратаки против напиравших русских войск придется задействовать могучий корпус резервной кавалерии. Наполеон призвал к себе самого знаменитого кавалерийского командира описываемой эпохи, маршала Жоашена Мюрата (1767–1815).

Мюрат был высоким и поразительно красивым гасконцем. Он всегда носил яркую форму одежды, а вместо чепрака, покрывавшего седло его коня, использовал тигровую шкуру. Как-то в шутку Наполеон сравнил его с итальянским цирковым наездником, но он же и называл Мюрата прекрасным конником и величайшим кавалерийским командиром Европы. Родившийся в семье трактирщика, Мюрат в возрасте 20 лет поступил в кавалерию простым солдатом. Когда разыгралась революция, сноровка конника и отчаянная храбрость в бою принесли молодому человеку офицерское звание, а затем и быстрое повышение. Мюрат впервые встретился с Наполеоном в Париже в 1795 г., когда пригнал в ту пору еще сравнительно малоизвестному бригадному генералу Бонапарту пушки, сделавшие те самые знаменитые залпы, называемые «дуновением картечи», которые спасли Директорию, а Наполеону принесли первую крупную командную должность.

С того времени Мюрат всегда находился если не рядом, то поблизости от Наполеона: возглавлял кавалерию во время первой Итальянской кампании, отличился в Египте, когда безудержная атака его конницы сбросила турок в море в битве у Абукира (1799 г.). Он участвовал в заговоре 18 брюмера, в 1800 г. женился на сестре Наполеона Каролине (1782–1839), а в 1804 г. стал маршалом Французской империи, хотя в роли маршала Мюрат никогда не чувствовал себя так же уютно, как в седле, возглавляя отчаянную кавалерийскую атаку. В ходе сражений его всегда можно было найти в гуще боя, стремглав атакующим противника, но вооруженным при этом лишь бычьим хлыстом.

Наполеон оценил обстановку и быстро понял, что язву, образовавшуюся на теле его строя из-за разгрома корпуса Ожеро, необходимо прижечь, пока русские сполна не воспользовались преимуществами так счастливо представившейся им возможности. Он повернулся к Мюрату и, указав в направлении мощных русских формирований, напиравших на французский центр, осведомился: «Ты что же, дашь этим канальям сожрать нас?» Мюрат тотчас же понял, чего хотел от него император, и умчался собирать резервный кавалерийский корпус с целью нанести сокрушительный удар по наступающим русским.

Конники Мюрата провели большую часть битвы дрожа от холода в седлах и с томлением ожидая момента поучаствовать в каком-либо активном действии. Такой момент наконец-то

Сражение при Эйлау 7–8 февраля 1807 г. проходило в очень трудных погодных условиях, когда в планы людей активно вмешивалась стихия. Начавшаяся вполне закономерно, битва превратилась вдруг в отчаянную авантюру, чуть не принесшую Наполеону позор первого крупного поражения. Массированная атака резервной кавалерии отвратила надвигавшееся несчастье и обеспечила французам тактический выигрыш.

Битва при Эйлау

7–8 февраля 1807 г.

После того, как 7 февраля 1807 г. на начальном этапе противники вступили в боевое соприкосновение, 8 февраля 1807 г. Наполеон развернул крупномасштабное наступление на позиции русских войск генерала Левина фон Беннигсена: маршал Даву действовал великолепно, и атака его создала угрозу обрушения левого фланга русской армии, однако высланный в поддержку Даву корпус маршала Ожеро заблудился в поднявшейся вьюге, сбился с пути и, когда небо прояснилось, очутился прямо перед орудиями главной русской батареи. Разорванный на части залпами картечи, корпус с огромными потерями в беспорядке отступил, оставив зияющую брешь в боевых порядках Наполеона. Русские имели все шансы одержать победу, если бы маршал Мюрат не провел блистательную атаку силами французского кавалерийского резерва и не спас положение. На более позднем этапе сражения Беннигсен получил усиление от прусского корпуса генерала Лестока, и с помощью этих свежих войск русские смогли остановить продвижение Даву и стабилизировать собственное положение. Когда наступила темнота, битва закончилась с нерешительным результатом, однако ночью поле оставила русская армия. Кампания в итоге завершилась четыре месяца спустя решительной победой Наполеона под Фридландом.

В ходе редкой в тогдашней практике зимней кампании Наполеон попытался разбить русскую армию в крупном сражении возле городка Эйлау, расположенного тогда на территории прусской части Польши.

1 С первым светом утра Наполеон разворачивает наступление на левый фланг противника силами корпуса Даву и части корпуса Сульта. Атака развивается успешно, и русские начинают сдавать позиции.

2 Наполеон бросает в бой войска маршала Ожеро, чтобы покончить с русскими. Из-за внезапно начавшейся снежной бури корпус Ожеро сбивается с дороги, и его дивизии в итоге подставляют фланги под массированный огонь русской артиллерии. Во французском строе образовывается огромная дыра.

3 Беннигсен стремится использовать ослабление врага и дает старт контратаке через долину в брешь, возникшую в центре боевой линии Наполеона.

4 Маршал Мюрат возглавляет резервный кавалерийский корпус и в результате массированной контратаки рассеивает наседающие на французов силы противника. Конная атака сминает русских, и те лишаются способности продолжать наступательные действия.

5 Генерал Лесток вступает на поле боя во главе прусского корпуса, усиливая Беннигсена и позволяя ему предотвратить поражение. Рано наступившая зимняя темнота кладет конец битве, и войска Беннигсена отходят в ночи.

ЭЙЛАУ

ЗЕРПАЛЛЕН

пришел, когда Мюрат двинул в атаку 2-ю кирасирскую дивизию д'Опуля, а также 1-ю, 2-ю и 3-ю драгунские дивизии, попросив маршала Жана-Батиста Бессьера (1768–1813) поддержать их частями гвардейской кавалерийской дивизии. В общей сложности Мюрат имел в своем распоряжении 80 эскадронов, насчитывавших вместе приблизительно 11 000 сабель. Они представляли собой лучшую в тогдашнем мире кавалерию, возглавляемую величайшим кавалерийским командиром эпохи. Эскадроны построились взаимно перекрывающимися линиями, эшелонированным строем, при этом всадники, выхватив сабли наголо, сидели колено к колену, а их лошади рыли копытами снег, чувствуя, что вот-вот прозвучит сигнал к наступлению.

Русские принялись палить в накапливавшуюся перед ними конную массу, так что пушечные ядра и пули только и свистели вокруг. Элитному полку конных гренадеров, *Grenadiers à Cheval* из состава Императорской гвардии, восседавших на великолепных вороных лошадях англо-нормандской породы, досталась особенно щедрая порция огня. Конные гренадеры были крупными ребятами, а медвежьи шапки еще добавляли им роста. Когда пули и ядра свистели над ними, солдаты инстинктивно пригибались, как бы кланяясь проносившемуся над головами металлическому вихрю. Командира их, полковника Луи Лепика (1765–1827), просто взбесило подобное поведение, достойное необстрелянных мальчишек-новобранцев, а не кавалеристов отборного гвардейского полка. Сидя в седле в передовой шеренге прямо, как шомпол, он повернулся к солдатам и заорал: «Головы выше, черт вас возьми! Это пули, а не дерьмо!»

Образовав огромный строй с кирасирами и драгунами в голове, французские кавалеристы ожидали сигнала Мюрата. Когда же тот отдал его, трубачи принялись трубить атаку, и всадники погнали коней вперед. Наступление походило не на отчаянный бросок, а на методичную, хорошо организованную атаку, стартовавшую на медленной рыси и постепенно наращивавшую скорость.

Темп наступления диктовался к тому же и состоянием поля под копытами коней, поскольку лошадям приходилось преодолевать сопротивление снега, а того в некоторых местах намело целые сугробы. Однако если удару французской конницы и недоставало скорости, данный недостаток искупался массированностью этой кавалерийской атаки – наверное, самой крупной в истории Наполеоновских войн.

Сверкающие сабли

Французская кавалерия массой устремилась на русские пехотные колонны, прокладывавшие себе путь через неглубокую долину в направлении уязвимо открытого центра наполеоновской армии. Застигнутые совершенно врасплох, русские оказались не в состоянии сдержать наскакивавшую на них конницу и сотнями падали под ударами сверкающих сабель, покуда французские эскадроны прорубались через их ряды. Смяв и рассеяв неприятельские батальоны, кавалеристы Мюрата не остановились и с ходу атаковали встретившиеся им несколько полков русских драгун, которые поддерживали наступление своей пехоты. Быстро опрокинутые кирасирами, эти драгуны обратились в бегство, однако их догнали следующие волны французских всадников. Они врубились во фланги драгунам и перебили практически их всех.

> *«Мюрат был лучшим кавалерийским офицером в мире. Я любил Мюрата за его бесподобную храбрость, и именно из-за нее мирился с его не меньшей же дуростью».*
>
> Наполеон

Конная атака продолжала развиваться в направлении линии русских пушек, французы мчались вперед, невзирая на картечь, хотя кони падали и всадники летели в снег через их головы. Французские кирасиры и драгуны прорвались на неприятельские батареи, рубя и пронзая русских канониров, которые в массе стойко сражались, пока иные из них пытались найти укрытие под орудиями; уцелевшие артиллеристы бежали в направлении русской пехоты, а та тем временем спешно перестраивалась в каре для отражения атаки. Конники Мюрата смяли и эти каре, прорвавшись через порядки многих из них, рубя направо и налево и нанося врагу огромные потери. Казалось, ничто не остановит яростные массы французской кавалерии, которая обрушилась на позиции русского резерва, проламывая еще один рубеж сопротивления и грозя разрубить армию Беннигсена надвое. Довольный таким успехом, Мюрат сдержал напор всадников, полагая уже, что русский строй сейчас сам лопнет и развалится.

Grenadier à cheval – конный гренадер

Конные гренадеры Императорской гвардии Наполеона обладали большим ростом, причем внешнее впечатление только усиливалось за счет высоких медвежьих шапок. Носившие прозвище «les gros talons» («большие каблуки»), солдаты Конно-гренадерского полка являлись одними из сливок элиты во французской армии. Они восседали на могучих вороных конях и были вооружены саблями тяжелой кавалерии, карабинами и пистолетами.

Как и другие части Императорской гвардии, в битве конные гренадеры долгое время оставались в резерве и задействовались лишь в самый подходящий момент, чтобы сокрушить врага и обеспечить победу. Две их самые знаменитые атаки относятся к сражению под Аустерлицем, где гвардейские конные гренадеры разгромили русских кавалергардов, и к столкновению под Эйлау, когда они опять-таки имели дело с русскими, участвуя в одной из наиболее крупных кавалерийских атак периода Наполеоновских войн.

Французские гусары в дозоре. Легкая кавалерия, подобная этим гусарам, служила глазами и ушами армии. Они выдвигались далеко вперед от основных сил, вели разведку на местности, прикрывали войска во время движения и пробовали на прочность неприятельскую оборону. Действуя подобным образом, легкоконные части и подразделения часто вступали в боевые столкновения с легкой кавалерией противника, выполнявшей аналогичные задачи.

И в самом деле, иная армия, наверное, не выдержала бы такого отчаянного натиска, однако, к удивлению Мюрата, русские упорно перегруппировывались позади его уже выдохшихся всадников, в то время как свежие полки устремлялись к нему со всех сторон.

На короткий момент французские кавалеристы оказались как в западне среди масс русской армии. Однако прежде чем кто-то успел впасть в отчаяние, гвардейская кавалерийская дивизия, придержанная в резерве как раз для такого случая, появилась на поле, спеша сказать свое веское слово. Конно-егерский и Конно-гренадерский полки Императорской гвардии проломились сквозь тонкий русский фронт и отбросили вражеские кавалерию и пехоту, образовавшие было кольцо вокруг войск Мюрата. Всадники Мюрата, получив столь веское усиление, возобновили атаку, но так и не смогли прорваться через третий и последний рубеж русских, несмотря на то, что потрепали еще несколько вражеских пехотных батальонов и загнали другие в Ауклаппенские леса, которые точно стеной выросли на пути у напиравших на врага французских кавалеристов. Тем временем позади них русские – как ни невероятно! – вторично перегруппировались и снова окружили бурлящую массу французских конников. Эйлау произвело впечатление на французов, показав им, сколь стойкими могут быть вчерашние крестьяне – солдаты Матушки-России. После битвы французские ветераны стали говорить об этом неприятеле так: «Сначала надо застрелить русского, только тогда свалишь его».

Французы заездили своих лошадей, а выдохшийся конь едва способен двигаться, превращая собственного всадника в почти неподвижную мишень. Полки казаков и гусар, которые не могли бы и надеяться одолеть свежих кирасир и драгун, теперь получили большое преимущество – возможность использовать скорость и маневренность в атаке на вымотанную тяжелую кавалерию французов, устремляя в могучих всадников длинные пики. Русские артиллерийские батареи также поменяли позиции и осыпали картечью плотно сгрудившиеся и почти неподвижные кавалерийские эскадроны.

2-я кирасирская дивизия генерала д'Опуля врубилась во вражеские порядки глубже, чем кто бы то ни было, и неустрашимый командир во главе дивизии вновь очутился со всех сторон окруженным противником. Когда в массы его конницы посыпались пушечные ядра, генерал осознал неспособность всадников далее удерживать позицию, однако отказался отходить прежде, чем сам Мюрат даст сигнал к отступлению. И тут русское ядро ударило д'Опуля в бедро, раздробив кости и сбросив всадника на землю. Один из адъютантов на лошади вывез раненого командира с места боя и доставил его в полевой госпиталь, где суровый приговор врача не оставлял никаких надежд – ногу придется отнять. Старый кирасир понимал, что в результате такой операции ему больше не суждено будет сесть в седло, и отказался от ампутации, надеясь, что нога как-нибудь заживет. Однако без необходимого хирургического вмешательства рана становилась смертельной, и д'Опуль сдержал свое обещание умереть за императора.

В других местах конные гренадеры полковника Лепика тоже очутились в самой незавидной ситуации – слишком растянувшиеся, они к тому же сидели на вымотанных лошадях. Русская пехота стекалась со всех сторон, и русский офицер прокричал Лепику предложение сдаться. «Вглядитесь в лица этих людей, – громовым голосом отозвался Лепик в ответ. – Разве они похожи на тех, кто готов сдаваться?»

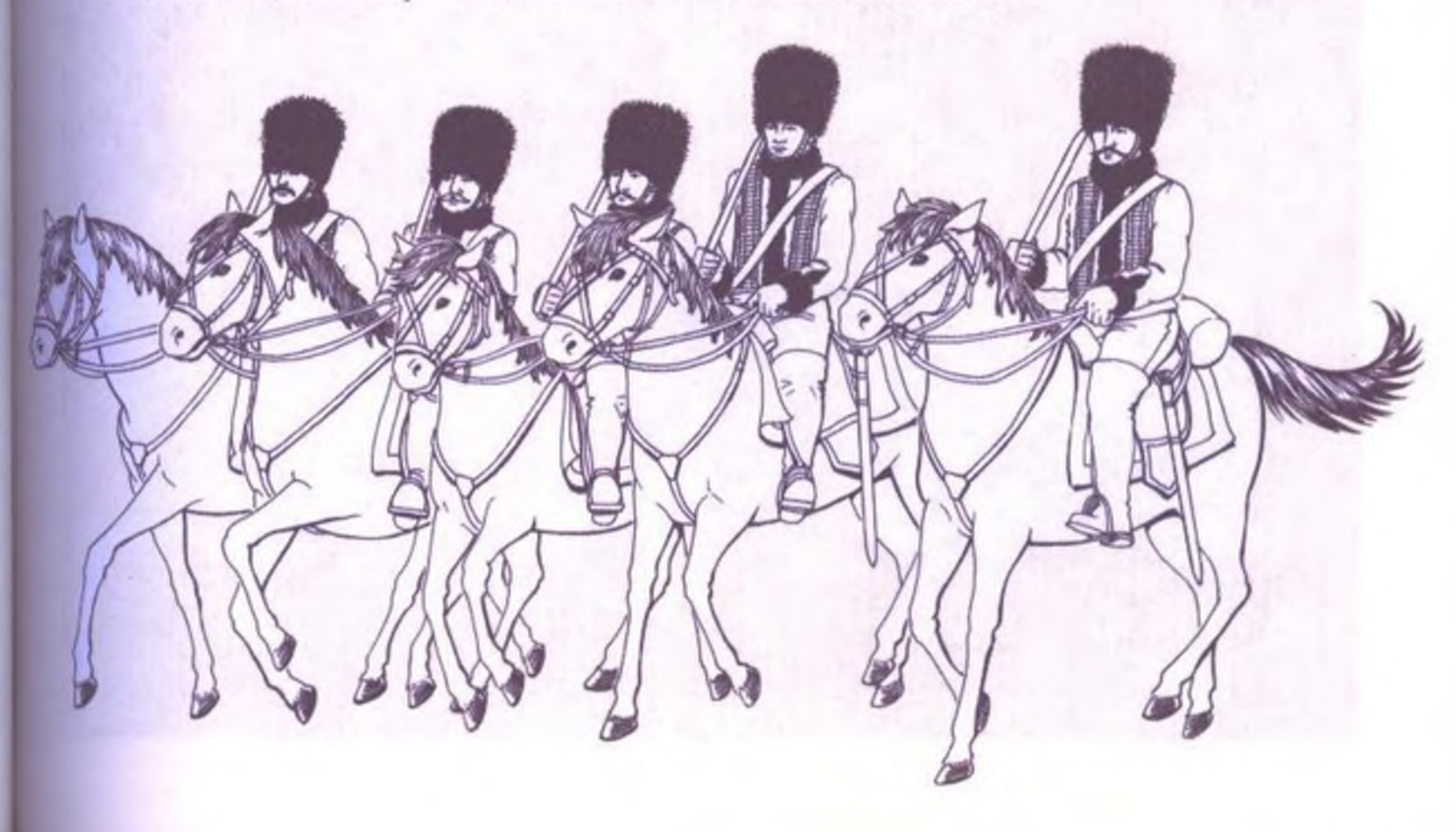
Тем временем Мюрат уразумел, что лихая атака достигла цели и пора отходить. Вновь оказавшись в окружении, маршал перестроил эскадроны для атаки, на сей раз нацеливая направление главного удара в обратную сторону – к своим.

По его сигналу всадники пришпорили измотанных коней и вновь погнали их по заснеженным полям, покрытым телами убитых и раненых воинов, оставшихся там в результате их первого броска.

Потрепанные русские части не сумели сдержать натиска столь могучей силы, и вновь их наскоро выстроенные каре и орудийные позиции дрогнули и подались под ударами французских конников, которые упорно прорубались через центр русских формирований, чтобы в итоге достигнуть безопасных мест на позициях своей армии.

Потери у французов оказались довольно большими – по крайней мере 3000 всадников осталось на поле убитыми и ранеными, в том числе и несколько старших офицеров. Как бы там ни было, атака увековечила себя в военной истории как одна из самых великолепных. Она переломила хребет вражеской контратаке и предотвратила грозившее вот-вот стать явью

Французские гусары изображены тут в меховых шапках – «кольбаках» (головных уборах элитной 1-й роты каждого гусарского полка) и в украшенных шнурами ментиках, которые являлись характерной деталью обмундирования этого вида легкой конницы. Гусары обычно составляли значительную часть легкой кавалерии во всех или почти во всех армиях Наполеоновской эпохи.

2-й (Голландский) полк шволежеров-лансьеров Императорской гвардии Наполеона. *Прозванный из-за цвета своего обмундирования полком «красных улан», он был образован в 1810 г. после аннексии Голландии и присоединения ее территории к Французской империи. Понеся катастрофические потери в России, эта кавалерийская часть в 1813 г. пополнила свои ряды за счет большого количества французов, а в 1814 г. фактически перестала быть голландской. В 1815 г., во время Ста дней, к гвардейскому полку шволежеров-лансьеров, тогда уже не имевшему порядкового номера, был присоединен польский уланский эскадрон, ранее находившийся с Наполеоном на острове Эльба.*

поражение, в то время как конница совершенно очевидно нанесла сокрушительный удар по противнику, при других обстоятельствах, вполне возможно, ставший бы решающим.

Битва продолжалась до наступления ночи, при этом ни одна сторона не могла достигнуть преимущества, но закончилась в итоге отходом армии Беннигсена, оставившей поле Наполеону. В тактическом отношении сражение свелось к ничьей, а посему вызывало разочарование у Великой армии, привыкшей к триумфам Аустерлица и Йены-Ауэрштедта. Кампания приостановилась до весны, а в июне Наполеон триумфально разгромил русских под Фридландом, приведя к победоносному завершению войну Четвертой Коалиции (1806–1807 гг.).

Разновидности кавалерии

Нанесение сокрушающего удара по врагу на поле сражения вовсе не являлось единственной задачей кавалерии. Вдобавок к этому конные отряды задействовались для разведки, прикрытия передвижения армии и для преследования побежденного противника. Столь отличные друг от друга функции диктовали необходимость разностороннего подхода в деле организации конницы, и, соответственно, кавалерия в описываемую эпоху подразделялась на тяжелую, служившую для ударных атак на поле сражения, или легкую, используемую для всех прочих заданий. Кирасиры, карабинеры и гвардейские конные гренадеры относились к разряду тяжелой кавалерии. Драгуны и уланы (носившие во французской армии название *chevaux-légèrs lanciers* – «шволежеры-лансьеры») в действительности представляли собой некий гибридный вариант между тяжелой и легкой конницей, а потому нередко применялись как для атаки на поле боя, так и для решения традиционных задач, обычно возлагаемых на легкую кавалерию.

В британской армии драгунские формирования подразделялись на тяжелые и легкие в зависимости от роли, предназначенной для того или иного полка, хотя и в этом случае отмечались перескоки и перераспределение обязанностей в зависимости от условий данной конкретной кампании.

Легкая кавалерия называлась так потому, что всадники и их кони бывали обычно меньше ростом и, соответственно, весом, чем в тяжелой кавалерии. На гусар приходилась наибольшая часть легкой конницы в армиях описываемого периода. Первое, что приходит на ум при слове «гусар», традиционные расшитые галуном и украшенные шнурами доломаны и ментики, да и вообще яркое, бросающееся в глаза обмундирование, делавшее гусар самыми нарядно одетыми солдатами в армии. Французские, австрийские и прусские гусары традиционно носили усы и свисавшие вдоль щек длинные локоны, заплетенные в виде косичек; у русских не отмечается такой обязательной однородности, в то время как британские гусары брили лицо.

Во времена, когда решительное сражение предваряли недели, а то и месяцы маневрирования, легкая конница вела разведку местности, пробовала на прочность готовность обороны противника, выискивала ее слабые места, собирала информацию относительно силы и дислокации врага и постоянно сталкивалась в мелких боях с неприятельской легкой кавалерией, отправлявшейся на точно такие же задания. Подобная специализация требовала от всадников не только высокого боевого духа, но и того качества, которое французы называют *élan* (стремление, порыв), а в сущности – напористости и агрессивности, что позволяло таким войскам действовать отдельно от основных сил армии и зачастую в глубине вражеской территории. Гусары славились как гуляки и кутилы, готовые что ни час рисковать жизнью и бросаться в омут головой, выходя победителями из самых безнадежных ситуаций. Такая репутация сорвиголов лучшим образом отражена в судьбе одного из самых знаменитых гу-

сарских командиров эпохи, генерала Антуана Ласалля (1775–1809), любившего сострить в мрачноватом духе: «Гусар, который не умер к тридцати годам, ни на что не годен!» Сам Ласалль пережил этот порог и погиб при Ваграме в возрасте 34 лет.

Напористое преследование отступающего противника служило залогом превращения тактического выигрыша в стратегический триумф, результатом которого подчас становилось победное завершение войны. И хотя тяжелая кавалерия тоже использовалась в операциях по преследованию, наилучшим образом в подобного рода заданиях показывала себя легкая конница, которая, буквально повисая на пятках у ретирующихся неприятельских войск, захватывала их обозы, приканчивала или брала в плен отставших солдат и не позволяла противнику полностью выйти из боевого соприкосновения, отдышаться и почувствовать твердую почву под ногами. В ходе такой погони она не должна была замедлять темп движения и ввязываться в серьезный бой с крупными силами врага. Упор делался на скорость и инициативу, и вот тут-то легкая кавалерия чувствовала себя как рыба в воде.

Кавалерийское преследование

Наиболее знаменитым случаем применения кавалерии при преследовании неприятельских сил следует считать погоню Мюрата за разбитой прусской армией в 1806 г. Разгромив пруссаков в двойном сражении, известном как Йена-Ауэрштедтское, Наполеон бросил кавалерийский резерв Мюрата для закрепления успеха и обеспечения полной и окончательной победы. Мюрат, не зная устали, отправился выполнять задание: его кавалерия опрокинула вражеский арьергард и пленила множество беглецов из состава разбитых прусских войск. С помощью VI корпуса Нея, состоявшего преимущественно из пехоты, она захватывала укрепленные города, которые могли послужить этакими волнорезами на пути преследователей, однако сдавались за какие-то считаные дни, а то и часы, либо покупаясь на военную хитрость французов, либо из страха перед грозившей им печальной участью. С 15 октября по 5 ноября кавалеристы Мюрата не выпускали из рук сабель, все время наседая на откатывающихся пруссаков, не давая им не то что возможности перегруппироваться, но даже и передохнуть.

Хотя, конечно же, вся Великая армия так или иначе принимала участие в преследовании, движущей силой в нем оставался кавалерийский резерв Мюрата. За период приблизительно всего в три недели французы взяли в плен свыше 140 000 прусских солдат и захватили 800 орудий. В начале ноября основные силы прусской армии перестали существовать, и лишь единственный корпус сумел спастись по морю. Исполненный ощущения триумфальной гордости, Мюрат доложил императору: «Бой окончен за неимением более бойцов».

Битва при Сомосьерре. Польские шволежеры Императорской гвардии Наполеона захватили важный горный перевал в районе селения Сомосьерра полным драматизма кавалерийским броском, вошедшим в историю Наполеоновских войн. Для поляков этот героический эпизод является таким же памятным событием, как для британцев знаменитая «атака Легкой бригады» под Балаклавой.

Когда вспыхивало сражение, гусары обычно находились в стороне от событий «главной сцены» и вступали в спорадические стычки на флангах с такой же легкой конницей противника. Случались и значительные отступления от общепринятого правила, когда гусары участвовали в знаменитых ударных атаках под Фридландом и Ваграмом, а также в других местах.

Свидетелем одного из самых прославленных кавалерийских прорывов стал в 1808 г. испанский город Сомосьерра, в сражении под которым героически показал себя гвардейский полк польских шволежеров — *Chevaux-légèrs polonais*. Этот боевой эпизод наглядно демонстрирует не только способности легкой кавалерии на поле сражения, но также и сокрушительный эффект воздействия лихого кавалерийского напора на неприятельские силы и способность хорошо организованной и проведенной атаки «сорвать с петель двери» даже самых грозных оборонительных позиций.

Сражение при Сомосьерре, 30 ноября 1808 г.

В 1807 г. Португалия нарушила Континентальную систему Наполеона, в рамках которой на Британию было наложено экономическое эмбарго, и французская армия отправилась наставлять отщепенцев на путь истинный. Чтобы предпринять поход в Португалию, экспедиционные силы нуждались в длинной линии снабжения, и Наполеон потребовал от испанского короля, своего союзника, право на размещение французских гарнизонов и складов в стратегически важных городах Испании. Испанцы не без раздражения наблюдали за тем, как массы французских войск свободно маршируют по их земле.

Коль скоро обстановка становилась все более трудно контролируемой, Наполеон низложил монархию Бурбонов в Испании и посадил на трон брата, Жозефа Бонапарта (1768–1844), превратив таким образом Испанию в вассальное государство разраставшейся точно спрут империи. Испанцы вовсе

не питали глубокой любви к бывшему королю, но скоро еще больше возненавидели Жозефа Бонапарта и революционную политическую и социальную систему, пришедшую в Испанию вместе с ним.

В мае 1808 г. против правления Жозефа вспыхнуло открытое восстание, и тому пришлось бежать из Мадрида. Пламя пожара распространялось, и вскоре к борьбе против французов присоединилась испанская армия, готовая сражаться с вчерашним союзником.

Наполеон вознамерился раздавить мятеж до того, как беспорядки распространятся и наберут силу. Он сформировал армию для войны в Испании и лично возглавил ее в походе через Пиренеи, собираясь восстановить брата на престоле. Наполеон одержал несколько небольших по масштабу побед над испанцами, а осенью 1808 г. повел основные ударные силы приблизительной численностью около 40 000 чел. на Мадрид. Армия его наступала на испанскую столицу с севера, при этом главная дорога делала изгиб, проходя через высокогорный перевал, где на вершине горы располагалось селение Сомосьерра.

Испанский генерал Бенито Сан-Хуан (ум. в 1809 г.) попытался выиграть время для испанской армии – дать ей шанс организовать сопротивление и защитить столицу в преддверии подхода британской военной помощи, на каковую испанцы надеялись. Наполеон собирался действовать и двигаться быстро, захватить столицу и восстановить своего брата в королевских правах, сделав таким образом критически важный первый шаг по восстановлению порядка в стране. Кроме того, скорость играла важную роль для дела французов вообще, поскольку, чем дольше Мадрид оставался в руках испанцев, тем больше ситуация работала на привлечение новых сил для подкормки пламени мятежа.

29 ноября 1808 г. головные части армии Наполеона приблизились к перевалу у Сомосьерры, но обнаружили его занятым испанской артиллерией из трех батарей по две пушки в каждой, которые перекрывали дорогу через небольшие интервалы, плюс 10 орудий, установленных в наскоро оборудованном укреплении, устроенном прямо над высшей точкой подъема дороги – на самом верху перевала. Приблизительно 9000 испанских пехотинцев разместились на позициях вдоль дороги, на склонах, обращенных к перевалу гор, и в самом укреплении. Наполеон приказал генералу Франсуа Рюффену (1771–1811) с его пехотной дивизией, входившей в I корпус генерала Клода Виктора (1764–1841), овладеть перевалом и очистить дорогу от противника.

Неприятель же встретил солдат Рюффена плотным огнем с хорошо подготовленных позиций; испанцы явно не собирались сдавать их, и наступающие не могли продвинуться. Когда день стал клониться к закату и забрезжили сумерки, Наполеон принял решение отменить наступление и перенести его на следующее утро, когда подтянется остальная часть армии, которая сможет использовать и развить ожидаемый успех.

Ранним утром 30 ноября 1808 г. пехотинцы генерала Рюффена вновь пошли в атаку, но снова были прижаты к земле артиллерийским и ружейным огнем испанских защитников перевала. Высота склонов не позволяла быстро выдвинуться во фланг неприятельской позиции, дорога же была такой узкой и извилистой, петлявшей то в одну, то в другую сторону, что никак не облегчала задачи нападающим и заставляла их долгое время находиться на простреливаемом испанскими пушками пространстве.

Наполеон поскакал на наблюдательный пункт в сопровождении своего конного эскорта – 3-го эскадрона гвардейского полка польских шволежеров.

Вступление в бой поляков

В конце XVIII века древнее государство Речь Посполитая подвергалось систематическому разделу совместными силами набрасывавшихся на нее Австрии, Пруссии и России, пока в 1792 г. жадные до территориальных приобретений соседи не нанесли Польше последний удар, после чего она исчезла с карты Европы. Королевство сделалось военной добычей для трех великих держав, и в то время как поляки служили в армиях завоевателей, они, конечно же, мечтали о свободе. Когда Наполеон разгромил Австрию, Пруссию и Россию в серии неподражаемых по виртуозности кампаний в период с 1805 по 1807 г., поляки возгорелись надеждой на избавление. Вскоре после того,

как император французов овладел столицей Польши, Варшавой, польские военные стали стекаться под знамена Наполеона.

В 1808 г. Наполеон, к великой радости многих и многих в польских землях, создал великое герцогство Варшавское, превратив его в государство-сателлит Французской империи. Хотя Наполеон чуть-чуть не дошел до предоставления Польше полной независимости (главным образом из-за тонких взаимоотношений с Россией), он явно проявлял симпатию к чаяниям поляков, и те любили его за это. В стремлении выразить признательность и оказать поддержку делу Французской империи представители лучших семейств Польши создали легкоконный полк, служить в который отправили своих сыновей; эта новая кавалерийская часть была причислена к Императорской гвардии Наполеона. Так появился гвардейский полк польских шволежеров, и кампания в Испании стала для него первым испытанием.

Тем временем, пока Наполеон сосредоточенно предавался обозреванию испанских позиций возле перевала, пушечные ядра падали на землю неподалеку от императора и его штаба. Вражеский огонь скорее раздражал, чем пугал его, поскольку он все никак не мог поверить, что пехота Рюффена не способна прорваться и пасует перед какими-то испанскими солдатами, которые, по его мнению, не шли ни в какое сравнение с его собственными. По мере того, как досада в императоре росла, он приказал полковнику Ипполиту де Пире (1778–1850), адъютанту маршала Бертье, ставшему впоследствии известным кавалерийским генералом, разведать обстановку у перевала. Вернувшись с рекогносцировки, Пире заявил Наполеону, что взять перевал не представляется возможным.

При этом известии уже и без того разгневанный Наполеон наконец не выдержал. Он ударил стеком по сапогу и воскликнул: «Невозможно? Я не знаю, что означает это слово!» Затем он повернулся к эскадронному начальнику Яну Козетульскому (1781–1821), командиру польского эскортного эскадрона. Император указал в направлении перевала и распорядился: «Возьмите эту позицию галопом».

Польские уланы, изображенные здесь, принадлежат к французской кавалерии. Мастерство и боевые успехи польских улан подтолкнули процесс возрождения пики как кавалерийского оружия в ходе Наполеоновских войн. Пруссаки и австрийцы тоже набирали полки из таких отважных всадников на завоеванных ими польских территориях.

Битва при Сомосьерре
30 ноября 1808 г.

29 ноября 1808 г. Испанская армия Наполеона несколькими соединениями продвигалась в направлении Мадрида. Основная французская колонна численностью приблизительно 40 000 солдат нашла путь к испанской столице блокированным неприятельским формированием из 9000 чел. при 16 пушках, разместившимся на укрепленных позициях поперек перевала на дороге, петлявшей в горах и пролегавшей мимо городка Сомосьерра. Пехотная дивизия генерала Рюффена предприняла закончившуюся неудачей попытку выбить испанцев с высот, господствующих над перевалом. На следующий день Наполеон приказал Рюффену вновь штурмовать вражеские расположения, но атака развивалась медленно, продвижение застопорилось. Тем временем, пока Наполеон досадовал на задержку, передовая испанская батарея обстреляла его штаб. Тогда император приказал польскому эскортному эскадрону атаковать и уничтожить первую батарею, но храбрые конники не остановились на этом, захватили еще две позиции и практически очистили от врага дорогу прежде, чем большие потери и усталость коней заставили отважных улан прекратить атаку. Тут в бой ринулись французская пехота и кавалерия, которая и захватила последнюю испанскую позицию у Сомосьерры, открыв таким образом себе путь к Мадриду; Наполеон овладел городом вскоре после описываемого сражения.

Селение Сомосьерра расположено на вершине стратегически важной горы, у перевала, через который пролегает одна из главных дорог к испанской столице, Мадриду, находящемуся примерно в 100 км южнее.

1 Испанская армия Наполеона, наступая на Мадрид с севера, обнаруживает 29 ноября 1808 г., что путь продвижения блокирован войсками испанцев (9000 пехотинцами при 16 пушках), удерживающими горный перевал у Сомосьерры.

2 Пехотная дивизия генерала Рюффена атакует испанцев, удерживающих господствующие над перевалом высоты, однако оказывается не в состоянии выбить противника с занимаемых им позиций.

3 Утром 30 ноября Рюффен возобновляет наступление на фланговые высоты, но события развиваются слишком медленно.

4 Разозленный из-за того, что продвижение застопорилось, Наполеон приказывает командиру польского кавалерийского эскадрона, составлявшего личный конвой императора, взять позиции врага на лихом галопе.

5 В полном героического драматизма броске поляки сметают один за другим три эшелона испанских оборонительных позиций прежде, чем их атака останавливается наверху перевала; более половины отважных всадников к тому времени были убиты или ранены.

6 Французская пехота и кавалерия развивают достигнутый поляками успех, овладевают последней испанской позицией, полностью захватывают перевал, открывая себе дальнейший путь к Мадриду.

Вполне возможно, в действительности Наполеон имел в виду лишь только первую линию орудий испанской обороны, откуда обстреливали его и штаб и которую он только и мог видеть в туманной дымке и клубах порохового дыма, поднимавшихся с поля битвы. На самом же деле испанские позиции представляли собой тройной заградительный рубеж из пушек и частей пехоты, а венцом ему служила укрепленная батарея из 10 орудий на вершине перевала.

Бросок начинается

Хотя точного значения приказа начальник эскадрона Козетульский не знал, он не осмелился обратиться к главнокомандующему с просьбой прояснить задачу. Он откозырял перед Наполеоном и на галопе поскакал к своим солдатам, к которым и обратился с краткой речью перед тем, как двинуть их в бой. Французские офицеры недоуменно переглядывались между собой – приказ явное безумие, посылать один-единственный кавалерийский эскадрон в атаку там, где не может прорваться целая пехотная дивизия? И все же перед полными недоумения взглядами врага поляки построились в колонну по четыре, чтобы подниматься по узкой дороге на пути к цели, и приготовились к сражению. Чуть позже, уже после начала наступления, к 3-му эскадрону шволежеров присоединился сводный взвод под командой лейтенанта Неголевского, только что вернувшийся с разведки (вместе с ним численность атакующего эскадрона достигала 150 всадников).

Офицеры принялись отдавать команды остальным эскадронам польского шволежерского полка, во французских кавалерийских формированиях тоже началось шевеление – следовало развернуться и продвинуться вперед, дабы находиться в готовности поддержать наступление. Однако Козетульский не стал никого дожидаться. Он занял место во главе своего эскадрона и прокричал бойцам: «Вперед, собачьи дети! Император смотрит на вас!» По рядам всадников пронеслось громогласное: «Vive l'Empereur!» Шволежеры взмахнули саблями, обнажая клинки из ножен, затем вонзили шпоры в бока коней, и эскадрон поскакал в бой.

Дружный залп ружей и пушек приветствовал отважных участников кавалерийского броска. Падали лошади, катились по земле всадники, но эскадрон шел и шел к цели.

Поворачивая на крутых изгибах дороги, лошади усерднее перебирали ногами, набирая скорость и преодолевая крутой подъем. Пораженные испанские артиллеристы принялись быстро разворачивать орудия, дабы встретить огнем новую опасность, когда лихие шволежеры промчались через позиции до крайности удивленных пехотинцев Рюффена.

Картечь трех испанских батарей, в каждой из которых было по 2 орудия, свистела над дорогой. Седла пустели, но атака продолжалась. Поляки рубили саблями направо и налево и так на скаку сокрушили первую батарею, никому не давая пощады и не ожидая ее со стороны врага.

Выше воинского долга

И хотя они уже выполнили задание, данное им Наполеоном, шволежеры не остановились на достигнутом и продолжали взбираться вверх по перевалу. Ружья испанской пехоты загрохотали по ним с обеих сторон дороги, и новые всадники упали на землю. Но оставшиеся завидели вторую батарею и помчались к ней на полном галопе с боевыми кличами, рассеивая артиллеристов и пехоту и глубоко врубаясь в испанские позиции. И вот наконец атакующие достигли гребня перевала, земля под ногами выровнялась, и поляки пришпорили коней, бросая их в неудержимый галоп, чтобы вихрем ворваться на последнюю испанскую батарею. Застигнутые врасплох канониры полегли под ударами сабель там, где стояли, однако лошади выдохлись, и польский эскадрон потерял половину численности – более он не мог уже ничего сделать, остановившись совсем рядом с заключительной целью.

В сражении при Альбуэре (16 мая 1811 г.) уланский полк Висленского легиона (польского формирования на французской службе) атаковал и сильно потрепал британскую пехотную бригаду подполковника Колборна, которая потеряла тогда около 70 процентов своего личного состава (1480 чел. из 2118). Пять из восьми знамен, имевшихся у четырех батальонов этой бригады, были взяты уланами в качестве трофеев. Если пехота не успевала выстроиться в оборонительное каре, она оказывалась чрезвычайно уязвимой перед лихой атакой кавалерии.

Как бы там ни было, лихая и отважная атака нарушила целостность испанских оборонительных позиций. Пока все и со всех сторон смотрели только на поляков, пехота генерала Рюффена смогла наконец двинуться вперед и помчалась на врага с примкнутыми штыками. И тут с тыла у них запели кавалерийские рожки, содрогнулась земля, и оставшиеся силы польского полка, поддержанные другими частями гвардейской конницы, поскакали вверх по дороге.

Совместно с пехотой они молотом обрушились на испанские оборонительные позиции на вершине и прорвались через последний заслон, становясь полными господами на перевале Сомосьерра. Поскольку остатки рассеянной испанской армии разбежались в поисках убежища и растаяли в горах, переставая представлять собой сколь-либо боеспособное формирование, битва была полностью выиграна французами, а дорога на Мадрид лежала перед ними открытой.

Среди мертвых тел на перевале

Наполеон следил за развитием атаки в подзорную трубу, а когда увидел французские штандарты развевающимися над вершиной, разом убрал подзорную трубу и отдал приказ о генеральном наступлении. Затем пришпорил коня, так что адъютанты и кавалерийское сопровождение только поспевали за государем. Он поскакал по извилистой дорожке, по обочинам которой тут и там лежали тела людей и лошадей, и некоторые из них еще боролись за вот-вот готовую покинуть их жизнь.

Среди первых офицеров императорского штаба, оказавшихся на перевале, находился маршал Луи-Александр Бертье (1753–1815). Умиравший польский офицер собрал последние силы, приподнялся на локте, указал в сторону захваченной батареи и прохрипел: «Вот они, пушки! Скажите императору».

Через некоторое время и сам Наполеон достиг перевала. Среди трупов и остатков третьей испанской батареи, ставшей свидетельницей апогея лихого штурма поляков, Наполеон нашел лейтенанта Анджея Неголевского (1787–1857), получившего в ходе атаки 11 ран. Этот молодой офицер, находившийся почти без сознания, сидел, опершись спиной об одну из захваченных товарищами пушек. Император позвал врача, а потом спешился. Он встал на колено перед Неголевским, пожал ему руку и поблагодарил за храбрость, сполна продемонстрированную в тот день, затем снял со своей груди орден Почетного легиона (*Légion d'honneur*) и прикрепил его к груди Неголевского. После этого император встал и громким голосом объявил, что поляки – самые храбрые кавалеристы в его армии.

Когда уцелевшие пришли в себя и стали возвращаться в тыл, они проследовали мимо медвежьих шапок Императорской гвардии Наполеона. По приказу императора гвардейцы, выполняя движения с безупречной механической точностью, взяли на караул перед героическими бойцами славного польского полка.

В официальном рапорте Наполеон отнес честь победы полностью на счет отваги польских всадников. В знак признательности за их храбрость позднее он наградил 17 наиболее отличившихся в атаке шволежеров орденом Почетного легиона. Затем Наполеон распорядился ввести поляков, позднее перевооруженных пиками, в состав Старой гвардии. Верные служаки, они неизменно следовали за императором через Европу, принимая участие в множестве битв и совершая чудеса героизма на поле брани.

Даже после поражения и ссылки в 1814 г. поляки остались верны Наполеону и встали под его знамена вновь в те памятные Сто дней императора в 1815 г. Но в каких бы сражениях ни бились они с многочисленными врагами, Польша навсегда запомнила их – тех, кто бросился в самоубийственно безрассудную атаку под Сомосьеррой.

Новоявленные рыцари

Закованный в броню конный воин господствовал на полях сражений Европы на протяжении тысячелетия, однако распространение огнестрельного оружия постепенно привело к исчезновению доспехов из широкого употребления. К концу XVIII столетия в кавалерии практически полностью отказались от защитного вооружения. Как бы там ни было, в эпоху Наполеоновских войн доспехи неожиданно вернулись, в частности, во французскую кавалерию. Маршал Ней начинал и долгое время служил как кавалерист, он питал наибольшее пристрастие к тяжелой коннице, несмотря на то, что сам был гусаром, и вместе с генералом Франсуа-Этьеном Келлерманом (1770–1835) лоббировал в окружении Наполеона создание как можно большего числа кирасирских полков.

Под давлением Нея, да и по собственному положительному опыту с всадниками в кирасах Наполеон в итоге одобрил эту идею. В 1802 г. кирасирскими стали 12 полков французской кавалерии, а к 1810 г. количество таких частей увеличилось до 14.

Французские кирасиры имели стальные кирасы, состоявшие из двух пластин, прикрывавших одна грудь, а другая спину, тогда как руки кавалериста оставались открытыми, и ничего не сковывало его движений в бою. Вооруженные длинной и тяжелой прямой саблей – палашом, тяжелые кавалеристы в эпоху Наполеона выглядели как обретшие второе рождение рыцари. Это были рослые мужчины на могучих лошадях, применяемые исключительно для ударных атак на поле сражения. Помимо холодного оружия, каждый из них располагал парой пистолетов, носимых в седельных кобурах, а также карабином, хотя в скором времени большинство кирасир распростились с последним. В 1810 г. Наполеон приказал ввести стальные кирасы в обоих полках французских конных карабинеров. Карабинеры протестовали против распоряжения императора, поскольку считали, что из них делают кирасир и лишают собственного лица как особой касты среди кавалеристов. Тогда, чтобы отличать карабинерские кирасы от кирасирских, их решили покрыть декоративными медными пластинами, отчего эти латы приобрели этакое золотое сияние.

Такие вот облаченные в железо всадники и сделались господствующей силой на полях сражений в Европе, где французские кирасирские полки превратились в проклятье для союзнических войск. И в самом деле, в кампаниях против Австрии, Пруссии и России в 1805–1807 гг. кирасиры Великой армии признанно зарекомендовали себя как наилучшая тяжелая кавалерия Европы. Они представляли собой почти необоримую силу в бою, и Наполеон все чаще и чаще прибегал к их полным драматизма ударным прорывам, посылая прикончить уже ослабленного противника и завершить день победой. Наполеон не жалел наград для своих «железных людей». За ними закрепили право ношения красного султана и эмблемы в виде гранаты с языками пламени как знака принадлежности к элитным войскам; в качестве таковых они получали повышенное жалованье. Император редко отправлял кирасир на разведку или на обеспечение прикрытия, избегал задействовать их в мелких стычках и использовать как застрельщиков, а старался держать в резерве для применения в качестве ударной силы в крупных сражениях.

Хотя в австрийской, русской и прусской армиях тоже имелись кирасирские

ФРАНЦУЗСКИЕ КИРАСИРЫ являлись лучшей тяжелой кавалерией в Наполеоновскую эпоху, не раз доказывая собственную ценность в таких битвах, как Эйлау и Бородино.

полки, они никогда не могли равняться мастерством и отвагой с французскими коллегами и, как правило, терпели поражения в столкновениях с последними на поле сражения. Надо отметить, что во многих союзнических полках тяжелой конницы даже обходились без кирас, ссылаясь на излишний вес и трудности движения в седле. В 1809 г. австрийцы стали вводить в своих кирасирских полках этакие полукирасы, прикрывавшие только переднюю часть торса и оставлявшие бока и спину без защиты. В то время как такое новшество снижало нагрузку на всадников и их лошадей, оно вместе с тем делало австрийских кирасир более уязвимыми в рукопашных схватках с бойцами французской тяжелой кавалерии.

«Гусар, который не умер к тридцати годам, ни на что не годен!»

Генерал Антуан Ласаль, французский кавалерийский командир

Например, в битве при Экмюле 22 апреля 1809 г. французские кирасиры и карабинеры нанесли сокрушительное поражение австрийским латникам. В процессе боевого соприкосновения французы причинили противнику почти впятеро большие потери, и во многом заслуга в достижении таких результатов принадлежала превосходству доспехов французских всадников.

Снаряжение кирасира

Французских кирасир не беспокоил лишний вес их защитного вооружения. Хотя полные кирасы, безусловно, снижали их подвижность по сравнению с противниками, не имевшими таких доспехов, они считали, что преимущество защищенности перевешивает любое неудобство.

Кираса легко выдерживала удары вражеского клинка и даже обладала способностью остановить сравнительно низкоскоростную круглую свинцовую пулю, бывшую в ту пору наиболее распространенным метательным снарядом для стрелкового оружия. Таким образом, когда латники пришпоривали лошадей, бросаясь в отчаянные ударные атаки, они чувствовали себя до известной степени неуязвимыми. Другие представители тяжелой кавалерии, такие как драгуны и знаменитые конные гренадеры Императорской гвардии Наполеона, доспехов не носили. Посему обычным делом среди драгун было сворачивать шинели в скатки и надевать поперек торса по диагонали, точь-в-точь как перевязь патронной сумы, и задействовать их для защиты тела. Подобная импровизированная «броня» и в самом деле обеспечивала им известный уровень защищенности перед клинками противника.

Помимо доспехов, все солдаты тяжелой кавалерии в армиях всех стран носили шлем или каску той или иной формы. Переходя на галоп в ходе отчаянных атак в сражении, всадник в седле наклонялся вперед, делая таким образом голову особенно уязвимой. Некоторые шлемы изготавливались из толстой кожи, как, например, красивые и практичные каски британских драгун. Несмотря на сравнительно малую массу, они отражали сабельный удар или укол пикой и могли защитить даже от ружейной пули на излете.

Русские и австрийские кирасиры и драгуны тоже носили кожаные каски, хотя и довольно сильно отличавшиеся друг от друга. Комплект защитного вооружения французского драгуна, кирасира и карабинера включал в себя металлическую каску. Украшенные в духе традиций и правил эпохи, эти строевые головные уборы имели высокий медный гребень с волосяным плюмажем в виде конского хвоста (карабинерские каски – с плюмажем типа «гусеница»); такие шлемы представлялись самыми лучшими из вообще имевших употребление у всадников и обеспечивали надежную защиту от неприятельских клинков и пуль.

Атака частей тяжелой кавалерии невольно производила впечатление даже на храбрецов. Выстроенные в линии по эскадронам, конники бросались в бой с чрезвычайной яростью, являя собой некий стальной кулак, способный сразу проломить оборону противника, особенно будучи нацеленным в слабое место. Также их представлялось возможным задействовать как эффективный инструмент для контратаки против наступающего неприятеля. Атакуя пехоту, сто-

Австрийский драгун

В Наполеоновскую эпоху многоязыкая армия Австрийской империи претерпела, наверное, наиболее радикальные перемены, чем какие-то иные вооруженные силы в Европе. Австрийские драгунские полки состояли преимущественно из чехов и австрийцев, и в 1790-е годы использовались как тяжелая кавалерия. Как бы там ни было, постоянные неудачи в таковой роли вынудили командование на переломе столетий перевести драгун в легкую кавалерию, поручив им, как казалось, более соответствующие задачи. Однако если на поле боя драгуны показывали себя средне, то в качестве разведчиков и дозорных – главной ипостаси легкой кавалерии – они оказались и того хуже. В результате к началу кампании 1809 г. их вернули в тяжелую кавалерию, где они вновь не смогли похвастаться успехами в столкновениях с французской тяжелой конницей в ходе крупных боевых соприкосновений данной кампании. Когда летом 1813 г. австрийцы опять выступили против Наполеона, драгуны их имели противником чрезвычайно потрепанную французскую кавалерию, все еще не оправившуюся от катастрофических последствий похода в Россию; и тут они проявили себя неплохо. На протяжении всех войн Наполеоновской эпохи австрийские кавалеристы страдали от скверного командования и нехватки тактического мастерства, которое позволило бы им разворачивать успешные массированные атаки на поле сражения.

являющую в колоннах или в линиях, тяжелая кавалерия, особенно если ей удавалось ударить во фланг и тем более в тыл противника, сеяла смерть и разрушения вокруг себя, пробиваясь через вражеский строй, рубя палашами пеших солдат, сминая их и давя копытами могучих коней.

Обычно кавалерийская атака тяжелых частей начиналась с шага, затем темп перерастал в рысь. Замысел тут заключался в стремлении как можно дольше сохранить плотность строя наступающих формирований для обеспечения наибольшего ударного эффекта при встрече с

противником. По мере приближения к цели темп движения ускорялся – в 100 м от врага строй переходил на сотрясающий землю галоп, и скоро кавалерия обрушивалась на неприятельские боевые порядки, рубя саблями направо и налево. Сама по себе масса облаченных в доспехи воинов на их рослых и сильных конях обеспечивала кирасирам ни с чем не сравнимую пробивную способность на поле сражения.

Драгуны

Драгуны получили распространение во всех армиях, хотя к 1805 г. в большинстве из них изначальные функции данного вида частей, представлявших собой, по идее, верховую пехоту, в общем и целом стали уже достоянием прошлого. Драгуны часто выступали в роли тяжелой кавалерии, особенно на Иберийском полуострове. Неприветливый, засушливый ландшафт, обычный для многих регионов Испании, служил причиной несообразно больших в пропорциях потерь у французской тяжелой кавалерии. Крупные воины и особенно их могучие кони быстро сдавали на местности, где всегда возникали трудности с нахождением воды, провианта и фуража. В результате лишь один-единственный кирасирский полк (13-й) нес службу на Пиренейском полуострове, да и то действия его ограничивались исключительно операциями в Каталонии с ее относительно умеренным климатом. Французским командирам приходилось использовать драгун, гусар, конных егерей и улан при решении задач, обычно отводимых тяжелой кавалерии, а потому, в сравнении с французскими силами в остальной Европе, командование сталкивалось, скажем так, с непредвиденными местными трудностями.

Британская кавалерия на Пиренейском полуострове делилась на тяжелую и легкую, хотя даже тяжелая конница у британцев не носила доспехов и шлемов, подобных тем, которые имели распространение у соответствующих им по разновидности формирований во Франции или в армиях союзников. Ядром британской тяжелой кавалерии служили драгуны, которые обычно показывали себя лучше, чем их коллеги и оппоненты – французские драгуны.

Некое неравенство сил получалось преимущественно из-за вынужденной необходимости для командиров французских кавалерийских частей, воевавших в Испании, буквально драться за рекрутов и коней с командованием полков кирасир и карабинеров, служивших в других местах Европы, поскольку те обычно старались отобрать для себя все лучшее.

Британские кавалеристы славились храбростью, но и излишней горячностью, что побудило герцога Веллингтона (1769–1852) к едкому замечанию: «Они мчатся на галопе на все, что видят, и могут возвращаться на таком же галопе». Тем не менее при Ватерлоо они успешно выдержали экзамен в первом настоящем столкновении с прославленными французскими кирасирами.

Несмотря на факт почти полной утраты драгунами в Европе их функции ездящей верхом пехоты, армия Соединенных Штатов продолжала применять верховых стрелков в войнах против индейцев в долине Огайо, а равно и в Англо-американской войне 1812–1814 гг. Атака в конном строю, проведенная американскими ездящими стрелками в бою при Фоллен-Тимберс в 1794 г., повлекла за собой крушение сил индейской Конфедерации Майами, а конно-стрелковый полк из Кентукки таким же образом решил исход сражения у Темзы в 1813 г.

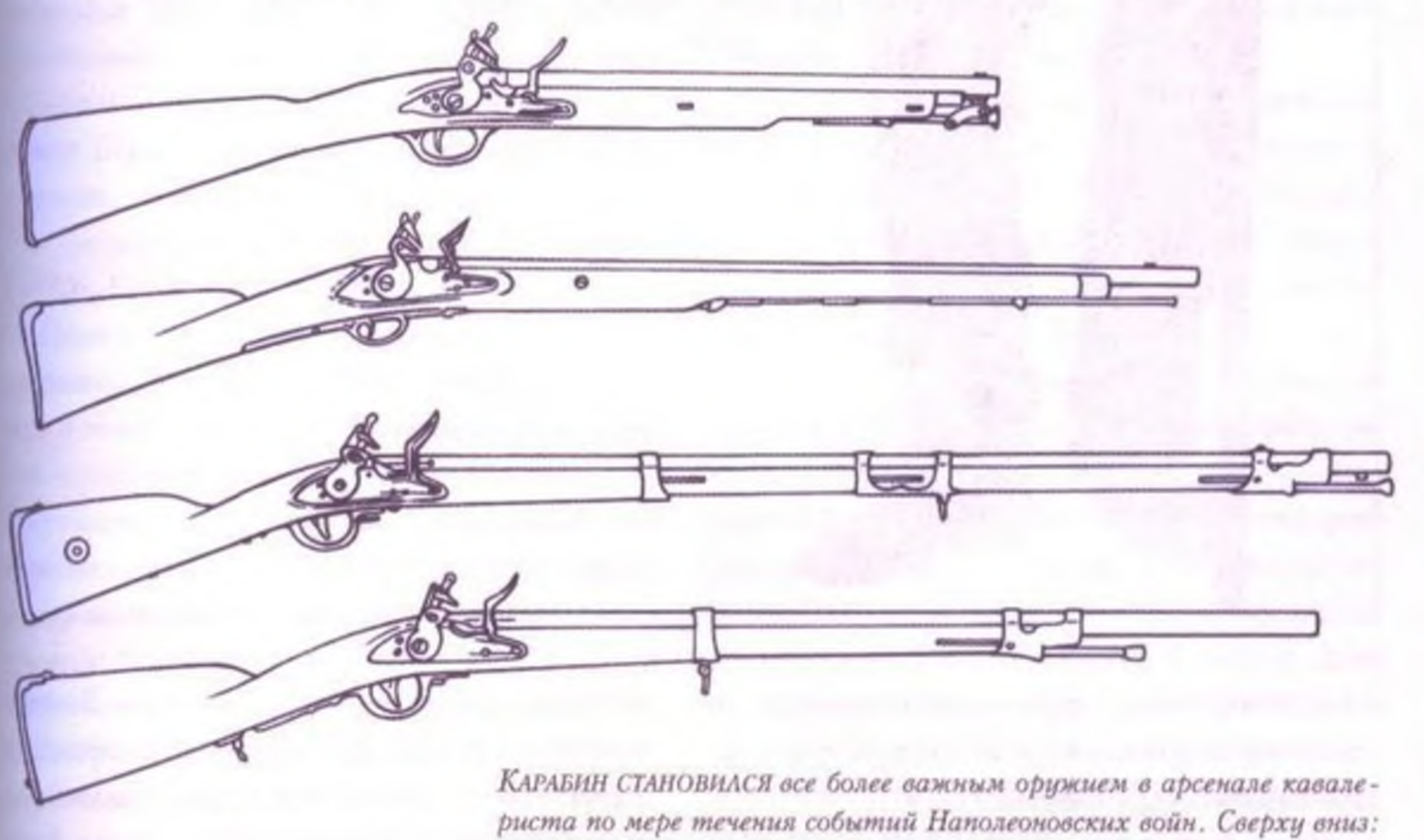
Поскольку ударная тактика являлась излюбленным подходом как для легких, так и для тяжелых кавалерийских частей, огнестрельное оружие было второстепенным по сравнению с саблями или пиками. Тем не менее, многие кавалеристы располагали одним или двумя пистолетами, а некоторые вооружались также карабином, или мушкетоном. Бойцы тяжелой кавалерии нередко применяли пистолеты, когда приходилось атаковать неприятельские каре, однако пистолет являлся оружием, принесшим больше разочарования и огорчений, чем успеха и способности с его помощью добиться некоего решительного перелома в бою. В ходе кавалерийской атаки солдат находился в постоянном движении, а потому просто не имел возможности перезарядить пистолет после выстрела. Пистолеты могли, конечно, применяться и в кавалерийской сшибке, или в так называемом *mêlée*, однако в рукопашной клинок всегда оказывался надежнее и предпочтительнее неточного и рассчитанного фактически на один выстрел да и склонного к тому же давать осечки пистолета.

Легкая кавалерия, действующая, так сказать, на периферии армии и то и дело сталкивающаяся с неприятельской пехотой либо кавалерией, с большей готовностью пользовалась в бою карабинами или мушкетонами, хотя обычно спешившись для перехода к огневой работе. Эскадроны карабинеров и драгун зачастую давали залп прежде, чем вступить в рукопашную с противником, однако они очень редко перезаряжали оружие, не говоря уже о ведении продолжительных перестрелок.

Легкая и тяжелая кавалерия во всех странах отличалась духом соперничества между собой, причем не всегда здоровым. Так, во французской армии неосторожные слова или оскорбительные замечания, брошенные в заштатном трактире кем-то из кирасир в адрес гусара и наоборот, неизбежно выливались в потасовки, в то время как дуэли между офицерами соперничающих видов конницы являлись не исключением, а скорее правилом. Тем не менее, кавалеристы не только кичились честью мундира и дрались между собой, но и проявляли порой чудеса отваги и мастерства даже в столкновениях с хорошо укрепившейся и окопавшейся пехотой и артиллерией, как показала та же Русская кампания 1812 г.

Битва при Бородино, 7 сентября 1812 г.

В июне 1812 г. Наполеон возглавил самую крупную армию в европейской истории, насчитывавшую до 500 000 чел., начав кампанию в России. Он рассчитывал положить ею конец длинной череде войн, сотрясавших и без того уже обескровленную Европу с самой Французской революции, завершив поход полной и окончательной победой Франции над последним врагом на континенте. Целью Наполеона служила русская армия, которую он надеялся уничтожить в крупном сражении неподалеку от границы на территории России. Важно отметить, что в планах император никогда не предусматривал глубокого вторжения в Россию и не собирался заходить на восток дальше Смоленска. Русский командующий, генерал Михаил Барклай де Толли (1761–1818), осознавал невозможность победить огромное войско Наполеона где-то недалеко от границы. Посему он начал стратегический отход на восток, заставляя французов с их союзниками углубляться на земли России, что неминуемо влекло за собой рост как боевых, так и – в основном – небоевых потерь; все это должно было привести и привело к сокращению численности французской армии до такой степени, когда представилась возможность помериться с ней силами на поле сражения.

Карабин становился все более важным оружием в арсенале кавалериста по мере течения событий Наполеоновских войн. Сверху вниз: британский кавалерийский карабин Пэйджета, британский карабин Эллиота, французское драгунское ружье и французский карабин образца IX–XIII годов Республики.

Французский шволежер-лансьер (chevau-légèr lancier), или улан

Когда Наполеон готовился к вторжению в Россию, он преобразовал шесть драгунских полков в уланские. Цель такого нововведения состояла в стремлении найти средство противодействия вооруженным пиками казакам и снабдить отрядами конных разведчиков тяжелые кавалерийские дивизии, что позволило бы императору не растрачивать силы кирасир и карабинеров и держать их в готовности для битвы. В преддверии Русской кампании наполеоновские легкоконные полки chevau-légèrs lanciers (шволежеров-лансьеров, или улан) состояли преимущественно из необстрелянных конскриптов и недавно произведенных офицеров; эти неопытные воины восседали на едва обученных конях, однако старшие офицеры, которым предстояло вести их в бой, были мастерами своего дела.

Изображенный здесь улан облачен в зеленый мундир, оставшийся ему как пережиток прошлого, когда его полк еще был драгунским, и вооружен он вдобавок ко всему драгунским ружьем, дополняющим холодное оружие – саблю и пику. Будучи чуть короче и несколько легче, французская пика отличалась от той, которой действовали поляки. Французские шволежеры-лансьеры стяжали себе высокую репутацию в ходе заключительных кампаний Наполеоновских войн.

С самого начала французские кавалеристы столкнулись с массой трудностей. В отчаянии от невозможности найти и связать боем отступающего противника, Мюрат терял всадников, терял коней в попытках поймать неизменно ускользавших и появлявшихся неведомо откуда казаков, которые рыскали вблизи Великой армии, но вне досягаемости от ее кавалерии. Привыкшие к кампаниям в плодородных районах Центральной и Западной Европы, французские кавалеристы и их лошади чувствовали себя неуютно на скудной дарами природы и небогатой жильем местности России. Все острее становился недостаток фуража, как не хватало и воды, особенно в свете упорства русских, не ленившихся раз от раза отравлять колодцы и поджигать поля в стремлении лишить французов всего необходимого. Хотя подобная практика создавала трудности всем, французские кавалеристы и конница союзников Наполеона страдали больше других. Через два месяца после старта кампании, достигнув Смоленска, Наполеон наконец-то увидел готовность драться со стороны противника, когда русские построились было для сражения. Однако не успели войска начать маневрировать и выходить на позиции для настоящего боя, как Барклай передумал и велел дать сигнал к всеобщему отступлению, позволив Наполеону, так сказать, проводить удивленным взором уходящие далее на восток неприятельские войска. Как бы там ни было, история со Смоленском раздосадовала не одного только Наполеона. Царь Александр I (1777–1825), уставший все время наблюдать за тем, как никем не останавливаемый Наполеон победно шагает по его собственной стране, решил положить конец политике выжженной земли, взятой на вооружение Барклаем, заменив его новым командующим, генералом от инфантерии, а позднее фельдмаршалом Михаилом Кутузовым (1745–1813).

> *«Наши кони лишены патриотизма. Солдаты еще готовы драться без хлеба, но лошади не пойдут в бой без овса».*
>
> Кавалерийский генерал Нансути, в ходе кампании 1812 г.

Намереваясь дать Наполеону открытое сражение, Кутузов остановил отступление армии и занял с войсками сильные оборонительные позиции в 125 км западнее Москвы, разместившись на нескольких невысоких, но укрепленных холмах в районе села Бородино. Ввиду необходимости навязывать врагу решительную битву и тем закончить кампанию, а также из опасения, как бы сложные маневры с его стороны вновь не побудили русских к отступлению, Наполеон отверг предложение маршала Даву провести фланговый маневр. Вместо этого император решил нанести удар в лоб русским.

На рассвете 7 сентября 1812 г., давая старт битве при Бородино, заговорили 400 французских пушек. IV корпус принца Евгения (Эжена) де Богарне (1781–1824), вице-короля Италии, находился на левом фланге и первым перешел в наступление на русские позиции у села Бородино, в то время как III корпус маршала Нея (вместе с подчиненным ему VIII корпусом генерала Жюно) и I корпус маршала Даву (без двух пехотных дивизий, временно приданных IV корпусу) ожидали приказа императора ударить по центру и левому крылу русской армии. Резервная кавалерия маршала Мюрата находилась позади пехотных соединений Богарне, Нея и Даву и должна была поддерживать их наступление, развернув с севера на юг 3-й, 4-й, 2-й и 1-й кавалерийские корпуса генералов Груши, Мари-Виктора Латур-Мобура (1768–1850), Луи-Пьера Монбрёна (1770–1812) и Нансути. На крайнем правом фланге армии Наполеона, отделенном от ее главных сил большим лесом, действовал V корпус князя Юзефа Понятовского (1763–1813), наступавший по Старой Смоленской дороге к деревне Утица.

Таким образом, на начальном этапе битвы на поле господствовали пехота и артиллерия, однако кавалерийский резерв по необходимости – с целью поддержания единства общего строя – дислоцировался в пределах досягаемости огня русской артиллерии.

Таким образом, хотя непосредственно и не вступая в бой на раннем этапе сражения, резерв не остался совершенно в стороне от устрашающей канонады, ставшей своего рода фирменным знаком этой битвы; и он тоже нес немалые потери от вражеского орудийного огня.

По мере течения событий I корпус Даву проламывал себе путь вперед, наступая на так называемые флеши – три полевых укрепления, служившие ключом к центру русских позиций. Даву сумел овладеть самой южной флешью, но только после отчаянного боя. К тому же русские контратаковали силами мощного резерва,

вырвав из рук пехотинцев Даву столь тяжело доставшийся им приз. Когда французские пехотные подразделения начали в беспорядке отступать, русская тяжелая кавалерия массами устремилась вперед и разметала несколько батальонов, прежде чем легкая кавалерия корпуса Даву в свою очередь не ответила несколькими контратаками, нанося удар во фланги русским конникам и приводя их в замешательство. Даву собрал рассеянную пехоту и вновь послал ее вперед, достиг южной флеши, но тут рядом с маршалом взорвался артиллерийский снаряд, убивший его лошадь и повергнувший наземь седока.

Выход Мюрата

Когда наступление забуксовало, Наполеон приказал Мюрату пустить в бой 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура, чтобы помочь III корпусу Нея и остаткам I корпуса взять флеши и взломать русский центр. Ней возглавлял корпус, находясь впереди штурмовой колонны, словно «гренадерский капитан», в то время как Мюрат — как всегда великолепный, в зеленом бархатном кителе и желтых сапогах — занял место во главе всадников и, пришпорив коня, повел их в бой. На поле вновь разыгрались отчаянные схватки, но не прошло и часа, как французы со штыками и саблями наголо захватили все три флеши. Русские же опять приступили к организации контратаки и выравниванию фронта.

С традиционным презрением к смерти, бесподобный Мюрат впереди конников отправился на рекогносцировку, желая познакомиться с положением на вражеских позициях перед новым штурмом. Отъехав далеко от своих, он очутился в весьма уязвимом положении, когда русские перешли в контратаку. И вот в какие-то считаные минуты маршал оказался окруженным множеством русских кавалеристов, которые, не без основания принимая столь пышно разодетого всадника за важную птицу, вознамерились взять его в плен. Мюрат воткнул шпоры в бока лошади и поскакал прочь от готовых уже вот-вот схватить его вражеских кирасир и, ускользая от них на галопе, помчался к южной флеши. Это укрепление тогда удерживал батальон вюртембергской пехоты, и солдаты его, видя, как огромный вал русской контратаки катится прямо на них, заколебались и упали духом.

И вот тут-то, когда они уже готовились обратить врагу тыл, появился Мюрат. Он буквально упорхнул из рук приблизившихся к нему почти вплотную русских кавалеристов, спрыгнув с мчавшегося коня прямо на бруствер флеши. Маршал схватил ружье и патронную сумку мертвого солдата, а затем воззвал к дрогнувшим было пехотинцам, стыдя их за готовность бросить позицию, в то время как маршал Франции стоит рядом и сражается. Вюртембергские солдаты вернулись на боевые посты. Король Неаполя и величайший из кавалерийских командиров в Европе временно превратился в простого пешего воина, чтобы вести бой вместе с вюртембержцами, которые ружейным огнем и штыками отразили ожесточенные атаки русских.

Две флеши — северную и центральную — русские во время тех контратак все-таки отбили. Пехотным дивизиям Нея пришлось особенно тяжело под ударами масс русских кирасир. В отчаянии Ней бросил легкую кавалерию III корпуса — французскую и вюртембергскую — прямо под ноги грозным русским латникам, однако яростные неприятельские кавалеристы быстро разделались с уступавшим им в силе и росте противником. Как бы там ни было, жертва легкой конницы не пропала напрасно, послужив замедлению темпа русской атаки; когда вражеские кирасиры вновь устремились вперед, генерал Нансути послал на них полки польских улан, которые и ударили во фланги уже измотанной русской тяжелой кавалерии. Уланы нанесли серьезный урон врагу, прежде чем тот смог выйти из боя и увести потрепанные эскадроны назад к русским позициям.

Генерал Латур-Мобур двинул свой кавалерийский корпус в помощь частям Нея, которые, вновь устремившись вперед, овладели северной и центральной флешами, соединились с Мюратом и прочно закрепили за собой важные оборонительные позиции, чтобы уже больше не отдавать их неприятелю.

Ней и Мюрат при участии еще ранее начавшего наступление Даву все же взломали центр русских позиций. Тем временем на левом фланге IV корпус принца Евгения овладел Бородином, форсировал реку Колочь и вступил в

Рядовой французского 1-го гусарского полка (1812–1814 гг.)

Гусары обычно одевались очень ярко и броско, хотя обмундирование изображенного здесь французского гусара в большей степени функционально, чем предназначено для парада. Перед нами один из представителей позднего периода Наполеоновских войн с традиционной гусарской прической – короткой косицей («свиным хвостиком») и заплетенными боковыми локонами. Кавалерист вооружен карабином и легкой саблей.

Гусары задействовались преимущественно для разведывательных целей и летучими отрядами перемещались тут и там по местности, пробуя на прочность оборону противника и по необходимости вступая с ним в мелкие и непродолжительные бои. Они не вызывали радостных эмоций в сердцах гражданских лиц, поскольку пользовались скверной репутацией грабителей. Надменная гордость и заносчивость, так свойственные гусарскому «сословию», неизменно вызывали гнев и озлобление у соперников – военнослужащих тяжелой кавалерии, которые весьма ревниво относились к гусарам и – будучи сами сорвиголовами – совершенно не ценили их лихого героизма. Ссоры и дуэли между гусарами и кирасирами были обычным делом.

шедшую с переменным успехом битву за обладание центральным укреплением, прозванным французами «Большим редутом», а русскими – «батареей Раевского» в честь русского генерала, 7-й пехотный корпус которого оборонял это фортификационное сооружение. После короткого совещания, проведенного между собой в отношении дальнейших планов, Ней и Мюрат пришли к заключению, что русская армия расстроена и настал момент решительного удара. Они срочно отправили генерала Огюстена-Даниэля Бельяра (1769–1832)

в ставку императора с настоятельной просьбой скорее бросить в бой корпус Императорской гвардии для довершения разгрома врага и обеспечения победы.

Наполеон провел первые часы битвы, сидя или измеряя шагами землю у себя под ногами на возвышенности возле Шевардинского редута – русского передового укрепления, захваченного французами двумя днями ранее. Император никуда не двигался с этого места, ибо чувствовал себя скверно, страдая от сильной простуды с насморком и температурой. Самочувствие Наполеона только ухудшалось от мыслей о положении дел и о том, что исход критической кампании все еще качается на чашах весов; за всю свою долгую военную карьеру он никогда еще не находился в такой отвратительной ситуации. Белльяра поразила флегматичная реакция Наполеона на известие о наконец-то достигнутом прорыве в центре. Стремясь представить дело в наиболее выгодном свете, Белльяр доложил об отступлении русских на всех участках и об их неспособности где-либо закрепиться и продолжить сопротивление. Наполеон походил туда-сюда в сомнениях, затем приказал послать вперед гвардию. Когда же дивизии уже начали выдвижение, император неожиданно отменил распоряжение. Наполеон вдруг заявил, что битва началась лишь недавно, а потому потребно терпение. Белльяр поскакал обратно с плохой вестью, вынужденный сообщить Нею и Мюрату о нежелании императора бросить в бой гвардию именно сейчас.

Ней пришел в ярость, услышав такую новость, поскольку осознал, что все усилия, положенные на захват полевых укреплений противника, вот-вот грозили пойти прахом. «Разве для того мы зашли так далеко, чтобы удовлетвориться захватом поля битвы? – вопрошал в ярости Ней. – Что делает император в тылу армии? Если он больше не хочет воевать, если он больше не полководец, ибо предпочитает быть императором всюду, пусть возвращается в Тюильри и оставит нас полководцами воевать вместо себя!»

В то время как Наполеон обдумывал дальнейшие действия, ему доложили о прорыве на левом фланге крупных формирований русской конницы, угрожавших обрушиться на обозы армии и даже на собственную штаб-квартиру императора. Неприятно пораженный этим известием, Наполеон приказал генералу Груши выдвинуть части его 3-го кавалерийского корпуса в северном направлении с целью обеспечения там стабильности. Когда пришли новые данные, подтверждавшие ранее изложенные факты, а также свидетельствовавшие о серьезном натиске противника, которого все с бо́льшим трудом сдерживали несколько полков баварской и итальянской легкой кавалерии, выступавших как прикрытие на левом фланге армии, Наполеон решил, что русские развернули генеральное контрнаступление. Затем он перебросил войска, противостоявшие уязвимому центру русских позиций, на защиту угрожаемого левого фланга и велел Груши вступить в бой с неприятельской конницей и драться изо всех сил.

«В погоне за славой выигрываешь и получаешь многое: подагру и медали, пенсию и ревматизм. Еще вы обмораживаете ноги, теряете какой-нибудь член своего тела, а ружейная пуля застревает у вас между двумя костями, и врач говорит, что бессилен достать ее оттуда. А бивуак под дождем или снегом! А все эти невзгоды, которые выносишь молодым, но платишь за них, когда наступает старость!»

Капитан Эльзеар Блаз

Доклады об обстановке, хотя и верные в основной сути, оказались фактически сильно преувеличенными. Страшные массы вражеской конницы представляли собой на деле действительно крупные, но отнюдь не непобедимые формирования казаков, возглавляемые грозным донским атаманом, генералом Матвеем Платовым (1751–1818), а также полки русских гусар, улан и драгун, составлявшие кавалерийский корпус генерала Федора Уварова (1769–1824). Находившийся в стороне от больших событий битвы, то есть в положении в общем-то обычном для легкой кавалерии, Уваров забеспокоился, опасаясь остаться не у дел и не поучаствовать в сражении.

Чувствуя, что с уходом все глубже вперед IV корпуса принца Евгения левое крыло армии Наполеона – самая оконечность его северного фланга – «повисло в воздухе», Уваров убедил Кутузова отправить легкую кавалерию и казаков в дальний рейд. На этом задании всадники смогли бы найти слабое место в обороне противника, нанести ему чувствительный удар, а к тому же посеять панику, смерть и разрушения в тылу у французских войск. В какое-то время они и точно вызвали громкий резонанс. Но вот навстречу казакам Платова и частям Уварова вышли кавалерийские полки корпуса Груши: быстро разделавшись с легкой конницей русских, они погнали противника обратно к собственным позициям, не дав нанести сколь-либо серьезного урона французам.

Лихая атака французских гусар под Фридландом, 14 июня 1807 г. Легкая кавалерия применялась преимущественно для разведки накануне крупного сражения и для преследования после достижения победы (или же в арьергардных боях в отступлении после поражения). В иных отдельных случаях, однако, легкую конницу бросали в бой непосредственно на поле битвы, как и показано здесь.

В то время рейд рассматривался русскими как их поражение. Кутузов пришел в ярость от действий Платова и Уварова, которые не добились почти ничего, потеряв немало ценной легкой конницы. Гнев главнокомандующего вылился в упоминание о подозрительном бездействии в сражении Уварова и Платова, хотя общий тон его реляции, посланной царю, носил более чем оптимистический характер.

Однако рейд повлек за собой непредсказуемые последствия, ибо произвел на Наполеона куда более сильное впечатление, чем представлялось Кутузову. Прорыв легкоконных русских отрядов оттянул на себя несообразное угрозе количество французских войск как раз в тот момент, когда те с большей пользой могли бы использоваться для развития успеха Нея и

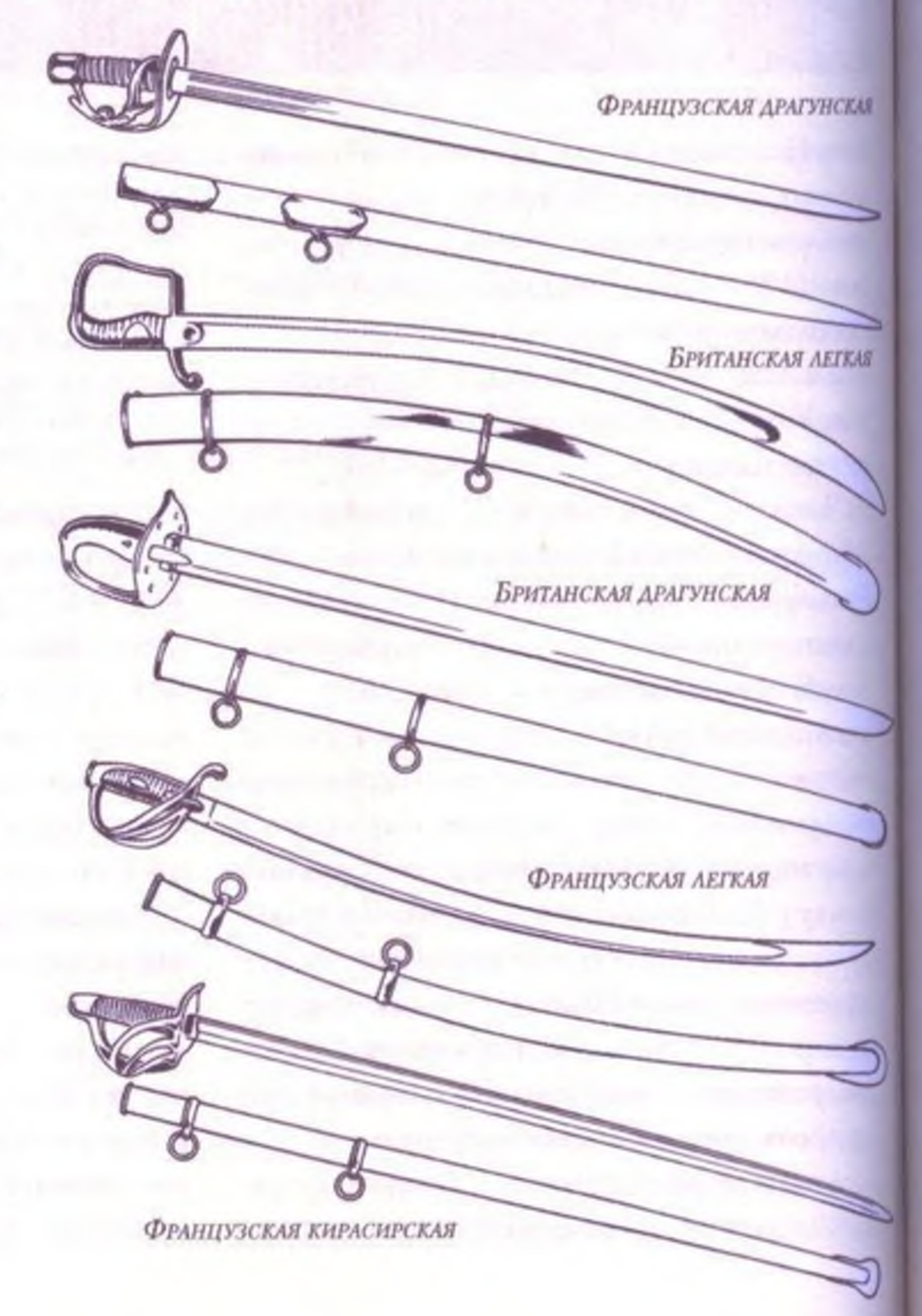
Мюрата в центре фронта. Эпизод к тому же укрепил Наполеона в необходимости придерживать гвардию в резерве как надежную гарантию от подобного рода сюрпризов в будущем.

Великий редут, или батарея Раевского

Когда проблема, вызванная прорывом вражеской конницы, разрешилась, Наполеон вновь сосредоточился на центре русских позиций, где на протяжении трехчасового затишья шла лихорадочная подготовка нового раунда схватки. Император собирался нанести массированный удар в русский центр, ставя целью захват Большого редута. Наполеон приказал принцу Евгению де Богарне с его IV (французско-итальянским) корпусом вновь развернуть атаку на объект, упорно не дававшийся им весь день. Измотанные солдаты сосредоточились в овражках у подножья кургана, где располагалось русское укрепление, и собрали силы для нового броска. В поддержку принца Евгения Наполеон стянул воедино 170 орудий и приказал генералу Огюсту де Коленкуру (1777–1812) принять командование 2-м кавалерийским корпусом вместо павшего в битве генерала Монбрёна и обрушиться всеми силами на русские позиции чуть южнее редута, а затем развернуться и атаковать укрепление с его сравнительно открытой тыльной части.

Пока французская артиллерия поливала ядрами русские позиции, генерал Коленкур прибыл принимать командование 2-м корпусом резервной кавалерии, но обнаружил солдат в потрясенном состоянии, а офицеров просто в отчаянии из-за гибели горячо любимого ими командира – генерала Монбрёна. Коленкур выхватил саблю и с возгласом: «Не плачьте по нему, лучше идите и отомстите за него!» – занял место перед фронтом 2-й тяжелой кавалерийской дивизии генерала Пьера Ватье. Построившись для атаки, эта кирасирская дивизия ожидала сигнала к наступлению.

Маршал Мюрат в знаменитом ярком мундире, покрытом копотью пороховой гари, пылью и кровью, поскакал к Коленкуру. Поскольку Даву временно вышел из участия в боевых действиях, Мюрат принял командование также и над I корпусом, а потому не мог лично возглавить кавалерийскую атаку, как бы ему того ни хотелось. Поэтому он наскоро и в общих чертах изложил Коленкуру план маневра и объяснил ему свое видение того, как тяжелая кавалерия обойдет редут с фланга и ударит по его защитникам с тыла. «Пробейте их строй и возьмите редут!» – воскликнул Мюрат, подытоживая инструктаж. «Скоро вы увидите меня там живым или мертвым», – сказал в ответ Коленкур и отдал честь маршалу.

Кавалерийские сабли Наполеоновской эпохи. Сабли являлись главным оружием конных солдат, при этом по конструкции они заметно отличались друг от друга в зависимости от вида кавалерии. В тяжелых кавалерийских частях использовались длинные прямые сабли, в то время как в легкой кавалерии предпочтение отдавалось оружию с более коротким изогнутым клинком.

Российская пехота и артиллерия под Бородино. Русская армия приготовила ряд полевых укреплений, в том числе три флеши на левом фланге, и крупное фортификационное сооружение в центре, прозванное французами «Большим редутом». Кавалерия считалась бессильной против хорошо укрепившейся пехоты и пушек, однако под Бородино французские, саксонские и польские кирасиры совершили невозможное, взяв штурмом Большой редут.

В 2 часа пополудни 170 французских орудий открыли огонь по Большому редуту. Войска вице-короля Италии принца Евгения де Богарне – 14-я пехотная дивизия IV корпуса, 1-я и 3-я пехотные дивизии I корпуса – построились в штурмовые колонны в овраге под холмом с Большим редутом на вершине, где, готовясь отразить еще один вражеский натиск, расположились его отважные защитники. Огонь артиллерии оказался вполне эффективным и нанес серьезный ущерб укреплению, которому ранее уже и без того досталось немало: кое-где ядра и гранаты даже пробили бреши в обороне, сровняв земляные валы редута. Через несколько минут после старта предварительной артиллерийской подготовки пехота начала движение в направлении цели. Когда она пошла в атаку, пронзительные голоса кавалерийских рожков отчетливо зазвучали в адском грохоте канонады, и шесть дивизий резервной кавалерии тоже устремились в наступление (из них две дивизии корпуса Груши атаковали севернее Большого редута, а четыре дивизии корпусов Коленкура и Латур-Мобура – южнее). На острие массированного броска находился сам генерал Коленкур, выбравший себе место среди французского 5-го кирасирского полка, которому досталась честь возглавить атаку. За 5-м полком следовали 8-й и 10-й кирасирские полки, образующие, соответственно, второй и третий эшелоны дивизии Ватье.

Французские кавалеристы взобрались на плато, а затем, перейдя на галоп, быстро обогнали поддерживающую пехоту. Взметая землю копытами могучих коней и оставляя пеших товарищей далеко позади, синяя с серебром масса всадников сломила сопротивление русской артиллерийской прислуги, а затем обрушилась на русскую пехоту, спешащую на помощь Большому редуту.

Коленкур повел облаченных в доспехи всадников прямо в массы одетых в зеленую форму солдат, прорубая кровавую тропу через порядки русской пехоты и обращая в бегство дезорганизованного противника. Французская кавалерия сняла смертельную жатву на южном

Битва при Бородино

7 сентября 1812 г.

По плану Наполеона, в 1812 г. ему предстояло разгромить русскую армию где-нибудь поблизости от границ России, однако русские войска не принимали решительного боя и отходили все дальше и дальше в глубь необъятной территории своей империи. Наполеон преследовал их далеко от кордонов России до тех пор, пока наконец генерал (после Бородино фельдмаршал) Кутузов не решился дать противнику бой на подступах к Москве около села Бородино. Маршал Даву предлагал обходной маневр против левого фланга русских, но 7 сентября Наполеон обрушился на врага с фронта, дав старт, наверное, самому ожесточенному сражению за весь период Наполеоновских войн. Точками основного приложения сил стали флеши и земляное укрепление, или Большой редут, находившееся в центре русской позиции. После нескольких кровопролитных атак корпуса Нея и Даву, поддержанные частью резервной кавалерии Мюрата, вырвали флеши из рук русских, в то время как корпус принца Евгения де Богарне сражался за Большой редут. Намереваясь во что бы то ни стало овладеть Большим редутом, Наполеон приказал тяжелой кавалерии броситься в атаку и взять укрепление. Как ни невероятно, но редут пал, вследствие чего в центре русских порядков образовалась брешь. Считая, что ему еще предстоят новые сражения в России, Наполеон не пожелал для развития успеха отправить в горнило битвы Императорскую гвардию. Армия Кутузова возобновила отступление, израненная, но не уничтоженная. Спустя неделю Наполеон вступил в Москву.

Село Бородино расположено у реки Колочь прямо на столбовой дороге, ведущей на восток к Москве, расстояние до которой составляет 125 км.

1 С первым светом утра Наполеон дает старт наступлению на левое крыло и центр русской позиции при массированной огневой поддержке 400 орудий. Маршалы Даву, Ней и Мюрат ведут ожесточенный бой, стремясь овладеть полевыми укреплениями (флешами), служащими опорными узлами русской обороны.

2 Принц Евгений захватывает село Бородино, а затем переводит основную часть своих войск через реку Колочь, чтобы поддержать наступление в центре и овладеть Большим редутом. Это укрепление, однако, остается в руках русских.

3 Польский корпус князя Понятовского, завязав бой в районе деревни Утица, пытается смять крайний левый фланг армии Кутузова, однако не может сломить сопротивление противодействующих ему русских войск.

4 Генералы Уваров и Платов с казаками и корпусом регулярной кавалерии отправляются в массированный рейд в обход левого фланга армии Наполеона и создают угрозу ее обозам. Наполеон посылает против них резервный кавалерийский корпус генерала Груши, чьи контратаки обращают русскую конницу в бегство.

5 Стремясь во что бы то ни стало проломить русский центр, Наполеон бросает тяжелые кавалерийские полки в атаку на Большой редут при поддержке пехоты. Французская кавалерия штурмует русское укрепление.

6 Кутузов перебрасывает войска с правого фланга на угрожаемый центр и затыкает брешь. Наполеон отказывается рисковать и ставить на карту Императорскую гвардию для достижения решительного перелома и триумфа в битве. Ночью армия Кутузова отступает далее на восток к Москве.

Утица

Большой редут

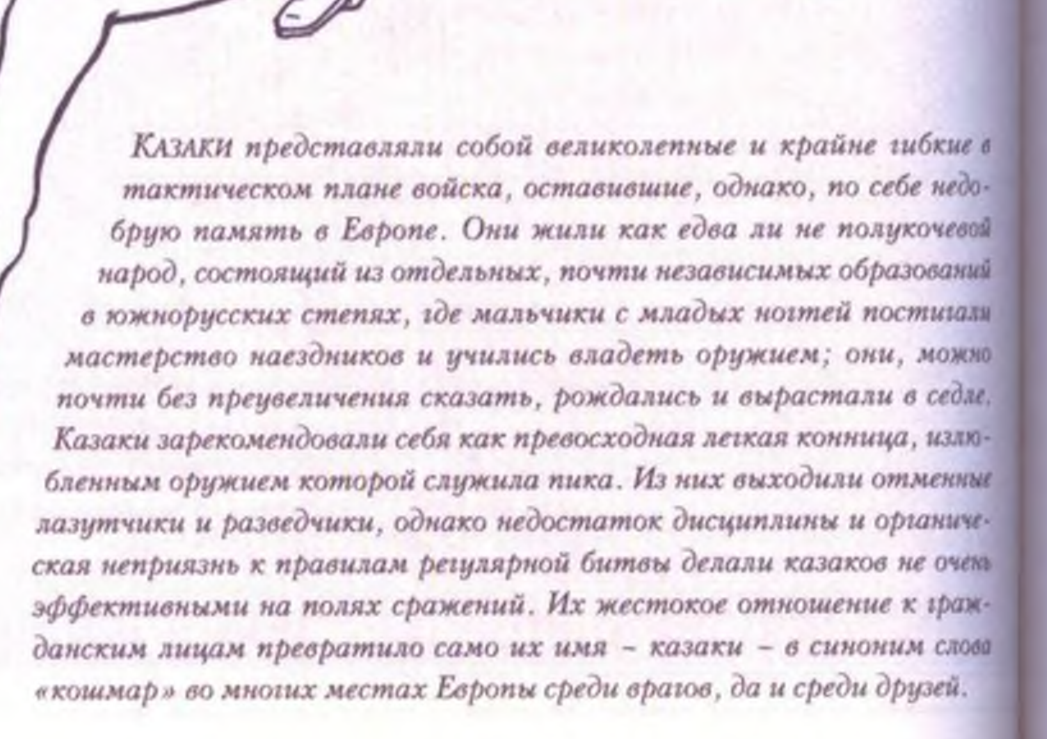
Бородино

фланге Большого редута, после чего Коленкур развернул конницу влево, обрушиваясь на очередные части русской пехоты, расположенной слишком неудачно и неспособной потому как следует встретить кавалерийскую атаку. Смятенные русские солдаты рассеялись под ударами французских кавалеристов, и Коленкур завершил великолепный бросок — повел рокочущую конницу прямо через горжу — открытый проход в тылу Большого редута, спеша покончить с героическими защитниками укрепления — артиллеристами и пехотинцами.

Русская пехота, скучившаяся внутри редута, встретила напиравших всадников врага ружейными залпами. Многие попадали с коней, в том числе и отважный Коленкур, получивший пулю в грудь и скончавшийся прежде, чем тело его встретилось с землей.

Как бы там ни было, к тому моменту атака уже не так остро нуждалась в лидере — штурм оказался успешным, и французская тяжелая кавалерия не собиралась за здорово живешь отдавать кровью завоеванный приз. Всадники бросали коней на русских пехотинцев и канониров, безжалостно рубя и закалывая противника и не давая никому пощады.

Французские кирасиры 5-го полка сражались внутри Большого редута, но стали постепенно выходить из боя, когда в битву отважно включились другие кавалеристы, в том числе саксонские и польские кирасиры, составлявшие одну из бригад корпуса Латур-Мобура. При этом саксонские конные лейб-гвардейцы из полка *Garde du Corps* заскакали внутрь редута не с его тыльной стороны (через горжу), а с южного фланга укрепления, прямо через разрушенные ядрами и осыпавшиеся брустверы. Наступавший следом саксонский кирасирский полк «фон Цастров» повторил маневр Коленкура и обошел редут с тыла, тогда как польский 14-й кирасирский полк, двигавшийся в третьем эшелоне бригады, частью устремился вслед за полком *Garde du Corps*, частью — за полком «фон Цастров».

КАЗАКИ представляли собой великолепные и крайне гибкие в тактическом плане войска, оставившие, однако, по себе недобрую память в Европе. Они жили как едва ли не полукочевой народ, состоящий из отдельных, почти независимых образований в южнорусских степях, где мальчики с младых ногтей постигали мастерство наездников и учились владеть оружием; они, можно почти без преувеличения сказать, рождались и вырастали в седле. Казаки зарекомендовали себя как превосходная легкая конница, излюбленным оружием которой служила пика. Из них выходили отменные лазутчики и разведчики, однако недостаток дисциплины и органическая неприязнь к правилам регулярной битвы делали казаков не очень эффективными на полях сражений. Их жестокое отношение к гражданским лицам превратило само их имя – казаки – в синоним слова «кошмар» во многих местах Европы среди врагов, да и среди друзей.

Взятие редута

Одновременно три пехотные дивизии из IV и I корпусов устремились на слабеющую оборону Большого редута с фронта. Штыками они проложили себе путь через земляные заграждения, вскарабкались на парапеты и тоже включились в схватку внутри укрепления. После получасовой резни все было кончено, от защитников — четырех русских полков — почти ничего не осталось. С обеих сторон все взгляды притягивались к одному только центральному редуту — к происходившему вокруг него и на нем самом — в тревожном ожидании исхода. Вдруг тут и там над валами взвились трехцветные знамена, и громкие победные кличи, раздавшиеся над французским строем, заглушили грохот сражения.

> *«Казаки – лучшие легкие войска, которые только есть на свете. Если бы у меня в армии были такие, я бы прошел с ними через весь мир».*
>
> *Наполеон*

Картина, открывавшаяся взору на русском редуте, вызывала оторопь и смятение даже у бывалых воинов. Ожесточенный бой закончился превращением укрепления в покойницкую. Мертвые люди и лошади лежали во рвах возле восточного вала, в то время как внутри редута, где кипело особенно ожесточенное сражение, землю буквально покрывал ковер из мертвецов, достигавший порой восьми тел в глубину. Даже закаленные ветераны не могли равнодушно взирать на это. Солдаты генерала Коленкура достали тело убитого командира из кучи трупов и отвезли в тыл на покрытом пятнами крови белом кирасирском плаще. Коленкур оказался одним из 47 французских генералов, убитых или раненных в тот день кровавой битвы.

Курьер с донесением о захвате Большого редута отправился в ставку Наполеона, чтобы в том числе возвестить о гибели младшего брата генералу Арману де Коленкуру (1773–1827), обер-шталмейстеру императора. Коленкур на момент изменился в лице, затем всеми силами взял себя в руки и не показывал более никаких эмоций, хотя слезы текли по его лицу. Наполеон повернулся к нему и довольно бесцеремонно заявил: «Вы уже слышали о случившемся, хотите уйти с поля?» Коленкур, неспособный выговорить слова, слегка кивнул и коснулся шляпы в знак почтения, но остался на месте. Затем Наполеон смягчился и выразил сочувствие: «Он умер, как и надлежит храбрецу, к тому же в решающий момент битвы». Захват Большого редута переломил ход сражения в пользу Наполеона, и русский центр казался теперь вполне созревшим для кульминационного удара. На самом редуте тактическое управление в сложившейся обстановке принял на себя принц Евгений де Богарне. Ему удалось наскрести несколько частей конницы из имеющихся поблизости сил, в том числе два полка карабинеров, входивших в состав 4-й тяжелой кавалерийской дивизии генерала Дефранса, соединить их и развернуть на позициях к востоку от захваченного укрепления. Французским и союзным им кавалеристам предстояло вновь ударить на попятившихся русских и с максимальной пользой употребить смятение в порядках противника, чтобы расширить брешь и подготовить все условия для финального удара, который, как полагали все, император теперь непременно нанесет.

Принц Евгений отправил гонца в штаб с известием о победе и с горячей просьбой к Наполеону ввести в бой Императорскую гвардию, дабы гарантировать триумф. Однако русские отступили в порядке и скоро обрели, что называется, почву под ногами. Вымотавшиеся французские и союзнические кавалеристы атаковали их, но навстречу им на галопе устремились два свежих корпуса русской кавалерии с задачей закрыть пролом. Вновь разгорелся отчаянный бой, но два фактора — численно пре-

восходящие силы русских и утомление французских всадников после ожесточенной схватки за центральное укрепление – вынудили победителей отступать под защиту Большого редута.

Здесь конница смогла прийти в себя и перегруппироваться под защитой пехотных частей, состоявших под командованием принца Евгения де Богарне, и большого количества артиллерийских батарей, которые подтянули по приказу Наполеона для упрочения положения на взятом редуте и подготовки к новой фазе наступления. Тем временем начали приближаться плотные колонны русской пехоты, однако когда они оказались на дистанции огня, французские пушки открыли огонь ядрами. Ядра выкашивали этакие просеки в тесных рядах колонн, но высоко чтимая репутация русских как беспримерно стойких бойцов никогда, наверное, не находила столь же очевидного подтверждения, как в упорстве тех солдат, которые продолжали марш, невзирая на огненный шторм, бушующий вокруг и уносящий жизни товарищей. В итоге несгибаемые батальоны достигли дальности картечного выстрела. Тогда французские пушки принялись осыпать русскую пехоту картечью и наконец заставили ее остановиться. Тут в дело вступила русская артиллерия, давая старт широкомасштабной дуэли батарей.

Польские уланы (слева) сталкиваются в схватке с русскими конногвардейцами и кавалергардами вблизи Большого редута – момент, запечатленный на картине художника-баталиста Франца Рубо (1856–1928).

Неожиданная осторожность

Обо всем происходившем на поле битвы с передовой доносили в штаб Наполеона, практически одновременно поступили туда настойчивые просьбы принца Евгения и Нея о вводе в дело пехоты Императорской гвардии для превращения успеха в сражении в убедительную победу. Наполеон отказал, возразив, что битва еще идет и решительный момент пока не настал. Советник императора, государственный секретарь граф Дарю (1767–1829), попытался сделать осторожный упор на том, что-де со всех сторон слышно одно: надо пустить на поле гвардию. Наполеон отклонил и это предложение, заявив, что гвардия осталась его последним резервом, и заметил: «А если завтра будет новая битва, чем тогда будет сражаться моя армия?»

Многие командиры поражались столь непривычной осмотрительности великого полководца. Вместе с тем маршал Бессьер, начальник гвардейской кавалерии, рекомендовал не забывать о благоразумии и напоминал Наполеону: «Вся Европа лежит между нами и Францией. Отсюда до Парижа 700 лье». Бертье тоже советовал императору не рисковать его последним резервом, и даже Мюрат, так горячо ратовавший за ввод гвардии в дело на раннем этапе сражения, признавал теперь, что результатом может стать новое кровопролитие в обмен на лишь малые приобретения и выигрыши. Подобные высказывания сильнее укрепили Наполеона в целесообразности выбранного решения, и император оставил гвардию в резерве. Французские и русские пушки поливали позиции противостоящих армий чугуном и сталью до тех пор, пока сгустившиеся сумерки не заставили стороны прекратить артиллерийский обстрел. Кутузов отправил царю хвастливую реляцию, заявляя о достижении великой победы. Вслед за этим армия-«победительница» потащилась далее на восток, оставив поле неприятелю; потери ее исчислялись в 50 000 чел., а урон французов составил 30 000. В противоположность тому, что наблюдалось в прежних кампаниях Наполеона, преследование французами отступавших от Бородино русских войск не носило традиционного энергичного характера.

Французская кавалерия понесла в описываемой битве огромный урон, лишившись в том числе и ряда старших и высших офицеров. Потери эти еще сильнее сократили численность людей и лошадей в кавалерийских частях, и так уже значительно уменьшившуюся за три прошедших месяца кампании. Особенно велика была убыль конского состава, вследствие чего большинство полков резервной кавалерии Мюрата превратились скорее в собственные тени и утратили способность с должной эффективностью преследовать побежденного противника.

Наполеон выиграл Бородинское сражение, названное французами битвой при Москве-реке (*la Bataille de la Moscowa*), отчасти вследствие превосходно проведенной Коленкуром атаки тяжелой кавалерии, которая отлично справилась с заданием по штурму ключевого укрепления. Это было невероятное деяние для конницы. Наполеон сам признавал данный факт в официальном бюллетене, объявлявшем о победе; там он, в частности, написал: «Генерал Коленкур атаковал во главе 5-го кирасирского полка, сметая все на своем пути, и вступил на редут слева через проход в нем. С того момента более не было неопределенности. Сражение было выиграно». Наполеон предпочел не упоминать о роли саксонцев, поляков и прочих французских кирасирских полков, принимавших участие в атаке, но особо подчеркнул заслуги павшего героя, чего тот, безусловно, стоил.

Победа под Бородино даровала Наполеону в качестве награды Москву, которой он овладел без какого бы то ни было противодействия со стороны неприятеля спустя неделю. Однако

мечты об окончательной победе скоро растаяли, словно дым подожженной русскими собственной древней столицы. Они шли на все, лишь бы не дать врагу воспользоваться ею как удобной базой; царь Александр I не собирался просить мира и обсуждать условий с победителем. Начавшееся в итоге отступление Великой армии из Москвы превратилось в несказанный кошмар.

Князь Михаил Кутузов был воспет и канонизирован в России как величайший полководец русской армии. Первый боевой опыт он нажил в войнах с поляками и турками, потеряв глаз в одном из сражений. Кутузов командовал русской армией в ходе кампании 1805 г., когда вместе с австрийцами потерпел сокрушительное поражение от Наполеона в битве при Аустерлице. Он восстановил собственную репутацию благодаря успешному ведению боевых действий в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Призванный царем Александром I остановить Наполеона после его вторжения в Россию, Кутузов дал упорную оборонительную битву противнику под Бородино, где положил едва ли не половину армии. Кутузову удалось избежать второго Аустерлица, но пришлось сдать победителю Москву.

Страшные холода русской зимы и полное крушение французской сети снабжения погубили Великую армию и сделали явью тот факт, что триумф Наполеона под Бородино был лишь тактической победой в рамках совершенно провальной в остальном кампании. Сам Наполеон в итоге признавал, чего стоило то отчаянное столкновение: «Из всех моих сражений самым ужасным было то, которое я дал под Москвой. Среди всех одержанных мной побед там была проявлена наибольшая отвага и достигнут наименьший результат».

Кавалерийская тактика

Хорошо подготовленные пехотинцы с крепкими нервами всегда знали, как построиться в каре, дабы достойно отразить кавалерийскую атаку. При должной организации пехотные каре встречали скачущих на них всадников этакими «ежами» размером в батальон, ощетинившимися, словно иголками, остриями сотен штыков. Посему кавалерийская атака, как и любой успешный тактический маневр на поле сражения в наполеоновскую эпоху, нуждалась в тщательной координации действий всех родов войск – пехоты, кавалерии и артиллерии.

Наполеон считал обязательным правилом поддержку кавалерийских атак огнем артиллерии, поскольку всадники, вооруженные лишь оружием ближнего боя, сами не обладали огневым потенциалом. Соответственно, артиллерийские батареи приписывались непосредственно к кавалерийским дивизиям. Орудийная прислуга в таких частях, называемых конной артиллерией, передвигалась верхом, что позволяло ей поспевать за кавалерией. Конная артиллерия являлась неотъемлемой составляющей каждой кавалерийской дивизии во французской армии. Подобные батареи комплектовались легкими пушками, стрелявшими 4-фунт. (1,8-кг) или 6-фунт. (2,7-кг) ядрами и обеспечивавшими основную огневую поддержку кавалерии в наступлении. Хотя снаряды таких орудий отличались небольшой массой в сравнении с ядрами пешей полевой артиллерии, конным батареям обычно приходилось иметь дело с легко уязвимыми целями, поскольку для отражения кавалерийских атак пехота строилась в очень плотные порядки.

Подобные сомкнутые формирования были весьма удобными мишенями для пушек, каждый выстрел которых находил цель, убивая и калеча зачастую разом по несколько пехотинцев. Способность конноартиллерийских подразделений передвигаться быстрее обычных полевых батарей позволяла довольно легко перемещать артиллерию по полю боя. В тех случаях, когда канониры конной артиллерии подвергались нападению или оказывались под обстрелом, они могли в темпе свернуть батарею и убраться с угрожаемой позиции куда проворнее, чем их коллеги из пешей артиллерии.

> *«Задача кавалерии – закреплять победу и лишать разбитую армию способности перегруппироваться».*
>
> *Наполеон*

Как уже отмечалось выше, кавалеристы, особенно те, что служили в легкой коннице, иногда использовали пистолеты, мушкетоны или карабины. Тем не менее главным их оружием повсеместно оставалась сабля. В тяжелой кавалерии применялись массивные палаши с длинным прямым клинком, предназначенные в первую очередь для нанесения колющих ударов. Бойцы легкой кавалерии предпочитали сабли меньшего размера и веса, чьи изогнутые клинки подходили в первую очередь для того, чтобы рубить ими противника. На протяжении всей описываемой нами эпохи да и не раз и не два потом велись споры в отношении преимуществ в эффективности того или иного вида клинка для человека на коне, при этом многие соглашались с французами, считавшими колющий удар более смертоносным, чем рубящий.

В бою с неприятельскими всадниками, по мере нарастания скорости и сближения с целью, кавалеристы обычно поворачивали клинки горизонтально, а не держали их вертикально, поскольку так оружие легче проходило через ребра противника, снижая шанс застрять в теле. Энергии скачущей лошади вполне хватало для верного поражения врага холодным оружием. Кавалеристов учили начинать вытаскивать клинок обратно сразу же после того, как он вонзался в тело жертвы. Это надо было сделать как можно скорее, чтобы получить возможность нанести повторный удар и прикончить оппонента или же вступить в схватку со следующим врагом, если первый выходил из строя либо просил пощады. При обучении рубящим ударам кавалеристов заставляли доводить клинок как можно ниже, чтобы, если враг пригнется в седле, – обычный рефлекторный оборонительный маневр, – лезвие все равно задело бы какую-то часть тела.

Возвращение копья

В то время, как сабля была и оставалась главным оружием кавалеристов в бою, Наполеоновские войны стали свидетельницами ренессанса такого старого как мир кавалерийского атрибута, как копье, или пика. Копье служило традиционным оружием конницы на протяжении долгих веков, однако по большей части вышло из употребления ближе к концу XVIII столетия. Во время кампании 1805 г. австрийская кавалерия включала в себя несколько вооруженных пиками уланских полков, да и казаки в русской армии тоже широко применяли это оружие. В преддверии Русской кампании Наполеон перепрофилировал ряд драгунских полков в шволежерские (уланские), а затем включил эти полки в состав тяжелых кавалерийских дивизий с целью обеспечения их более подходившими для разведки частями. Подобная мера позволяла тяжелым кавалерийским полкам оставаться свежими и сохранять полную боеготовность, необходимую им для участия в крупных сражениях. Французские уланы вооружались пиками двух типов. Изначально существовала только польская пика образца 1809 г., или *lance polonaise*, которой пользовались, соответственно, польские уланы; она достигала в длину 2,8 м и снабжалась 38,3-см (15-дюйм.) железным наконечником. Когда незадолго до Русской кампании император создал французские полки шволежеров-лансьеров (улан), они получили более короткую и легкую французскую пику

Французские кирасиры против британской тяжелой кавалерии (лейб-гвардейцев) под Ватерлоо. Сражение при Ватерлоо стало свидетелем первого столкновения французских кирасир и британской тяжелой кавалерии, поскольку, за исключением одного кирасирского полка, действовавшего в Каталонии, французы практически не применяли элитную тяжелую конницу на Пиренейском полуострове. Британская тяжелая кавалерия неплохо показала себя при Ватерлоо и, несмотря на очень большие потери, дала достойный отпор знаменитым наполеоновским кирасирам.

образца 1811 г., или *lance française*, которая при общей длине 2,75 м имела наконечник в 21,6 см (8,5 дюйм.). Хотя поляки недовольно косились на более легковесное оружие, французы находили такую пику более удобной, особенно для подготовки новобранцев, а также и не столь обременительной во время длительных переходов. Французские шволежеры, как и польские уланы, были не слишком довольны наличием у пики матерчатого вымпела, или флюгера. Хотя развевающийся вымпел и придавал внешнему виду уланских частей этакую эстетическую утонченность, он снижал, как бы сказали мы сегодня, аэродинамические свойства оружия на скаку и служил источником лишних неудобств в походе.

Эффективность улан на поле сражения продемонстрирована уже самим фактом широкого усвоения пики прусскими, австрийскими и русскими кавалеристами с 1812 г. и далее. В австрийской, русской и прусской армиях вооруженные пиками легкие части назывались не лансьерами, а уланами, при этом их пики имели приблизительно ту же длину, что и у французов. Русские казаки предпочитали длинную пику, и их оружие могло достигать 4 м.

Количество уланских полков в союзнических армиях неизменно множилось начиная с 1813 г. и далее, однако уровень подготовки заметно уступал выучке, получаемой французскими уланами. Даже в боях с необстрелянными французскими кавалеристами в 1813 г. уланы противника редко показывали себя достойно, хотя данное общее правило и знало несколько ярких исключений.

Британские теоретики от кавалерии поначалу встретили новое оружие с известным скептицизмом, однако после Наполеоновских войн Британия, в конечном итоге, все же стала формировать уланские полки.

Пика давала кавалеристу возможность наносить удары, держась на большем удалении от оппонента, хотя и выяснилось, что в традиционной области верхового боя – в рукопашной – древковое оружие довольно неудобно и подчас обременительно. И в самом деле, когда уланы вступали в тесное боевое соприкосновение с конным противником, они нередко бросали пики и выхватывали сабли, которые оказывались более эффективными в кавалерийской свалке.

Между тем в бою с пехотинцами пика показывала себя очень и очень хорошо. Улан мог легко поразить пешего неприятеля, и пика была единственным *arme blanche* – «белым оружием», позволявшим действительно эффективно применять его против построенной в каре пехоты. Знаменитым примером может служить битва при Дрездене 27 августа 1813 г., когда во время сильного ливня Наполеон ближе к концу дня дал старт кавалерийской атаке. Хотя отвратительные погодные условия почти начисто лишили лошадей способности набрать скорость на раскисшем и покрытом лужами поле, дождь немало навредил и пехотинцам, сделав их ружья бесполезными из-за промокшего пороха.

В ходе сражения французские уланы подскакивали к австрийским и русским каре и кололи пиками солдат, не могущих ответить залпом.

Как бы там ни было, задействованные против расстроенного пехотного формирования, отступающих неприятельских колонн или в атаке на вражеские обозы, уланы не знали себе равных в умении посеять у врага смятение и смерть. Наверное, ни одно боевое столкновение так ярко не демонстрирует действенность пики, а равно и преимуществ пехотного каре, как сражение при Катр-Бра, разыгравшееся в центральных районах Бельгии летом 1815 г.

Битва при Катр-Бра, 16 июня 1815 г.

Наполеон, отправленный в ссылку на Эльбу в мае 1814 г., менее чем через год бежал со служившего ему местом пребывания острова и весной 1815 г. вернулся в Париж. Вторичное восхождение на трон императора Франции привело к возобновлению Наполеоновских войн, поскольку вся Европа объединилась против Наполеона и вновь начала мобилизацию армий для вторичного отстранения его от власти.

Когда крупные силы вражеских войск стали сосредотачиваться на границах Франции, Наполеон сделал первый ход, предпочитая наступление – превентивный удар до того, как соединенные союзнические силы обрушатся на него всей непомерной массой. Наполеон поставил небольшие формирования в качестве заслона на восточной границе для противодействия австрийцам и русским, собиравшимся там, в то время как сам лично повел новую

Armée du Nord на север, в Бельгию, стремясь побыстрее дать бой англо-нидерландской и прусской армиям.

Armée du Nord, или Северная армия располагала великолепной кавалерийской составляющей — самой лучшей у Наполеона со времени Русской кампании почти трехлетней давности. В состав нее входило немало прославленных кирасирских полков, равно как эскадрон польских улан Императорской гвардии, бывший на сей раз единственным иностранным подразделением во французской кавалерии. Многие из всадников располагали хорошими конями благодаря тому, что за прошедший год реставрированный режим Бурбонов позаботился о закупках лошадей. Прославленный кавалерийский генерал Эммануэль Груши получил накануне кампании повышение, став маршалом и командующим правым крылом армии. Немало прославленных кавалерийских командиров, прошедших войны с императором, решили вновь связать судьбу с ним и встать под его знамена, в том числе Пире, Келлерман и множество ветеранов из числа полковых и эскадронных командиров. Однако, несмотря на все таланты, коечего, или кое-кого им всем очень не хватало, а именно, величайшего кавалерийского командира из всех — маршала Жоашена Мюрата.

> *«Кирасиры в их сверкающих кирасах и шлемах, верхом на больших вороных лошадях... на галопе мчались в моем направлении, рыхля копытами коней землю, трубы пронзительно распевали свою песню среди воя и свиста картечи и пуль с высот. Вокруг меня стоял один непрекращающийся грохот и гул скрещенного в брани оружия, людских криков и конского ржания».*
>
> *Старший сержант Джон Диксон* из драгунского полка «Шотландских серых» о сражении при Ватерлоо

Мюрат бросил дело императора после поражения под Лейпцигом в 1813 г. и предательским образом вступил в переговоры с союзниками в надежде сохранить за собой трон Неаполя в обмен на сотрудничество. Как бы там ни было, после отречения Наполеона победоносные союзники стали довольно холодно посматривать на Мюрата, а на Венском конгрессе симпатии склонялись в пользу признания короля Неаполя узурпатором.

Соответственно, в период первой ссылки Наполеона Мюрат уже успел пожалеть об отступничестве и предательстве дела императора. Осознав пагубность совершенной ошибки, Мюрат чрезвычайно обрадовался известиям о бегстве Наполеона с Эльбы и тотчас же заявил о своей поддержке вернувшемуся на французский трон императору. Как правитель Неаполитанского королевства, он поспешил объявить войну союзникам, хотя официально враждебные действия пока еще не начались. Выбор горячего гасконца не обрадовал Наполеона, а, скорее, разозлил его, хотя он и нуждался в неподражаемом Мюрате, поскольку война была неизбежной — вряд ли стоило надеяться на благосклонное отношение союзников к повторному приходу французского императора к власти.

Мюрат отправился в Париж в надежде на встречу и разговор с Наполеоном, но тот не пожелал видеть отступника. Удрученный Мюрат вернулся в Италию, чтобы там на месте вести персональную войну в поддержку дела империи, в то время как сделанный Наполеоном выбор не прощать Мюрата за предательство лишил императора возможности использовать лучшего кавалерийского командира Европы. Принимая во внимание ту критически важную роль, которую пришлось играть французской кавалерии в кампании 1815 г., а также тот факт, как неверно она применялась при Катр-Бра и позднее при Ватерлоо, последствия принятого Наполеоном решения отказаться от услуг Мюрата как командира порождают одно из самых больших «а что, если бы?» в кампании,

Британский легкий драгун

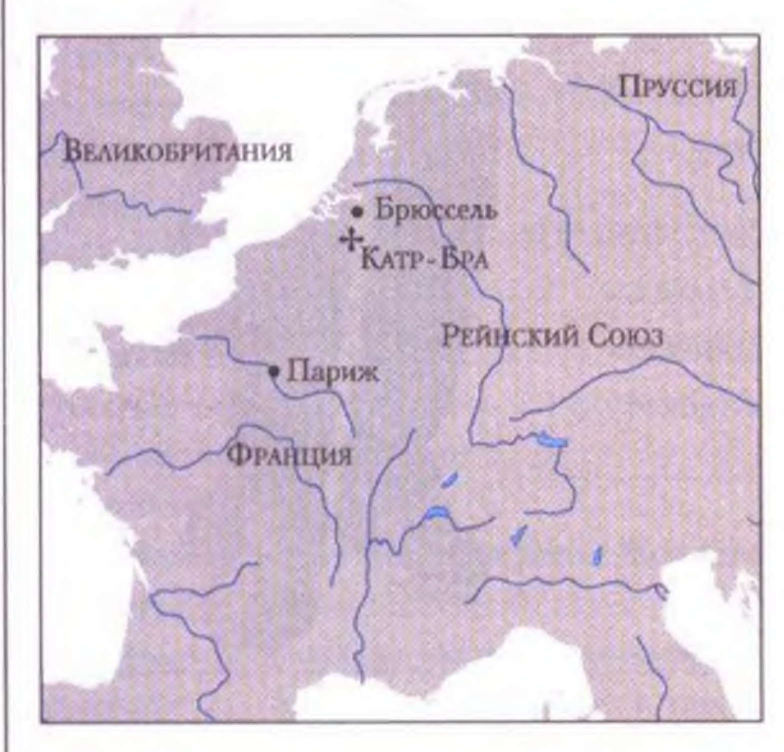
Изображенный тут кавалерист носит кожаную каску с меховым гребнем – головной убор британских легких драгун периода Революционных и Наполеоновских войн (он использовался до 1812 г., после чего был заменен кивером). В руке у солдата сабля легкокавалерийского типа. Кроме того, драгуны имели на вооружении карабины и обучались сражаться спешенными как пехота. В британской армии существовало правило делить драгунские полки на легкие и тяжелые, дифференцируя их по ролям: первые предназначались главным образом для ведения разведки, а вторые – для ударных атак на поле битвы. Несмотря на формальную градацию, границы между одним и другим разрядом драгун часто стирались, или размывались, а потому в ходе войны на Пиренейском полуострове легкие драгуны принимали участие во многих крупных сражениях. В Испании и Португалии британская легкая кавалерия не сумела стяжать себе лавров хороших разведчиков, однако в боях неизменно выказывала стойкость и храбрость, хотя и не всегда сохраняла дисциплину.

завершившейся битвой при Ватерлоо. Когда *Armée du Nord* двинулась на север в Бельгию, Наполеон разделил силы, отправив маршала Мишеля Нея руководить действиями левого крыла численностью в 24 000 чел., поставив задачей вступить в боевое соприкосновение с англо-нидерландской армией герцога Веллингтона и не позволить ей прийти на помощь фельдмаршалу Гебхарду фон Блюхеру (1742–1819) и его прусским войскам. Последние располагались вблизи селения Линьи и служили, по замыслу императора, первой

Битва при Катр-Бра
16 июня 1815 г.

16 июня 1815 г. Наполеон приказал маршалу Нею, командовавшему войсками на левом крыле Северной армии, или Armée du Nord, овладеть перекрестком Катр-Бра. Ней стал продвигаться вперед осторожно, опасаясь столкновения с основными силами англо-нидерландской армии герцога Веллингтона. Методичные действия на начальном этапе способствовали успеху наступления Нея. Однако из-за своей медлительности маршал терял драгоценное время, и скоро вся армия Веллингтона поспешила к месту столкновения, а потому противодействие французам усилилось. Взвесив ситуацию, Ней велел графу д'Эрлону с I корпусом оказать помощь наступлению под Катр-Бра, но Наполеон отрядил д'Эрлона на поддержку главной французской армии, вступившей в сражение с пруссаками при Линьи. Не давая фактически ничего, Наполеон потребовал от Нея ускорить захват Катр-Бра, взять его и затем нанести по пруссакам удар с тыла. Разъяренный Ней бросил вперед кавалерию в отчаянной попытке сокрушить англо-нидерландские войска. Поскольку подкрепления к британцам все прибывали и прибывали, Веллингтон отразил наступление Нея, а в начале вечера французы очутились в численном меньшинстве. Тогда Веллингтон контратаковал, отбросив соединение Нея на исходные позиции, хотя в целом бой закончился нерешительно. На следующий день Веллингтон отступил от Катр-Бра по Брюссельской дороге, чтобы 18 июня дать французам битву при Ватерлоо.

Катр-Бра представляла собой небольшую деревню в южной Бельгии, расположенную у жизненно важного перекрестка на главной дороге, которая вела к Брюсселю, находившемуся примерно в 40 км к северу.

1 После длительных проволочек, вызванных отсутствием ясности обстановки и осторожностью, маршал Ней начинает понемногу продвигаться по Брюссельской дороге в направлении Катр-Бра.

2 Пехота принца Жерома Бонапарта медленно, но верно продвигается на левом фланге, встречая все усиливающееся противодействие со стороны англо-нидерландских войск.

3 Чувствуя, что сопротивление англо-нидерландских войск ослабевает, Ней посылает свои войска вперед и бросает кавалерию в ударную атаку, что позволяет нанести большой урон противнику, но не дает гарантии победы.

4 В качестве отчаянной меры Ней вновь отдает приказ об атаке силами конницы, на сей раз – кирасирской бригады из 3-го кавалерийского корпуса генерала Келлермана. Лично возглавив кирасир, Келлерман прорывается с ними через англо-нидерландские порядки до самого Катр-Бра.

5 Однако без поддержки пехоты французская кавалерия не может удержать завоеванное и отступает с большими потерями.

6 Усиленный за счет подхода свежих сил, Веллингтон контратакует и отбрасывает Нея от перекрестка и далее к исходным позициям французов. Однако англо-нидерландские войска и сами порядком измотаны, чтобы чувствовать себя в состоянии разбить столь же обескровленную группировку Нея, и сражение заканчивается вничью.

Катр-Бра

Лес Боссю

Пруд Матерн

Пиромон

Брюссельская дорога

целью. Наполеон с ядром своей армии двинулся в восточном направлении, намереваясь напасть на пруссаков, придерживая при этом как общевойсковой резерв 20-тысячный I корпус графа д'Эрлона (1765–1844), организационно относившийся, или долженствующий относиться к левому крылу Нея. Наполеон дал Нею приказ захватить перекресток Катр-Бра, чтобы отделить англо-нидерландскую и прусскую армии друг от друга, а затем, если получится, ударить пруссакам в тыл на левом участке.

Имея в своем распоряжении три пехотные и одну кавалерийскую дивизии II корпуса генерала Рейля, кирасирскую бригаду из состава 3-го кавалерийского корпуса и бригаду гвардейской легкой конницы, Ней решил продвигаться осторожно, поскольку лазутчики доносили о близости англо-нидерландской армии Веллингтона. В действительности, когда Ней появился у перекрестка, охрану его обеспечивали всего 8000 солдат. Хорошо знавший Веллингтона по боям на Пиренейском полуострове, Ней прекрасно помнил о лукавой искусности герцога, умевшего скрывать главные силы, и потому полагал, что перед ним лишь видимая часть армии, поставленная так нарочно в надежде вызвать соблазн атаковать ее с ходу. В итоге Ней прождал до 2 часов пополудни, прежде чем стал осторожно продвигаться вперед.

Реакция Веллингтона

Когда зазвучала битва, Веллингтон, осознав всю важность Катр-Бра, приказал мощной англо-нидерландской армии сосредоточиться у перекрестка со всей мыслимой поспешностью. Британские подкрепления быстро прибывали на помощь своим, и обычная вначале стычка начала перерастать в полномасштабное боевое столкновение, в горнило которого оба – Ней и Веллингтон – бросали все больше и больше войск.

Ней понемногу стал брать верх и, чтобы развить успех, приказал конным егерям и уланам (шволежерам-лансьерам) из 2-й кавалерийской дивизии генерала Ипполита де Пире провести стремительную атаку. Французские конные формирования построились плотной массой и принялись выдвигаться в направлении перекрестка по дороге на Брюссель, постепенно наращивая темп движения. Плохо видимый из-за высокой пшеницы, как раз дозревавшей в разгар лета, маневр всадников оставался поначалу скрытым для англо-нидерландских войск.

Первой под удар французской конницы попала нидерландская легкая кавалерийская бригада генерала ван Мерлена. Опрокинув ее, кавалеристы Пире атаковали пехоту противника. Один из голландских батальонов, застигнутый ими врасплох, был разбит и рассеян по всему полю.

В тот момент подразделения британской 5-й пехотной дивизии генерала Томаса Пиктона, спешившие в направлении поля битвы все утро, неожиданно появились из леса Боссю. Против них тотчас устремились 5-й и 6-й полки улан (шволежеров-лансьеров), составлявшие 2-ю бригаду 2-й кавалерийской дивизии Пире, и для отражения этой конницы утомленные маршем британцы попытались построиться в каре. Фланги и тыл британских батальонов были атакованы французскими уланами, которые нанесли противнику серьезные потери. В какой-то момент группа всадников прорвала ряды 42-го Королевского хайлендерского полка «Блэк Уотч» (Black Watch, или «Черная Стража»), не успевшего закончить перестроение в каре. Эти храбрые уланы сеяли смерть на своем пути до тех пор, пока каре не закрылось за ними; очутившись в западне, они пали там все до одного, дорого продав свою жизнь.

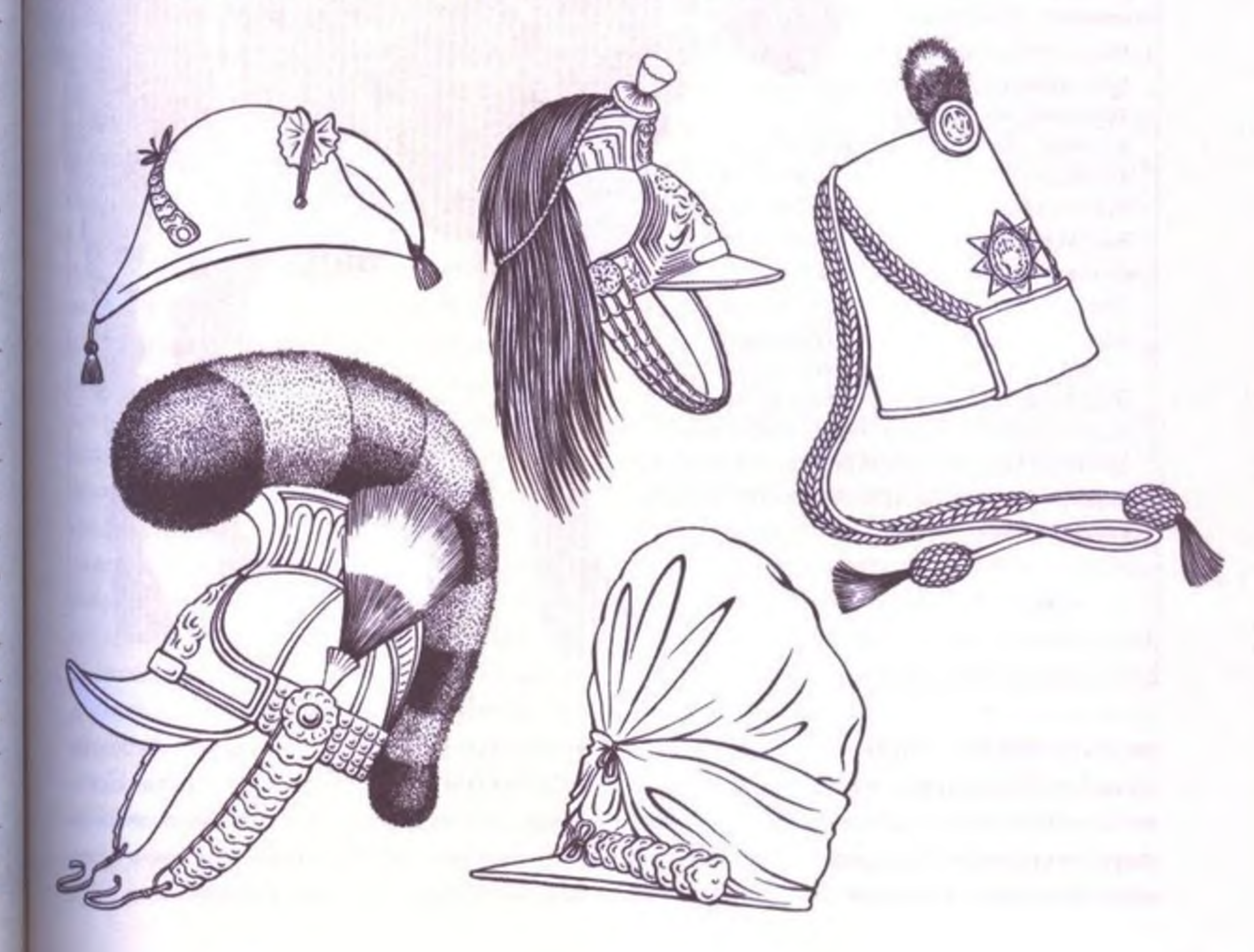
Столь же сильно пострадал от кавалерийской атаки французов 2-й батальон 44-го пешего полка, чей командир не пожелал перестраивать его в каре. Оставаясь развернутой в линию, эта английская часть встретила французских улан ружейным залпом в упор. Хотя нападающие и понесли урон от огня, одного залпа оказалось недостаточно, чтобы остановить разогнавшуюся конницу, и та обрушилась на не подготовленную к отражению натиска британскую пехоту, прорубаясь через ее ряды и нанося пехотинцам огромные потери.

Французские кавалеристы посеяли настоящее смятение в британских рядах. Появилась реальная возможность сбить с позиций войска Веллингтона, однако в сложившейся обстановке Ней не располагал достаточными силами для развития успеха. Он приказал генералу д'Эрлону с его I корпусом прибыть к полю битвы ускоренным маршем и не понимал, почему тот все никак не появляется. Потом, наконец, прискакал гонец, сообщивший Нею, что император намерен задействовать корпус д'Эрлона в сражении при Линьи ради нанесения удара по правому флангу армии Блюхера и победного завершения сражения с пруссаками.

В ярости Ней послал гонца в императорский штаб с просьбой отменить приказ, поскольку части д'Эрлона отчаянно требовались под Катр-Бра. Ответ Наполеона был немногословен: император сообщил Нею, что корпуса он не получит, и в то же время потребовал взять перекресток любой ценой, поскольку «от этого зависит судьба Франции». На все эти переговоры ушло немало ценного времени, а силы Веллингтона у Катр-Бра множились с каждой минутой. В тот критический момент Ней призвал к себе командира 3-го резервного кавалерийского корпуса генерала Келлермана, под непосредственным начальством которого тогда находилась только одна бригада тяжелой кавалерии генерала Гитона (8-й и 11-й кирасирские полки). Потеряв надежду на какие-то еще подкрепления, способные изменить ситуацию в его пользу, Ней велел Келлерману идти в атаку и захватить перекресток. «Необходимо чрезвычайное усилие, – сказал Ней Келлерману. – Надо опрокинуть эту массу пехоты».

С удобного места, где находился командный пункт Нея, Келлерман осмотрел закрывавшие собой весь ландшафт вдали густые порядки неприятельских войск численностью в 20 000 чел. Келлерман выразил удивление приказом Нея и

Головные уборы британской тяжелой кавалерии отличались разнообразием вариантов и к тому же видоизменялись со временем. По часовой стрелке сверху: шляпа с кокардой рядового 3-го гвардейского драгунского полка (1811 г.); каска офицера 1-го гвардейского драгунского полка (1813 г.); кивер офицера 1-го драгунского полка (1811 г.); зачехленная строевая шапка рядового 2-го Северо-британского драгунского полка «Шотландские Серые» (1815 г.); каска рядового 3-го Собственного драгунского полка Короля (1812 г.).

Британский лейб-гвардеец

1-й и 2-й лейб-гвардейские полки, как и большинство частей британской тяжелой кавалерии, на протяжении войны на Пиренейском полуострове оставались в Британии. Находясь вдалеке от тягот боев, протекавших в Испании и Португалии, полки располагали прекрасными конями и не испытывали недостатка в комплектации личного состава, когда в рядах англо-нидерландской армии Веллингтона им пришлось принять участие в кампании 1815 г., увенчавшейся битвой при Ватерлоо. Они входили в состав «Домашней бригады», или «Хаусхолд бригейд», которая наряду с «Союзной бригадой», или «Юнион бригейд», представляла самые сливки британской кавалерии.

В один из критических моментов сражения, когда французские войска угрожали прорывом британскому центру, Веллингтон бросил тяжелые кавалерийские бригады в атаку, которая позволила рассеять французов и сорвать их наступление. Лейб-гвардейцы опрокинули дезорганизованную бригаду кирасир и врубились в боевые порядки французов, при этом один полк перемешался с «Юнион бригейд» и ворвался на главную позицию артиллерии Наполеона.

Не обращая внимания на постоянные призывы вернуться и перегруппироваться, они попали под удар контратакующей французской кавалерии и понесли при этом очень большие потери.

уведомил маршала, что он имеет при себе лишь часть 3-го кавалерийского корпуса, так как другие его войска растянулись по дороге в направлении поля сражения. Если маршал настаивает на атаке, продолжал Келлерман, пусть по крайней мере позволит дождаться остальных трех бригад. «Идите в бой с тем, что есть, – потребовал Ней. – Сокрушите их, раздавите их». Келлерман вновь запротестовал, но Ней резко оборвал его, командуя: «Вперед! Вперед и немедля!»

Атака Келлермана

Келлермана немало поразило такое отношение, не говоря уже об осознании им всей невыполнимости приказа, а потому он, сердито пришпоривая лошадь, поскакал к единственной кавалерийской бригаде. Затем генерал с двумя кирасирскими полками бригады Гитона, но без всякой поддержки, на галопе помчался по плато, поднимаясь в направлении британских позиций. Осознавая, что всадники невольно оробеют, когда увидят воочию, сколь громадные силы им предстоит атаковать, Келлерман намеренно разогнал бригаду до полной скорости, пока она не достигла высшей точки на плато, чтобы затем набранный темп сам вынудил их скакать дальше, несмотря на страх и чувство самосохранения. Кирасиры атаковали на север по обеим сторонам Брюссельской дороги и обрушились на 69-й пеший полк, который был застигнут врасплох отчаянным броском и разбит, потеряв свое полковое знамя. 33-й пеший полк испытал такую же участь, когда кажущиеся неостановимыми латники, продолжая сокрушать все у себя на пути, неумолимо рвались в направлении Катр-Бра безумным галопом.

Французские кирасиры с грохотом и треском промчались через центр порядков Веллингтона и с Келлерманом во главе устремились к перекрестку Катр-Бра. На какой-то сияющий миг они достигли вожделенной цели. Однако кавалерия, представлявшая собой прекрасный инструмент для захвата позиций, являлась весьма неподходящим родом войск для удержания завоеванного, и кирасиры Келлермана не стали исключением – сидящие на лошадях и хорошо просматривающиеся, они оказались уязвимыми для контрудара. Ней знал об этом и вопреки логике надеялся увидеть-таки I корпус д'Эрлона у критически важного перекрестка со свежими солдатами, потребными для нанесения решающего удара по армии Веллингтона. Однако д'Эрлон не появлялся, а потому Ней попытался вновь двинуть вперед обескровленную пехоту II корпуса Рейля, стремясь все же воспользоваться достигнутым Келлерманом успехом.

Продвижение частей усиления сдерживалось упорным противодействием британцев, драгоценные минуты утекали, в то время как Келлерман с кирасирами в отчаянии ожидал поддержки, которая бы помогла им закрепить за собой захваченные, несмотря ни на что, позиции. Но помощь все не приходила, и британцы стали приближаться к отрезанным от своих всадникам. Артиллерийская батарея Королевского германского легиона уже поливала кирасиров огнем, и под самим Келлерманом пала сраженная картечью лошадь. Ружья грохотали со всех сторон, причем все громче и громче, а люди и кони все падали и падали на землю.

Очутившись перед лицом незавидной перспективы окружения и уничтожения, кирасиры развернули коней и принялись прорубать себе путь к спасению, выбираясь с позиций, которыми они перед тем с таким отчаянным пылом завладели. Когда британские застрельщики поспешили вперед, намереваясь перебить уцелевших французов, Келлерман сумел вырваться из окружения, ухватившись за поводья коней двух скакавших по бокам от него кирасир, и таким образом спастись от смерти или плена. Едва ли не половина кирасирской бригады Гитона осталась лежать мертвыми или ранеными на поле сражения. Британцы не без благоговейного страха взирали на дьявольски отважных французских кавалеристов, а полковник сэр Огестес Фрэйзер (1776–1835) написал: «Неприятельские уланы и кирасиры самые замечательные ребята, что я встречал в жизни. Они несколько раз бросались в атаку и бесстрашно шли вперед под огнем нашей пехоты».

Пришпоривая коня, Ней ворвался в ряды отступающих всадников, стараясь собрать и перегруппировать разбитые эскадроны. Одновременно он приказал выдвинуть на передний план артиллерийские батареи в надежде сломить упорное сопротивление британских каре. На 42-й и 44-й полки посыпались ядра, прорубавшие просеки в их тесных порядках.

Считая их уже достаточно ослабленными для финального сокрушающего удара, Ней вновь послал в бой кавалерию, усилив ее измотанными уланами генерала де Пире, которым не удалось как следует отдохнуть после яркого боя в начале сражения. Теперь же им вновь пришлось отважно идти в атаку. Несмотря на растущие от минуты к минуте потери, британ-

цы стойко держались перед лицом возобновившегося наступления противника.

Тщетно пытались французские кирасиры и уланы прорвать неодолимые, как крутые крепостные валы, британские каре, и кавалерийская атака выдыхалась, истекая кровью и потом под жарким летним солнцем. Непоколебимая решимость Нея во что бы то ни стало прорваться дальше по дороге на Брюссель не давала погаснуть пожару битвы, он приказал выдвинуть пушки ближе к британским батальонам – на дистанцию картечного огня.

Загрохотали французские орудия, стальным градом разрывая на части британские батальоны, которые к тому же еще служили хорошими мишенями для французских застрельщиков, продвигавшихся через высокие всходы пшеницы и пожинавших оттуда кровавую жатву.

В атаку на каре

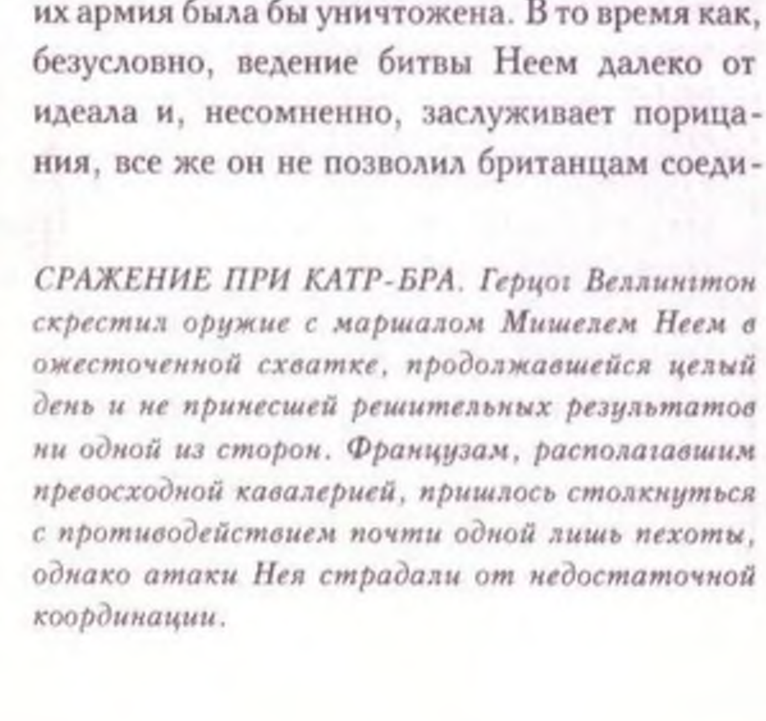
Ней пока что готовился к третьему кавалерийскому броску. Для новой атаки он усилил измотанных и обескровленных кавалеристов Пире и Келлермана свежим уланским полком Императорской гвардии. На сей раз маршал направил свою кавалерию против левого фланга Веллингтона, расположенного восточнее Брюссельской дороги. Следующая фаза наступления застигла врасплох один ганноверский батальон, который почти полностью полег под натиском 6-го полка улан (шволежеров-лансьеров), но упорные британские каре держали позиции, точно красные острова в бурлящем потоке синих и зеленых всадников, и утомленной французской кавалерии вновь пришлось отступить. А с ее отходом растаяла последняя надежда маршала Нея на победу.

К 18:30 Веллингтон стал явно одерживать верх в сражении. В отличие от Нея, он постоянно получал подкрепления, и к вечеру в его распоряжении на поле оказалось свыше 36 000 чел., что предоставляло ему значительное численное превосходство над французским противником. Разворачивая доску за воображаемым шахматным столом, Веллингтон теперь сам перешел в наступление. Он вытеснил французов из Катр-Бра, очистив от неприятельского присутствия район, за который враг так отчаянно цеплялся все предыдущее время, и отбросив французов на их исходные позиции. И все же Ней, под которым в тот день пали две лошади, собрал потрепанные полки и организовал упорное сопротивление наступающим англо-нидерландским силам. Натиск Веллингтона увяз, и атака застопорилась. К 21:30 на поле боя стала сгущаться тьма, положившая конец противоборству сторон.

Кровавая ничья

Веллингтон потерял под Катр-Бра до 4800 чел. из состава англо-нидерландской армии, в то время как силы Нея понесли урон приблизительно в 4000 чел. Результат сражения можно считать ничейным, поскольку ни одна из сторон так толком и не достигла своих целей.

На следующий день под прикрытием сильного ливня Веллингтон отвел армию с невыигрышных открытых позиций и расположился около селения Ватерлоо, где и произошло решающее боевое столкновение кампании. Наполеон оценил действия Нея у Катр-Бра резко критически, считая, что, если бы тот выполнил задание и ударил во фланг пруссакам, вся их армия была бы уничтожена. В то время как, безусловно, ведение битвы Неем далеко от идеала и, несомненно, заслуживает порицания, все же он не позволил британцам соеди-

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАТР-БРА. Герцог Веллингтон скрестил оружие с маршалом Мишелем Неем в ожесточенной схватке, продолжавшейся целый день и не принесшей решительных результатов ни одной из сторон. Французам, располагавшим превосходной кавалерией, пришлось столкнуться с противодействием почти одной лишь пехоты, однако атаки Нея страдали от недостаточной координации.

Солдат 2-го королевского северобританского драгунского полка

Тяжелые драгуны 2-го полка, известного как полк «Шотландских Серых», (Scots Greys), провели большую часть Наполеоновских войн в Великобритании, но в период кампании 1815 г. находились в составе войск Веллингтона на континенте. Включенные в состав «Юнион бригейд» генерал-майора Уильяма Понсонби, они вместе с прочими частями англо-нидерландской армии принимали участие в битве при Ватерлоо. Когда французский I корпус генерала д'Эрлона перешел в наступление на британский центр, Веллингтон ответил мощной кавалерийской атакой, авангардом которой послужили «Шотландские Серые». Они рассеяли одну из пехотных дивизий корпуса д'Эрлона, захватили «орла» 45-го линейного полка и, продолжая развивать успех, ворвались на главную артиллерийскую батарею французов. Однако, как это часто случалось с британской кавалерией во время атак, бригада Понсонби слишком далеко растянулась и попала под удар французской кавалерии, которая и отбросила британцев, нанеся им большой урон. Потеряв своего командира и почти половину личного состава, «Юнион бригейд» фактически утратила боеспособность до конца сражения.

ниться с пруссаками под Линьи и заставил союзнические армии действовать отдельно друг от друга. Если бы двое суток спустя в Вавре маршал Груши достиг тех же результатов, судьба мировой истории, возможно, покатилась бы по несколько иным рельсам.

Столкновение под Катр-Бра со всей отчетливой очевидностью показало как сильные, так и слабые стороны кавалерии. Однако необходимо помнить, что картины этаких несгибаемых британских каре, отражающих натиск французских кирасир у Катр-Бра, а позднее и при Ватерлоо, способны создать несколько ложное впечатление, будто бы любой пехотный батальон, стоило ему только построиться в каре, становился неприступным перед атаками конницы. Подобное мнение совершенно ложно. Нельзя принимать успешные действия британских каре под Катр-Бра за норму, типичную для всех тогдашних армий. Британская пехота эпохи Наполеоновских войн заслуженно считается лучшей в ту эру. Боевой дух и подготовка ее полков отличались очень высоким уровнем, а их способность упорно отстаивать позиции сполна продемонстрировал пример Катр-Бра.

«Единственное, в чем можно на нее [британскую кавалерию] положиться, так это в том, что она на всем скаку помчится слишком далеко и слишком быстро».

сэр Артур Уэллсли, герцог Веллингтон

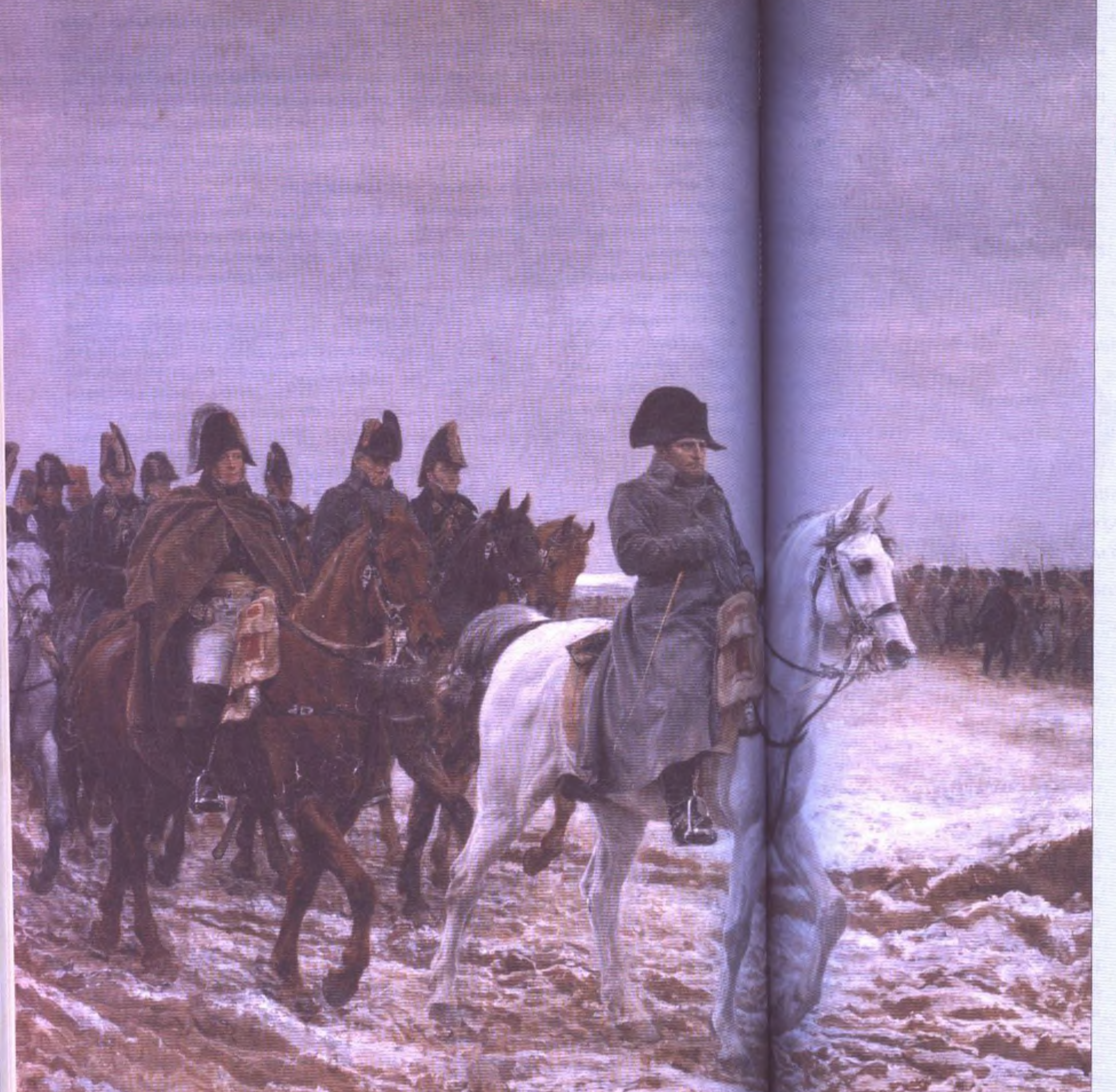
И в самом деле, на протяжении Наполеоновских войн те же французские кавалеристы, равно как и союзнические, не раз и не два прорывали пехотные каре — для отражения напора яростной кавалерийской атаки требовалось нечто большее, чем просто выстроиться в определенное формирование. К этому неплохо было бы добавить крепкие нервы, отличную выучку, ледяное спокойствие и несгибаемую стойкость — тогда пехотное каре имело все шансы сдержать оголтелый натиск ревущей и сотрясающей землю кавалерийской лавы.

Но даже и при всех вышеназванных составляющих пехотная часть рисковала не выстоять и пасть под копытами коней и под ударами сабель атакующей конницы. Таким образом, достижения британской пехоты при Катр-Бра, а чуть позднее и под Ватерлоо следует счесть величайшими военными деяниями.

Заключение

К концу Наполеоновских войн кавалерия по-прежнему оставалась важным родом войск — неотъемлемой составляющей армии любой крупной страны, — в каковом положении и просуществовала до исхода XIX столетия. Как бы там ни было, постоянные подвижки в деле улучшения качества огнестрельного оружия — особенно с середины и до конца XIX века — ослабили господствующие позиции кавалерии непосредственно на поле сражения. Битвы начали превращаться, по сути дела, в затяжные перестрелки, и ключом к победе становилось достижение успеха в ходе таких длительных огневых дуэлей, а вовсе не нанесение сокрушительного удара конной массой и «холодной сталью», в чем так часто преуспевала кавалерия в эпоху Наполеоновских войн.

Вместе с тем другие традиционные задачи кавалерии, как то: разведка и обеспечение прикрытия основным силам — сохранились и продолжали служить залогом ее существования еще и в XX веке. Даже в ходе Второй мировой войны кавалерия по-прежнему находила спрос, особенно на Восточном фронте. И все же вряд ли стоит сомневаться, что Наполеоновские войны стали периодом нового расцвета конницы как рода войск. Хотя кавалерия сохранилась, она начала со временем сдавать позиции, отчего некоторые конники с ностальгией заговаривали об эпохе Наполеоновских войн, когда тысячи всадников в блестящих кирасах и касках выходили в поле решать судьбы империй в красочных и кровопролитных сражениях.

Глава третья

Командование

Французские Революционные и Наполеоновские войны (1792–1815 гг.) стали движущей силой настоящей революции в военных сферах, ибо уже само по себе введение и распространение общенационального призыва требовало изменений в военной организации и способах управления. Процесс стремительного роста вооруженных сил неизбежно подразумевал применение более логически обоснованных организационных подходов и налаживания действенных командных механизмов в армии в ходе кампаний и непосредственно на полях сражений.

Эффективная военная администрация, продуманная и налаженная штабная система заодно с учреждением постоянных армейских корпусов и дивизий облегчали руководство действиями армий на стратегическом, оперативном и тактическом уровне. Кроме того, прежде робкие и неспешные военные реформы, проходившие во Франции до революции, после нее начали развиваться быстро и широко.

Изменение природы французской армии и военного дела у французов вынудило прочие европейские государства либо приступить к собственным реформам, либо ускорить внедрение нововведений, дабы войска их стали соответствовать повысившимся требованиям глобальной европейской войны, пожар которой бушевал на протяжении 23 лет. Барон Карл Макк фон Ляйберих (1752–1828) на-

НАПОЛЕОН И ЕГО МАРШАЛЫ во время похода во Францию в 1814 г. Энергия, напор и высокие командирские качества, то и дело покидавшие императора в последние несколько лет, вернулись к нему в ходе короткой и динамичной кампании, хотя и слишком поздно, чтобы спасти империю от крушения.

чал карьеру младшим офицером в армии Габсбургов, в кавалерийском эскадроне под командованием своего дяди. В 1789 г., во время войны с турками, он участвовал в осаде Белграда и заслужил орден Марии Терезии за отличие при штурме бреши.

Полученная Макком награда – высший военный орден Австрийской империи – подняла репутацию и способствовала продвижению офицера по службе, но что куда важнее, заслуженная им честь открывала доступ в ряды аристократии. Хотя и не высокородный дворянин по рождению, Макк мог отныне на законных основаниях считать себя принадлежащим к нобилитету империи Габсбургов. Монархия Габсбургов, в отличие от Франции или Пруссии, до старта войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.) не создавала большой регулярной армии. Наступивший кризис, бросавший вызов самому существованию империи, вынудил молодую императрицу Марию Терезию (1717–1780) к сколачиванию армии, способной защитить монархию и сохранить за ней оспариваемые территории.

> *«Постоянно изучайте кампании Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Евгения (Савойского) и Фридриха (II). Равняйтесь на них. Это единственный способ... раскрыть секреты военного искусства».*
>
> Наполеон

К несчастью, австрийский нобилитет по большей части старался уклоняться от военной службы, а потому императрица обратилась к поиску иностранных и местных профессиональных офицеров, выходцев из военных родов или даже неблагородных семей, которые выразили бы готовность за счет верности короне и личной доблести проложить себе путь к социальному и экономическому возвышению. Как бы там ни было, государственное руководство не отказывалось, а, напротив, искало отклика со стороны нобилитета, поскольку его представители, в силу исторической традиции, или происхождения – как «класс воинов» Европы – могли и должны были укрепить кадровый состав вооруженных сил и упрочить положение армии. Таким образом, можно констатировать, что Макк являлся продуктом системы Габсбургов, сложившейся в XVIII веке, и начальники его в 1789 г. – фельдмаршалы барон фон Лаудон (1717–1790) и граф Ласси (1725–1801) – были слеплены из того же теста.

В тот же самый год, когда Макк заслужил высокую награду, молодой артиллерийский лейтенант по имени Наполеон Бонапарт (1769–1821) завершил курс обучения во французском артиллерийском училище в Оксоне. Семилетняя война (1756–1763 гг.) подтолкнула правителей Франции и империи Габсбургов к реформированию своих офицерских корпусов. В то время как австрийские государи стремились к расширению участия в военной жизни нобилитета, французские короли открыли доступ в офицеры выходцам из мелкого дворянства и людям низкого происхождения. Результатом стало основание военных училищ для подготовки юношей из среднего класса и неродовитого дворянства, которые не могли позволить себе покупку званий.

Кроме того, значительный упадок в технических сферах – в артиллерии и инженерных войсках – заставил французское военное руководство сделать особенный упор на преподавание математики и других точных наук как в обычных училищах, так и в престижной *École Royale Militaire* – Королевской военной академии в Париже. Наполеон Бонапарт стал офицером в результате именно такой реформы. Его семейство происходило с Корсики, и, когда в 1768 г. Франция овладела островом, отец Наполеона получил дворянство Флоренции. Как потомок представителя флорентийского нобилитета и по ходатайству французского военного губернатора Корсики, Наполеон в возрасте девяти лет получил стипендию для обучения в военном училище в Бриенне. В 15 лет он поступил в парижскую *École Royale Militaire*, а годом спустя получил звание второго лейтенанта артиллерии. Несмотря на попытки реформ офицерского корпуса, французская аристократия противилась распространению перемен, и тех, кто не располагал средствами для покупки звания или имел темное происхождение, допускали к службе лишь в технических родах войск. Офицерство в кавалерии и пехоте обходилось дороговато, поскольку командиру приходилось самому оплачивать расходы на покупку лошади, снаряжения и содержание слуги. От офицеров ожидалось к тому же фи-

Офицер вольтижеров 3-го швейцарского полка

В ходе войны Второй коалиции (1798–1802 гг.) Швейцария очутилась под французским влиянием. Блестящая кампания генерала Андре Массена в 1799 г. лишила эрцгерцога Карла плодов его победы под Цюрихом. В 1803 г. Наполеон навязал враждующим между собой кантонам политический договор, Акт посредничества, послуживший основой для политической системы Швейцарии. В соответствии с союзническими договоренностями, Швейцария выставляла во французскую армию контингент из 16 000 солдат, включавший четыре пехотных полка. Изображенный тут офицер служил в одной из вольтижерских рот 3-го полка. Отличительный красный цвет швейцарских мундиров часто вызывает путаницу с британской военной формой. До 1805 г. швейцарцы в качестве строевого головного убора носили «бикорн» (шляпу-двухуголку), которую затем постепенно вытеснил кивер.

Битва при Флёрюсе похоронила надежду Австрии отторгнуть у Французской республики Бельгию. На представленной тут иллюстрации изображен момент отчаянных боев, развернувшихся в тот день на правом фланге у французов. Обратите внимание на гренадеров в медвежьих шапках справа; в отличие от них, другие солдаты линейной пехоты, которых мы видим на переднем плане, – носили «бикорны».

нансовое участие в содержании их роты. Артиллерия и корпус военных инженеров не являлись точкой притяжения интересов благородных господ из высшего класса. В этих родах войск требовалось слишком сильно напрягать мозги, к тому же стрельба из пушки или рытье параллельных траншей приносили мало славы.

Как бы там ни было, начавшаяся в 1789 г. Французская революция выявила критическую важность технических родов войск для вооруженных сил Франции, потому хотя бы, что величайшие военные лидеры революции – Наполеон Бонапарт и Лазар Карно (1753–1823) – как раз и обучались в технических школах. Карно являлся капитаном инженерных войск, обязанным своим восхождением в том числе и членству в партии якобинцев, что в 1794 г. сделало его военным министром. Известный как «организатор побед», Карно фактически создал революционные армии и ввел в действие связную стратегию действий, убедительно продемонстрировав командирские качества в очень непростые времена крайнего политического радикализма.

Офицерский корпус

В XVIII столетии продвижение по служебной лестнице в армии происходило очень медленно и обходилось крайне дорого. От офицеров ожидали субсидирования подчиненных им подразделений. Так, полковники фактически покупали их полки вместе со званием и брали на себя значительный груз финансовых забот по содержанию части, покрывая расходы на обмундирование солдат, их провиант и обучение. Хотя постоянные, или регулярные армии оплачивались из казны, правительство частенько «спрямляло углы», выдвигая финансовые требования как залог офицерского патента. Во многих европейских государствах полки обозначались именами их полковников, или, точнее, полковых шефов; таким образом, в Австрии и в Пруссии полковой шеф, или *Inhaber*, что значит фактически «владелец», давал полку свое имя, когда же *Inhaber* менялся, соответственно менялось и название. Отметим также, что многие владельцы (шефы) полков имели более высокие воинские звания, чем полковник, – до генерал-фельдмаршала включительно. Следовательно, один и тот же полк при разных полковниках – если один, скажем, погибал, умирал или уходил на покой – мог называться по-разному. Естественно, необходимость расходования личных средств на поддержание командования ограничивала возможности для служебного продвижения даже в ходе кампаний.

Карл Макк получил ранг полковника в 1789 г. после 19 лет службы. Довольно быстрое продвижение по меркам армии Габсбургов, особенно для человека неродовитого, однако деятельное участие в Войне за баварское наследство (1778–1779 гг.) и в Турецкой войне 1788–1791 гг. послужило предпосылкой такого повышения. Множество офицеров по всей Европе десятилетиями оставались капитанами, поскольку их финансовые обстоятельства не позволяли сделать следующий шаг по служебной лестнице.

Посему обычным явлением становились «солдаты удачи», слонявшиеся по Европе в поисках шанса получить хорошее место в какой-нибудь иностранной армии. Русский и австрийский офицерские корпуса буквально наводняли иностранные офицеры, а цари и царицы, от Екатерины Великой (1729–1796) до Александра I (1777–1825), с удовольствием нанимали таких людей, стремясь употребить их военные таланты и способности на пользу своих армий.

После Семилетней войны король Фридрих II Великий (1712–1786) очистил офицерский корпус прусской армии от неблагородных господ. В Пруссии командные кадры вооруженных сил комплектовались главным образом из так называемых юнкеров – прусской земельной аристократии – и отчасти из «иностранных» офицеров. Среди офицеров-иностранцев подавляющее большинство составляли уроженцы различных германских государств; очень редко случалось, что офицером в прусской армии становился не немец. Карл Вильгельм Фердинанд, герцог Брауншвейгский (1735–1806) возглавлял прусскую армию с 1792 по 1806 г., будучи независимым князем, правившим соседней немецкой территорией. Вильгельм IX, ландграф Гессен-Кассельский (1743–1821) тоже носил звание генерала в прусской армии в 1806 г. Генералы Герхард Иоганн фон Шарнхорст (1755–1813) и Август фон Гнейзенау (1760–1831), немало потрудившиеся для проведения крайне важных реформ в прусской армии после разгрома 1806 г., происходили один из Ганновера, а другой из Аншпах-Байройта. Они поступили на прусскую службу еще до Французской революции и поднялись со временем до высоких военных постов.

Французский офицерский корпус до 1789 г. во многом соответствовал общим европейским стандартам, за исключением лишь упора на подъем военного образования и предоставления возможности для выходцев из мелкого дворянства и зажиточного среднего класса занимать посты младших командиров, в то время как вообще повышение по-прежнему оставалось крайне медленным. Даже Наполеон Бонапарт, получивший лейтенантское звание в 1785 г., поднялся к 1793 г. только до капитана, а настоящий и поистине бурный карьерный рост его начался с успешной осады Тулона в том же судьбоносном году. Прыжок из капитанов в генералы мог осуществиться только благодаря Французской революции и не без участия двух могущественных членов Национального конвента – Огюстена Робеспьера (1763–1794) и Поля Барраса (1755–1829), оценивших его способности военачальника. Первый приходился братом зловещей памяти революционного вожака Максимилиана Робеспьера (1758–1794), а второму вот-вот предстояло стать фактическим правителем Франции.

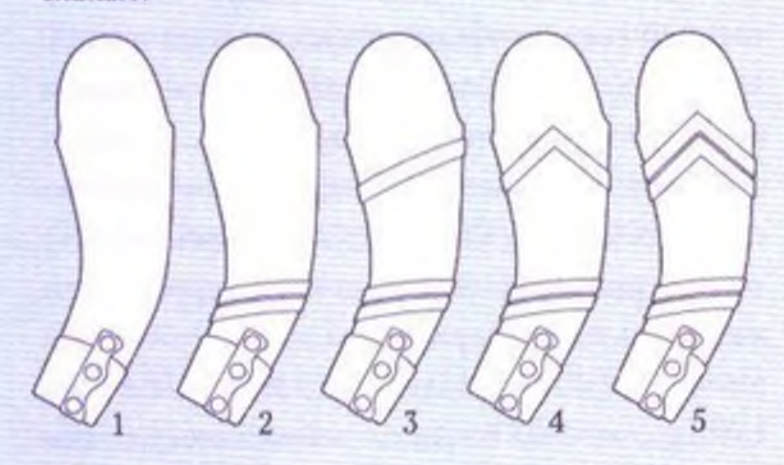
Как бы там ни было, Французская революция создала гигантские перспективы и возможности для быстрого повышения в вооруженных силах. По мере развития революционных событий, особенно после падения монархии в 1792 г., многие из издавна служивших в армии представителей нобилитета, фактически монополизировавших офицерский корпус, стали уходить в отставку, эмигрировать или так или иначе покидать воинскую службу. В то же время рост французских вооруженных сил на суше с 120 000 чел. в 1789 г. до 750 000 в 1793 г. требовал сообразного увеличения офицерского корпуса. Повышение теперь зависело от реальных поступков и достижений в кампа-

ниях и битвах, практически не прекращавшихся на протяжении десятилетия после 1792 г. Постоянное ведение боевых действий служило залогом освобождения офицерских вакансий за счет больших потерь в действующих частях. Данные факторы работали в отношении также и профессиональных офицеров, не ограничиваясь лишь только теми, кто служил в батальонах Национальной гвардии.

Королевская армия и Национальная гвардия

После 1790 г. королевская армия оказалась в положении не единственной защитницы государства, каковую честь оспаривала у нее созданная в 1789 г. и более патриотично настроенная Национальная гвардия. К 1792 г. на батальоны Национальной гвардии приходилось до двух третей численности французских войск; в конечном итоге она затмила и поглотила профессиональную армию – срослась с ней в результате «амальгам» (слияний) 1793 и 1795 гг., осуществленных за счет соединения одного профессионального батальона с двумя батальонами Национальной гвардии в составе так называемых полубригад (фактически полков). Итак, к 1793 г. Национальная гвардия и бывшая королевская армия слились воедино, и офицерский корпус новых вооруженных сил отражал как политический революционный радикализм, так и положительные тенденции, вызванные интеграцией двух армий.

Знаки различия во французской пехоте, как и во всех европейских армиях, помещались на рукавах мундира. Шевроны носили исключительно рядовые и унтер-офицеры. Офицеров различали по эполетам, шитью на воротниках и металлическим нагрудным знакам.

1 - рядовой, 2 - капрал, 3 - фурьер (каптенармус), 4 - сержант, 5 - старший сержант

До слияния между двумя этими структурами вооруженных сил и, соответственно, их офицерами происходили постоянные трения. В Национальной гвардии поначалу офицеров выбирали. Демократические принципы при этом часто перевешивали военные потребности, и первый военный год наглядно показал сложности, порождаемые стремлением выдвигать популярных людей в ущерб опытным и способным. К началу 1793 г. от выборной системы отказались в пользу традиционного метода – назначения свыше. Изменение политического климата революции создало новые карьерные возможности для профессиональных офицеров, которых выгнали или заставили уйти со службы ранее. Луи Даву (1770–1823), будущий маршал Франции, служил лейтенантом в Королевском Шампанском кавалерийском полку, но в августе 1790 г. был отстранен из-за вызывающей подозрение принадлежности к дворянству. В 1791 г. он поступил в батальон Национальной гвардии своего департамента и тотчас же был избран подполковником из-за имевшегося у него военного опыта.

Другой будущий наполеоновский маршал, Жан-Батист Журдан (1762–1833), служил в пехотном полку Оксерруа, принимавшем участие в американской Войне за независимость. Он ушел из королевской армии в 1784 г., но в 1789 г. вступил в Национальную гвардию в Лиможе и удостоился избрания капитаном. К концу 1793 г. Даву носил звание бригадного генерала, а Журдан – дивизионного.

Битва при Флёрюсе, 26 июня 1794 г.

Кампания в Бельгии, закончившаяся кульминационным сражением при Флёрюсе, произошла в пору «Царства террора» – в тот момент, когда революционеры-радикалы во Франции достигли внутренней цели в борьбе, вычистив противников из Национального конвента. Комитет общественного спасения, исполнительный орган Национального конвента, состоявший из 12 депутатов, или представителей, получил наказ охранять дело революции от происков внутренних и внешних врагов. Лазар Карно, один из двенадцати, председательствовал в Военном министерстве, и именно он вернул чувство порядка и задал направление военным усилиям французского

государства. Конвент довольно часто отправлял представителей в различные армии на передовой с целью поддержания патриотического настроя и боевого духа личного состава частей и наблюдения за тем, как и что делают генералы.

Комитет ввел в общепринятую практику вызовы генералов в Париж для дачи прямого отчета за неудачи или недостаточную решительность и неготовность вести кампанию так, как того требовал Конвент. Победоносные командиры, как граф де Кюстин (1740–1793) и Жан Ушар (1739–1793), были отстранены от руководства войсками республиканским правительством в 1793 г. и казнены. Журдан командовал Северной армией в Бельгии в 1793 г., когда Карно отправился туда в инспекционную поездку как представитель Комитета. Победа Журдана при Ваттиньи была одержана только вследствие прямого вмешательства Карно, и вскоре после этого Журдана отстранили от командования.

> *«Эффективность армии зависит от ее размеров, подготовки, опыта и боевого духа. И ценность боевого духа выше всех прочих факторов, вместе взятых».*
>
> Наполеон

В июне 1794 г. Карно, однако, восстановил его как командующего армией Самбры и Мёза (Самбро-Маасской армией). Она представляла собой новое соединение, составленное из правого крыла Северной армии, Арденнской армии и большей части Рейнско-Мозельской армии. В составе армии Самбры и Мёза находилось шесть будущих наполеоновских маршалов: Журдан (командующий), кроме того Франсуа Лефевр (1755–1820), Жан-Батист Бернадотт (1763–1844), Эдуард Мортье (1768–1835), Николя Сульт (1769–1851) и Мишель Ней (1769–1815). На тот момент двое последних служили офицерами, а три первых – генералами.

Англо-имперские войска в Бельгии подразделялись на англо-австрийскую армию под началом герцога Фредерика Йоркского (1763–1827) и Франсуа-Себастьяна-Шарля-Жозефа де Круа, графа де Клерфе (1733–1798), и основную армию Габсбургов под командованием генерал-фельдмаршала принца Фридриха Йозиуса Заксен-Кобурга (1737–1815). Силы коалиции в Бельгии имели численный перевес над французскими войсками. Как бы там ни было, герцог Йоркский оттянул части ближе к берегу Ла-Манша, когда генерал Шарль Пишегрю (1761–1804) с его Северной армией начал наступать к городу Турне. Хотя будет резонным полагать, что Пишегрю намеренно двигался именно в том направлении, стремясь принудить союзнические армии разделиться, так или иначе, только левое крыло британцев находилось в пределах оперативного расстояния от армии Кобурга. Кобург отправил часть войск под командованием генерала Жана-Пьера Больё (1725–1819) для прикрытия Намюра перед продвигавшимися вдоль реки Мёз (Маас) французами, а свои основные силы сосредоточил вокруг Катр-Бра к западу, с целью защитить стратегически важный город Шарлеруа.

Французам никак не удавалось форсировать Самбру и овладеть Шарлеруа. Город располагал основательно подготовленной обороной, а близость армии Кобурга мешала французам приступить к планомерной осаде до того, пока противник не будет разгромлен в поле.

Карно считал Шарлеруа главной целью, поскольку взятие города позволило бы другим французским войскам без всякого вреда для себя следовать по параллельной оси с Северной армией. И в самом деле, в 1815 г., в первые дни кампании, закончившейся битвой под Ватерлоо, Наполеон рассматривал Шарлеруа как ворота в Бельгию и быстро захватил его, опередив британскую и прусскую армии. Соответственно и революционные власти понимали это, а потому создали армию Самбры и Мёза генерала Журдана с целью сосредоточить достаточно сил для подчинения города и развития наступления в Бельгии. Присутствие в штабе армии Луи де Сен-Жюста (1767–1794) служит неопровержимым доказательством критической важности для Комитета задачи по взятию города и последую-

щему разгрому союзнических войск в данном районе. Журдан переправился через Самбру 18 июня, приступил к обстрелу Шарлеруа и отвел роль осадного формирования дивизии генерала Жака-Мориса Атри (1742–1802). Оставшиеся части армии – шесть дивизий – командующий дислоцировал полукругом на расстоянии в 1,5–3 км от Шарлеруа. Сен-Жюст занимался надзором за прочностью морального состояния войск и следил за возможными упущениями в действии механизма осады, в то время как Журдан готовился к неминуемому приходу деблокировочных сил армии Кобурга.

Как бы там ни было, австрийские колонны разделились – к востоку Больё прикрывал Намюр, тогда как основные части Кобурга размещались в северо-западном направлении к Брюсселю. Герцог Йоркский не хотел отдаляться от побережья и уходить из Остенде, служившего связующим звеном его армии с Англией, оставляя город беззащитным перед французской армией Пишегрю. Между тем штатгальтер Нидерландов Вильгельм V, принц Оранский (1748–1806), командовавший австрийскими и голландскими войсками, двинулся на восток для соединения с Кобургом. В общем, вся союзническая армия, вместе взятая, насчитывала 45 700 чел. при 98 орудиях. Журдан располагал большими по численности силами – около 72 000 чел.

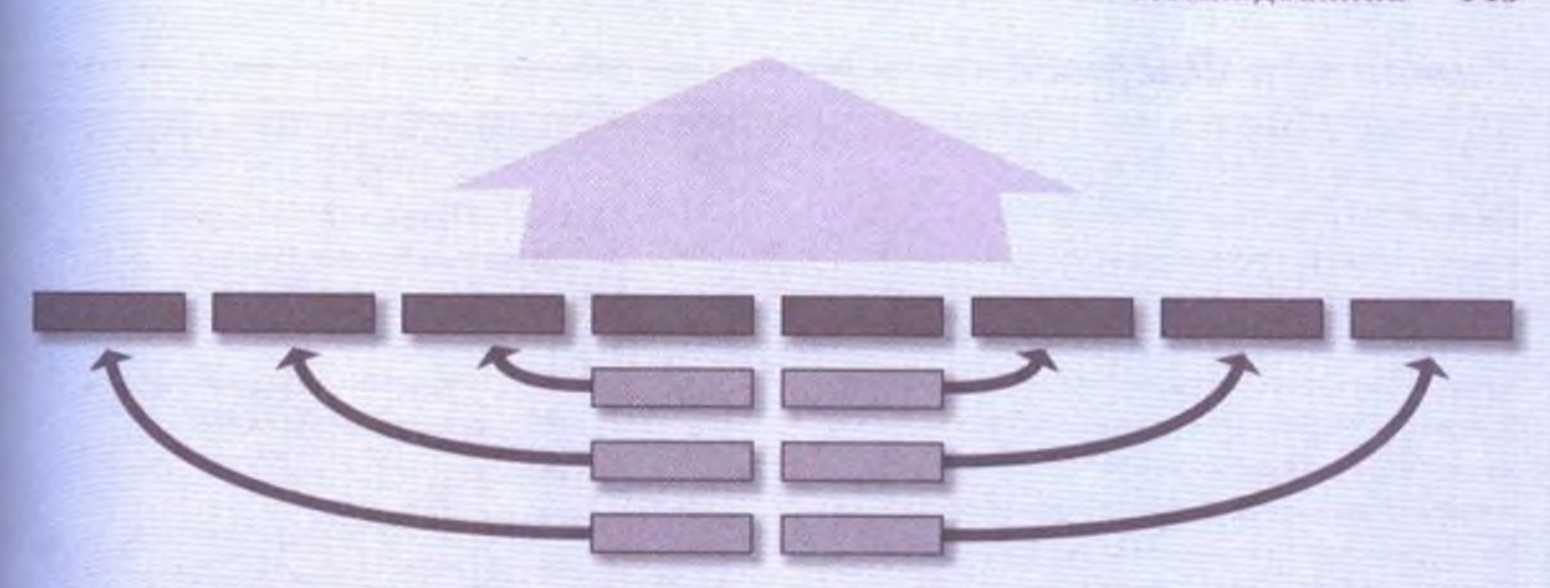
Подход Кобурга

Сражение при Флёрюсе наглядно иллюстрирует гибкость французской дивизионной системы по сравнению с *ad hoc*, или произвольно составленными сборными колоннами образца XVIII столетия, и показывает те плюсы, которые давала революционным войскам их схема командования и управления. 25 июня армия Кобурга приблизилась к Шарлеруа. Кобург намеревался атаковать позиции Журдана с фронта и с фланга силами пяти отдельных соединений. Принц Оранский с 13 000 чел. дислоцировался справа, генерал Петер Кважданович (1738–1802) с 6400 чел. – в центре, далее в направлении левого крыла Кобурга шли два соединения (15 500 чел.) под командованием эрцгерцога Карла (1771–1847), им отводилось направление на Шарлеруа через Флёрюс. На оконечности левого фланга Кобурга, ближе к Самбре, сосредотачивалось формирование из 10 300 чел. под начальством Больё.

Журдан построил дивизии в 5 км от города. Состоявший из двух дивизий корпус генерала Жана-Батиста Клебера (1753–1800) находился перед Курселем, обратившись лицом к войскам принца Оранского. Одна бригада обороняла Самбру в Ландели, к югу от позиций Клебера. На восток вдоль Самбры, за Ламбюзаром, удерживала лес слабая дивизия генерала Франсуа Марсо (1769–1796). Сам Журдан с двумя дивизиями командовал расположенным между Госсели и Эппиньи центром, который французский командующий укрепил строительством редута и установкой на нем тяжелых пушек. Дивизия Лефевра занимала укрепленную позицию между Ванье и Флёрюсом. Хотя войска Журдана превосходили Кобурга численно, линия обороны их была растянута, а в тылу оставался осажденный город. По счастью, гарнизон Шарлеруа поторопился и сдался за день до битвы, позволив Журдану перевести дивизию Атри в резерв вместе с расположившейся около городка Рансар кавалерией.

Открыл союзническое наступление принц Оранский, послав батальоны и эскадроны через речку Пьетон тремя небольшими колоннами, при этом одна продвигалась к Фонтен-л'Эвеку, а две другие – в направлении Курселя. Дивизия генерала Анн-Шарля Бассе де Монтегю (1751–1821), удерживавшая французский фланг, очутилась под особенно сильным натиском и, теснимая сильным огнем противника, стала отходить на Курсель. Бригада генерала Шарля Дорье (1761–1833) у Ландели двинулась навстречу колоннам принца Оранского, для того только, чтобы подвергнуться атакам кавалерии, артиллерийскому обстрелу и попасть под сильный ружейный огонь пехоты. В свою очередь и она тоже отступила. К 10 утра принц Оранский создал угрозу крушения левого фланга неприятеля.

Монтегю и Дорье, находясь к югу от Курселя, перегруппировались и перешли в контратаку, останавливая продвижение австрийцев. Клебер, взяв бригаду из дивизии генерала Гийома Дюэма (1766–1815), находившейся

Прусский батальон в составе четырех рот разворачивается из колонны в линию. Прусскую пехоту всегда отличала высокая выучка и дисциплина. Она была и оставалась грозной силой даже в катастрофической кампании 1806 г.

к северо-востоку от Курселя, быстро перебросил ее на фланг. Бой полыхал на протяжении еще двух часов. Клебер отправил в горнило сражения бригаду Бернадотта и к 2 часам пополудни поставил в трудное положение войска принца Оранского, вынуждая его начать общее отступление за Пьетон.

В то время, пока Клебер вел борьбу за удержание левого фланга, Журдан столкнулся с кризисной ситуацией на правом. Части Квасдановича надвигались на французский центр от Френа. Всю тяжесть атаки выпало сдерживать дивизии генерала Антуана Морло (1766–1809). После тяжелого боя, продолжавшегося на протяжении значительной части дня, Морло пришлось откатываться в направлении Госсели. Кважданович связал Журдана боем по фронту, тогда как эрцгерцог Карл и Больё обрушились всей силой на дивизии Лефевра, Марсо и генерала Жана-Этьена Шампьонне (1762–1800). Колонны эрцгерцога Карла отважно бросились на штурм французских полевых укреплений между Флёрюсом и Эппиньи. Шампьонне пользовался огневой поддержкой поставленных на редуте 18 тяжелых пушек. Австрийское наступление там забуксовало под воздействием артиллерийского и ружейного огня.

Лефевр тоже пока удерживал позиции под натиском одной из двух колонн эрцгерцога Карла. Как бы там ни было, скоро – когда колонна Больё сломила сопротивление дивизии Марсо, бежавшей с поля через Ламбюзар и оставившей правый фланг Лефевра висеть в воздухе, – катастрофа стала грозить всему правому крылу французов. Вскоре затем эрцгерцог Карл возобновил атаку, пользуясь поддержкой сосредоточенного артиллерийского огня и кавалерии. Шампьонне потерял редут и откатился к Эппиньи. Лефевр очутился в отчаянном положении. Отводя фланг и занимая полевые укрепления у Кампинера, он направил туда штабного полковника Сульта с тремя батальонами пехоты и отрядом кавалерии. Колонна Больё со всего маху врубилась в войска Сульта, поддержанные теперь остатками дивизии Марсо.

Журдан видел, как его центр подается, сминаемый врагом, а австрийские батальоны в две линии следуют от Эппиньи в направлении Рансара. Французский командующий тотчас же отправил кавалерийский резерв генерала Поля-Алексиса Дюбуа (1754–1796) против сомкнутых вражеских порядков. Первый австрийский эшелон не выдержал атаки конницы, в то время как второй построился в каре. Шампьонне двинулся на поддержку кавалерии, и австрийцы откатились, бросив всю легкую артиллерию. Лефевр тем временем кое-как удерживал позиции против эрцгерцога Карла и Больё. Стабилизировав центр, Журдан отправил на фланг дивизию Атри. Получив усиление, Лефевр отразил натиск колонны эрцгерцога Карла и двинулся на Ламбюзар, который и отбил у Больё. К вечеру, видя, что решительного перелома в сражении достигнуть не удается, Кобург отвел понесшую большие потери армию, оставив поле противнику.

Журдан едва не проиграл битву под Флёрюсом. Если бы Кобург располагал равными с ним по численности войсками, результат,

Битва при Флёрюсе
26 июня 1794 г.

Весной 1794 г. австрийская и англо-союзническая армии грозили разгромом французам, оккупировавшим Бельгию и Голландию; наступательные действия противника заставили французские армии отходить к собственным границам. Комитет общественного спасения отправил на фронт кровожадного депутата Сен-Жюста для внушения солдатам и их командирам на передовой понимания всей серьезности и сложности сложившегося положения. Генерал Жан-Батист Журдан, временно отстраненный от командования в 1793 г., получил назначение на должность командующего армией Самбры и Мёза. В начале второй половины июня Журдан форсировал Самбру и осадил Шарлеруа, развернув войска полукругом для противодействия австрийской деблокировочной армии на подступах к городу. 26 июня принц Заксен-Кобург перешел в наступление на силы Журдана в районе Флёрюса. После отчаянного сражения, когда рушились фланги Журдана, его способность быстро ввести в действия резервы в сочетании со стойкостью войск в центре вынудила союзников к отступлению с поля с тяжелым уроном для них.

После нескольких неудачных попыток форсировать реку Самбра и овладеть Шарлеруа, в июне 1794 г. французы наконец завершили дело успехом, а в конце месяца нанесли поражение деблокировочной армии принца Заксен-Кобурга.

Река Самбра

Шарлеруа

Шатле

Курсель

Госсели

Флёрюс

Френ

1 Колонна принца Оранского переходит речку Пьетон, приводя в замешательство и в беспорядке отбрасывая дивизию Монтегю в направлении реки Самбра. Только контратака бригады Дорье предотвращает полное крушение французского фланга.

2 Колонна Больё на левом фланге союзнических войск теснит и громит слабую дивизию Марсо, оставляя французский центр не прикрытым справа и создавая угрозу крушения обороны на том участке.

3 Две колонны эрцгерцога Карла продвигаются через Флёрюс, и далее за него, атакуя дивизии Шампьонне и Лефевра, которые едва держатся, испытывая к тому же на своем правом фланге натиск частей Больё.

4 Колонна Кваждановича атакует Морло в центре, связывает его боем, в то время как эрцгерцог Карл и Больё пытаются разбить дивизии Шампьонне и Лефевра.

5 Журдан бросает на поддержку Лефевра дивизию Атри, а также кавалерию Дюбуа, и те останавливают наступление эрцгерцога Карла из Флёрюса.

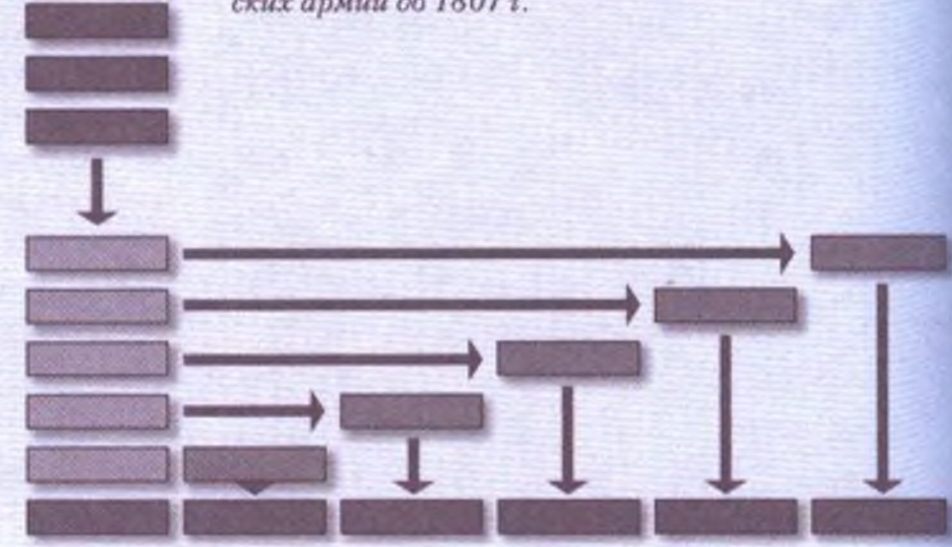
вполне возможно, получился бы иным. В реальности же избранное Кобургом этакое концентрическое наступление колоннами не позволило ему адекватным образом контролировать поле сражения, не говоря уже о координации собственных действий с действиями войск принца Оранского. Победу Журдана можно приписать впечатляющему мастерству его дивизионных генералов и их способности ловко и умело оперировать вверенными им дивизиями и бригадами на поле сражения в соответствии с быстро меняющейся оперативной обстановкой. Занятое собственно Журданом положение в центре дало ему возможность отправить дивизию Атри и кавалерийский резерв Дюбуа в поддержку Шампьонне и Лефевру, не позволив союзникам раздавить эти дивизии. Со своей стороны, командиры отдельных формирований Кобурга не располагали организационными единицами размером больше батальона, что крайне ограничивало их способность реагировать на изменение обстоятельств на поле.

Эволюция армейской организации

Одним из значительных шагов в деле совершенствования приемов командования и управления в период Революционных и Наполеоновских войн стало введение в практику боевых дивизий и армейских корпусов. Увеличение размеров армий на протяжении XVIII столетия, а равно и разрастание количества театров военных действий требовали реорганизации административно-управленческих структур европейских армий. В общем случае типовой военной частью являлся пехотный полк, состоявший из одного или двух боевых батальонов и одного запасного. Кавалерийские полки тоже являлись стандартной боевой единицей, хотя эскадроны из их состава могли распределяться по армиям на различных ТВД.

Следовательно, на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях командующие армиями удовлетворялись управлением множеством батальонов и эскадронов. Такое деление создавало огромную избыточную нагрузку на армейские штабы, ибо приходилось принимать на себя ответственность за контроль за действиями довольно незначительных по объему, но многочисленных частей в составе армии, заниматься обеспечением их всем необходимым и следить за своевременным поступлением приказов ко всем командирам. Задача получалась не из легких. Попытки координации тысяч и десятков тысяч солдат в ходе кампании из одного центра нередко вели к неразберихе и даже парализовали эффективные действия войск. Для избавления от таких напастей европейские армии часто формировали импровизированные соединения – крылья, колонны (*Abteilungen*, буквально – «подразделения»), дивизии и бригады, состав которых зависел исключительно от характера выполняемого задания. Короче, упорядоченная стандартизация в армейской организации выше уровня полка отсутствовала.

В 1759 г., в ходе Семилетней войны, маршал Франции герцог де Бройе (1718–1804) создал во французской армии боевые дивизии, однако они тоже представляли собой временные соединения. В середине XVIII столетия французы учредили в своей армии административные единицы, названные «военными дивизиями» (*divisions militaires*). Вся Франция была разделена на такие дивизии, по сути представлявшие собой военные округа, и каждый дивизионный начальник нес ответственность за полки, дислоцированные в его округе. Такие организации, однако, не трансформировались в постоянные боевые дивизии, которые появились только в ходе французских Революционных войн (1792–1802 гг.), но сама идея легла в основу формирования таких соединений.

БАТАЛЬОН ИЗ ШЕСТИ РОТ в процессе развертывания из маршевого порядка в линию – типичное перестроение, диктовавшееся строевыми уставами европейских армий до 1807 г.

Штабной офицер Пьер де Бурсе (1700–1780) выступал за введение дивизий как штатных формирований в своей работе *Principes de la Guerre des Montagnes* («Принципы горной войны»), написанной в 1760–1770-е годы.

Дивизии позволили бы армиям продвигаться параллельными маршрутами и быстро соединяться для битвы в нужный момент. Такое формирование значительно облегчило бы действия в ходе кампании и обеспечило возможность быстрой переброски больших масс войск на значительные расстояния, особенно в противовес армии, марширующей целиком по одной и той же дороге, двигающейся медленно и обремененной обозами. Касательно последнего, другой французский военный теоретик, граф де Гибер (1743–1790), выдвигал в «Общем очерке тактики», или *Essai general de tactique*, написанном в начале 1770-х годов, утверждение о целесообразности полного отказа от армейских обозов, предлагая вовсе пожертвовать ими ради повышения гибкости и подвижности.

> *«Тем, кто сосредотачивает и применяет в критической точке наибольшую силу на протяжении кратчайшего отрезка времени, принадлежит победа в войне, равно как в любом ином физическом или моральном состязании».*
>
> Эрцгерцог Карл

«Передвигаться раздельно – драться вместе»

Дивизия стала возникать в середине XVIII столетия как средство улучшения стратегической подвижности армии и облегчения командования. Полководец во главе армии избавлялся от необходимости следить за каждым батальоном и эскадроном, приобретая возможность оперировать дивизиями. Тем временем дивизионные генералы отвечали за входящие в их соединения полки. Французы пошли несколько дальше – экспериментируя с дивизионной организацией, они также ввели пехотную бригаду – часть из двух пехотных полков. Пруссия тоже организовала армию по бригадам, однако боевую дивизию пока не ввела. Что делало французскую дивизию явлением на тот момент уникальным, так это объединение в штатном расписании одного формирования частей разных родов войск. Обычно артиллерия и кавалерия находились в личном распоряжении командующего армией, который и распределял эти подразделения между подчиненными сообразно задачам каждого из них в тот или иной момент. Интегрировав артиллерию и кавалерию в дивизионную структуру, французские военные достигли качественного роста огневой мощи и улучшения продуктивности разведки на нижнем уровне. Дивизия могла передвигаться отдельно, отдельно же вступать в бой с противником и пользоваться необходимой поддержкой на протяжении некоторого периода до тех пор, пока не получала усиление от другой дивизии. Такой принцип часто формулируется так: «передвигаться раздельно – драться вместе».

Во время французских Революционных войн рост размеров принимающих участие в кампаниях армий побудил революционеров ввести боевую дивизию как постоянную составляющую армейской организации. Каждая дивизия включала в себя две пехотные бригады, кавалерийское формирование – эскадрон или полк – и артиллерийскую батарею. Случалось, полководцы отдавали под командование одного подчиненного несколько дивизий, поступая так в зависимости от плана операции. Например, в 1796 г. генерал Андре Массена (1758–1817) возглавлял две дивизии армии Наполеона в Италии, а в 1794 г. генерал Клебер также командовал двумя дивизиями в Бельгии.

Наполеон продолжил развитие идеи дивизионных формирований за счет дальнейшего расширения организационной системы – введения армейского корпуса, или *le corps d'armée*. Такие соединения уже существовали во време-

на революции, однако пока только на временной основе. Каждый корпус включал в себя две или три пехотные дивизии, кавалерийскую бригаду (позднее дивизию), дивизионную артиллерию и корпусной артиллерийский резерв. Для превращения организации в самодостаточное боевое соединение из 20 000–30 000 чел. в состав ее включались еще инженерно-саперные роты и, конечно же, создавался корпусной штаб.

После 1804 г. французским корпусом обычно командовал один из маршалов Империи, хотя иногда его возглавлял и дивизионный генерал (*général de division*). Командиры дивизий, бригад и полков, составлявших тот или иной армейский корпус, продолжали служить в нем на протяжении следовавших одна за другой кампаний. К тому же французским корпусам, как и древнеримским легионам, обычно приходилось действовать на определенном европейском театре. Так, например, III корпус маршала Луи Даву, в разное время называвшийся также Рейнской армией, Эльбским обсервационным (то есть наблюдательным) корпусом и I корпусом Великой армии, с момента своего создания в 1803 г. почти не менял состава, а местом его постоянного базирования с декабря 1805 г. до июня 1812 г. оставалась Германия.

В идеальном случае французский корпус действовал на отдельной оси продвижения, но при взаимодействии с другими. Такое распределение позволяло Наполеону координировать кампании Великой армии с куда большей легкостью, чем могли позволить себе его оппоненты с их устроенными по-старому армиями; последние отрицали корпусную систему, предпочитая традиционную колонну, или *Abteilung*. На протяжении кампании 1806 г. против Пруссии Наполеон как правило разделял свою армию на три группировки (большие колонны), каждая из которых состояла из трех корпусов. Каждый корпус находился на расстоянии половины дневного перехода от другого корпуса и на дистанции целого дня пути от всех корпусов в любом направлении.

В начале XIX столетия Пруссия и Австрия усвоили дивизионную систему, но дивизии их оставались преимущественно административными, или управленческими, так что до 1809 г. они не располагали ни одной регулярной *боевой* дивизией. Русские организовали у себя военные и боевые дивизии еще в 1806 г., однако они оказались чрезвычайно громоздкими и неповоротливыми, испытывали недостаток в соответствующих уровню задач штабных структурах для надлежащего управления бригадами и полками. В Британии бригадная и дивизионная организации носили спорадический характер, то есть соединения создавались по случаю (*ad hoc*), для каких-то конкретных экспедиций.

Битва при Аустерлице, 2 декабря 1805 г.

Победа Наполеона над русскими и австрийцами под Аустерлицем осталась в истории того периода как, наверное, самая решительная и крупная. Французский император с армией из 60 000 чел. остановился в 60–70 км севернее Вены, готовясь дать бой численно превосходящим силам противника, насчитывавшим 89 000 чел. На юго-востоке, в Венгрии, эрцгерцог Карл собрал под своим командованием 90 000 чел., находясь на дистанции маршевого броска от австрийской столицы. К северо-западу, в Богемии, эрцгерцог Фердинанд (1754–1806) удерживал Прагу, но послал свои слабые дивизии на юг. Как бы там ни было, наибольшим источником озабоченности для Наполеона являлась прусская армия. Хотя Пруссия официально не находилась в состоянии войны с Францией, прусский король Фридрих Вильгельм III (1770–1840) отправил своего министра иностранных дел графа фон Гаугвица (1752–1832) в Вену с намерением предъявить Наполеону ультиматум: прекратить враждебные действия, или Пруссия будет вынуждена вступить в союзническую коалицию. Император коротко встретился с Гаугвицем, не позволив ему, однако, озвучить угрозу. Прусскому ультиматуму предстояло подождать исхода сражения.

Наполеон, как тот же Фридрих Великий прежде него, представлял собой как военного, так и политического лидера государства. Власть персонифицировалась и воплощалась в его личности, а стало быть, личные устремления вождя трансформировались в готовность или неготовность государства к достижению цели. Следовательно, Наполеон поступал так,

как считал нужным, не оглядываясь ни на какое правительство или вышестоящую инстанцию. Он принял бой в стратегически неудобном положении и на тактически слабой позиции под Аустерлицем, но, тем не менее, достиг решительного и блистательного триумфа над противником. Результатом стала не только военная победа в чистом виде, но и закрепление за Францией всех ее территориальных приобретений в Италии и Германии начиная с 1792 г.

Описываемое сражение есть блистательный пример организационного превосходства французской армии, командирских качеств военачальников и отважного напора – *élan* – испытанных ветеранов. Как бы там ни было, не следует думать, будто русские и австрийцы плохо сражались, однако совершенно очевидно одно – качество русского и австрийского командования в тот день оставляло желать лучшего. В действительности Третья коалиция вообще плохо руководила всей кампанией, начавшейся в августе 1805 г.

Австрия, Россия и Британия являли собой становой хребет Третьей коалиции, но большинство континентальных сил предоставляла империя Габсбургов. На самом деле наибольшая сложность, служившая затруднением для всех коалиций против французов с 1792 г., состояла в том, что участники их позволяли своим территориальным и династическим интересам оказывать слишком большое влияние на ход ведения войны. Состязание австрийцев, британцев и русских за установление собственного влияния в Германии и в Италии портило и отравляло союзническую стратегию на протяжении доброго десятилетия. К несчастью для них, в 1805 г. ситуация оставалась в общем и целом неизменной.

Карл Макк, на тот момент начальник интендантской службы армии Габсбургов, пользовавшийся значительными властью и влиянием на императора Франца I (1768–1835), советовал монарху нанести удары в Италии и в Германии до прибытия в середине октября русских союзников. В итоге эрцгерцог Карл, брат Франца I, принял командование крупной армией, дислоцированной в Италии, в то время как Макк и эрцгерцог Фердинанд вторглись в Баварию, выступавшую в роли французского союзника, и обосновались на позициях в районе Ульма за добрый месяц до подхода русской армии. Великая армия Наполеона находилась тогда на побережье Ла-Манша, ожидая франко-испанского флота, который так никогда и не появился.

Поскольку к августу угроза начала континентальной войны стала очевидной, Наполеон распростился с мечтой о переправе через Ла-Манш в Англию и передислоцировал корпуса к берегам Рейна. Быстрая переброска 120 000 чел., разделенных на пять *corps d'armée*, от Па-де-Кале и из Голландии к германской границе – на дистанцию свыше 800 км за 30 суток – является по тем временам заслуживающим внимания деянием.

Отдельный корпус: Наполеон добивался от собственных войск способности передвигаться в сравнительно малых формированиях, обычно равных корпусу. Проблему, порождаемую опасностью разделения сил армии, командующий решал за счет поддержания между соединениями дистанции в расстояние дневного перехода. Поскольку все корпуса бывали преимущественно одной и той же численности, любой из них, первым вступивший в боевой контакт с противником, мог атаковать его, отвлекая неприятельские силы, или же держать оборону на протяжении нескольких часов. Другой корпус получал возможность тем временем совершить обходной фланговый маневр, используя кавалерийское прикрытие.

Ошибочный расчет Макка

Макк предполагал, что на передвижение французских войск уйдет не менее двух месяцев, чего с лихвой хватило бы для подхода союзников. Он как-то не принял во внимание особой гибкости французских армейских корпусов и их способности быстро передвигаться по параллельным маршрутам без избыточного перенапряжения сил тылового обеспечения. Как бы там ни было, Наполеон заметно выигрывал от умения его армии выдерживать форсированные марши и возможности доснабжаться из городов-крепостей по Рейну. Кроме того, он достиг договоренностей с князьями Баварии, Вюртемберга и Бадена об обеспечении продовольствием и фуражом его армии в процессе переброски ее в Германию.

Хотя и пораженный стремительностью французского наступления, Макк приготовился встретить неприятеля. Однако по прошествии всего 10 суток после переправы французской армии через Рейн и прихода ее в Германию Макку с эрцгерцогом Фердинандом стал более чем очевиден один бесспорный факт – Наполеон поймал их в ловушку. Французский корпус к западу от Макка оттянул его внимание, в то время как основные силы армии двинулись на север, а затем на восток для выхода на Дунай и в правый фланг австрийцам. Макк поспешно сосредоточил разбросанные дивизии в районе Ульма, а тем временем французская петля уже начала затягиваться у него на шее. Французский корпус выдвинулся к баварской границе для предотвращения своевременного подхода русских, спешивших на выручку попавшим в западню австрийцам. Оставшиеся четыре корпуса охватили армию Макка. Несколько попыток разорвать кольцо закончились в общем-то неудачно, а эрцгерцогу Фердинанду удалось достигнуть Богемии с кавалерийским отрядом менее чем из 2000 чел. К 18 октября Макк с остатками армии в 20 000 чел. капитулировал. Остальные либо попали в плен раньше, либо рассеялись.

Уничтожение австрийской армии в Германии стало для эрцгерцога Карла настоящим ударом. Молодой и даровитый австрийский генерал по-прежнему возглавлял крупные силы полевой армии и решил передислоцировать их с прежних позиций в Венеции в Вену. Однако преследуемый в Италии ведомой маршалом Массена французской армией и отрезанный VI корпусом маршала Нея, перекрывшим противнику путь в Вену, Карл повернул на восток – в Венгрию. Тем временем эрцгерцог Фердинанд стягивал различные контингенты в Прагу.

Русские вводили войска в горнило конфликта поэтапно. Генерал Михаил Кутузов (1745–1813) возглавил и привел к баварской границе первую армию из 50 000 чел. Когда известия об австрийской капитуляции под Ульмом достигли его ушей, лукавый генерал начал с арьергардными боями пробиваться в сторону Вены, а затем далее на север от нее на соединение с двумя другими русскими армиями, приближавшимися из Польши. К середине ноября Вена находилась в руках французов, а русские войска царя Александра I (правившего с 1801 по 1825 г.), как и 20 000 австрийцев, в основном новобранцев, сосредоточились в Моравии, готовясь возобновить наступательные действия.

Наполеон двинулся на север в Моравию, стремясь вступить в бой с русско-австрийской армией прежде, чем в войну включится Пруссия. Он взял с собой три армейских корпуса (I, IV, V), Императорскую гвардию и кавалерийский резерв, возглавляемый зятем императора, маршалом Жоашеном Мюратом (1767–1815). III корпус маршала Даву был оставлен в Вене для противодействия возможным поползновениям эрцгерцога Карла со стороны Венгрии. Баварские союзники Наполеона под началом генерала Карла Филиппа фон Вреде (1767–1838) отправились в поход против эрцгерцога Фердинанда, положение которого могло создать угрозу сообщениям Наполеона с Веной.

Ульмская катастрофа армии Макка явно показывала неспособность политических и военных лидеров из окружения австрийского императора справиться с ситуацией.

Франц I со свитой бежал под защиту войск царя Александра, где советники его продолжали призывать государя не складывать оружие. Эрцгерцог Карл заметил на все это, что брат окружил себя «идиотами и дураками».

Тем не менее русская армия неплохо показывала себя против французов. Кутузов чувствительно потрепал французский авангард под Амштеттеном за месяц до того, а генерал Петр Багратион (1765–1812) сумел сдержать превосходящие французские войска под Холлабрунном во время отступления в Моравию. Русские генералы не испытывали недостатка в мужестве, однако они расходились во мнениях по поводу выбора подхода к ведению боевых действий. Кутузов предпочитал поступать осторожно. Он рекомендовал царю подождать выдвижения в Богемию пруссаков. С другой стороны, сам Александр и генералы Франц фон Вейротер (1755–1806), граф фон Буксгёвден (1750–1811) и Багратион считали наиболее целесообразными в сложившейся обстановке наступательные действия. Они не видели причин чего-то и кого-то дожидаться. Количественный баланс сил явно складывался не в пользу Наполеона, и если бы удалось оттянуть стратегический фланг его войск от Вены, противник оказался бы в западне. Незавидная судьба Макка вполне могла бы тогда постигнуть самих французов.

Известное полотно Франсуа Жерара с изображением Наполеона при Аустерлице, заказанное в 1810 г. Вернувшийся из боя генерал Рапп, адъютант императора, представляет Наполеону пленных русских офицеров и трофеи, захваченные французской гвардейской кавалерией.

План Вейротера

1 декабря союзническая армия заняла позиции на Праценских высотах, господствовавших над местом дислокации французских войск внизу. К северу от высот пролегала главная дорога, ведущая от Брюнна, где располагалась штаб-квартира Наполеона, на запад, к Ольмюцу. Замерзшие озера к югу прикрывали фланг, а к западу протекал ручей Гольдбах.

С высот союзники имели прекрасную возможность пронаблюдать схему развертывания войск Наполеона и определить слабые места в ней. Французская армия раскинулась по фронту протяженностью в 6–7 км, две трети которого образовывали части IV корпуса маршала Николя Сульта.

Одна из трех дивизий Сульта, возглавляемая генералом Клодом Леграном (1762–1815), удерживала правый фланг армии, занимая позиции вдоль ручья Гольдбах на отрезке от Тельница до Кобельница, составлявшем чуть более 3 км. На этом участке сплошную линию войск разбивали только замок Сокольниц и два пруда. Основные силы французской армии – до 45 000 чел. – были сосредоточены на левом фланге, располагаясь поперек Ольмюцкой дороги и к югу от нее. Тут Наполеон поместил в первом эшелоне V корпус отважного и неустрашимого маршала Жана Ланна (1769–1809), тогда как I корпус маршала Бернадотта, сводная гренадерская дивизия генерала Николя Удино (1767–1847), Императорская гвардия и кавалерийский резерв жались как в загоне на площади в 4 км^2.

Генерал Вейротер, начальник штаба Александра, пришел к заключению об очевидной уязвимости казавшихся неудачно построенными войск Наполеона, которых можно было

Битва при Аустерлице
2 декабря 1805 г.

Стратегическая победа Наполеона над австрийской армией в Германии – в октябре 1805 г. под Ульмом – повлекла за собой быстрый марш вниз по Дунаю к Вене. Вскоре затем император очутился перед основательной дилеммой: довольно крупная армия эрцгерцога Карла стояла к юго-востоку, в Венгрии, русско-австрийские войска – к северо-востоку в Моравии, а прусская армия находилась на северо-западе в Центральной Германии. Наполеон решил перейти в наступление и разгромить русско-австрийские войска под командованием царя Александра I прежде, чем пруссаки вступят в Богемию, а эрцгерцог Карл двинется на Вену. Таким образом, он собирался бить своих противников поодиночке. Царь отклонил предложение генерала Кутузова избежать сражения и дожидаться пруссаков, что позволило бы получить подавляющее преимущество над неприятелем. Уверенное в себе и предвкушавшее победу из-за явного численного превосходства и мнимо неудачного развертывания войск Наполеона, командование союзнической армии, в основном состоявшей из русских частей, перешло в наступление под Аустерлицем и потерпело сокрушительное поражение из-за нокаутирующего удара Наполеона на Праценских высотах.

Находясь в численном меньшинстве глубоко в сердце Моравии, Наполеон столкнулся на поле боя с войсками русско-австрийской коалиции. Одержанная им под Аустерлицем победа оказалась по всем статьям решительной и стала величайшим достижением французов.

3 Наполеон приказывает маршалам Сульту и Бернадотту вместе с гренадерами Удино и частью кавалерийского резерва наступать на Праценские высоты, по большей части оставленные союзническими войсками, за исключением все еще расположенной там гвардии русского императора.

2 На усиление правого французского крыла подходят части корпуса Даву, что обрекает на неуспех попытки прорыва союзников.

4 Маршал Ланн и часть кавалерийского резерва атакуют позиции генерала Багратиона вдоль дороги Брюнн–Ольмюц.

Праценские высоты

Аустерлиц

Сокольниц

Литава

Тельниц

Ручей Гольдбах

6 Наполеон перегруппировывает французские дивизии для наступления в тыл русским колоннам вдоль ручья Гольдбах.

5 После ожесточенных боев, с подходом французской Императорской гвардии французы побеждают гвардейские части русского царя и оставшиеся русские и австрийские силы.

1 Союзнические колонны выдвигаются с Праценских высот против кажущегося слабым правого фланга неприятеля между Тельницем и Сокольницем, где одна-единственная французская дивизия под началом Леграна держала фронт протяженностью 3 км.

разбить с помощью фланговой атаки через ручей Гольдбах.

Союзнической армии, разделенной на пять колонн, предстояло наступать по всему фронту, при этом три колонны приходились на французское правое крыло между Тельницем и Сокольницем, короче говоря, 40 000 русских – против 10 000 французов. Крушение правого фланга могло бы лишить Наполеона пути сообщения с Веной и поставить его армию в изолированное положение.

Вейротера часто критикуют за безрассудно храброе поведение. Нужно, однако, отметить, что выводы его представляются вполне верными – при иных обстоятельствах план мог бы вполне сработать. О чем не знали Вейротер и русские, это об отданном Наполеоном маршалу Даву приказе форсированным маршем выступить от Вены со всем III корпусом или же с частью его и прибыть до 2 декабря к полю предстоящего сражения. К вечеру 1 декабря Даву находился менее чем в 10 км от Тельница, пройдя всего за сутки более 60 км с соединением из 10 000 чел. Подобное не назовешь иначе, как чрезвычайно грандиозным достижением. Как бы там ни было, по всему, что написано о битве при Аустерлице, расклад сил, выбранные позиции и план действий – все говорило в пользу союзников.

«Солнцу Аустерлица» предшествовал туман, на несколько часов скрывший низины. С наблюдательного пункта на Праценских высотах царь Александр со штабом едва мог различить внизу русло ручья Гольдбах. Погода благоприятствовала французам. Даву поднял солдат рано, стремясь выйти к Тельницу до начала русской атаки. Хотя сам по себе туман не привел в расстройство союзнические колонны на высотах, между тем, составленные из разных частей, они имели этакий ситуативный характер, тогда как выполняемый по косой маневр предусматривал перемещение на юго-запад массы из 40 000 чел.; все это привело к неразберихе: построения разрушились, полки перемешались, а контроль за действиями частей неминуемо ослаб.

Наверное, самым пагубным для союзнической армии в тот судьбоносный день стало отсутствие централизованного командования. Каждая колонна имела своего командира и свои особые задачи, однако недоставало одного-единственного военачальника, который бы руководил всей битвой после раздачи приказов. Генерал Вейротер, предложивший план действий, был штабным офицером, а осторожного генерала Кутузова, старшего из русских военачальников, царь Александр в день битвы как бы отодвинул в сторону. Император Австрии Франц I выступал фактически в роли наблюдателя, хотя он в любом случае не был солдатом. Если бы все пошло в соответствии с запланированным, тогда проблем бы и не возникло, но изменения обстановки на поле битвы требовали принятия решений и, соответственно, налаженной и работоспособной командной структуры.

> *«Мои солдаты храбры настолько, насколько это возможно, однако слишком много рассуждают. Если бы они имели несгибаемую стойкость и умение повиноваться русских, ничто в мире не могло бы устоять передо мной».*
>
> *Наполеон*

Союзники переходят в наступление

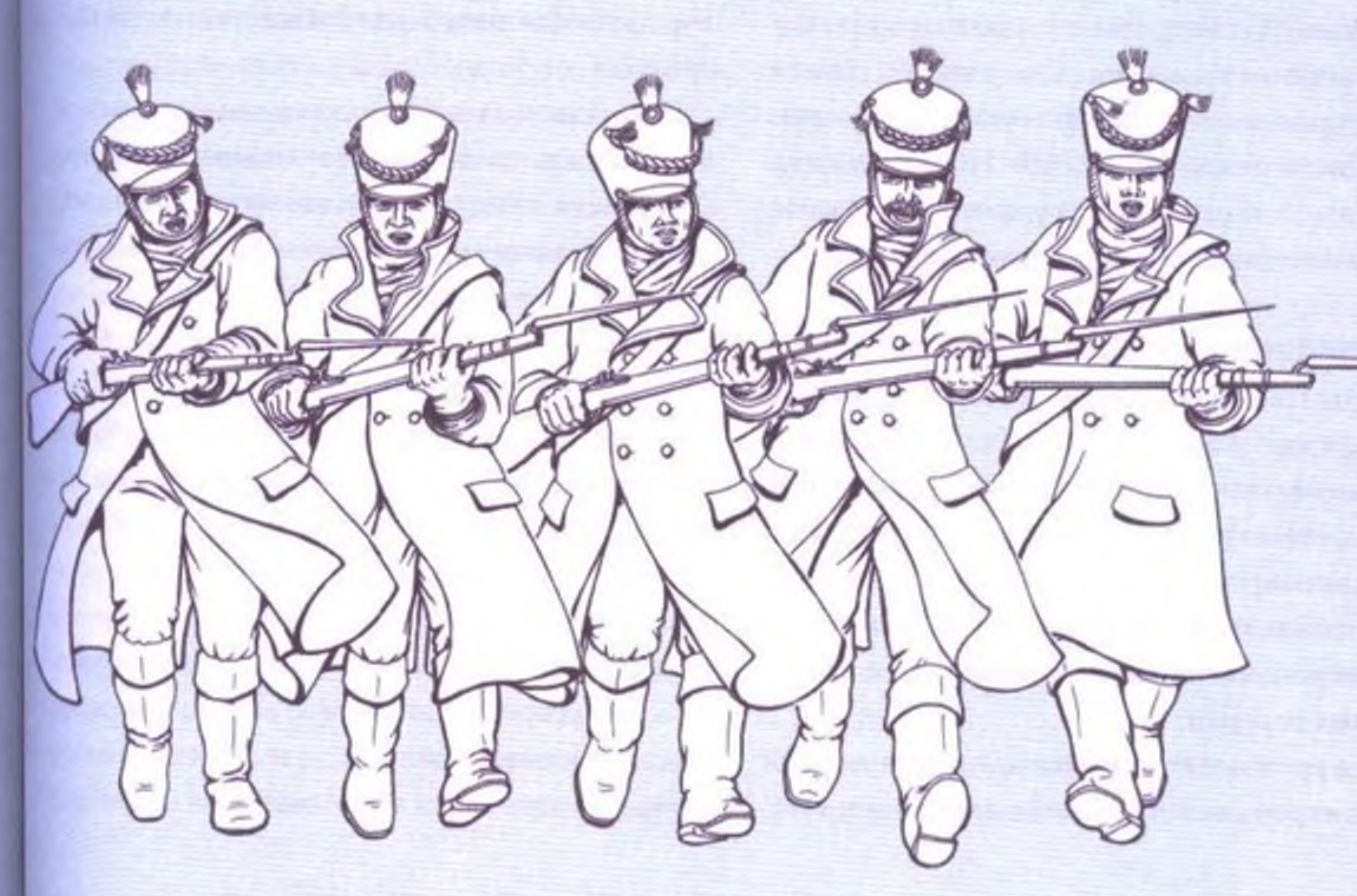
Смятение на Праценских высотах удалось наконец преодолеть, правда, с потерей двух часов. Когда колонны спустились к Гольдбаху, атака строилась волнами без энергичного напряжения всех сил и приложения их разом, позволяя французам преодолевать сложности по мере их поступления. Хотя численный перевес русских заметно сказывался, когда в 9:30 утра три из пяти формирований обрушились на французские позиции у Тельница и Сокольница, своевременный подход подкреплений с маршалом Даву во главе позволил спасти ситуацию и предотвратить прорыв. Оставались еще две союзнические колонны, но в сложившихся обстоятельствах ни одну из них не бросили на штурм вражеских позиций по линии ручья Гольдбах.

Номинально штурмом французского правого фланга руководил генерал Буксгёвден, и в то время как большая часть его войск погрузилась в жаркие бои у Тельница и Сокольница, в распоряжении генерала оставалось четвертое формирование – резерв под началом генерала Дмитрия Дохтурова (1756–1816). Когда пехотная дивизия генерала Фриана из корпуса Даву усилила французскую оборону, Буксгёвден не послал в бой свежие силы. Схватки шли отчаянные, и вступление в дело запасной колонны наверняка позволило бы атакующим смять французский фланг, однако резерв остался незадействованным, тогда как царь со штабом не могли наблюдать за развитием событий на Гольдбахе с их места расположения на высотах. Да царь в любом случае не сумел бы изменить ситуацию, поскольку Наполеон, видевший, как союзнические колонны уходят с Праценских высот, приказал начать наступление на них силами двух армейских корпусов, кавалерийского резерва и сводной гренадерской дивизии.

Продвижение двух французских корпусов застало союзников врасплох. К 10 утра на высотах оставалась только русская Императорская гвардия и две дивизии австрийцев и русских.

Две дивизии маршала Сульта приблизились к вершине, где вступили в бой с полками австрийцев и русских, которые, несмотря на отважный отпор противнику, оказались не в силах остановить французское наступление. I корпус маршала Бернадотта надвигался прямо на Стары Винограды, где разместился союзнический штаб. Царь Александр и император Франц I в спешке покинули наблюдательный пункт, когда великий князь Константин (1779–1831) повел в контратаку русскую Императорскую гвардию. Борьба за обладание Праценскими высотами носила очень ожесточенный характер. Хотя дивизии Сульта и смогли наконец вытеснить австрийцев и русских с позиций, а Бернадотт заставил русскую гвардию ослабить натиск и закрепил за собой успех, Наполеону пришлось бросать в сражение резервы, в том числе собственную Императорскую гвардию. Вскоре после 1 часа пополудни французам удалось расколоть союзническую армию надвое, прервав связь между колоннами, действующими у ручья Гольдбах, и русским корпусом (авангардом) генерала Багратиона, развернутым к северу от Праценских высот. Русские части в центре отчаянно сражались, как могли перегруппировывались и отходили организованно, с упорными боями. Стойкие солдаты Багратиона на протяже-

Российские пехотинцы в длинных шинелях под Аустерлицем. Русской армии не в новинку было воевать с французами в Западной Европе, так как шестью годами ранее она участвовала в войне Второй коалиции и добилась заметных успехов в Италии, сражаясь под командованием легендарного полководца Александра Суворова.

нии большей части утра сдерживали V корпус маршала Ланна, наступавший по Ольмюцской дороге. Как бы там ни было, в начале второй половины дня выигрыш Наполеона на высотах позволил ему бросить в бой кавалерийский корпус маршала Мюрата. Атаки этой конницы быстро привели к крушению русского правого фланга. Между тем на своем левом фланге, у ручья Гольдбах, французы успешно оттеснили русских от Тельница и Сокольница, однако и сами выдохлись. У Буксгёвдена еще оставались резервы, но к обеду стало ясным положение на Праценских высотах, и русскому генералу приходилось готовиться к встрече атаки корпуса Сульта с севера. Очутившись перед перспективой быть зажатым между двух французских корпусов с замерзшими прудами у себя в тылу, Буксгёвден вывел свои обескровленные колонны из боя, пока Сульт спускался с высот.

> *«Стратегия есть искусство использования времени и места. Первое волнует меня больше, чем второе. Место можно отвоевать, потерянное же время – никогда».*
>
> *Наполеон*

Наполеон достиг решительной победы. Союзнические войска оказались расколотыми на три части – Багратион, царь и Буксгёвден – и отчаянно пытались отойти в порядке в надежде соединиться с товарищами где-нибудь далее к востоку, в районе Аустерлица. Французы преследовали их осмотрительно, поскольку русская и австрийская кавалерия умело сдерживала их в арьергардных боях. Четверо суток спустя князь Иоганн Лихтенштейн (1760–1836), эмиссар Франца I, подписал перемирие, фактически положившее конец войне Третьей коалиции.

Командная и штабная система

Победы Наполеона в период с 1805 по 1807 г. сделали его хозяином Европы. Французская военная машина показала себя до такой степени успешной, что даже если она не революционизировала военную организацию и командные структуры европейских армий, то, безусловно, послужила катализатором значительных перемен.

Все крупные европейские державы так или иначе стремились к проведению реформы военной администрации и командных структур как до французских Революционных войн, так и во время них. Однако после 1807 г. каждая из побежденных Наполеоном европейских стран приступила к значительной реорганизации наличествующей военной системы. Результаты получались разными, но никому так или иначе не удалось достигнуть уровня гибкости, присущей французским войскам. Тем не менее перемены сумели повысить способность союзнических армий к ведению войны на стратегическом и оперативном уровне на протяжении дальнейших кампаний периода Наполеоновских войн с 1805 по 1815 г.

У французского военного руководства имелось целых 150 лет на эволюцию с тех пор, как в XVII веке возникла регулярная армия. Пусть французские революционеры и отвергали старый порядок, однако они колоссальным образом выиграли от успехов военной администрации времен монархии. Самый тяжелый период преобразований последовал за 1791 г. и призывом на службу добровольцев, что привело к вырастанию Национальной гвардии в вооруженную силу наряду с сохранившимися частями профессионалов из бывшей королевской армии.

Ратная гроза наряду с экономическими и военными потребностями поставили руководство лицом к лицу с гигантскими трудностями, сопряженными с управлением действиями больших масс вооруженных людей. В 1793 г., после кампании широкого призыва, или *levée en masse*, французская армия чрезвычайно расширилась, достигнув полумиллиона человек, и уже сам размер войск сделал крайне затруднительным управление любыми процессами от тылового обеспечения до закупок оружия. В тот год Лазар Карно принял в свои руки бразды военной администрации и, пользуясь властью революционной диктатуры, навел порядок в Военном министерстве. Как бы там ни было, по-прежнему оставалась значительная разница между военным департаментом и штабом, действовавшим под началом армейского главного командования.

На протяжении XVIII столетия французская армия медленно вырабатывала действенную штабную систему. Министр обороны, маркиз де Сегюр (1724–1801), создал по рекомендации Пьера де Бурсе основу штабной службы. Учреждение боевых дивизий, а позднее и армейских корпусов, служило делу дальнейшего развития штабной организации, способной преобразовывать приказы в действия в ходе кампаний и разрешать все прочие управленческие вопросы, возникающие в процессе поддержания боеспособности армии в поле.

Став первым консулом, а затем и императором французов, Наполеон возложил на себя две обязанности – правителя Франции и главнокомандующего вооруженными силами. Для более удобного управления армией в походах император создал Большую Главную квартиру – *Grand Quartier-Général* (GQG), включавшую штаб императора, его придворную военную свиту, или «Дом» (*Maison*), и императорскую администрацию. С помощью этого органа управления Наполеон, находясь в полевых условиях, мог одновременно руководить государством и вести войну. К службе в GQG он привлек тщательно отобранных опытных и инициативных офицеров. Наполеон всегда заботился о поддержании на высоком уровне штата собственных адъютантов – приданных «Дому» генералов, способных обеспечивать выполнение приказов императора в ходе битвы и принимать, если нужно, личное командование дивизиями тех или иных корпусов. Таким образом Наполеон мог эффективно руководить боевыми действиями своих войск, не полагаясь лишь на отправку одних курьеров с депешами.

Царь Александр I вел антифранцузскую политику начиная с 1803 г., хотя после Тильзитского мира 1807 г. вынужденно стал союзником Наполеона. Твердая позиция, занятая царем во время вторжения Великой армии в Россию в 1812 г., и его решимость преследовать отступавшего врага далее в центре Европы послужили толчком для выхода Пруссии из стана сторонников Французской империи.

Реформы в союзническом стане

В империи Габсбургов централизованный штаб появился не ранее 1720-х годов, но даже и тогда он подчинялся Военному министерству. Как бы там ни было, Придворный военный совет – Хофкригсрат (*Hofkriegsrat*) – действовал вне сферы контроля министерства. Консультируя австрийских монархов по всем важным вопросам, касающимся управления государством, этот орган совмещал в себе ответственность за гражданские и военные функции. Его члены занимали различные военно-бюрократические должности и осуществляли руководство вооруженными силами на территории империи. Военные профессионалы и члены венценосной фамилии соперничали между собой за главенство в Хофкригсрате.

После 1801 г. оба высоких поста – председателя Хофкригсрата и военного министра – совмещал эрцгерцог Карл. Хотя звезда его временно закатилась в 1805 г., позднее он вернулся к руководству как генералиссимус и верховный главнокомандующий армиями Габсбургов.

Эрцгерцог Карл приступил к завершению реформ, начатых им в 1802 г., в том числе

подчинил Хофкригсрат Военному министерству. Такой шаг вызвал неприятие при дворе среди антагонистически настроенных сторонников традиционной системы, видевших в Хофкригсрате основу фундамента императорской власти. Эрцгерцог Карл, австрийский герой, побеждавший французов в Германии в 1796 и 1799 гг., много писал на тему изменения природы искусства ведения войны. В 1806 г. из-под его пера вышла работа «Основы высокого искусства ведения войны для генералов австрийской армии», где обобщались выводы стратегического и тактического свойства, сделанные автором за десятилетие командования армиями. Он осознавал важность социальных факторов, позволивших Франции выставлять в поле крупные армии, но в равной степени не мог не понимать, что эти общественные изменения несовместимы с вековой наследственной монархией и к тому же совершенно нежелательны для нее. Как бы там ни было, он считал французский *le corps d'armée* несомненно превосходящим сборные *Abteilungen*, или колонны, имевшие распространение в большинстве европейских армий. Несмотря на отчаянное противодействие со стороны армейских кругов империи Габсбургов, которым во всем «французском» виделись ростки революционной заразы, эрцгерцог Карл добился принятия французской организационной системы.

Карл фон Клаузевиц, полковник, а позднее генерал-майор прусской армии, сделался одним из самых знаменитых военных теоретиков в XIX веке. Его книга «О войне» служит непременным пособием для всех интересующихся вопросами взаимоотношений войны и политики.

Как генералиссимус, эрцгерцог Карл продвигал реформы без оглядки на оппозицию. Во время Австро-французской войны 1809 г. он разделил полевые армии Габсбургов на девять основных и два резервных корпуса. Каждый такой корпус включал в себя две довольно неповоротливые дивизии, управление которыми в бою представлялось довольно непростой задачей. После разгрома Австрии и отстранения Карла от командования армия отказалась от корпусов и возвратилась к *Abteilungen* (колоннам). Наступил уже 1813 г., когда фельдмаршал Карл Шварценберг (1771–1820), главнокомандующий австрийской армией, вернулся к концепции корпусов. Как в 1809, так и в 1813 г., однако, армия не располагала большим количеством времени для притирки к новой организации прежде, чем пришлось проверять ее действенность в сражении.

Русская армия неплохо показала себя в боях с французами в Италии в 1799 г. и затем снова в Польше, под Эйлау, в 1807 г. Но поражения под Аустерлицем (1805 г.) и Фридландом (1807 г.), пожалуй, затмили прежние успехи и явно говорили о назревшей необходимости реформы. Хотя в 1806–1808 гг. в русской армии были образованы полевые дивизии, пришедшие на смену прежним военным инспекциям, они отличались большими размерами и включали в себя чрезмерное количество кавалерии и артиллерии. К тому же те русские дивизии еще не имели четкой бригадной структуры, вследствие чего показывали ограниченную гибкость в битвах. Генерал Михаил Барклай де Толли (1761–1818), назначенный в 1810 г. военным министром, модернизировал организацию русской регулярной армии, создав в ней постоянные соединения — корпуса, дивизии и бригады. Когда в 1812 г. Россия оказалась в состоянии войны с Наполеоном, ее действующие войска имели в своем составе восемь номерных пехотных корпусов (из которых 5-й корпус был гвардейским) и четыре кавалерийских корпуса. Пехотный корпус состоял из двух дивизий по три бригады в каждой, кавалерийского полка и артиллерии. Действия русской армии в 1812 г. свидетельствуют о значительном упрощении системы управления и облегчении маневрирования на поле сражения.

В русской армии не хватало штабных офицеров должного уровня, и особенно чувствовалось это после реформы Барклая де Толли. Иностранные офицеры неизменно встречали радушный прием у командования русских войск, и царь Александр I поступал так же, как его предшественники, охотно нанимая французских эмигрантов и «германских» офицеров, в том числе пруссаков, которые перебрались в Россию в тот период, когда их страна, ослабленная поражением в войне 1806–1807 гг., была вынуждена подчиняться Наполеону. Прусский штабной офицер, майор Карл фон Клаузевиц (1780–1831), был зачислен в русскую армию подполковником в 1812 г. и вернулся на службу Пруссии в 1814 г., уже в чине полковника. Швейцарец Антуан-Анри Жомини (1779–1869), французский генерал, состоявший начальником штаба у маршала Нея, перешел на сторону русских в 1813 г. Что весьма небезынтересно, как Клаузевиц, так и Жомини стали горячими проповедниками передовой военной теории и военной науки в годы после Наполеоновских войн.

> *«Командир обязан доверять собственному мнению и стоять как скала, о которую в тщете разбиваются волны».*
>
> Карл фон Клаузевиц

В британской армии отсутствовала организация на уровне выше полка. Размеры войска и характер его применения не вызывали потребности в создании постоянных бригад или дивизий.

Как бы там ни было, в ходе войны 1808–1814 гг. на Пиренейском полуострове Артур Уэллсли (1769–1852), позднее герцог Веллингтон, разделил возглавляемую им армию на дивизии, ставшие на период этих кампаний стандартными боевыми соединениями. Более того, ему приходилось интегрировать в свои войска португальскую армию. Изначально, в 1809 г., португальские батальоны приписывались к британским бригадам, позднее же в каждую британскую дивизию входила португальская бригада. Испанцы никогда не сращивали свои армии с британской командной системой, хотя испанские дивизии часто сражались бок о бок с англо-португальской армией в разных битвах, от Талаверы (1809 г.) до Виттории (1813 г.).

Нигде военные победы Наполеона не вызвали такой реакции, как в Пруссии. Уверенность и самодовольство, с которыми прусская армия отправлялась на войну в 1806 г., быстро испарились после унизительных поражений под Йеной и Ауэрштедтом 14 октября того года. Эра общественных, политических и военных реформ стартовала в 1808 г. и продлилась до 1813 г.; генералы Герхард фон Шарнхорст и Август фон Гнейзенау возглавляли проведение в жизнь военной программы, осуществление каковой облегчалось кончиной или отставкой восьмидесятилетних старцев, приведших армию к разгрому в 1806 г. В 1810 г. реформаторы создали для подготовки новых офицеров Прусское военное училище, где особый упор делался на преимущества, даруемые инициативой и разумом. Шарнхорст добился также создания прусского Генерального штаба и системы штабов более низких уровней, работая в которых штабные офицеры получали возможность участвовать в процессах руководства войсками вместе с генералами.

Все тот же Шарнхорст реорганизовал прусскую армию для кампании 1813 г. Прусский корпус состоял из трех крупных пехотных бригад, а также частей кавалерии и артиллерии. Реформатор включил в военную иерархию и прусское ополчение — ландвер (*Landwehr*) — путем создания соединений, составленных из одной бригады регулярной пехоты и двух бригад ландвера. Штабная система и новая организация чрезвычайно хорошо показали себя в деле, став основополагающей причиной значительного подъема эффективности действий войск Пруссии в период с 1813 по 1815 г.

Битва при Ваграме, 5–6 июля 1809 г.

По своему масштабу и количеству участников сражение при Ваграме являлось на тот момент крупнейшей битвой для европейского театра. Войска противоборствующих сторон, развернутые на северном берегу реки Дунай, вели бои на фронте протяженностью более 15 км. Исход этого столкновения решил судьбу Австро-французской войны 1809 г. и сполна продемонстрировал высокую эффективность воинских соединений, составляющих Великую армию Наполеона, и их способность к тесному взаимодействию.

Хотя в мае Наполеон потерпел первое поражение от эрцгерцога Карла при Асперне-Эсслинге, рассматриваемая нами битва сполна проиллюстрировала способность обоих командиров руководить действиями сотен тысяч людей на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Организационные реформы эрцгерцога Карла в преддверии войны 1809 г. до известной степени увенчались успехом, поскольку в ходе кампании он сумел с большой ловкостью командовать довольно неповоротливой армией, несмотря на то, что многие генералы и офицеры либо относились к данной ему власти с ревнивой придирчивостью, либо упорно сопротивлялись введению «французской системы», либо делали и то и другое.

Габсбурги имели все причины досадовать на собственное поражение в 1805 г. Наполеон отобрал у них земли в Тироле и в Далмации, а также покончил со Священной Римской империей – средневековой административной системой управления Германией, бравшей начало в 800 г. от Р.Х. и находившейся в руках Габсбургов с XIII столетия. Вместо империи французский император создал так называемый Рейнский союз (*Rheinbund*) – новую Германию, представлявшую собой конфедерацию из 37 государств, земли которых Наполеон расширил, а правивших там князей всячески обласкал. Война Третьей коалиции в 1805 г. и начиналась-то ради восстановления *status quo* – положения, существовавшего в Европе до 1792 г., – но вместо того закончилась крушением старого порядка. Разгром Пруссии в 1806 г. и союз, заключенный французами с царем Александром I в Тильзите в 1807 г., сделали Наполеона хозяином Европы.

Как бы там ни было, победы над Англией достигнуть пока не удавалось, и в 1808 г. Наполеон предал своих испанских союзников, поставив Испанию под прямое французское управление путем возведения на испанский престол собственного брата, Жозефа Бонапарта (1768–1844). Оккупация французами Испанского королевства привела к народному восстанию, партизанской войне и заставила выйти на сцену континентального ТВД Британию. К декабрю 1808 г. Наполеон находился в Мадриде, имея в Испании четверть миллиона солдат. Дипломаты и шпионы в Австрии предупредили императора о планах войны, затевавшейся там в то время, пока внимание его приковывали к себе дела на западе.

> *«Лучший способ организовать руководство армией – в первую очередь вручить командование человеку отважному в битвах, храбрость которого проверена. Второе – назначить начальником штаба у него человека высоких способностей...»*
>
> Антуан-Анри Жомини

Организационные и тактические реформы эрцгерцога Карла в австрийской армии поднимали большую «волну» в Вене. Франц I, однако, оставался уверенным в способности брата вести военные действия. Тем не менее Карл очень не хотел ввязываться в новое противостояние с Францией именно в 1809 г. Требовалось много времени для сбора и обучения более крупного войска, а пока в распоряжении находилось не более чем 300 000 солдат для действующей армии. И вместе с тем стратегическая ситуация благоприятствовала Габсбургам. Численность французских войск, дислоцировавшихся на юге Германии, не превышала 60 000 чел. Конечно, князья Рейнского союза сообща могли выставить 100 000 чел., но австрийцы надеялись, что германцы не поддержат Наполеона. Кроме того, Австрия рассчитывала заручиться помощью России. Правда, оккупированная французами Пруссия оказалась на сей раз совершенно не в состоянии порадеть австрийскому делу, ибо правитель ее, Фридрих Вильгельм III, всерьез опасался за сохранение собственного королевства.

Приготовления австрийцев

Эрцгерцог Карл намеревался с главной австрийской армией, насчитывавшей 200 000 чел. и разделенной на восемь корпусов, нанести превентивный удар по врагу в Баварии. Второй армии из 60 000 чел. под командованием брата Карла, эрцгерцога Иоганна (1782–1859), предстояло вторгнуться в наполеоновское королевство в Италии, а 30-тысячному корпусу эрцгерцога Фердинанда – предпринять наступление на великое герцогство Варшавское. Небольшая дивизия из 10 000 солдат предназначалась для Далмации. В общем, эрцгерцог Карл надеялся за счет многочисленности своих войск и скорости их передвижения обеспечить молчаливую покорность немецких князей и разбить французскую армию по частям. К сожалению для австрийского полководца, Наполеон действовал не быстро, а стремительно, мобилизуя силы в Германии и перебрасывая части из Испании. Когда австрийцы наконец перешли в наступление в апреле, они обладали численным превосходством, но союзники Наполеона остались верны договоренностям. Австрийское вторжение в Баварию застопорилось из-за ожесточенных арьергардных боев и упорного противодействия III корпуса маршала Даву возле Абенсберга. Войска эрцгерцога Карла увязли южнее Дуная, при этом корпуса растянулись между самим Дунаем и рекой Изар. Тем временем в Германию явился Наполеон с тремя армейскими корпусами, которыми командовали маршалы Массена, Ланн и Удино.

В то время как Даву и баварцы под командованием маршала Лефевра сдерживали эрцгерцога Карла с фронта, Массена и Удино выполнили под Ландсхутом *manoeuvre sur la derrière*, или обходной маневр, отрезав Карла от прямых путей сообщения с Австрией и поступления снабжения. Затем Наполеон послал три корпуса смять фланг эрцгерцога у Экмюля. Карл спас армию отходом в Богемию путем поэтапной переброски ее через Дунай в Регенсбурге. К исходу апреля, спустя всего три недели после начала войны, единственной преградой на пути Наполеона к Вене оставался австрийский VI корпус генерала Иоганна фон Хиллера (1754–1819). Наполеон вступил в Вену 13 мая. Пять дней спустя эрцгерцог Карл, проследовав из Богемии форсированным маршем со всей его армией, вышел к северному берегу Дуная напротив столицы.

21 мая 1809 г. Наполеон бросил штурмовые части через Дунай прямо перед войсками эрцгерцога Карла. Разыгравшееся при Асперне-Эсслинге сражение выдалось чрезвычайно тяжелым. Чрезмерно уверенный в собственных силах, Наполеон сумел создать сравнительно небольшое предмостное укрепление, или плацдарм, на котором разместились корпуса маршалов Ланна и Массена, а также кавалерийский корпус маршала Жана-Батиста Бессьера (1768–1813). Всего там находилось не более 62 000 чел. против армии эрцгерцога Карла численностью в 100 000 штыков и сабель. Северный берег Дуная и основные силы французов соединял единственный наскоро наведенный мост, и австрийцы, пуская вниз по реке брандеры, нагруженные камнями лодки, стволы деревьев и другие плавучие предметы, изо всех сил старались причинить вред непрочному строению. К наступлению ночи французы стойко сражались, вгрызаясь в землю между селениями Асперн и Эсслинг.

Утром 22 мая Наполеон находился на северном берегу с частью Императорской гвардии, когда III корпус маршала Даву готовился к форсированию реки. Между тем австрийцы отправили вниз по Дунаю баржу для перевозки зерна, которая значительно повредила мост, в то время как эрцгерцог Карл перешел в контратаку. Французы отбили австрийские приступы, но Наполеон отдал приказ к общему отходу. Так сражение при Асперне-Эсслинге стало первым поражением Наполеона.

Французский император не собирался за здорово живешь прощать пощечины и немедленно принялся стягивать войска к Вене, готовясь дать новый бой. К концу июня ряды Вели-

Фельдмаршал Блюхер воодушевляет прусские войска перед началом битвы. Энергичные призывы или зажигательные речи в духе шекспировского Генриха V, произносимые командирами на полях сражений, являлись в ту пору общепринятой и естественной практикой.

кой армии пополнились прибывшими баварскими, саксонскими и вюртембергскими подкреплениями. Приемный сын Наполеона Евгений де Богарне (1781–1824), принц Французской империи и вице-король Италии, привел на главный театр военных действий Итальянскую армию, чьи солдаты, как итальянцы, так и французы, были воодушевлены своей недавней победой при Раабе (в Венгрии). Под командованием у Наполеона собралась в полном смысле имперская армия. Эрцгерцог Карл, однако, не сумел нарастить силы собственных войск настолько, чтобы численно они перевесили войска Наполеона. Как бы там ни было, стремясь усилить собственные позиции на северном берегу, он приказал выстроить земляные укрепления, протянувшиеся от Асперна и Эсслинга к Гросс-Энцерсдорфу и далее.

Подготовка французов

За шесть недель, прошедших после битвы при Асперне-Эсслинге, французы, занимаясь методичной подготовкой к наступлению, создали ряд мощных укрепленных артиллерийских позиций на острове Лобау на Дунае, намереваясь использовать остров как центральный узел переправы. Всего перед оборонительными австрийскими фортификациями заняли место 129 тяжелых пушек, а французские инженерно-саперные части врыли в реку выше по течению деревянные быки, дабы лишить австрийцев возможности вредить форсирующим Дунай войскам за счет сплавляемых по течению барж и тому подобных приспособлений. С южного берега к острову Лобау протянулись три отдельных моста, тогда как инженерно-саперные подразделения Наполеона подготовили по крайней мере 12 понтонных мостов, которым в конечном итоге предстояло соединить Лобау с северным берегом. Наполеон намеревался пропахивать австрийские позиции ядрами пушек, в то время как корпуса со всей поспешностью бросятся форсировать Дунай, но на сей раз с гарантией исключения возможности повторения несчастья под Асперном-Эсслингом.

Наполеон полагал, что вдоль северного берега Дуная дислоцируется вся армия эрцгерцога Карла, но тот оставил в передовой линии лишь авангард под командованием генерала Жозефа-Армана фон Нордманна (1759–1809) и VI корпус генерала Иоганна фон Кленау (1758–1819), имевшие целью прикрыть основную позицию австрийцев и задержать французские войска на переправе. Свои главные силы австрийский генералиссимус отвел на 8–10 км от реки к Руссбахскому плато, лежащему за Мархфельдом – ровным участком местности между Дунаем и плато.

4 июля пушки с Лобау принялись обстреливать австрийские полевые укрепления на северном берегу. Наполеон с семью корпусами, Императорской гвардией и резервным кавалерийским корпусом, вместе насчитывавшими около 134 000 чел. пехоты и 27 000 кавалерии при 433 орудиях – противодействовал эрцгерцогу Карлу, чья армия имела в своем составе шесть корпусов и авангард – 121 500 чел. пехоты и 14 700 кавалерии при 414 орудиях.

Форсирование реки началось в 8 часов вечера 4 июля. В отличие от предыдущего раза, когда операция развивалась прямо против армии эрцгерцога Карла, Наполеон посредством массированного артиллерийского обстрела заставил австрийцев прятаться за их оборонительными сооружениями, тогда как сама переправа на северный берег осуществлялась от восточной стороны острова Лобау – к юго-востоку от австрийских позиций. Элитные роты на паромах пересекли реку, сокрушая на пути австрийские отряды, ведшие наблюдение за островом. Инженерно-саперные подразделения наводили заранее заготовленные понтонные мосты через Лобау к северному берегу под прикрытием элитных рот и небольших канонерских лодок, прибывших из Вены. В 2 часа пополуночи II корпус маршала Удино находился на противоположной стороне Дуная, уверенно расширяя береговой плацдарм и встречая лишь незначительное противодействие.

В 5 часов утра северного берега достиг IV корпус маршала Массена, и тотчас же за ним последовал III корпус маршала Даву. Через двенадцать часов после отдания Наполеоном приказа о наступлении три корпуса, включавшие в себя 72 000 пехотинцев, 9200 всадников и 280 орудий, в полном порядке находились на контролируемой противником стороне Дуная и отодвигали на север границы плацдарма.

Эрцгерцог Карл следил за ходом сражения с новых позиций вблизи селения Ваграм. Войска Нордманна и Кленау дрались упорно, но не могли сдержать натиска дивизий Удино и Массена. Корпус Даву прикрывал правый фланг, и все три французских корпуса, развернувшись в боевую линию, теснили австрийцев по равнине Мархфельда. Удино и Даву преследовали Нордманна, отходившего на север к Руссбахскому плато, тогда как Массена наступал против Кленау, откатывавшегося в западном направлении. Итальянская армия принца Евгения заполняла брешь, образовавшуюся в середине дня между французскими II и IV корпусами. Ее дивизии продвигались в направлении Раасдорфа, ставшего вскоре штаб-квартирой Наполеона.

К 2 часам пополудни саксонский IX корпус маршала Бернадотта, Императорская гвардия и кавалерийский резерв переправились через Дунай и двигались на равнину. XI корпус генерала Мармона, баварский VII корпус и еще две дивизии из армии принца Евгения готовились к форсированию реки ближе к вечеру. Не прошло и 24 часов с того момента, как прозвучал сигнал к действию, а Наполеон уже перебросил всю свою армию к Мархфельду – поистине впечатляющее достижение.

Бешеный напор французов

Ближе к вечеру войска Кленау и Нордманна вышли из тесного боевого соприкосновения с французами, при этом последний командир погиб в бою. Эрцгерцог Карл выстроил армию вдоль плато, готовясь встретить французскую атаку. Он занимал сильную позицию, возвышавшуюся позади ручья Руссбах. Австрийский левый фланг опирался на городок Маркграфнойзидль, центр подкрепляло селение Баумерсдорф, а справа опорой боевым порядкам Карла служил Ваграм.

Три австрийских корпуса – I, II и IV – дислоцировались на высотах, имея позади себя кавалерию Резервного корпуса. Далее на запад у Герасдорфа располагались две гренадерские дивизии, составлявшие пехоту Резервного корпуса, а в 5 км выше по течению – III и V корпуса. Эрцгерцог Карл не думал, что Наполеон станет переходить в атаку на склоне дня. Он ошибся.

Наполеон точно не знал, каких именно австрийцев видит на высотах – один только арьергард или всю армию эрцгерцога Карла. В 5 часов пополудни он приказал принцу Евгению, Удино и Даву вести войска на штурм

Офицер Королевской конной артиллерии

Конная артиллерия впервые возникла в XVIII веке как средство, позволяющее оказывать войскам огневую поддержку в условиях быстро меняющейся обстановки на поле сражения. Все крупные армии располагали конными батареями. Частично они приписывались к кавалерийским дивизиям, но также в значительной степени придерживались в резерве и придавались корпусам или колоннам по усмотрению полководца, получавшего возможность оперативно перемещать орудия в ходе битвы. Британская конная артиллерия показала себя невероятно эффективной в сражении при Ватерлоо. Веллингтон располагал шестью батареями для кампании в Бельгии в 1815 г. Хотя они были причислены к кавалерийскому корпусу, Веллингтон использовал их на поле сообразно надобности. В общем случае такие формирования, укомплектованные легкими орудиями и располагающие лошадьми для всей прислуги, обладали большой тактической подвижностью и способностью заметно опережать в развертывании менее поворотливые батареи обычно более тяжелой пешей артиллерии.

вражеских позиций. Однако эти командиры получили распоряжения не одновременно, и вместо скоординированного наступления тремя корпусами французы поодиночке пробовали на прочность австрийскую оборону. Эрцгерцог Карл, пораженный рискованной смелостью Наполеона, постарался усилить линию перед лицом упорно взбиравшихся на высоты французов. После ожесточенной борьбы Удино сумел захватить Баумерсдорф, однако в

этом селении запылал пожар, и французам пришлось отступить оттуда, чтобы не сгореть заживо. Принцу Евгению на участке между Баумерсдорфом и Ваграмом сопутствовала большая удача.

Дивизии Богарне потеснили I корпус австрийцев, а своевременное, пусть и немного запоздалое прибытие подкреплений — саксонских войск Бернадотта — создало на правом фланге эрцгерцога Карла кризисную ситуацию. В этот критический момент австрийский генералиссимус лично организовал контратаку, в результате которой дивизии принца Евгения были отброшены с плато с большим уроном для них. Бои по всему фронту продолжались до 11 вечера при подсвечивавшем небо пламени горящего Баумерсдорфа. Теперь Наполеон понимал, что на поле находится вся армия эрцгерцога Карла. Если вечернее наступление не достигло цели, император не сомневался в собственной удаче и ожидал успеха утром.

Эрцгерцог Карл специально «приглашал» Наполеона выстроить армию на Мархфельде, где австрийцы могли бы попытаться уничтожить ее, стоящую спиной к Дунаю. Уверенность эрцгерцога питал успех при Асперне и осознание того факта, что его брат, эрцгерцог Иоганн, собрал свою армию в Венгрии и находился теперь всего в каких-то 15 км к востоку. Карл надеялся на приход Иоганна в начале второй половины дня. Если бы брат подошел и смял правый фланг Наполеона, тогда бы сам Карл с армией, удержав центр, смог перейти в контратаку, развивая натиск с запада. Ночью генералиссимус не бездействовал, он снова отписал брату, задумав поистине наполеоновский маневр с целью отрезать французов от их мостов.

Австрийский главнокомандующий передислоцировал формирования своей армии на Руссбахское плато к западу, развернув часть I корпуса между Ваграмом и Адерклаа. Весь Резервный корпус князя Иоганна Лихтенштейна сосредоточился к северу и западу от Адерклаа, удерживаемого саксонцами Бернадотта. Эрцгерцог Карл поручил Кленау с его потрепанным VI корпусом и генералу ИоганнуКолловрату (1748–1816) с еще не вступавшим в действия III корпусом ночным маршем выйти на позиции для удара по левому флангу Наполеона вдоль более чем 6-км отрезка между Дунаем и Зюссенбрунном. В распоряжении французского императора находилась лишь одна дивизия для прикрытия Асперна, поскольку он рассчитывал вести сражение только по фронту. Если бы генералы эрцгерцога Карла смогли действовать в соответствии с планом, они смяли бы французов по берегу реки и отрезали вражескую армию от мостов, изолировав ее вместе с императором на северном берегу.

Наполеон очень удачно для эрцгерцога Карла перестроил армию в линию от Адерклаа до Маркграфнойзидля. Бернадотт, принц Евгений, Удино и Даву занимали места в первом эшелоне. Массена держал левый фланг к северу от Зюссенбрунна. IX корпус, баварцев, Императорскую гвардию и кавалерийский корпус Бессьера император оставил в резерве. Удино со своим II корпусом и принц Евгений с двумя дивизиями Итальянской армии должны были атаковать врага на Руссбахском плато, в то время как саксонцы Бернадотта связали бы австрийцев боем к западу от Ваграма. III корпусу маршала Даву предстояло обойти австрийский левый фланг в районе Маркграфнойзидля и смять крыло войск эрцгерцога Карла.

Две оставшиеся дивизии принца Евгения под командованием генерала Этьена Макдональда (1765–1840) должны будут затем штурмовать Руссбахские высоты к востоку от Ваграма и прорвать правое крыло австрийцев.

Второй день

В 4 часа утра австрийцы дали старт наступлению артиллерийским обстрелом. Французы нашли чем ответить им, и артиллерийская дуэль возвестила о начале второго, наиболее кровопролитного дня Ваграмского сражения. Австрийский IV корпус на высотах устремился в атаку, в то время как французы начали переходить ручей Руссбах.

Когда две армии столкнулись, французы выдержали удар австрийцев и после двух часов противоборства отразили их натиск. Наполеон между тем усилил корпус Даву еще одной тяжелой кавалерийской дивизией для придания веса его фланговому маневру.

Хотя обстановка на правом фланге стабилизировалась, Наполеон получил тревожное известие об оставлении Адерклаа саксонцами

Битва при Ваграме
5–6 июля 1809 г.

Не смущенный неудачей под Асперном-Эсслингом, Наполеон через месяц после первого поражения стянул большую часть корпусов своей армии к Вене. Французский император извлек уроки из предыдущей слишком смелой и неподготовленной попытки форсировать реку. Он приказал оборудовать орудийные позиции, развернуть тяжелые батареи и заготовить во множестве понтонные мосты для второй переправы через Дунай. Эрцгерцог Карл оставил передовые позиции по северному берегу и отвел основную часть австрийской армии на Руссбахское плато, готовясь там встретить наступление французов. Подробности форсирования водной преграды 4–5 июля представляются более действиями этаких сил специального назначения начала XIX столетия, чем традиционной для того времени битвой в поле. Австрийские дивизии, прикрывавшие берег, не выдержали натиска французов, и после двенадцати часов Наполеон имел на противоположной стороне полных три корпуса. Способность французского императора перебросить менее чем за сутки 150 000 чел. через такую реку, как Дунай, есть свидетельство торжества организационного мастерства командования и высочайшего профессионализма Великой армии.

Эрцгерцог Карл вторично встретился с Наполеоном на северном берегу Дуная, напротив занятой французами Вены. Сражению там предстояло решить исход кампании и будущее дома Габсбургов.

Вена
Маркграфнойзидль
Баумерсдорф
Раасдорф
Адерклаа
Ваграм
Леопольдау
Герасдорф
Руссбахские высоты

1 Австрийские III и VI корпуса создают угрозу всему левому флангу французской армии и ее предмостным плацдармам. Из-за задержки приказов австрийские соединения выходят в заданный район только ближе к концу утра, уже после того, как французы разрешают кризисную ситуацию, сложившуюся у Адерклаа.

2 Стабилизировав центр в Адерклаа, IV корпус маршала Массена выполняет впечатляющий фланговый марш вдоль Дуная для сдерживания австрийского VI корпуса.

3 Наполеон отдает приказ Итальянской армии удерживать центр при Адерклаа, в то время как корпус Макдональда в полом каре атакует австрийский III корпус. Эту контратаку, поддержанную огнем большой батареи из 100 орудий, подкрепляют части Молодой гвардии и баварцы.

4 Французский II корпус маршала Удино штурмует Руссбахское плато, закрепляясь на дымящихся развалинах Баумерсдорфа и в его окрестностях.

5 III корпус маршала Даву сминает австрийский фланг на Руссбахе, овладевает Маркграфнойзидлем и восточной оконечностью плато.

6 Наполеон все еще держит в резерве XI корпус, саксонский IX корпус и большую часть Императорской гвардии. Эрцгерцог Карл уже бросил в сражение все имеющиеся силы и оказывается вынужден отходить после провала утреннего наступления; французы овладевают Руссбахским плато.

Бернадотта, которые без единого выстрела уступили этот пункт австрийцам. И в самом деле, не поставив в известность императора, французский маршал отвел вверенный ему корпус на новую позицию позади вышеупомянутого селения, считая его удержание невозможным. Несколько позднее в то же утро Наполеон освободил Бернадотта от командования.

К 6 часам утра австрийский I корпус, поддерживаемый гренадерской дивизией из Резервного корпуса, занял Адерклаа и двинулся на саксонцев. Наполеон не видел иного кандидата, кроме Массена, для обеспечения гарантии возвращения утраченного объекта. Французский IV корпус передислоцировался к северу, и затем огонь жаркой битвы пылал там на протяжении большей части утра, в процессе чего селение Адерклаа несколько раз переходило из рук в руки.

> *«Все искусство войны состоит в том, чтобы оказаться там – по ту, чужую сторону холма».*
>
> герцог Веллингтон

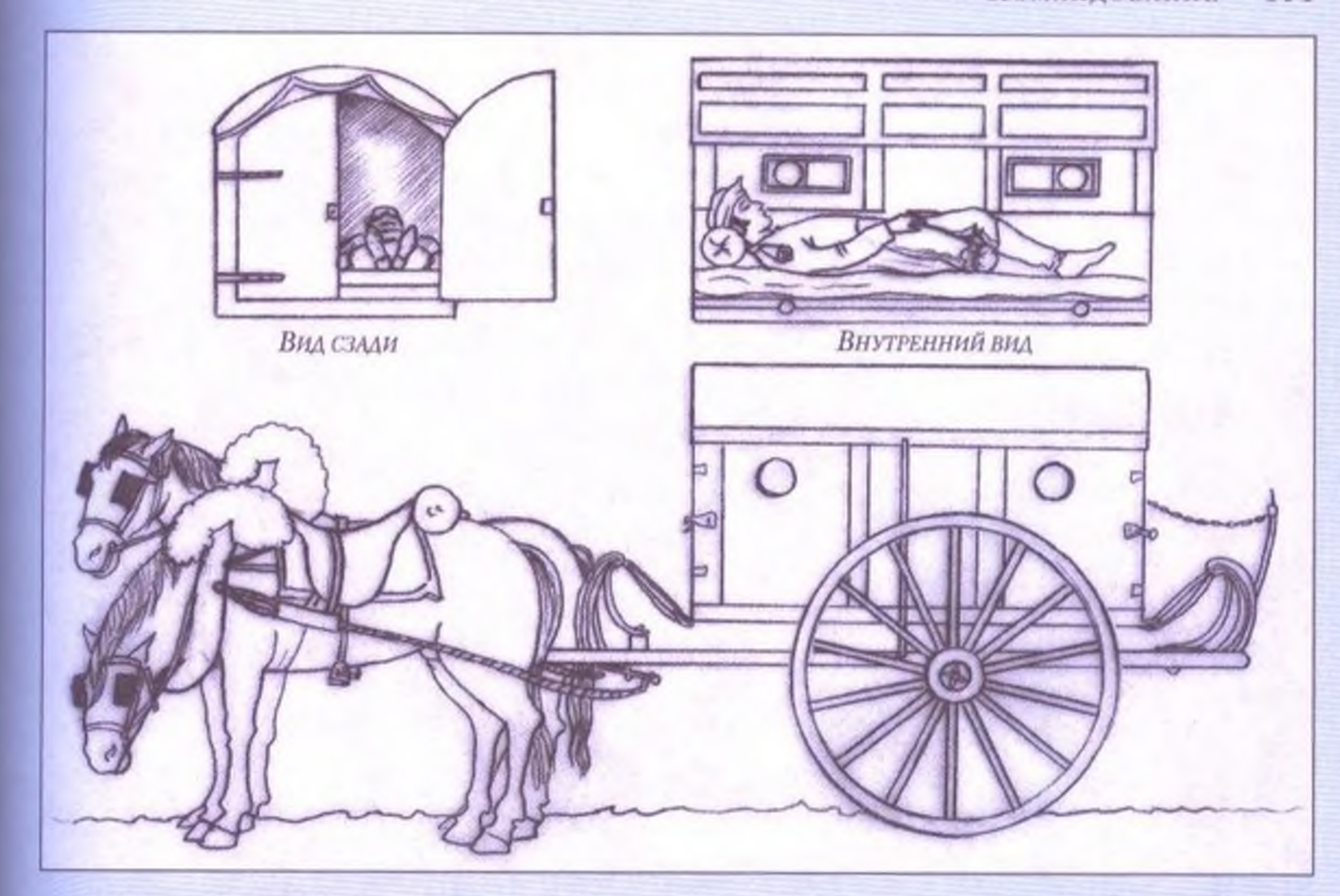
В полдень австрийцы окончательно захватили Адерклаа. Затем, словно бы в то утро и без того не хватало «приятных» сюрпризов, Наполеону пришлось иметь дело с появлением корпусов Кленау и Колловрата, начавших выполнение маневра в 4 часа пополуночи и к 8 часам утра приблизившихся к французам на дистанцию артиллерийского огня. Кленау продвигался вдоль берега Дуная и далее в Асперн, где держала оборону одна-единственная французская дивизия. Под натиском численно превосходящего противника французы сдали позиции и к середине утра искали возможности закрепиться на земляных укреплениях между Асперном и Эсслингом. Колловрат двигался в направлении Брайтенлее, но не воспользовался преимуществом открытого пространства и отсутствием французских войск у него по фронту. Вместо того он развернул артиллерию и принялся обстреливать французский фланг. Наполеон послал конного гонца к маршалу Массена, корпус которого только что выбили из Адерклаа, приказывая ему форсированным маршем следовать к Дунаю. Не прошло и часа, как дивизии Массена выполнили разворот и при поддержке кавалерийского резерва стали выдвигаться против Кленау. Массена координировал атаку с носилок, поскольку все еще не мог ходить после тяжелого ранения, полученного в сражении при Асперне-Эсслинге. Между 11 часами утра и 2 часами пополудни Кленау пришлось отражать постоянные атаки, вынудившие его оставить Асперн и окрестности.

Наполеону тем временем приходилось что-то решать с корпусом Колловрата и австрийцами в Адерклаа. Он приказал принцу Евгению де Богарне перебросить дивизии влево и сдержать противника у Адерклаа, в то время как корпус генерала Макдональда – резерв Итальянской армии – передислоцировался на исходную позицию для наступления на Колловрата. Генерал Макдональд построил имевшихся в распоряжении 10 000 чел. в полое каре, поставив кавалерию на флангах, а артиллерийские батареи – по фронту. С австрийских позиций строй контратакующих французов казался, должно быть, сплошной людской массой. Колловрат сосредоточил на корпусе Макдональда огонь артиллерии, наносивший ему громадные потери.

Для подкрепления наступающих сил Наполеон отправил дивизию Молодой гвардии, IX корпус и баварцев, а также усилил артиллерийскую поддержку, создав большую батарею из 100 орудий. Огневая мощь и численное превосходство французов принудили Колловрата к отходу, но австрийцы, несмотря на возрастающее давление противника, отступали в порядке. Чтобы стабилизировать боевую линию, эрцгерцог Карл пустил в дело свой кавалерийский резерв. К 3 часам пополудни австрийская угроза была ликвидирована; бои на французском левом фланге продолжались, но не принесли австрийцам успеха.

По мере течения событий дня росли и потери сторон. Между тем эрцгерцог Карл и Наполеон не забывали об эрцгерцоге Иоганне. Хотя ему предстояло пройти к полю сражения всего около 15 км, день клонился к вечеру, но вторая австрийская армия не появлялась. Удино и Даву возобновили атаки на Руссбах. Корпус Даву охватил плато размашистым свингом и ударил на Маркграфнойзидль с двух сторон. Атакованные с фронта и с фланга, австрийцы не удержали позиций, и дивизии Даву закрепились на Руссбахских высотах.

Эрцгерцог Карл увидел, что положение его армии все ухудшается, особенно на левом фланге, где австрийские войска не смогли устоять под сокрушительными ударами Даву. Эрцгерцог Иоганн не появлялся, Кленау и Колловрат отступали, и только центр пока еще держался. В этих обстоятельствах австрийский главнокомандующий пришел к осознанию необходимости прекратить бессмысленную трату людей и уступить поле битвы противнику. В 6 часов вечера он отдал приказ о поэтапном отходе на северо-запад, а два часа спустя пушки и ружья смолкли. Легкая кавалерия эрцгерцога Иоганна наконец-то появилась на востоке, но она опоздала и ничего уже не могла изменить. Армия Наполеона была измотана. Победа далась ей дорогой ценой. Эрцгерцог Карл сумел вывести войска из боевого соприкосновения, при этом отступил в порядке и без особых сложностей, однако два дня тяжелых и безрезультатных боев привели его к решению поставить точку в войне Пятой коалиции (1809 г.).

Подвижный амбюланс – санитарная повозка, разработанная французами. Армия Наполеона располагала эффективно действующей медицинской службой, с ее полковыми и батальонными хирургами (врачами) и полевыми госпиталями. Заслуга в деле создания французского медицинского корпуса в значительной мере принадлежала барону Ларрею, личному врачу Наполеона.

Ведение боевых действий коалициями

Самый большой стратегический провал Австрии в 1809 г. состоял в неудачах в деле привлечения союзников. Пруссия сохраняла нейтралитет, а царь Александр придерживался заключенного с французами союза, причем до такой степени, что русские войска заняли прежде оккупированные австрийцами районы Польши. Германские князья из Рейнского союза и не думали нарушить договоренностей с французами, поставляя множество частей и соединений для армии Наполеона. Французский император совершенно очевидно сделал большинство государств Европы своими сателлитами, клиентами или союзниками, так или иначе их войска отправлялись в походы под французским командованием. Можно сказать, что многонациональные имперские войска Наполеона представляли собой в меньшей степени коалиционные и в боль-

Бернадотта, которые без единого выстрела уступили этот пункт австрийцам. И в самом деле, не поставив в известность императора, французский маршал отвел вверенный ему корпус на новую позицию позади вышеупомянутого селения, считая его удержание невозможным. Несколько позднее в то же утро Наполеон освободил Бернадотта от командования.

К 6 часам утра австрийский I корпус, поддерживаемый гренадерской дивизией из Резервного корпуса, занял Адерклаа и двинулся на саксонцев. Наполеон не видел иного кандидата, кроме Массена, для обеспечения гарантии возвращения утраченного объекта. Французский IV корпус передислоцировался к северу, и затем огонь жаркой битвы пылал там на протяжении большей части утра, в процессе чего селение Адерклаа несколько раз переходило из рук в руки.

В полдень австрийцы окончательно захватили Адерклаа. Затем, словно бы в то утро и без того не хватало «приятных» сюрпризов, Наполеону пришлось иметь дело с появлением корпусов Кленау и Колловрата, начавших выполнение маневра в 4 часа пополуночи и к 8 часам утра приблизившихся к французам на дистанцию артиллерийского огня. Кленау продвигался вдоль берега Дуная и далее в Асперн, где держала оборону одна-единственная французская дивизия. Под натиском численно превосходящего противника французы сдали позиции и к середине утра искали возможности закрепиться на земляных укреплениях между Асперном и Эсслингом. Колловрат двигался в направлении Брайтенлее, но не воспользовался преимуществом открытого пространства и отсутствием французских войск у него по фронту. Вместо того он развернул артиллерию и принялся обстреливать французский фланг. Наполеон послал конного гонца к маршалу Массена, корпус которого только что выбили из Адерклаа, приказывая ему форсированным маршем следовать к Дунаю. Не прошло и часа, как дивизии Массена выполнили разворот и при поддержке кавалерийского резерва стали выдвигаться против Кленау. Массена координировал атаку с носилок, поскольку все еще не мог ходить после тяжелого ранения, полученного в сражении при Асперне-Эсслинге. Между 11 часами утра и 2 часами пополудни Кленау пришлось отражать постоянные атаки, вынудившие его оставить Асперн и окрестности.

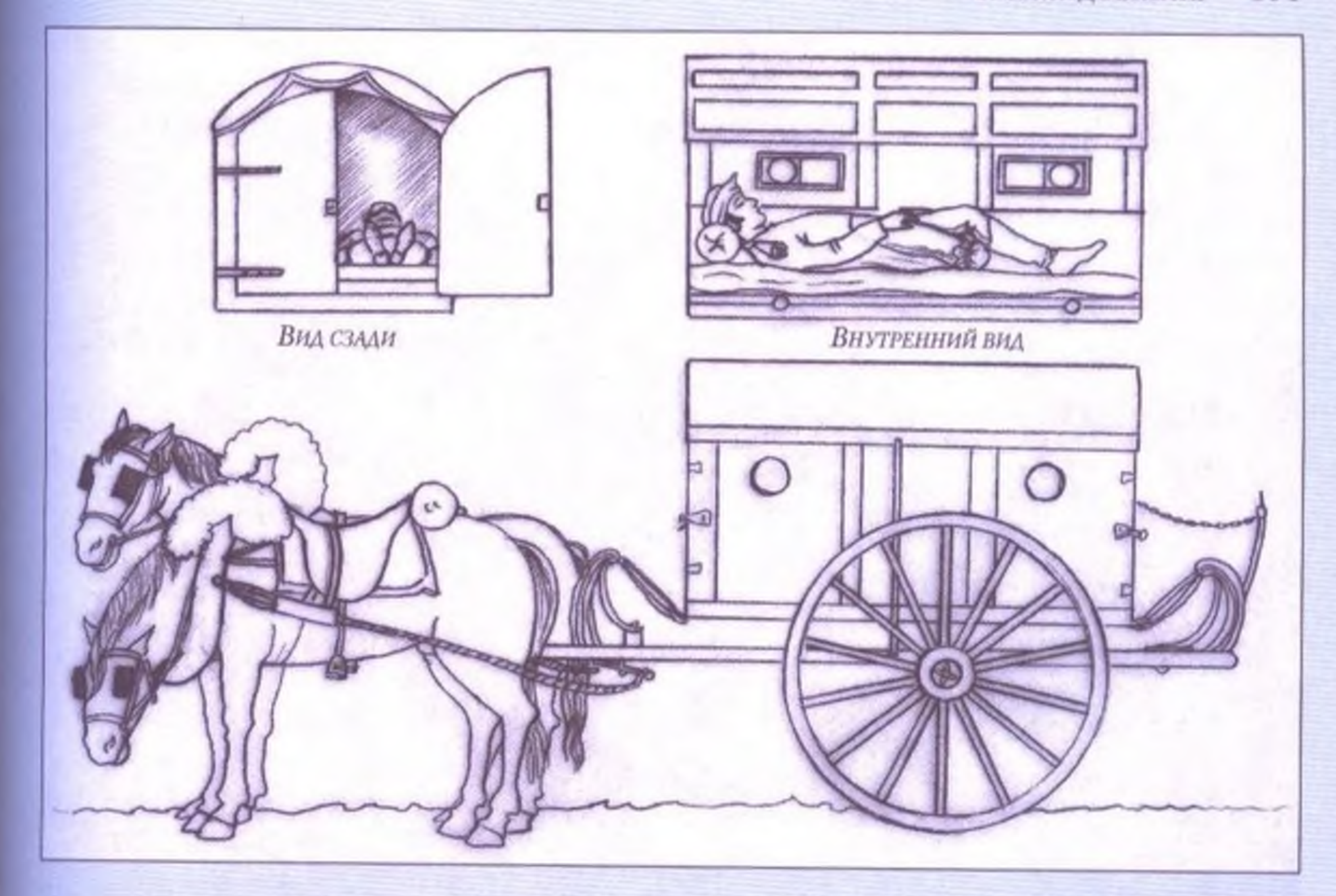
Наполеону тем временем приходилось что-то решать с корпусом Колловрата и австрийцами в Адерклаа. Он приказал принцу Евгению де Богарне перебросить дивизии влево и сдержать противника у Адерклаа, в то время как корпус генерала Макдональда – резерв Итальянской армии – передислоцировался на исходную позицию для наступления на Колловрата. Генерал Макдональд построил имевшихся в распоряжении 10 000 чел. в полое каре, поставив кавалерию на флангах, а артиллерийские батареи – по фронту. С австрийских позиций строй контратакующих французов казался, должно быть, сплошной людской массой. Колловрат сосредоточил на корпусе Макдональда огонь артиллерии, наносивший ему громадные потери.

«Все искусство войны состоит в том, чтобы оказаться там – по ту, чужую сторону холма».

герцог Веллингтон

Для подкрепления наступающих сил Наполеон отправил дивизию Молодой гвардии, IX корпус и баварцев, а также усилил артиллерийскую поддержку, создав большую батарею из 100 орудий. Огневая мощь и численное превосходство французов принудили Колловрата к отходу, но австрийцы, несмотря на возрастающее давление противника, отступали в порядке. Чтобы стабилизировать боевую линию, эрцгерцог Карл пустил в дело свой кавалерийский резерв. К 3 часам пополудни австрийская угроза была ликвидирована; бои на французском левом фланге продолжались, но не принесли австрийцам успеха.

По мере течения событий дня росли и потери сторон. Между тем эрцгерцог Карл и Наполеон не забывали об эрцгерцоге Иоганне. Хотя ему предстояло пройти к полю сражения всего около 15 км, день клонился к вечеру, но

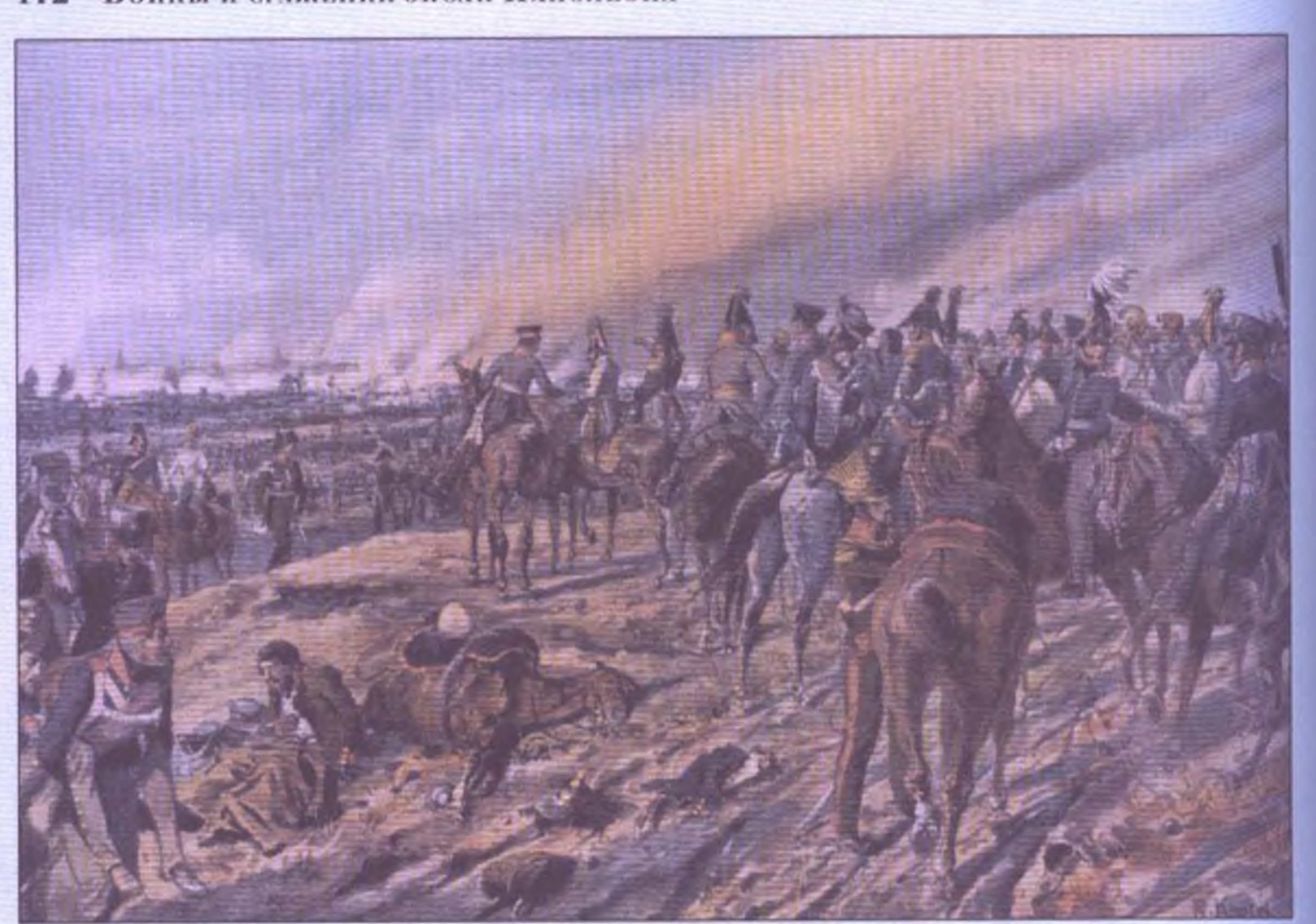
Подвижный амбюланс – санитарная повозка, разработанная французами. Армия Наполеона располагала эффективно действующей медицинской службой, с ее полковыми и батальонными хирургами (врачами) и полевыми госпиталями. Заслуга в деле создания французского медицинского корпуса в значительной мере принадлежала барону Ларрею, личному врачу Наполеона.

вторая австрийская армия не появлялась. Удино и Даву возобновили атаки на Руссбах. Корпус Даву охватил плато размашистым свингом и ударил на Маркграфнойзидль с двух сторон. Атакованные с фронта и с фланга, австрийцы не удержали позиций, и дивизии Даву закрепились на Руссбахских высотах.

Эрцгерцог Карл увидел, что положение его армии все ухудшается, особенно на левом фланге, где австрийские войска не смогли устоять под сокрушительными ударами Даву. Эрцгерцог Иоганн не появлялся, Кленау и Колловрат отступали, и только центр пока еще держался. В этих обстоятельствах австрийский главнокомандующий пришел к осознанию необходимости прекратить бессмысленную трату людей и уступить поле битвы противнику. В 6 часов вечера он отдал приказ о поэтапном отходе на северо-запад, а два часа спустя пушки и ружья смолкли. Легкая кавалерия эрцгерцога Иоганна наконец-то появилась на востоке, но она опоздала и ничего уже не могла изменить. Армия Наполеона была измотана. Победа далась ей дорогой ценой. Эрцгерцог Карл сумел вывести войска из боевого соприкосновения, при этом отступил в порядке и без особых сложностей, однако два дня тяжелых и безрезультатных боев привели его к решению поставить точку в войне Пятой коалиции (1809 г.).

Ведение боевых действий коалициями

Самый большой стратегический провал Австрии в 1809 г. состоял в неудачах в деле привлечения союзников. Пруссия сохраняла нейтралитет, а царь Александр придерживался заключенного с французами союза, причем до такой степени, что русские войска заняли прежде оккупированные австрийцами районы Польши. Германские князья из Рейнского союза и не думали нарушить договоренностей с французами, поставляя множество частей и соединений для армии Наполеона. Французский император совершенно очевидно сделал большинство государств Европы своими сателлитами, клиентами или союзниками, так или иначе их войска отправлялись в походы под французским командованием. Можно сказать, что многонациональные имперские войска Наполеона представляли собой в меньшей степени коалиционные и в боль-

Сражение при Лейпциге. Союзнические вожди на совещании в третий день битвы, 18 октября 1813 г. Союзники все же соединили силы в этой кампании, что позволило значительно повысить уровень взаимодействия армий.

шей – целостные образования, чем другие европейские армии, находившиеся под единым централизованным управлением. Секрет успехов Наполеона на всем протяжении истории вплоть до 1813 г. состоял в умении обыгрывать соперников – императоров, королей и князей Европы, – не позволяя им выступить единым фронтом. Из тех 500 000 чел., с которыми Наполеон вторгся в Россию в 1812 г., на собственно французов приходилось менее половины. Те же австрийцы отправили в поход 40 000, а Пруссия – 22 000 чел. До тех пор, пока Наполеону удавалось не допускать объединения усилий крупных держав в борьбе против него, империя могла процветать.

Ни одна из предыдущих коалиций противников французов не имела унифицированной командной структуры, тогда как даже в лихие времена революции французские армии координировались из центра, по крайней мере с 1793 г., когда за дело взялся Карно. В то время как Первая коалиция сумела выработать генеральную стратегическую линию, она все же не смогла наладить действенного механизма управления собственными усилиями. Армии коалиций по большей части разворачивали отдельные операции на разных ТВД. Так, в Австрийских Нидерландах (в Бельгии) во время революции австрийские и англо-союзнические армии действовали сами по себе или по совместному плану, но руководимые отдельно.

Именно так и происходило при Флёрюсе. В период войны Второй коалиции в 1799 г. австрийцы подчинили свою армию в Италии фельдмаршалу Александру Суворову (1729–1800), хотя его русские войска заметно уступали австрийским по численности.

После того как энергичный и напористый русский военачальник сумел вытеснить французов из Северной Италии, австрийцы начали жаловаться, что-де достижения эти были оплачены их кровью. Несогласие и недоверие между австрийскими и русскими командирами привели к распаду континентальной коалиции. Неприязненные взаимоотношения бывших союзников продолжались вплоть до 1805 г., когда политическое решение о создании новой коалиции с русскими натолкнулось на упорное противодействие со стороны эрцгерцога Карла и видных фигур имперского двора. Злополучная кампания Макка в Германии проводилась до прихода русских и без взаимодействия с ними. В 1806 г. прусская армия отправилась воевать задолго до того, как ее русские союзники успели подготовиться к походу.

Соперничество, взаимные подозрения и неразумная заносчивость диктовали характер европейских коалиций, однако десятилетие наполеоновской гегемонии, за которым последовало крушение Великой армии в России в 1812 г., послужило залогом предоставления еще одной возможности для создания европейской коалиции против Наполеона. Вопрос в отношении готовности и способности европейских держав действовать заодно оставался открытым – не постигнет ли новый союз судьба прежних коалиций?

Особенность и, можно даже сказать, уникальность Шестой коалиции в 1813 г. состоит в волевой решимости европейских государств отринуть прочь разногласия ради достижения полной и окончательной победы над Наполеоном. Кроме того, они договорились о соединении войск воедино для обеспечения широкого взаимодействия армий и о назначении общего командного органа с верховным союзническим командующим во главе.

Пусть весенняя кампания 1813 г. ознаменовалась учреждением общего коалиционного командования, однако она не принесла союзническим войскам победы. Пруссия присоединилась к России в марте 1813 г., но обе страны выставили в поле совместными усилиями не более 100 000 чел. Русско-прусские войска оказались перед лицом восстановленной императорской армии численностью в 180 000 чел. и в мае потерпели поражения под Лютценом и Баутценом. В июне 1813 г. Наполеон и командование коалиции договорились о двухмесячном перемирии. На протяжении этого времени царь Александр усердно трудился на дипломатической почве, стремясь вовлечь в антифранцузский союз Австрийскую империю. Император Франц I и фельдмаршал князь Шварценберг, преемник эрцгерцога Карла на посту главнокомандующего вооруженными силами Австрии, мобилизовали для войны многочисленную армию Габсбургов. Действия герцога Веллингтона в Испании принесли стратегическую победу вследствие разгрома в июне французских войск под Витторией.

В августе 1813 г. Наполеон оказался перед лицом собравшейся против него европейской коалиции с участием Австрии, России, Пруссии и Швеции, тогда как англо-испанская армия грозила переходом Пиренеев и вторжением во Францию. Европа и в самом деле объединилась против Наполеона, и перед такой силой одной империи было не устоять.

«Битва народов» (Лейпциг), 16–18 октября 1813 г.

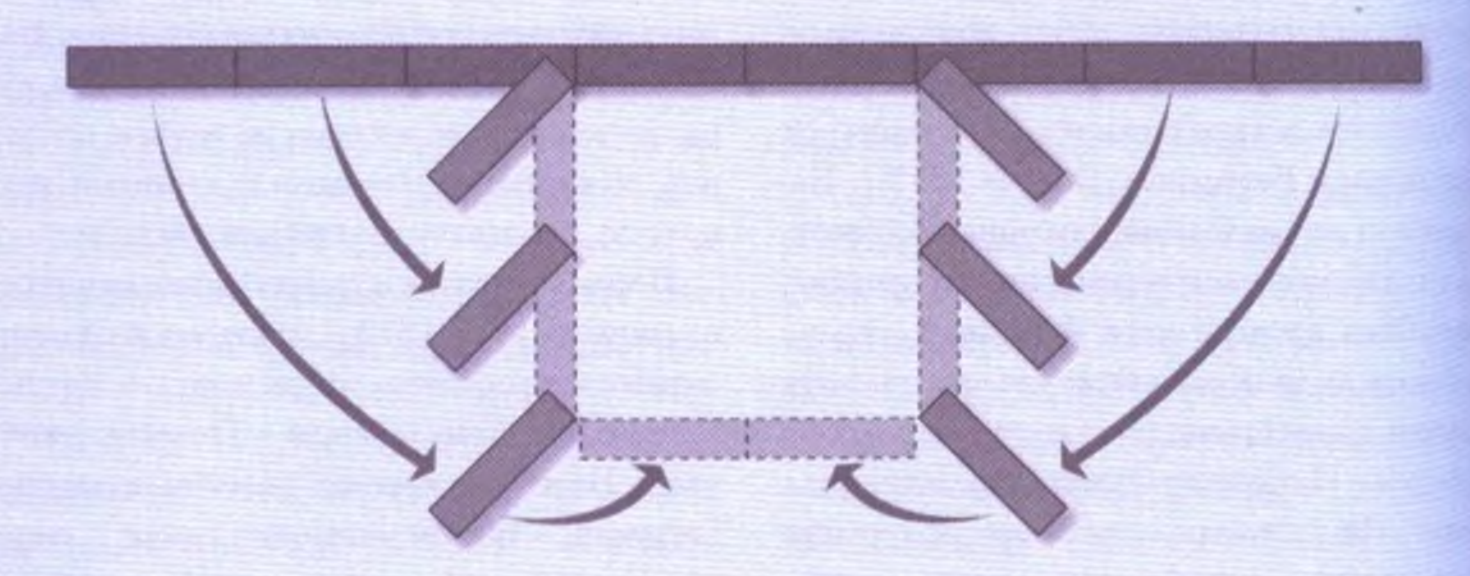
Союзнические государи создали для осенней кампании объединенные армии. Русско-прусско-шведские войска Жана-Батиста Бернадотта, на тот момент кронпринца Швеции (под именем Карла-Юхана), действовали в Северной Германии. Прусско-русская армия под командованием генерала Гебхарда фон Блюхера (1742–1819) формировалась в Силезии, а третья армия – австро-русско-прусская по составу со Шварценбергом во главе – готовилась к переходу через Богемские горы в Саксонию. Австрийцы были ключевой составляющей коалиции. Австрия выставила войска численностью в 300 000 чел. – больше, чем располагали русские, пруссаки и шведы, вместе взятые. Наполеону в Центральной Европе приходилось иметь дело с коалиционными силами в 500 000 чел., правда, и он в ответ мог противопоставить им свыше 450 000 чел. Наиболее важную роль играла координация действий коалиционных армий, а ключом к победе служила когерентная союзническая стратегия. На протяжении осенней кампании союзники не раз расходились во взглядах на ведение операций, но в итоге не разрывали уз альянса и, как правило, редко нарушали взаимодействие.

В ходе совещания в главной штаб-квартире союзников в июле 1813 г. участники коалиции выработали конкретно оформленную и вполне выполнимую схему действий – Трахенбергский план. Наполеон занимал позиции в центре Саксонии, а три коалиционные армии, Северная, Силезская и Богемская, готовились противодействовать ему с севера, востока и юга. Союзническим силам предстояло не вступать пока в битву с самим Наполеоном, а вместо того атаковать его подчиненных, тем временем су-

жая кольцо. Короче говоря, Трахенбергский план представлял собой схему концентрического наступления союзнических армий в направлении центральной точки, возле которой они наконец объединят силы на поле решающего сражения. Уже сами размеры императорской армии Наполеона и войск коалиции говорят о размахе войны. В то время, как в 1805 г. французская корпусная система привнесла революционный подход в механизмы действий войск в ходе кампаний, восемь лет спустя счет шел уже не корпусами, а армиями, грамотное управление которыми на одном ТВД привело к результату – убедительной победе. Тогда как французские войска по-прежнему могли похвастаться весьма эффективной системой командования и управления, сами маршалы Наполеона не показали себя блистательными полководцами в роли командующих армиями. Союзники тоже не превосходили оппонентов, хотя, безусловно, и не уступали им, а на том уровне, на котором шла игра в поле, последнее слово оставалось за численностью.

Наполеон стремился нанести удар по пруссакам до того, как армия Шварценберга успеет перейти горы. Он выступил на восток против войск Блюхера в Силезии, оставив в Дрездене маршала Лорана Гувьона Сен-Сира (1764–1830) с небольшим корпусом. Маршалу Удино в Саксонии и Даву в Гамбурге предстояло наступать на Берлин с целью нанести поражение войскам Бернадотта в северном регионе. Наполеон не сомневался, что разгром Бернадотта и Блюхера, да к тому же взятие Берлина принудят к выходу из состава коалиции Фридриха Вильгельма III, короля Пруссии, который предпочтет войне спасение собственного трона и королевства. План был прост и гениален, но он так никогда и не осуществился, тогда как союзническая стратегия сработала. Блюхер быстро отступил из Силезии, избегая столкновения с Наполеоном. Шварценберг провел войска Богемской армии через горы и двинулся на Дрезден. Император отрядил Макдональда на преследование Блюхера, в то время как сам форсированным маршем отправился к Дрездену, куда и прибыл 26 августа. На следующий день Наполеон разгромил Шварценберга, и тот отошел в Богемию, преследуемый армейским корпусом генерала Доминика Вандамма (1770–1830).

Оказавшись в Богемии, Шварценберг прекратил отступление и решил дать бой Вандамму. В итоге французский генерал попал в западню при Кульме и был вынужден сдаться с половиной своих войск. У маршала Удино дела пошли ненамного лучше. Он атаковал Северную армию Бернадотта при Гросс-Беерене, но лишь для того только, чтобы быть отброшенным с большими потерями. Наполеон сместил Удино и передал командование его войсками Нею, но этот прославленный маршал испытал судьбу своего предшественника, потерпев поражение под Денневицем. Поход Даву на прусскую столицу так никогда и не начался по причине сложностей с тыловым обеспечением.

НА ДИАГРАММЕ ПОКАЗАНА схема перестроения шестиротного батальона из линии в каре. Способность или неспособность пехоты осуществить быстрый маневр и построиться полым квадратом часто означала жизнь или смерть перед лицом лихой кавалерийской атаки.

Худшие новости, как бы там ни было, пришли из Силезии, где армия Блюхера атаковала Макдональда на реке Кацбах и нанесла французам чувствительное поражение. На протяжении сентября Блюхер уклонялся от столкновения с Наполеоном, в то время как Шварценберг реорганизовал армию и вновь двинулся маршем через горы.

Лейпциг

К октябрю французский император обнаружил, что союзнические армии Бернадотта и Блюхера подползают к нему с севера, тогда как Шварценберг наступает с юга.

Наполеон с армией отошел к Лейпцигу, поближе к своим «рейнским» союзникам. Коалиционные войска осторожно двинулись за ним. 13 октября император занял позиции вокруг Лейпцига, ожидая появления неприятельских сил. В общей сложности у Наполеона было 200 000 чел., разделенных на девять армейских корпусов, пять кавалерийских корпусов и два корпуса Императорской гвардии. Он выстроил эту армию полумесяцем от реки Эльстер на севере до реки Пляйссе к югу от города. Блюхер и Шварценберг подступили к полю предстоящей битвы с Силезской и Богемской армиями, насчитывавшими вместе 200 000 чел. На расстоянии одного суточного перехода от Лейпцига находились еще 110 000 солдат из Северной армии Бернадотта и русской резервной (или «Польской») армии генерала Левина Августа Беннигсена (1745–1826).

Сражение под Лейпцигом отличалось от прежних наполеоновских битв наличием достойного уровня координации действий в стане врагов французского императора и неплохой способностью распорядиться имеющимися силами. Лейпцигская баталия, также называемая «Битвой народов», стала крупнейшим боевым столкновением в Европе вплоть до войн за объединение немецких земель в 1866 и 1870–1871 гг. На протяжении трех суток свыше полумиллиона солдат из более чем дюжины европейских государств сходились между собой в атаках и контратаках. В итоге Наполеон потерял значительную часть армии и всю Германию. Но что еще хуже, самый верный германский союзник Франции, Бавария, дезертировала из его лагеря в стан коалиции, создавая тем самым угрозу линиям коммуникаций с Рейном.

Наполеон намеревался атаковать Шварценберга, сдерживая при этом Блюхера. Император знал о присутствии где-то совсем близко армии Бернадотта, но на тот момент – до подхода Бернадотта – между французами и коалиционными войсками существовал некий численный паритет. Наполеон развернул три армейских корпуса под командованием маршала Мармона и генералов Анри-Гасьена Бертрана (1773–1844) и Жозефа Суама (1760–1837), вместе с одним из корпусов резервной кавалерии, к северу от Лейпцига, а остальные соединения армии – шесть армейских корпусов, два корпуса Императорской гвардии и четыре кавалерийских корпуса – южнее, вокруг Вахау. Одна дивизия, возглавляемая генералом Пьером Маргароном (1765–1824), оставалась у Линденау, чтобы оборонять западные подступы к городу.

Шварценберг предполагал наступать на Лейпциг по обоим берегам реки Пляйссе. Царь Александр возражал против такого плана, не желая разделять армию, между частями которой оказалась бы река. Он считал такое развертывание залогом верного поражения и предупредил Шварценберга, что тот волен направить войска западнее Пляйссе, однако русские с ним не пойдут. Австрийский командующий согласился с русским царем, оставив на левом берегу только корпус графа Максимилиана фон Мерфельдта (1770–1815). Решение оказалось очень верным, поскольку, если бы Шварценберг сделал по-своему, Наполеон, безусловно, разгромил бы Богемскую армию.

Шварценберг и Блюхер не собирались уступать инициативу Наполеону. Австрийский фельдмаршал осознавал факт нахождения перед ним основных сил французов. Убежденный в способности заставить работать на осуществление собственных задач некий имеющийся перевес в силах, Шварценберг приказал наступать, надеясь смять фланг Наполеона, связывая боем большую часть французских войск к югу от города. Блюхеру, усиленному австрийским корпусом, предстояло атаковать Лейпциг с севера и не дать французскому корпусу вблизи него выдвинуться в поддержку

Наполеона по мере течения событий дня. Для завершения разгрома французской императорской армии Шварценберг отрядил на запад от реки Эльстер австрийский корпус графа Игнаца Дьюлаи (1763–1831), нацелившись на Линденау и маршрут отступления Наполеона.

В 9 часов утра русский и прусский корпуса, объединенные под начальством генерала Людвига Витгенштейна (1769–1843) двинулись на позиции войск Наполеона, надеясь оттеснить их в направлении города.

Наполеон наблюдал союзническую диспозицию и пристально следил за развитием атаки. Он решил пока прибегнуть к оборонительной тактике, дожидаясь, когда выдохнется наступательный порыв войск коалиции. Он придерживал на крайний случай крупные резервы, в том числе два кавалерийских корпуса, Императорскую гвардию и армейский корпус маршала Пьера Ожеро (1757–1816). Армейский корпус Макдональда и кавалерийский корпус генерала Ораса Себастьяни (1772–1851) дислоцировались к востоку от города, но Наполеон перебросил их на юг для создания давления на русский фланг.

Атаке союзников вредила недостаточная координация, вследствие чего между их корпусами образовались довольно большие бреши – слишком большие, чтобы Наполеон не воспользовался этим. Царь Александр быстро заметил опасность и тотчас же приказал русской и прусской гвардии заполнить пространство между прусским корпусом генерала Фридриха Клейста (1762–1823) и русским корпусом принца Евгения Вюртембергского (1788–1857).

Русские овладели селением Вахау в центре, но Наполеон сосредоточил батареи тяжелых орудий, дабы не позволить врагу развить успех с захваченных позиций. Артиллерийский огонь оказался настолько силен, что корпусу принца Евгения Вюртембергского пришлось откатываться с тяжелым уроном, а французы легко отбили Вахау напористой и сосредоточенной контратакой. На западе наступавшему вдоль правого берега Пляйссе Клейсту удалось неплохо продвинуться, тогда как Мерфельдт на левом берегу попытался форсировать реку и смять французский правый фланг. Польский армейский корпус князя Юзефа Понятовского (1763–1813) отбросил австрийцев обратно за реку после трудного и ожесточенного боя.

Клейст не смог продолжать движение из-за сильного артиллерийского огня и подхода корпуса Ожеро из французского резерва. На правом крыле у союзников русский корпус под командованием князя Горчакова (1768–1855) начал наступать на Либертвольквиц, не дожидаясь фланговых колонн Кленау. Русскому корпусу Горчакова тоже сильно досталось от французской артиллерии.

Ко времени появления перед городком австрийского корпуса Наполеон уже перебросил туда усиление в виде корпуса из состава Императорской гвардии, что застопорило фланговую атаку Кленау и создало угрозу изоляции его соединения от остальной армии Шварценберга. Вскоре затем подтянулся корпус Макдональда, положив конец всякой надежде на успех союзнического флангового маневра. К 11 часам утра, через два часа после начала наступательных действий союзников, инициатива на поле боя перешла к французскому императору.

Контратака Наполеона

Армия Наполеона, действовавшая на внутренних операционных линиях, обладала возможностью перебрасывать части и соединения через Лейпциг. Союзникам же, находившимся на внешних линиях, требовалось больше времени для передислокации сил с одного участка поля сражения на другой.

Осознавая наличие у него такого преимущества, Наполеон приказал Мармону и Суаму переместиться на юг, оставив только усиленный корпус для прикрытия от армии Блюхера, поскольку император считал, что прусский генерал не отважится атаковать. Как бы там ни было, когда бой на юге усилился, войска Блюхера с изрядной яростью атаковали позиции Мармона в районе селения Мёккерн. На протяжении некоторого времени около полудня Мармон упорно держался, но Блюхер вытеснил из Мёккерна французскую пехоту и заставил три французских корпуса отходить в направлении Лейпцига. Посему Мармон и Суам не смогли выполнить приказов императора.

Контратака Наполеона стартовала вскоре после полудня. Два французских корпуса, наступая через Вахау, отбросили союзников в центре. Затем Макдональд повернул на Кленау, в то время как Понятовский и Ожеро бросили свои корпуса на пруссаков Клейста. Наполеон, ожидая подхода Мармона и Суама, рассчитывал усилить наступление Макдональда. Но невозможность ввести их в дело на данном участке сильно ослабила напор французов. Хотя атака пользовалась поддержкой Императорской гвардии и резервной кавалерии, войскам Кленау удалось выйти из боевого соприкосновения, не потеряв фланга. В то время, пока бой полыхал на правом союзническом крыле, Наполеон развернул наступление против центра союзников. Он собрал большую батарею из 84 орудий, поддержанную кавалерийским корпусом, и направил ее огонь на остатки дивизий Евгения Вюртембергского. Под сильным артиллерийским обстрелом, да еще атакованные затем кавалерией, русские не выдержали.

> *«Армии должно иметь лишь одну линию действий. Необходимо тщательно сохранять и никогда не отказываться от нее, кроме как в самом крайнем случае».*
>
> *Наполеон*

В ходе атаки французские кирасиры оказались в каких-то считаных метрах от ставки союзных монархов, заставив царя Александра I и короля Фридриха Вильгельма III искать убежища. Контратака союзнической кавалерии и своевременное появление русских гренадеров предотвратили крушение союзнического центра, однако положение на флангах оставалось крайне тяжелым. Наступление ночи и утомление неприятеля спасли Богемскую армию. Наполеону не удалось одержать решительную победу, которая словно бы ускользнула от него, а успех Блюхера при Мёккерне оказался критически важным для союзников. Несмотря на огромные потери, Шварценберг и не думал отступать. Близкий приход Северной армии Бернадотта обещал с лихвой компенсировать десятки тысяч солдат, потерянных союзниками в первый день сражения. Наполеон не мог рассчитывать на такие подкрепления.

Обе армии потратили 17 октября на залечивание ран. Положение Наполеона оставалось шатким. Появление Бернадотта заметно усилило союзнические ряды, тогда как Блюхер сумел потеснить французов в направлении Лейпцига. Австрийский корпус Дьюлаи перед Линденау временно блокировал Наполеону путь для отступления. Но куда больше тревог вызывали сведения, полученные от Мерфельдта, попавшего в плен 16 октября. Тот показал, что неделей ранее баварцы дезертировали из лагеря сторонников императора и продвигались к Франкфурту и Майнцу в стратегическом тылу у Наполеона. Как бы там ни было, Наполеон осознавал: отход его сейчас подарит войскам антифранцузской коалиции крупнейшую победу и, вне всякого сомнения, приведет к полному крушению Рейнского союза, созданного им в Германии. Поэтому, несмотря на большую вероятность проигрыша, он решился продолжить битву 18 октября.

Наполеон передислоцировал свою армию ближе к Лейпцигу и разделил ее на три группировки: левое крыло во главе с Неем, противостоявшее армиям Блюхера и Бернадотта, центр под начальством Макдональда, обращенный фронтом к востоку, и правое крыло, возглавляемое Мюратом. Соединения Макдональда противодействовали прибывшей накануне русской армии Беннигсена, а корпуса Мюрата – войскам Богемской армии, состоявшим под командованием Барклая де Толли. Корпус Бертрана, усиленный двумя дивизиями Императорской гвардии, был направлен Наполеоном к Линденау, чтобы очистить этот населенный пункт от австрийцев Дьюлаи.

Военачальники коалиции пребывали в уверенности, что численность их войск – почти 300 000 чел. за вычетом потерь 16 октября – даст им большие преимущества над Наполеоном, располагавшим теперь не более чем 150 000 чел. Нехитрый план их состоял лишь в простом наступлении на Лейпциг шестью взаимодействующими друг с другом колоннами.

«Битва народов» (Лейпциг)

16–18 октября 1813 г.

Обстоятельства «Битвы народов», как еще часто именуют сражение под Лейпцигом, показывают, что союзники наконец-то выработали успешную стратегию противодействия Наполеону. Трахенбергский план строился на целесообразности избегать столкновений с самим французским императором, в то время как рекомендовал вести бои с его подчиненными. Хотя весенняя кампания закончилась неудачно, коалиция, обновленная вступлением в нее Австрии, достигла в итоге триумфальной победы осенью. Союзнические армии продвигались этаким все время сужающимся полукольцом в направлении центра Саксонии с армией Наполеона в нем. И вот на поле сражения огромной битвы под Лейпцигом с участием полумиллиона человек, продолжавшейся трое суток, наступил момент, когда решалась судьба Европы. Немецкие союзники Наполеона покинули его, в том числе саксонские войска, бросившие императора прямо на поле сражения. К наступлению ночи первого дня акта той драмы Наполеон уже осознавал, что сражение проиграно, однако решил остаться на позициях и продолжить борьбу, надеясь посильнее ослабить союзников прежде, чем отступить с поля. Как бы там ни было, ничто из запланированного им не пошло так, как он на то рассчитывал.

Империя, на строительство которой ушло семь лет, рухнула в одночасье в продлившейся три дня битве в Центральной Германии; знаменитое сражение оставалось крупнейшим боевым столкновением в Европе до 1866 г.

Линденау

Лейпциг

1 Корпус генерала Бертрана, усиленный двумя дивизиями Императорской гвардии, оттесняет корпус Дьюлаи, открывая предполагаемую линию отступления.

2 Барклай де Толли с войсками Богемской армии атакует силы Наполеона к югу от города, но не достигает ничего существенного.

3 Прибыв к полю боя 17 октября, Беннигсен 18-го числа атакует корпус Макдональда к востоку от города, не давая тому поддержать Наполеона, как и два дня тому назад.

4 Войска Силезской армии Блюхера, наступающие на французов к северу от города, остановлены из-за отсутствия помощи ввиду плохого взаимодействия с Северной армией Бернадотта.

5 Северная армия Бернадотта продвигается медленно и атакует войска Нея лишь ближе к вечеру вместо обеспечения широкой поддержки наступления Блюхера на более раннем этапе.

6 Переход саксонского VII корпуса на сторону союзников в 4 часа пополудни создает трудное положение на позициях Нея, противостоящего Бернадотту. Французский маршал быстро стабилизирует фронт за счет введения в действия немногих имеющихся резервов.

Атака Бранденбургского гусарского полка под Лейпцигом. Проведенная у Мёккерна ближе к исходу 16 октября, она сорвала контрнаступление французов на этом участке, обеспечив пруссакам тактическую победу.

На протяжении большей части утра и в начале второй половины дня союзнические соединения продвигались в направлении новых французских позиций около Лейпцига. Несмотря на огромное превосходство союзников в кавалерии, разведка их не сумела выявить факта передислокации Великой армии. Вскоре после полудня разгорелись ожесточенные бои, при этом союзнические колонны с трудом продвигались вперед, везде встречая упорное сопротивление французов. Атака Бертрана под Линденау рассеяла полки Дьюлаи и позволила открыть дорогу на запад. Теперь Наполеон мог готовиться к общему отступлению, надеясь на способность его армии как следует обескровить союзников перед тем, как отойти в направлении Рейна. К сожалению для французов, Блюхер вновь показал себя несгибаемым бойцом и неподатливым противником.

Прусские корпуса нажимали с севера и с северо-запада, затем, когда в 4 часа пополудни саксонские пехотные полки VII корпуса генерала Жана-Луи Ренье (1771–1814) перешли на сторону союзников, под угрозой разгрома оказалось целое французское крыло. Коль скоро корпус Ренье прикрывал правый фланг группировки Нея, дезертирство саксонцев поломало всю диспозицию французов к северу от города и создало дополнительные возможности для союзников действовать против левого фланга и тыла Макдональда в центре. Ней не терял времени, быстро бросив все имеющиеся под рукой силы на спасение ситуации и заткнув ими брешь, оставленную саксонцами. К 6 часам вечера он сумел стабилизировать фронт, хотя и заплатил за это дорогой ценой. Ответственность за неспособность союзников сполна воспользоваться представившимся им преимуществом и за упущенные возможности целиком ложится на Бернадотта, который не спешил посылать находившиеся под его началом русские и шведские полки в бой, хотя именно он формально командовал на данном участке.

После более чем шести часов сражения наступила ночь, а союзники так и не достигли города. Удача не покидала Наполеона, но император знал, что назавтра она оставит его. В ту же ночь он отдал приказ о поэтапном выводе корпусов через город и реку Эльстер. Инженерно-саперные команды заложили подрывные заряды под мост и получили приказ взорвать его, когда все французские войска переправятся на другую сторону. 18 октября императорская армия начала переходить через Эльстер. Союзники развернули атаки на городские предместья и к исходу утра вышли к стенам Лейпцига. Ожесточенные бои у городских ворот продолжались до 1 часа пополудни, при этом нервы и перенапряжение сил стали причиной слишком поспешного подрыва моста через Эльстер. Свыше 30 000 французских и имперских солдат и офицеров очутились в Лейпциге как в ловушке. Когда Наполеон увел армию на запад, защитники города сложили оружие.

«В наше время, в прошлые века и в любые времена вообще – Наполеон».

Герцог Веллингтон

в ответ на вопрос, кто, по его мнению, самый величайший из полководцев.

Битва при Лейпциге завершилась громадной победой коалиции, доставшейся ей, правда, весьма дорогой ценой. Потери Наполеона убитыми, ранеными и попавшими в плен достигли 70 000 чел. (включая 30 000, отрезанных и плененных в городе). Союзники недосчитались 54 000 чел. Трахенбергский план принес стратегическую победу в Германии. И все же, хотя союзники координировали планы сражения отдельных соединений, способность к взаимодействию в передвижении армий и корпусов у них не шла ни в какое сравнение с французской. Мастерское умение Наполеона и его подчиненных маневрировать корпусами на поле сражения фактически спасло французов 16 и 18 октября. Невзирая на все это, союзники сумели, однако, свести воедино армии и достигнуть подавляющего численного преимущества, что и подарило им в итоге стратегическую победу.

Девятнадцатое столетие после Наполеона

Наверное, пруссаки сделали наибольшие и наиболее правильные выводы из союзнической стратегии, увенчавшей участников коалиции лаврами победителей под Лейпцигом. Хельмут фон Мольтке (1800–1891), будущий глава прусского, а позднее и германского имперского Генштаба, многое почерпнул из опыта кампании 1813 г., с историей которой он ознакомился во время своей учебы в прусском военном училище с 1823 по 1826 г. Сам характер реформ системы Генерального штаба, проведенной под руководством Мольтке, и его стратегические идеи свидетельствуют о глубочайшем влиянии на них Наполеоновских войн. Генеральный штаб стал центральным органом военного планирования, и Мольтке достиг цели Шарнхорста поставить штаб на уровень равный или даже более высокий, чем тот, который занимали армейские командующие. И наконец, в том, как Мольтке спланировал кампанию и как действовал в Австро-прусскую войну 1866 г., видны очевидные отзвуки и отблески успешной кампании Шестой коалиции в Германии.

Артиллерия и осадное дело

Пройдя нетореной дорогой развития от неповоротливых орудий XIV века до огневых систем, используемых в наполеоновский период, артиллерия проделала большой путь в конструктивном плане, совершив к тому же поистине гигантский шаг в приемах ее применения на поле сражения. Чрезвычайно интересно посмотреть на сходства и различия в способах совершенствования артиллерии у сторон–участниц боевых действий на протяжении французских Революционных и Наполеоновских войн (1792–1815 гг.).

История возникновения подвижной артиллерии берет начало фактически от короля шведов Густава Адольфа (1594–1632) – из эпохи Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Все тому же шведскому королю-полководцу приписывается идея объединения легкой артиллерии в батареи. В ходе вооруженных конфликтов, происходивших между Тридцатилетней войной и началом французских Революционных войн в 1792 г., компетентные полководцы и командиры неизменно стремились к сосредоточению пушек для достижения наиболее сокрушительного воздействия на неприятеля.

После Густава Адольфа, эффективно использовавшего полевые пушки в битвах под

Прусская пешая артиллерия на марше. В описываемый период Пруссия располагала наихудшей артиллерией, в основном из-за влияния Фридриха Великого, который плохо разбирался в артиллерийском деле и считал канониров этакими солдатами второго сорта. В 1806 г. прусские артиллеристы показывали себя весьма скверно, даже если имели на поле больше орудий, чем у противника.

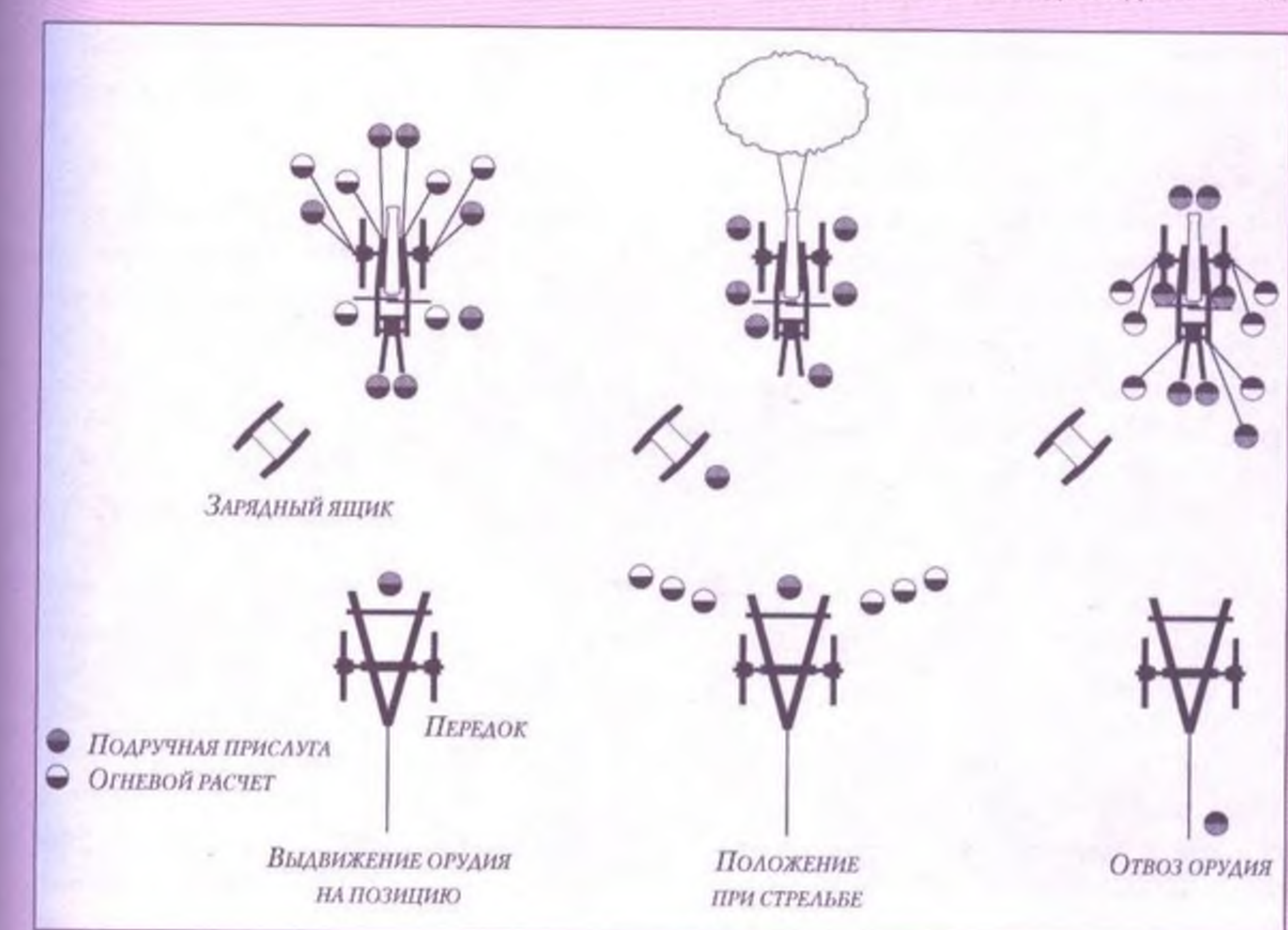

Солдат французской пешей артиллерии в новой военной форме образца 1812 г., которая, вероятно, стала поступать в части не ранее 1813 г. Облаченные в мундиры традиционного темно-синего цвета, французские артиллеристы считались военнослужащими элитных войск и получали высокое жалованье. Они славились высокой квалификацией и мастерством, тогда как французская артиллерия считалась лучшей в описываемый период. Изображенный тут канонир принадлежит к линейной артиллерийской части.

Брайтенфельдом (1631 г.) и Лютценом (1632 г.), появилось множество военных деятелей, чьи имена ассоциируются с блистательным применением артиллерии. Примеры такого рода показали, например, британский капитан (позднее генерал-майор) Уильям Филлипс (ум. в 1781 г.) в битве под Минденом в 1759 г., американские генералы Джордж Вашингтон (1732–1799) и Генри Нокс (1750–1806) под Монмутом в 1778 г. Пруссаки во время Войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.) превосходили классом австрийскую артиллерию, но в ходе Семилетней войны (1756–1763 гг.) австрийцы поменялись с ними местами, представив реорганизованную и отлично подготовленную легкую артиллерию. Как-то на раннем этапе Революционных войн австрийский артиллерист Йозеф Смола развернул свою усиленную кавалерийскую батарею в поддержку австрийской пехоты с задачей сорвать атаку французской колонны и нанес врагу тяжелые потери, при этом действия Смолы напоминали действия Филлипса под Минденом.

Процесс совершенствования европейских артиллерийских систем в части развития идей и внедрения новшеств всегда испытывал влияние такого явления, как некое перекрестное опыление. Французы учредили у себя легкую артиллерию уже в 1679 г., когда генерал Франсуа де ла Фрезельер (1624–1702) взял на вооружение решения испанца Антонио Гонсалеса, однако в 1720 г. от нее отказались в пользу более тяжелых стволов, годившихся для использования как при осадах, так и в поле; данный шаг назад принес французам впоследствии немало неприятностей. Шведы всегда были и оставались новаторами в области артиллерии, при этом многое из сделанного ими оказало большое влияние на пруссаков, французов и австрийцев.

Первая артиллерийская система, обычно считающаяся подлинно французской, есть та, которую в 1732 г. создал артиллерист Вальер. Он провел стандартизацию французской артиллерии по калибрам 4-, 8-, 12-, 16- и 24-фунт. орудий; их предполагалось применять как для осадного дела, так и в поле, причем второй способ использования французы считали более трудным. Как бы там ни было,

Учебная схема показывает приемы артиллерийской прислуги, которая перемещает свое орудие на поле сражения с помощью bricole, или человеческой упряжи. Bricole представляла собой кожаные лямки со стальным кольцом, к которому крепился кусок веревки с крюком на конце. Прислуга вставляла крюки в проушины на лафете пушки и передвигала ее ближе к неприятелю, оставляя позади конные упряжки.

до упорядочения средств транспортировки артиллерии дело тогда не дошло, и они изготавливались на французских арсеналах по разнообразным шаблонам, лишая артиллеристов такого желанного удобства, как взаимозаменяемость предметов материально-технического оснащения.

Развитие полевой артиллерии

Полевая артиллерия выделилась в особый подвид в середине XVIII столетия. В наполеоновский период полевая артиллерия, часто называвшаяся еще легкой, подразделялась на пешую, орудийная прислуга которой обычно топала рядом с пушками на своих двоих, и конную, чьи канониры передвигались верхом на лошадях или же ехали вместе с орудиями на повозках; кроме того существовала еще горная артиллерия, имевшая на вооружении очень легкие разборные пушки, сконструированные для перевозки на мулах с последующей сборкой на огневых позициях.

Конную артиллерию тоже часто именовали легкой или летучей (*volante*) в зависимости от характера ее использования. Обычно в полевой артиллерии самым крупным орудийным калибром был 12-фунтовый.

Развитие полевой артиллерии не есть следствие деяний какого-то одного человека или даже целой страны. Процесс шел как бы сам собой, и время проявиться ему настало в 1740-е годы, когда как сами артиллеристы, так и командование армий испытали потребность в пушках, способных двигаться вместе с пехотой и кавалерией в походе и поддерживать их огнем на поле сражения сообразно меняющейся боевой обстановке. Артиллерия, которую лишь устанавливали на статичной и неизменной на протяжении всей битвы позиции, перестала устраивать полководцев. Отныне артиллерийские батареи разворачивались и сворачивались в соответствии с тактическим положением и потребностями войск, поддержку которым оказывали пушки.

В 1740-е годы прусский артиллерист-практик фон Хольтцман разработал винтовой

регулятор (его позднее скопировали и применили для своей полевой артиллерии австрийцы и русские), а также и передок с прикрепленным к нему сундуком с боеприпасами, или зарядным ящиком. Винтовой механизм позволял регулировать угол возвышения и склонения орудия с большой точностью и оставил в прошлом старый примитивный способ подстройки вертикального угла наводки, заключавшийся фактически в установке и перемещении под казенной частью ствола деревянного клина, который то подбивали вперед, то оттягивали назад. Изобретение не просто позволило канонирам быстро поднимать и опускать ствол орудия, но и качественно повлияло на меткость стрельбы. Зарядный ящик обеспечивал артиллеристам боеприпас, который находился при них в процессе вступления в сражение и ведения огневой работы.

«Чтобы добиться решительного результата, артиллерию, как и прочие рода войск, необходимо сосредотачивать массированно».

Наполеон

В тот же период французский генерал Брокар создал артиллерийский патрон, или картуз – специальную емкость для порохового заряда. До того – хотя иногда в случае необходимости и после – порох из бочонка засыпали в ствол пушки с помощью черпака, или шуфлы.

Шуфлу и потом еще применяли в случае крайней нужды, но вообще сам процесс засыпания пороха в ствол представлялся крайне небезопасным делом даже и вне условий боя. Хватало одной искры, чтобы россыпь пороха воспламенилась и послужила причиной гибели или увечья солдат орудийной прислуги, а также вывела из строя саму пушку.

Честь «отцовства» в изобретении картузов и затем двойной их версии, или, фактически, боеприпасов унитарного назначения (в которых патрон и выстрел находились вместе для облегчения процесса заряжания), принадлежала, вероятно, сразу нескольким первооткрывателям из разных стран. Но, наверное, самым важным следует считать включение в них деревянного «башмака» (сабо), или поддона вместо традиционного пыжа, поскольку за счет него уменьшался, если уж вовсе не устранялся зазор между снарядом и стенками, что тоже существенно повышало кучность огня орудия.

На изготовление картузов шли различные материалы. Французы предпочитали фланель, поскольку она полнее сгорала, тогда как окрашенных или лакированных снарядов к началу революции во французских арсеналах не существовало. Ткани патрона полагалось быть довольно плотной, дабы порох не просачивался через структуру, а потому саржа, находившая применение одно время, перестала пользоваться спросом у изготовителей боеприпасов для артиллерии – из-за излишней плотности она создавала трудности при заряжании.

Первые картузы делались из простого холста и окрашивались, что вызывало сильные загрязнения и приводило к засору запального отверстия, а это в свою очередь затрудняло воспламенение пороха. В затравный канал – отверстие в казенной части ствола – вставлялся запал, или воспламенитель. Сначала в канал вводили нагель, или протравник, представлявший собой длинную железную иглу, прокалывавшую ткань картуза. Затем вставляли запал, который поджигался с помощью пальника, или штыря с тлеющим фитилем; он воспламенял огневую цепь и способствовал производству выстрела.

Между выстрелами канонир затыкал канал, просто закрывая его большим пальцем руки, облаченным в кожаный наперсток, или напальник, в то время как другие бойцы расчета банили ствол – прочищали его щеткой, или банником – и вкладывали новый снаряд. Пренебрежение регулярным использованием банника влекло за собой опасность преждевременной детонации заряда в стволе, гарантировавшей катастрофические последствия для части прислуги. Затыкание запального отверстия при заряжании тоже служило своего рода предохранительной мерой. В крайних случаях, когда остро не хватало времени, прочисткой ствола банником приходилось пренебрегать, однако отказ от процедуры на протяжении нескольких выстрелов подряд был чреват большими неприятностями.

Прусские войска, отступающие с поля битвы при Линьи 16 июня 1815 г. Там Наполеон, обладавший некоторым численным превосходством, одержал победу над армией фельдмаршала Блюхера. Император сосредоточил французскую артиллерию против прусского центра и к вечеру проломил его, проложив таким образом путь для французской пехоты, которая нанесла решающий удар и сокрушила боевые порядки пруссаков.

Каким бы материалом ни пользовались для изготовления патронов – пусть даже бумагой, – шанс загрязнения ствола все равно оставался высоким. По этой причине орудия приходилось основательно промывать и прочищать после боевой работы. Следует отметить, что нормальным темпом огня для 12-фунт. пушки считался один выстрел в минуту, а для полевых орудий меньшего калибра (3-, 4-, 6-, 8- и 9-фунт.) этот показатель мог составлять и до двух выстрелов. Пушки обладали способностью стрелять и быстрее, но на такое отваживались лишь в крайних случаях. К тому же в бою приходилось помнить о нормах расхода боеприпасов и беречь их по возможности.

Примерно в тот же период французский математик, Бернар Форест де Белидор (1698–1761), служивший преподавателем во французских артиллерийских училищах, усмотрел возможность значительно уменьшить количество пороха на снаряд, сохранив при этом дальность огня и эффект воздействия на цель. Данное открытие заметно подтолкнуло процесс развития легких орудий, поскольку при литье стало возможным сэкономить на массе ствола, к тому же снижалась сила отдачи, а значит, отпадала нужда в неподъемно тяжелых лафетах, в результате вес их тоже понизился.

В выдающейся книге «Новые принципы артиллерийского искусства» (*New Principles of Gunnery*), опубликованной в 1742 г., ее автор Бенджамин Робинс (1707–1751) бросал вызов тогдашним понятиям о баллистике. Робинс работал с баллистическим маятником, измеряя с его помощью дульную скорость выстрела из ружья; с артиллерийскими орудиями он дела не имел.

Как бы там ни было, другой англичанин, Чарлз Хаттон (1737–1823), добрался и до артиллерии, проведя в 1775 г. опыт, в котором были задействованы 6-фунт. пушки. Немецкий физик и математик Леонард Ойлер (1707–1783)[известный в России как Леонард Эйлер] перевел текст Робинса на немецкий и продолжил математические изыскания в

данном вопросе, обратив особое внимание на траекторию сферического выстрела, или ядра во время его полета в воздухе.

Робинсу и Ойлеру принадлежит честь первопроходцев в данной области, поскольку Ойлер продолжил начатое Робинсом, да к тому же исправил некоторые ошибки предшественника в теоретических моментах.

Система Лихтенштейна

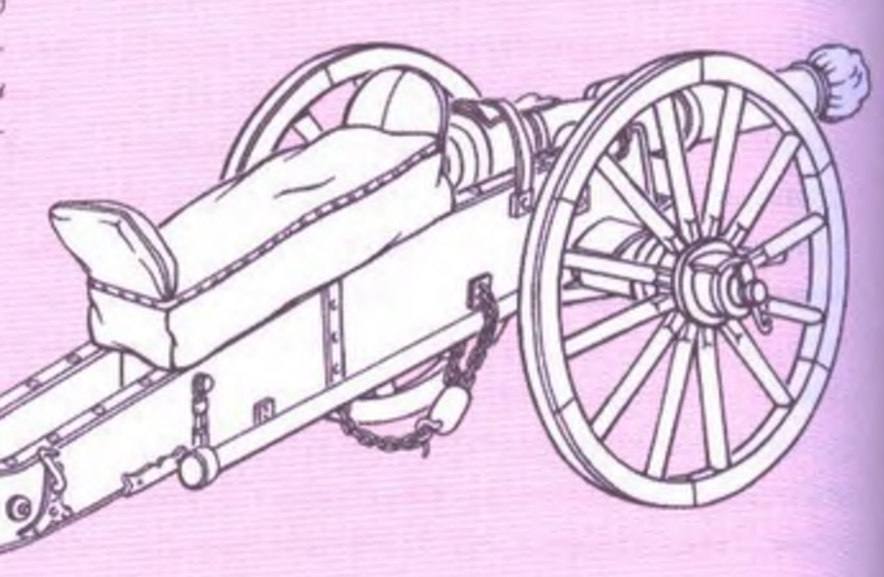
В середине XVIII столетия прусская артиллерия отличалась очевидно лучшей организацией, подготовкой и располагала более маневренной полевой артиллерией, чем австрийцы, артиллерия которых оставалась в 1740-х годах все еще неким ископаемым. Усвоив уроки Войны за австрийское наследство, в ходе которой австрийские артиллеристы нашли себя уступающими в маневренности и огневой мощи пруссакам, имперский генералиссимус князь Иосиф Венцель Лихтенштейн (1696–1772) приступил к разработке новой артиллерийской системы — первой концептуально цельной в истории. Для вещественного оформления своих идей он собрал целую команду специалистов в области артиллерии.

Не смутившись первоначальными неудачами, Лихтенштейн финансировал реформу из собственного объемистого кошелька и к 1753 г. создал превосходную артиллерийскую систему.

В основу новой схемы князь заложил прусские полевые орудия калибра 3, 6 и 12 фунтов, скопировав для австрийских пушек такие нововведения, как прусский механизм вертикальной наводки, и упростив лафет и конструкцию передка, а кроме того стандартизировал узлы и детали, что позволило легко заменять их и переставлять с одних изделий на другие.

Австрийская система Лихтенштейна создавалась с целью противопоставить нечто действенное прусской легкой полевой артиллерии, которая хорошо показала себя в ходе Войны за австрийское наследство. Князь Лихтенштейн скопировал механизм возвышения/склонения ствола и унифицировал лафет. Он следил за новыми веяниями и не пропустил такого новшества, как стандартизация орудийных стволов французским специалистом Вальером.

Прусское 6-фунт. полевое орудие. Данный калибр являлся штатным в прусской артиллерии. Ящик на хоботе лафета содержит готовые к применению боеприпасы. Показанный тут орудийный лафет – старого типа, прямой, при нем большая часть энергии отдачи направлялась назад, а не абсорбировалась и не уходила отчасти вниз, как в случае с лучшим образом продуманными орудийными лафетами Грибоваля.

Австрийское 6-фунт. полевое орудие. Перед нами модель для кавалерийской батареи, разработанная в 1780 г. Лафет переоборудовали под размещение на нем части орудийной прислуги, устраивавшейся на сиденье, называемом «колбаса» – Wurst. Боеприпасы для подвижной батареи перевозили на вьючных лошадях. Такие формирования еще не стали настоящими конноартиллерийскими частями, являясь пока лишь особо подвижной разновидностью полевой артиллерии, требовавшей поддержки со стороны кавалерии.

Лихтенштейн, кроме того, создал сеть учебных заведений по образу и подобию французских, откуда выходили технически подкованные артиллерийские офицеры, и сделал австрийскую артиллерию одной из лучших в Европе. В общем, австрийцы обошли пруссаков и отодвинули их в данном вопросе на второй план в следующем противостоянии, в Семилетней войне 1756–1763 гг. Данная превосходная система дожила до середины XIX века, когда из нее уже начал сыпаться песок. Лихтенштейн провел глобальные и далеко идущие реформы, однако у него нашелся французский соперник, сумевший обойти австрийского «коллегу».

Этим соперником был Жан-Батист Вакетт де Грибоваль (1715–1789), которому довелось создать самую законченную артиллерийскую систему описываемого периода. Она не только превосходила существовавшее до того, но и оказала влияние на все аспекты артиллерии — на материальную часть, организацию, тактику, военную форму личного состава и обучение. Грибоваль не просто перестроил всю французскую артиллерию (выдерживая долгое и упорное противодействие сына Вальера, желавшего сохранить устаревшую концепцию отца), он заложил основы, ставшие базовыми для других реформаторов и создателей новых систем; даже в неприятельском стане восхищались им.

> *«Не мешайте артиллеристам делать их дело. Они ребята крепкие».*
>
> Наполеон под Фридландом

Грибоваль выступил в роли этакого провозвестника грядущих дел и произвел понастоящему глобальный пересмотр вопросов артиллерии страны, накопившихся к его времени, о чем неплохо высказывался капитан Ралф Эдай, автор «Карманного руководства для канониров», или *Bombardier and Pocket Gunner*, опубликованного в начале XIX столетия.

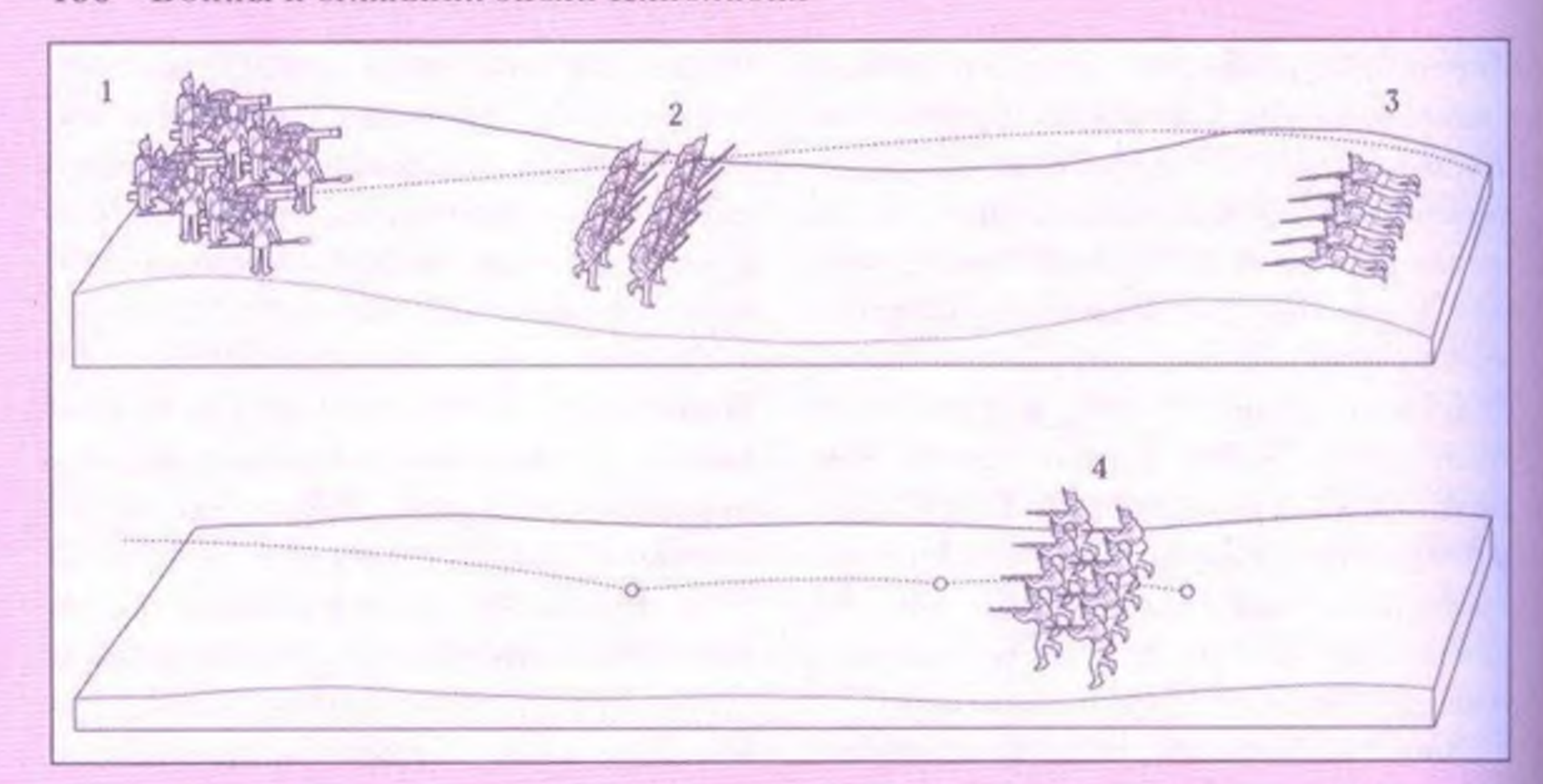
Однако наилучшие конструктивно орудийные стволы и лафеты создали британцы. В начале 1790-х годов специально для полевых орудий стал выпускаться лафет с однобрусным хоботом. Однобрусный хобот обеспечивал пушке лучшее равновесие и укорачивал радиус разворота; он послужил основой для французской системы Вале, введенной в 1827–1829 гг.

Подъемный винт присоединялся непосредственно к винграду с тыла казенной части, что заметно облегчало и убыстряло процессы изменения угла вертикальной наводки по сравнению с прочими механизмами, имевшими распространение в то время.

Грибоваль

Грибоваль появился на свет в семье подданного французской короны; его род сравнительно недавно получил дворянство, и выходцы из него становились обычно государственными чиновниками и солдатами. На военную службу Грибоваль поступил в 1732 г., став офицером в Ла-Ферском артиллерийском полку, где глубокие знания и инициативность скоро снискали ему высокую репутацию новатора в области усовершенствования материальной части полка. Изобретенный им в 1748 г. новый орудийный лафет для крепостных пушек оказался весьма продвинутой конструкцией, каковую скоро скопировали в прочих европейских державах. В 1752 г., в период первенства пруссаков в области легкой артиллерии, проявившегося во время Войны за австрийское наследство (в ходе которой Грибовалю довелось участвовать в кампаниях во Фландрии и Германии), Грибоваль отправился в Пруссию для изучения артиллерийского дела в этой стране. Он познакомился с образцами прусского парка артиллерии и по возвращении во Францию изготовил несколько копий пушек и испытал их.

В период с 1757 по 1762 г. Грибоваль находился в командировке в Австрии, что дало ему возможность изучить австрийские легкие орудия, которые он тоже скопировал и испробовал. Во время Семилетней войны Грибоваль состоял в рядах австрийской артиллерии, сражаясь против пруссаков. За свою верную и полезную службу империи Габсбургов он получил от императрицы Марии Терезии (1717–1780) чин фельдмаршал-лейтенанта (*Feldmarschall-Leutnant*) и должность «командующего инженерами, артиллерией и минерами». Есть все основания считать, что еще в Австрии Грибо-

1 Пушки
2 Наступающие войска
3 Укрывающийся противник
4 Наступающие неприятельские войска

При стрельбе сферическим ядром точность имела критически важное значение для своих войск, действующих впереди, поскольку угол вертикальной наводки орудия должен был обеспечивать такую стрельбу, при которой снаряды пролетали бы над головами наступающих солдат, но в то же время достигали боевых порядков неприятеля. Для нанесения наиболее сокрушительного воздействия на вражеский строй ядра выстреливались почти параллельно к поверхности земли.

валь трудился над новой системой артиллерии для Франции и, будучи отозванным домой в 1762 г., написал французскому военному министру, герцогу де Шуазёлю (1719–1785), сообщив тому о намерении поработать над моделью легкой артиллерии, способной заменить устаревшую систему Вальера, каковой все еще продолжали пользоваться французы.

Грибоваль полностью преобразовал французскую артиллерию «от дульного среза до винграда». Его лафеты и стволы превосходили по находкам как австрийские, так и прусские образцы, конструкции отличались остроумными решениями и давали большой выигрыш в простоте обращения, повышая подвижность и точность. Несомненно, располагавший множеством собственных оригинальных идей в области артиллерии, Грибоваль работал не в вакууме, а испытывал влияние Вальера, прусских конструкторов, шведских коллег и системы Лихтенштейна, с которой он познакомился в бытность свою в Австрии.

Длину ствола он установил в 18 калибров (по сравнению с 16 калибрами у австрийских и 14 у прусских орудий). Грибоваля не удовлетворяло соотношение массы металла ствола и веса выстрела у прусских и австрийских пушек, он считал их недостаточно стойкими, способными выдержать лишь одну-две кампании или максимум три года эксплуатации. Грибоваль установил вес ствола в 150 фунтов (68 кг) на фунт (0,45 кг) массы выстреливаемого снаряда; у австрийцев данный показатель составлял 120 фунтов (54 кг), а у пруссаков – 100 фунтов (45 кг). Воздействие решения Грибоваля выразилось в повышении продолжительности жизни французских стволов, которые отныне конструктивно значительно превосходили австрийские и прусские эквиваленты.

Отказавшись от сетки калибров 3, 6 и 12 фунтов, использовавшихся как австрийцами, так и пруссаками, Грибоваль сохранил приверженность канонам Вальера: 4, 8 и 12 фунтов. Для начала Грибоваль не тронул старые осадные пушки Вальера, однако позднее усовершенствовал и их конструкцию, что привело к появлению более легкого и меткого оружия.

Французы первыми использовали гаубицу как средство полевой артиллерии, взяв за основу 6-дюйм. (152-мм) ствол, снабженный поначалу прусским/австрийским подъемным устройством, а позднее – червячным механизмом самого Грибоваля.

Дальность и снаряды

Шевалье Жан дю Тей (1738–1820) отмечал, что полевая артиллерия не должна стрелять на дистанцию, превышающую 960 м (1050 ярд.), считая ее «предельной дальностью действительного огня», как сказали бы мы сегодня. Предельная дальность действительного огня для 12-фунт. пушки составляла 915 м (1000 ярд.) сплошным выстрелом и 595 м (650 ярд.) – картечью; для 6- или 8-фунт. орудия показатель равнялся 820 м (900 ярд.) и 550 м (600 ярд.) соответственно; для 4-фунт. пушки – 730 м (800 ярд.) и 410 м (450 ярд.); а для 6-дюйм. (152-мм) гаубицы – 1190 м (1300 ярд.) при сплошном выстреле и 500 м (550 ярд.) при картечном снаряде. Как бы там ни было, на подходящей местности представлялось возможным удвоить предельную дальность действительного огня полевой артиллерии за счет эффекта рикошета. Изначально найденная и использованная в осадном деле, подобная техника подразумевала стрельбу с такой траекторией, чтобы ядра ударялись в землю раньше цели, а потом, отскакивая от поверхности почвы, продолжали лететь дальше в направлении нее. Сферические ядра обладают громадной кинетической энергией и даже при присущих им сравнительно невысоких скоростях полета способны наносить ущерб – ранить и убивать людей и животных. Такой огневой прием показал себя весьма действенным в полевых сражениях и при осадах, являясь к тому же и наиболее устрашающим, поскольку противник неминуемо видел летящее ядро, но обычно был вынужден продолжать стоять и ждать, когда оно достигнет его рядов.

Пушка годилась для заряжания ее снарядами разного типа, в зависимости от требуемого воздействия. Крупная «вязаная» картечь (1) и картечь (2) представляли собой определенное количество плотно прилегавших друг к другу ружейных пуль или кусочков металла (гвоздей при «ежовой» картечи), которые при выстреле наносили огромный урон пехотным и кавалерийским формированиям. Рудиментарная осколочно-фугасная граната (3) часто задействовалась при штурме укреплений. Книппель, или снаряд из двух половинок ядра с перемычкой (4) имел большее распространение в корабельной и береговой артиллерии, хотя мог также применяться на суше против неподвижной обороны противника и зданий.

Нужно помнить, что под термином фунт, применительно к калибру пушек, в разных странах не подразумевались сугубо одинаковые единицы измерения. Например, французский 8-фунт. выстрел служил почти полным эквивалентом английскому 9-фунт., тогда как фунт, использовавшийся австрийцами, отличался от бытовавшего и у французов, и у британцев. В общем, калибры, являвшиеся штатными у тех или иных армий, не всегда просто сравнивать. Небезынтересно отметить, что во всех странах, кроме Франции, калибр определялся диаметром ствола, и только у французов отправной точкой выступал диаметр ядра.

Новые системы

Грибоваль разработал новые орудийные лафеты для пушечных стволов всех калибров и для новой 6-дюйм. (152-мм) полевой гаубицы, при этом он изобрел отвоз (*prolonge*) – специальный канат, используемый для перекатывания орудия вручную (см. ниже).

Орудийные лафеты Грибоваля создавались с расчетом принимать на себя силу отдачи по двум направлениям – назад и вниз, отсюда такой характерный прогиб лафета, более заметный, чем у прочих континентальных образцов; австрийские и прусские орудийные лафеты, например, отличались более длинными и прямыми формами. В 1679–1720 гг. одной из проблем французской легкой артиллерии была и оставалась отдача, избавиться от которой так и не смогли, и это стало в итоге причиной отказа от системы.

Грибоваль стремился к повышению взаимозаменяемости частей и задействовал кое-какие

1 «Вязаная» картечь в мягкой оболочке
2 Картечь
3 Сферическая бомба с «поддоном» и запалом
4 Книппель

нововведения, представленные системой Лихтенштейна, как, скажем, дополнительные походные пары гнезд для цапф на орудийных лафетах 8- и 12-фунт. пушек. Однако Грибоваль привнес и множество собственных инноваций, и они революционизировали пути развития артиллерии. В числе его изобретений было и такое средство, как *prolonge*, или отвоз — канат длиной 9–12 м, крепившийся к хоботу лафета орудия и к передку. Он использовался для перемещения пушки и вывода ее на огневую позицию и вполне годился для стрельбы при отступлении, хотя и не избавлял от сложностей при преодолении ям, канав и тому подобных неровностей местности. Грибоваль привнес и *bricole* — кожаные лямки, или ремни через плечо с отрезком каната, предназначенным для перекатывания пушки силами прислуги вручную.

Среди прочих новшеств находилась металлическая ось, вкручиваемый медный запальный канал (его представлялось несложным заменить, когда он изнашивался), чугунные втулки в колесных ступицах, облегчавшие движение, жесткий передний визир, равно как и прицельное приспособление на казенной части ствола, которое можно было регулировать или выставлять и не приходилось снимать при выстреле. Нельзя также не сказать о новом червячном подъемном устройстве, предназначенном для изменения угла вертикальной наводки орудия; при ней казенник лежал на деревянной доске, расположенной над механизмом.

Кроме того, Грибоваль изобрел подвижную звезду, или *étoile mobile* — новое и значительно улучшенное приспособление для проверки каналов стволов на предмет наличия в них трещин. Прибор давал большие технологические преимущества, и рисунки показывают довольно современный инструмент, позволивший «сдать в архив» традиционный зонд, или «кошку», издавна служившую артиллеристам. В систему Грибоваля также входил впервые представленный двойной гандшпуг, или поворотный рычаг, который вкупе с превосходно отрегулированной балансировкой орудийных лафетов позволял производить горизонтальную наводку силами одного человека.

Система Грибоваля нацеливалась на ведение подвижных боевых действий, и новые орудия обладали такой же транспортабельностью, как и более старые прусские и русские пушки. Грибоваль рассчитывал на обеспечение тяги конной упряжки цугом: по четыре лошади на 4-фунт. и 8-фунт. орудие и по шесть — на 12-фунт. пушку. Конструктор стремился облегчить операции прислуги по выводу орудия на позицию за счет применения лямок, или *bricoles*. Сократилось и время вывода на позицию 8-фунт. или 12-фунт. орудия — развертывание его из походного положения. В действительности на эту процедуру уходило ровно столько времени, сколько требовалось на отцепку от передка хобота лафета за счет поднятия его и последующего опускания на землю.

Способность к подвижности системы Грибоваля сослужила довольно значительную службу Франции в период с 1792 по 1815 г., сделав французскую артиллерию чрезвычайно гибкой и немало поспособствовав успехам таких выдающихся артиллерийских генералов, как Жан-Батист Эбле (1758–1812), Александр де Сенармон (1769–1810), Антуан Друо (1774–1847) и Жан-Амбруаз де Ларибуазьер (1759–1812). Взаимодействие между пехотой и артиллерией всегда оставалось частью французской доктрины, преподаваемой в артиллерийских училищах Франции с 1764 г. и далее.

Ужесточение технических требований

По мере развития и укрепления артиллерии ужесточались требования, предъявляемые к артиллерийским стволам. Грибоваль настаивал на очень строгих технических характеристиках в производстве как самих стволов, так и боеприпасов к ним. Зазор, или пространство между снарядом и стенками канала ствола, у орудий Грибоваля резко снизился, превосходя по данному показателю любые другие европейские образцы, возможно, лишь за исключением британских орудий.

Для трех калибров французских орудий системы Грибоваля допуск составлял всего 3,3 мм, что вполовину меньше зазора по системе Вальера и также вдвое ниже, чем у австрийских 12-фунт. пушек. Тем временем допуск для орудийных лафетов и вспомогательных транспортировочных средств исчислялся в 0,5 мм.

Применительно же к боеприпасам, с особой придирчивостью принимали у производственников армейские представители сферические ядра, для оценки уровня качества которых применялись три вида приборов. Многие годы европейские артиллеристы оценивали вновь отлитые ядра на предмет соответствия их диаметра диаметру канала ствола так, чтобы ядро входило туда. Грибоваль ввел иную систему измерений, позволявшую контролировать минимальный допуск, и если изделие не выдерживало параметров, оно отвергалось как негодное. Более того, все сферические ядра пропускались через стендовый ствольный канал, дабы убедиться в полном отсутствии внешних дефектов на поверхности изделия и его способности без помех проходить весь путь в стволе. Таких жестких требований к артиллерийским боеприпасам в Европе еще никто не предъявлял, но они, несомненно, позволяли увеличить дальность и кучность огня за счет выдерживания минимального зазора или допуска при производстве ядер любого калибра. Соответствие высоким нормам допуска и строго установленным условиям четко регулировалось и не допускало двоякого толкования. Слишком маленькие или большие ядра безжалостно отметались офицерами из комиссий по приемке боеприпасов. Строгий контроль за соответствием изделий нормам по Грибовалю неминуемо делал орудия более точными, чем, например, австрийские, выпускавшиеся по системе Лихтенштейна. Уменьшение зазора снижало к тому же «эффект карамболи», когда слишком свободное ядро, проходя при выстреле через канал ствола, начинало колотиться в его стенки, что, в свою очередь, еще больше ослабляло ствол и укорачивало продолжительность жизни орудия.

> *«В большинстве битв гвардейская артиллерия выступает решающим фактором, посему, имея ее постоянно под рукой, я могу послать ее туда, где она более всего нужна».*
>
> *Наполеон*
> в письме к Кларку,
> американскому военному министру в 1813 г.

Грибоваль сполна использовал преимущество, подаренное нанимателям-французам швейцарским оружейником Жаном Маритцем, изменившим процесс литья и производства пушек. Новый ствол отливался целой болванкой, а затем в нем высверливался канал, что тоже позволяло повысить точность пушки. Ранее артиллерийские орудия отливались вокруг внутренней сердцевины, которая могла и несколько отклоняться от оси центра ствола. Затем заготовку высверливали, доводя до заданного калибра. Австрийцы выпускали пушки Лихтенштейна таким вот традиционным способом, а это приводило к снижению качества готового изделия по сравнению с проектной, или расчетной.

Артиллерийские стволы отливались из чугуна либо бронзы (иногда называемой медью). Бронзе обычно оказывалось предпочтение перед чугуном, так как она отличалась большей прочностью, живучестью и меньшей хрупкостью. Однако вместе с тем она была и тяжелее, а потому осадные и морские орудия чаще изготавливали из чугуна. Как правило, пропорция при получении бронзы составляла 100 частей меди к 10 частям олова при австрийской технологии и 90 частей меди к 10 частям олова по французскому методу.

В 1764 г. новые пушки и их лафеты прошли испытания в Страсбурге на стрельбах, где и обнаружилось, что выстрелы из более легких стволов Грибоваля обладают такой же дальностью огня и разрушительной силой, как и снаряды из более тяжелых и длинных стволов Вальера. На основании результатов испытаний, 17 августа 1765 г. французские военные официально приняли систему Грибоваля, хотя из-за политических «подковерных» игр в период с 1772 по 1774 г. состоялось возвращение системы Вальера. Затем в 1774 г. комиссия из четырех маршалов объявила о повторном переходе к системе Грибоваля, каковое решение оформили указом от 3 октября 1774 г. После смерти Вальера Младшего в 1776 г. Грибоваля наконец назначили главным инспектором артиллерии, а его система стала использоваться постоянно и просуществовала до 1827–1829 гг., когда на смену ей пришла система Вале.

Заложенные Грибовалем основы были наиболее всеобъемлющими в артиллерии из всех, когда-либо существовавших, что делало орудия простыми в обращении и обслуживании, повышало их маневренность и точность стрельбы. Однако Грибоваль оставил без внимания два аспекта артиллерийской реформы: введение конной артиллерии и обеспечение собственной обороноспособности личного состава артиллерийского поезда.

Когда подчиненные спрашивали его, почему он не ввел во французской армии конную артиллерию, Грибоваль отвечал, что они-де хотят слишком многого и конной артиллерии предстоит подождать другого случая. Во Франции артиллерийский обоз, то есть персонал, перевозивший пушки и зарядные ящики во время кампаний, стал частью вооруженных сил только в 1800 г., по распоряжению первого консула Республики Наполеона Бонапарта.

Конная артиллерия

Обычно честь создания конной артиллерии приписывается королю Пруссии Фридриху II Великому (1712–1786). Да, пруссаки располагали конной артиллерией, однако она страдала от тех же сложностей, что и весь род войск при Фридрихе II. Знаменитый король-полководец недооценивал как артиллерию, так и инженерно-саперный корпус и уделял мало внимания обеим этим службам, возрождение которых началось только после его смерти. И все же, вероятно, первыми применили конную артиллерию в бою австрийцы. Как бы там ни было, конная артиллерия являлась выдающимся нововведением, поскольку позволяла орудиям поспевать за кавалерией и действовать совместно с ней на поле сражения. В 1780-е годы австрийская артиллерия представила миру формирования, именовавшиеся тогда «кавалерийскими батареями». Лафеты 6-фунтовок и гаубиц, используемых в этих батареях, переделали, удлинив их и установив на хобот лафета так называемую «колбасу», или *Wurst* – особое сиденье, позволявшее расчету передвигаться вместе с орудием на конной тяге. Боеприпасы перевозились в зарядных ящиках, а позднее на вьючных лошадях, однако данные батареи нельзя еще назвать подлинно конной артиллерией.

Доктрину применения таких войск никто не разработал, либо она существовала, но не применялась, поскольку подобные артиллерийские части приходилось обеспечивать поддержкой кавалерии, а не наоборот, как обстояло дело в армиях, где использовали настоящую конную артиллерию. Кавалерийские батареи, безусловно, обладали большей подвижностью, чем пешая артиллерия, но они, совершенно очевидно, не соответствовали определению «высокого технического уровня».

Как французы, так и британцы создали у себя конную артиллерию в 1790-е годы: первые в 1792 г., а вторые в 1794 г. Во французской конной артиллерии изначально часть орудийной прислуги передвигалась верхом, а часть сидела на скамейках типа *Wurst*. Такая практика, позаимствованная у австрийцев, дискредитировала себя как неэффективная. Скоро сиденья исчезли, и весь личный состав французской конной артиллерии получил верховых лошадей. Данная система позволяла конно-артиллерийским ротам передвигаться быстрее, чем тогда, когда часть прислуги ехала на лафете пушки, и хотя конные расчеты требовали специальных людей для присмотра за лошадьми (по одному человеку на три или четыре лошади), подобные части имели явное преимущество перед конной артиллерией австрийского типа с расчетами, передвигавшимися верхом на орудиях, а не на конях.

При отсутствии персональных коней для артиллеристов скорость и маневренность батарей ограничивались, так как сидевшие на лафете бойцы увеличивали массу орудия. Помимо французов и британцев, вюртембержцы, голландцы и другие тоже внедрили у себя конную артиллерию, которая превосходила подвижностью австрийские кавалерийские батареи. Маршал Мишель Ней (1769–1815) высоко ценил вюртембергскую конную артиллерию, принимавшую участие в кампании в России, считая ее равной или даже превосходящей тот же вид войск у самих французов. Британцы пребывали в уверенности, что располагают лучшей конной артиллерией, чем французская.

Изначально французы предпочитали оснащать роты своей конной артиллерии 8-фунт. пушками и 6-дюйм. (152-мм) гаубицами, хотя после введения артиллерийской системы XI года Республики (*Système* AN XI) 6-фунт. пушка постепенно стала вытеснять 8-фунтовку, в то время как 5,5-дюйм. (140-мм) гаубица заняла место 6-дюйм. (152-мм) орудия. Для увеличения скорости и подвижности все стволы французской конной артиллерии передвигались на тяге, обеспечиваемой упряжкой из шести лошадей.

Пушечный ствол 8-фунтовки приходилось переустанавливать, когда рота вставала на огневую позицию. Перевод из походного положения в боевое занимал минимум времени и осуществлялся с помощью гандшпугов: прислуга поднимала ствол, вынимая цапфы из походной пары гнезд, подавала ствол вперед, и сажала его на место – цапфами в боевые гнезда. Перед оборудованием огневой позиции специальных людей высылали вперед для нахождения точки, где будет находиться орудие. Затем прислуга препровождалась на позицию, порой с большой скоростью. Передок использовался в бою; французы крепили отвоз, или канат для перекатывания орудия вручную к передку и хоботу лафета после расцепления орудия и передка, что позволяло стрелять при отступлении. Зарядные ящики, как правило, старались укрывать. Даже на неровной местности на расцепление передка и артиллерийского орудия уходило мало времени. Постоянные упражнения прислуги доводили ее действия до автоматизма – вся процедура напоминала этакий тщательно отрепетированный танец. Из-за частых случаев потерь, членов расчета подвергали перекрестному обучению смежным профессиям, чтобы одни пушкари могли подменять при необходимости других.

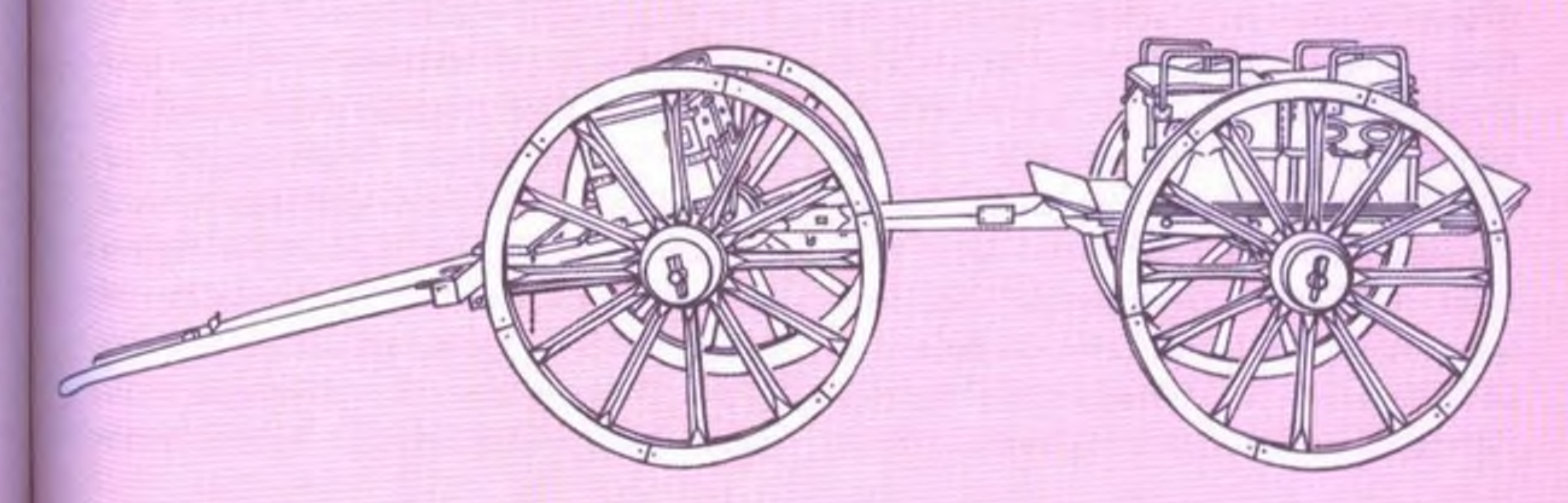
Système AN XI

Système AN XI (система XI года Республики [1803/1804 г.]) создавалась в качестве замены системы Грибоваля, для чего был разработан целый перечень новых средств транспортировки орудий, лафетов и, конечно же, самих стволов. Предлагаемая система включала в себя 6-фунт. пушку, 5,5-дюйм. (140-мм) гаубицу, 12-фунтовку, три орудия горной артиллерии (3-фунт., легкую 5,5-дюйм./140-мм гаубицу и легкую 6-фунтовку), сконструированные сборно-разборными для перевозки по частям на мулах, а также новую 24-фунт. осадную пушку.

Однако французское артиллерийское сообщество очень полюбило систему Грибоваля, особенно 8-фунтовку, и, хотя *Système* AN XI получила одобрение, артиллерийские генералы немало спорили о ее достоинствах и недостатках, а также и о целесообразности перевода парка артиллерии на новые рельсы. Среди офицеров из артиллерийского комитета 1801 г., выступавших против новой материальной части, находился генерал Жан-Жак-Базильен Гассенди (1748–1828), считавший 8-фунтовку Грибоваля лучшей, чем 6-фунт. пушка AN XI. Противодействие генералитета делало невозможным полное принятие на вооружение *Système* AN XI.

В результате единственными орудиями новой системы, производившимися сколь-либо широко, стали 6-фунт. пушка и 5,5-дюйм. (140-мм) гаубица, иногда называемая 24-фунт. гаубицей. Новая 6-фунтовка совершенно не походила на австрийское орудие с такой маркиров-

Нового образца британский орудийный передок и зарядный ящик. Такие средства транспортировки артиллерийских орудий зарекомендовали себя как самые лучшие в описываемый период. Они отличались более коротким радиусом разворота по сравнению с аналогичными образцами, используемыми в армиях других воюющих стран. При этом орудийная прислуга могла сидеть как на передке, так и на зарядном ящике.

Наполеон в сражении при Ла-Ротьере в 1814 г. В первую очередь Наполеон был и оставался артиллеристом; не раздумывая, он мог лично включиться в процесс боевой работы и «помочь» орудийному расчету, если видел таковую надобность в бою, причем иногда императорский сапог вполне мог встретиться с несчастным задом какого-нибудь не слишком расторопного канонира.

кой, являясь куда более современной в плане ствола и всего прочего; от муфт казённика отказались как от излишества, отчего орудие обрело более «аэродинамичные» формы.

Тем не менее новый лафет для 6-фунт. пушки был признан никуда не годным, и с 6-фунт. стволом стала использоваться старая, более основательно сработанная модель Грибоваля, которая куда лучше переносила походную жизнь, чем новая конструкция.

6-фунтовка виделась, вероятно, компромиссным решением между 4- и 8-фунт. пушками, то есть считалась моделью, способной заменить оба эти орудия. Такой калибр пользовался популярностью у союзников – австрийцы, пруссаки и британцы приняли 6-фунт. орудия как стандартные, – в то время как французы захватили немало артиллерийских орудий противника в качестве трофеев, и часть их находила применение в полевой артиллерии наполеоновских армий. Старые 4- и 8-фунт. пушки либо отправлялись на склады в арсеналы, либо продолжали использоваться в боях, особенно в Испании, где во многих случаях 8-фунтовка, которая не устарела, а просто как бы отошла в сторону по иным соображениям, оказывалась предпочтительней 12-фунтовки, иной раз по причине трудной местности, а в других случаях из-за нехватки коней для большей по объему упряжки, требовавшейся для 12-фунт. пушки. У французов имелось и огромное количество других трофейных орудий, которые они тоже применяли. Кроме того, для нового орудия требовалась «притирка», что, возможно, и служило по крайней мере одной из причин, почему в итоге велся широкий выпуск артиллерийских стволов только двух новых типов.

В 1810 г. Наполеон назначил новую комиссию во главе с генералом Николя Сонжи (1761–1810), и она, приняв наконец решение, что *Système* AN XI не отличается практичностью, а потому переход на нее нецелесообразен, отдала предпочтение системе Грибоваля, но с добавлением новой 6-фунтовки и гаубицы. В 1815 г., уже после Ватерлоо, на основании изучения, проведенного генералом Шарлем-Этьеном-Франсуа Рюти (1774–1828), 6-фунт. орудие сняли с вооружения и вернули на прежнее место 4- и 8-фунт. пушки. В 1827–1829 гг., с принятием системы Вале, выбор пал на два калибра – 8 и 12 фунтов.

Эпоха господства артиллерии в битвах

Наполеоновские войны стали свидетельницами наступления эры господства артиллерии в сражениях. В тот период полевая артиллерия, бывшая ранее некой поддерживающей службой, превратилась в род войск, равноправный с пехотой и кавалерией на поле боя. С началом французских Революционных войн в 1792 г. артиллерийские системы заняли прочное место в европейских армиях, позволяя канонирам вносить весомый вклад в успех войск на поле битвы и даже оказывать решающее влияние на исход столкновений.

Основной тактической единицей в артиллерии выступала рота, включавшая в себя 6–8 орудий. Если на протяжении кампании войска несли большие потери и не получали должных пополнений, количество пушек и гаубиц, обслуживаемых личным составом роты, могло уменьшиться. В 1805 г., продвигаясь в Германию, маршал Луи-Николя Даву (1770–1823) вынужденно оставил часть орудий в Майнце из-за нехватки лошадей. Роты, однако, по-прежнему действовали как таковые в полном числе, хотя некоторые имели сокращенную материальную часть.

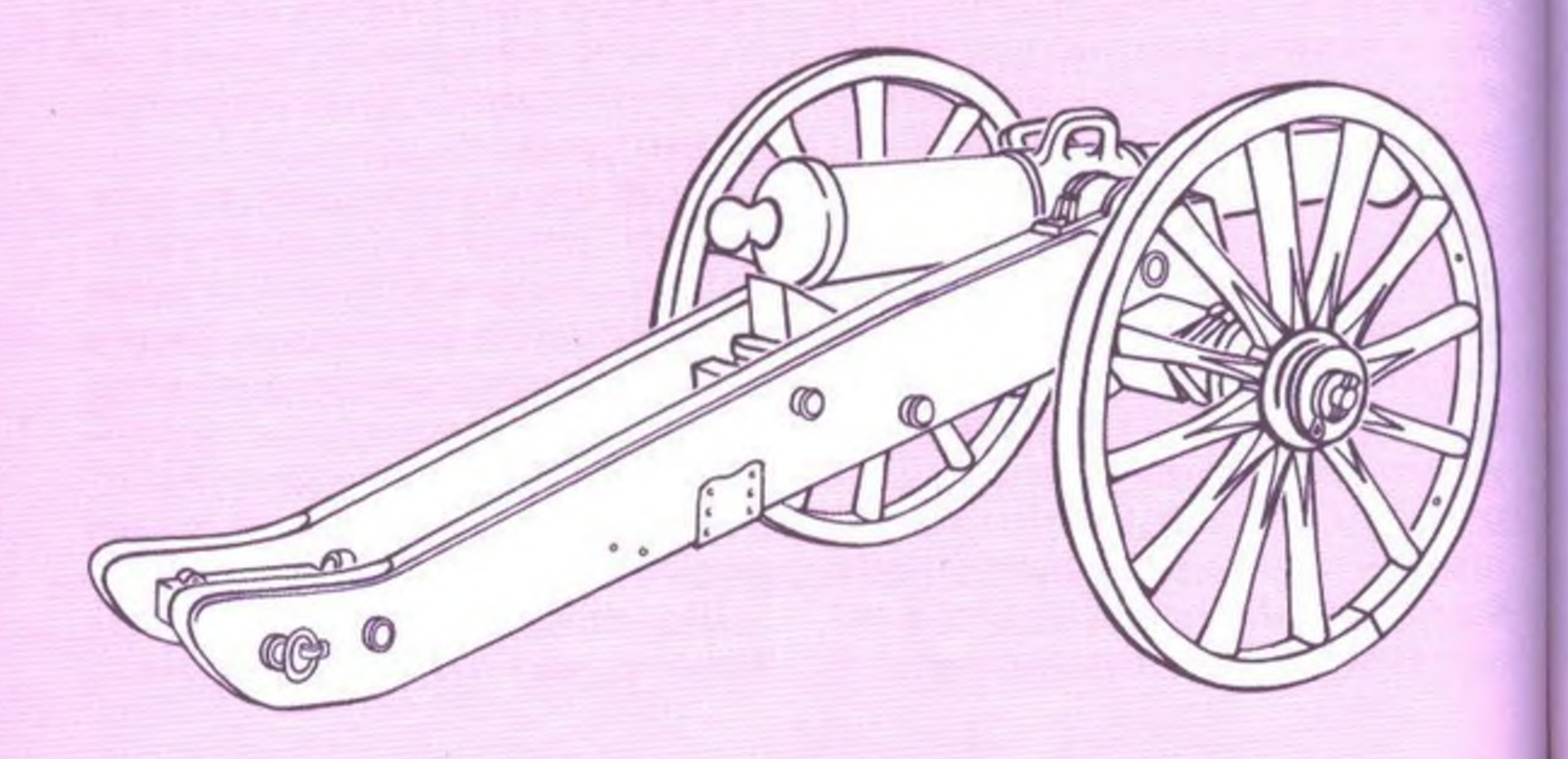
Орудия давали лучший эффект при массированном применении, а сосредоточение артиллерии подразумевало создание скопления из нескольких, а иногда и многих рот. При этом роты не обязательно располагались поблизости друг от друга в физическом смысле, просто сосредоточение означало использование большого количества рот для решения одной общей задачи или поражения одной цели.

Наполеон или его подчиненные применяли артиллерию массированно много раз, скажем,

под Лоди в 1796 г. (30 пушек), у Йены в 1806 г. (25 пушек) и под Ваграмом в 1809 г. (102 орудия). Под Фридландом в 1807 г. 30-орудийная батарея Сенармона за 20 минут сокрушила центр армии Беннигсена, оставив 4000 русских солдат лежать на земле, а под Лютценом в 1813 г. 80 пушек генерала Друо пропахали центр союзнических войск и подготовили условия для решительного штурма позиций союзников частями Императорской гвардии. Значительное сосредоточение артиллерии отмечалось и под Ханау (1813 г.), где собранная в большую батарею французская гвардейская артиллерия Друо отбила атаку кавалерии и сильно потрепала пехоту австро-баварской армии генерала Карла Филиппа фон Вреде (1767–1838), а также в сражениях под Оканьей (1809 г.), при Раабе (1809 г.) и при Ватерлоо (1815 г.). Иногда французы принимали решение применить *en masse* по какой-то особенной цели гаубицы. Три таких заметных случая имели место на протяжении описываемого периода – при Бородино (1812 г.), Дрездене (1813 г.) и Ватерлоо. Однако самое крупное для той эпохи массирование артиллерийских орудий, вероятно, связано с именем австрийского полковника Йозефа Смолы, который в 1809 г. под Эсслингом сосредоточил против французского центра почти 200 пушек. Их смертоносный огонь нанес тогда тяжелый урон французскому II корпусу и пехоте Старой гвардии, заставил замолчать французскую артиллерию и решающим образом повлиял на исход сражения.

После Фридланда в 1807 г. артиллерия с ее способностью убивать большие массы противника стала решающей силой на полях сражения.

Французская артиллерийская доктрина, например, распрощалась с идеями контрбатарейного огня и предпочитала сосредотачиваться на неприятельской пехоте, делая это блестяще, в чем на горьком опыте убедились те же русские и пруссаки. Британцы, хотя и не имели такого большого парка артиллерии, тоже обычно не уделяли внимания подавлению вражеских батарей, что занимало много времени и поглощало уйму боеприпасов. Правило гласило: переключаться на контрбатарейный огонь становится уместным только тогда, когда вражеская артиллерия наносит более значительные потери вашей пехоте, чем вы – пехоте противника. Задания по подавлению вражеских орудий обычно поручались расчетам легких пушек, способных стрелять чаще, концентрируя огонь на одном орудии или батарее так, чтобы, заставив замолчать один объект, переходить к следующей цели.

Новые артиллерийские стволы Грибоваля отливались калибром 4, 8 и 12 фунтов и комплектовались новыми же орудийными лафетами. 8-фунтовка стала излюбленной пушкой французских артиллеристов и находила применение как в пешей, так и в конной артиллерии. Она представляла собой превосходное орудие, и хотя в 1805–1809 гг. ее отчасти потеснила 6-фунтовка AN XI, тем не менее, 8-фунт. пушка постоянно использовалась как самими французами, так и их союзниками на протяжении всего периода длительного конфликта. После Ватерлоо, ввиду окончательного отказа от более новой 6-фунт. пушки, место основного полевого орудия французской артиллерии вновь заняла 8-фунтовка, которая оставалась на вооружении до 1827–1829 гг., когда состоялся переход с системы Грибоваля на новую систему Вале.

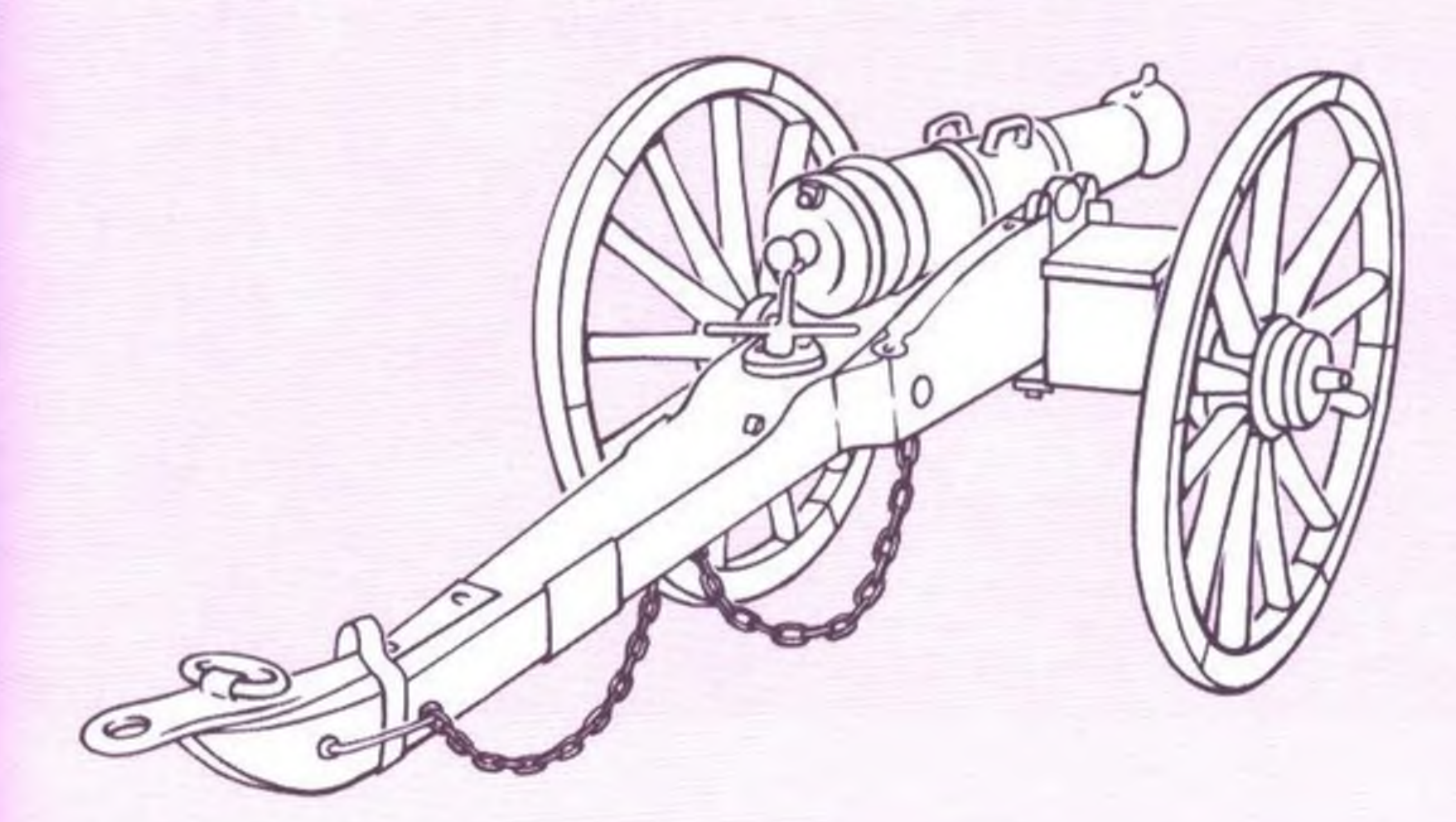
Союзническая артиллерия

Артиллерия стран–участниц войн описываемой эпохи рознилась между собой по качеству парка и по действенности. Австрийская артиллерия могла похвастаться хорошо выученным личным составом обеспеченных надежной материальной частью батарей; о качестве австрийских пушек говорит и тот факт, что французы, захватывая эти орудия, нередко использовали их для комплектации своих собственных артиллерийских рот.

Как бы там ни было, применение орудий и управление артиллерией на высоком командном уровне не отличалось должной изощренностью. В австрийской артиллерии не так часто попадались таланты калибра Смолы (см. выше), а эрцгерцог Карл (1771–1847) сетовал как-то, что-де командиры австрийской артиллерии пусть и компетентны, но уж слишком стары.

Прусская артиллерия в 1806 г. хромала на обе ноги, поскольку Фридрих Великий едва не разрушил весь род войск из-за склонности углубляться в области, в которых мало смыслил и разбирался и которые не вписывались в его концепции ведения войны. Более того, он не очень-то доверял артиллерии и держал ее на положении падчерицы в армии. В 1813 г., в то время как отдельные батареи могли, безусловно, оказываться хорошими или, напротив, плохими, в зависимости от каждого конкретного командира, на более высоком командном уровне качество управления хромало, а доктрина массированного применения пушек недооценивалась, тогда как при попытках все же задействовать артиллерийские сосредоточения качество боевой работы обычно страдало от недостаточной координации. Если говорить о роде войск в целом, среди крупных стран–участниц конфликта Пруссия располагала худшей артиллерией, явно уступавшей артиллерии других германских государств, того же Вюртемберга, Бадена, Гессен-Дармштадта и Баварии.

Русским артиллерийским офицерам недоставало хорошего образования, что ослабляло действенность рода войск, хотя они не боялись труда и действовали отважно, а боевые расчеты пушек и прочую прислугу вполне можно назвать превосходными. Материальную часть русской артиллерии и полевые орудия подняли на соответствующую потребностям времени высоту реформы Аракчеева, давшие систему 1805 г. Как бы там ни было, русские задействовали больше артиллерии из расчета на соединение – например, русская дивизия располагала в качестве поддержки количеством артиллерии обычным для французского корпуса – и, несомненно, демонстрировали тенден-

Превосходный британский лафет с однобрусным хоботом, входивший в один комплект с передком и зарядным ящиком новой конструкции. Данный орудийный лафет считался в тот период лучшим и вызывал восхищение у французов. Обратите внимание на подъемный механизм под винградом в казенной части ствола. Французская система Вале 1827–1829 гг. явно испытала значительное влияние британской модели.

цию подменять качество количеством. Прицелы проигрывали в сравнении с аналогичными устройствами у других, техническая компетентность и опытность офицеров и солдат оставляли желать лучшего, а потому, вероятно, русским требовалось больше стволов для достижения требуемых результатов. Тем не менее на протяжении войн и кампаний русская артиллерия постоянно развивалась и совершенствовалась и в итоге стала одной из лучших в Европе.

Британскую артиллерию можно назвать превосходной, хотя и у нее не обошлось без проблем, главной из которых следует назвать недостаточную численность. Орудия и снаряжение были лучшими в описываемый период, и как пешая, так и конная артиллерия обладали отличными офицерами и прочим личным составом. Выдающиеся старшие офицеры, такие как сэр Огестес Фрэйзер (1776–1835) и Александр Диксон (1777–1840), сделали немало в стремлении компенсировать армии численный недостаток орудий.

Португальская артиллерия и артиллерия KGL (Королевского германского легиона) тоже заслужили высокую боевую репутацию.

Правда, португальскую артиллерию следует считать частью британской, по крайней мере на период Испанской кампании, в то время как KGL фактически и являлся формированием британской армии.

Командование и управление у французов

Среди всех крупных стран–участниц описываемых войн наилучшей системой командования в артиллерии располагали французы, а особенно качественным управлением могли похвастаться батареи армейского резерва. Артиллерийский начальник корпусного уровня почти без всяких исключений носил звание генерала. Касаемо артиллерии, французы сделали немало выводов из уроков Семилетней войны. Организация вполне заслуживает определения превосходной, система снабжения – неподражаемой, а артиллерийские командиры – более чем компетентных. У армии имелась к тому же четко прописанная и использовавшаяся на практике артиллерийская доктрина, а кроме того всегда хватало напористых генералов, готовых рискнуть и поставить на пушки, дабы за их счет обрести преимущество над противником в бою. Придвинуться поближе и стрелять почаще – у французов лозунг этот воплощался на деле, а не оставался только словами.

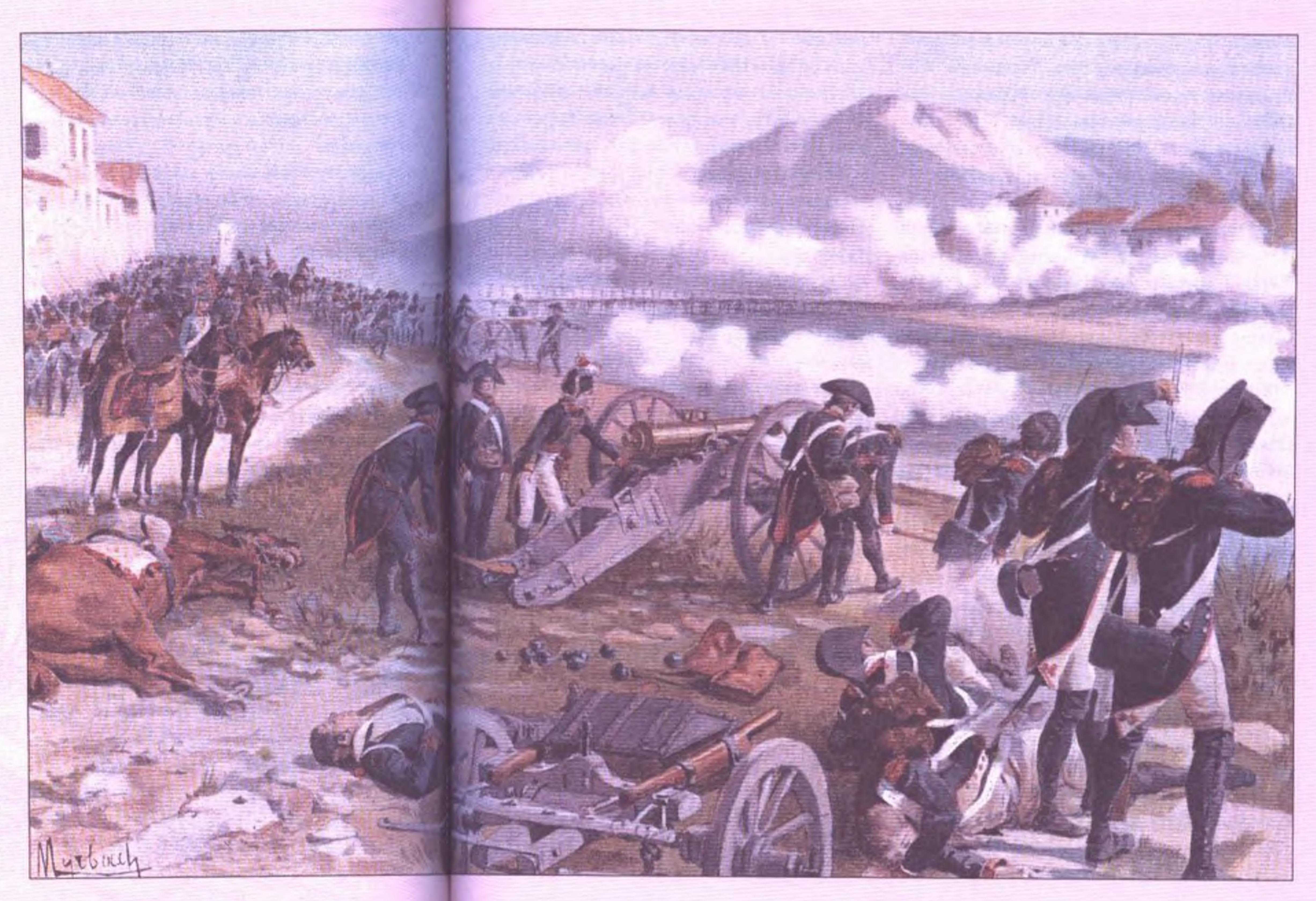
Ни в одной армии артиллерия не оказывала такого влияния на ход сражений, как во французской. Французская артиллерия, особенно после 1807 г., обычно господствовала на поле боя, а французские канониры чувствовали себя как рыба в воде, обслуживая полевые, осадные

и гарнизонные орудия; некоторые сухопутные артиллеристы служили на бортах кораблей. Друо являлся одним из немногих представителей своего рода войск, послужившим как при Трафальгаре (1805 г.), так и при Ватерлоо.

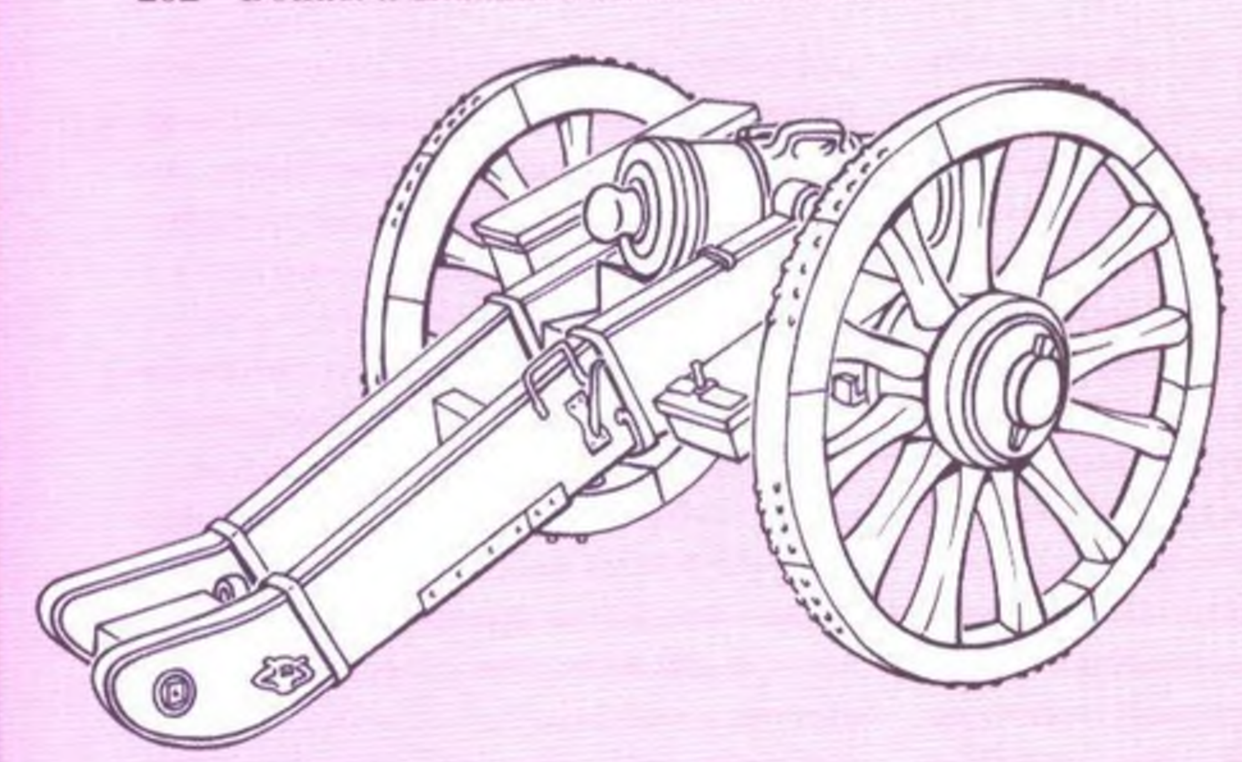
В боях позиции артиллерии отстаивались до последнего, а пушки не раз спасали положение, делая порой невозможное, а потому, хотя французские командиры часто рисковали канонирами для достижения преимуществ и размещали орудия как можно ближе к противнику при обеспечении поддержки собственной пехоты, они обычно приказывали солдатам сражаться до самого конца ради того, чтобы только отстоять пушки. Под Ханау в 1813 г. атакующие австрийские и баварские кавалеристы доскакали до большой батареи 12-фунт. гвардейских орудий генерала Друо, и канониры дрались с врагом ружейными прикладами и штыками, банниками и гандшпугами до тех пор, пока не появились конные гренадеры гвардии, отбросившие остатки союзнической конницы от орудийных позиций.

Когда сражение под Ватерлоо уже клонилось к финалу, командир одной гвардейской роты, видя, что на батарее нет больше боеприпасов, приказал своим артиллеристам заряжать и готовиться к выстрелу по переходящей в наступление британской кавалерии. Блеф сработал, подарив отступавшим французам пусть краткую, но передышку.

Организацию французской артиллерии нельзя поставить вровень ни с какой другой. В каждом французском армейском корпусе

Битва при Лоди в 1796 г., происходившая в ходе первой Итальянской кампании Наполеона Бонапарта. Наполеон изображен здесь в генеральском мундире за нацеливанием полевого орудия, оказывающего поддержку французской атаке через мост на заднем плане картины.

Британская 6-дюйм. (152-мм) гаубица в описываемый период сохранила лафет с двумя станинами хобота с поперечными скрепами по причине трудностей с вертикальной наводкой при лафете с однобрусным хоботом у орудия, стреляющего обычно под большим углом возвышения.

имелся начальник артиллерии – генерал, взаимодействовавший с командиром соединения. Такой артиллерийский генерал окружался собственным штабом, возглавляемым начальником – тоже артиллеристом (начальник штаба Сенармона погиб в бою под Фридландом в 1807 г., командуя половиной орудий в атаке). Назначение того или иного генерала начальником артиллерии корпуса или армии диктовалось простым здравым смыслом. Когда один генерал говорит с другим, беседа может заметно отличаться от диалога двух неравноценных фигур – старшего офицера, пытающегося переубедить пехотного генерала, который, возможно, имеет собственный взгляд на то, как лучше использовать артиллерию.

Общая войсковая доктрина преподавалась во всех французских артиллерийских училищах, где особенное место уделялось взаимодействию пехоты и артиллерии.

В союзническом же стане, однако, все выглядело совершенно по-иному. Австрийцы ввели у себя должность начальника корпусной артиллерии лишь в 1809 г., но даже и тогда начальники артиллерии не были генералами. Пруссаки вообще не располагали армейским артиллерийским резервом, что значительно и негативным образом сказывалось на характере применения ими артиллерии; корпусную же артиллерию обычно возглавляли офицеры в звании ниже генеральского.

Такое положение дел приводило к сложностям во взаимодействии на всяком уровне, и в прусской, австрийской и русской армиях оказывалось куда труднее достигнуть массового применения артиллерии, несмотря на осознание многими полководцами важности такого подхода. Высшие офицеры у русских хорошо понимали это. Как генерал Михаил Барклай де Толли (1761–1818), так и замечательный артиллерийский командир Александр Кутайсов (1784–1812) положили немало труда для улучшения качества артиллерийской поддержки и координации с другими родами войск на высоком командном уровне. Однако обучение многих старших и высших офицеров требовало времени.

Во французской армии рота полевой артиллерии соединялась с ротой артиллерийского обоза, занимавшейся транспортировкой орудий и прочего оборудования. Лошади и упряжь относились к обозной роте, а пушки с их лафетами и передками – к полевой артиллерийской роте. Долгая совместная служба способствовала сплочению двух подразделений в единый и неделимый монолит. Командир обозной роты подчинялся командиру артиллерийской роты, потому первый из них обычно носил звание лейтенанта. В 1800 г., когда роты артиллерийского обоза только появились, ими командовали старшие унтер-офицеры, однако опыт подтолкнул к изменению данного положения. Командиры обозных батальонов были капитанами. Французы постоянно осуществляли снабжение артиллерии на поле сражения силами специальных служб, циркулировавших между орудиями и парками. Например, если вести речь о роте, оснащенной 8-фунт. пушками и 6-дюйм. гаубицами, то каждая 8-фунтовка в ней имела по три зарядных ящика для боеприпасов, а каждая гаубица – по пять ящиков.

Один зарядный ящик, принадлежавший каждому орудию, находился в распоряжении так называемой «огневой батареи» непосредственно на поле. Остальные челноками сновали между батареей и парком, пребывая, вероятно, в ведении командира обозной роты. Итак, где-то до 20 зарядных ящиков находились на пути к и от огневой батареи (пустые следовали в тыл, а полные – к орудиям) или же стояли под загрузкой в артиллерийском парке. Если рота полевой артиллерии действовала в составе пехотной дивизии, она имела при себе еще четыре зарядных ящика, в которых перевозились боеприпасы для полков пехоты.

Система неизменно показывала себя как крайне эффективная и действенная, и единственный случай, когда артиллерия Наполеона едва не осталась без боеприпасов, отмечался под Лейпцигом в 1813 г., поскольку тогда его обозы были отрезаны у Айленбурга, к северу от города.

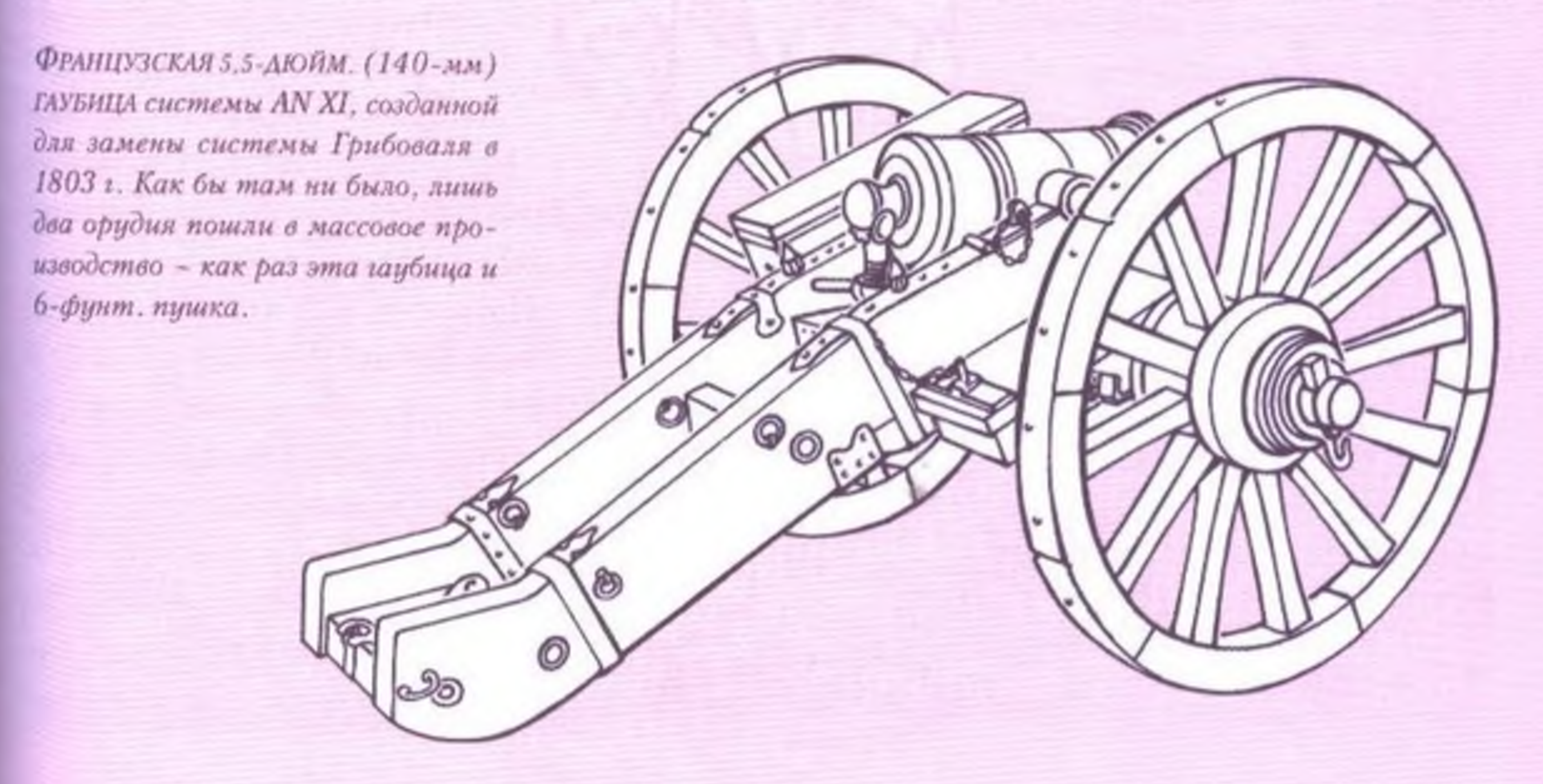
Наполеон настаивал на «удвоенной выдаче» артиллерийских боеприпасов для каждого орудия в составе Великой армии. Дивизионные артиллерийские роты и склады имели по 170 выстрелов на пушку, а корпусные склады – еще 85 выстрелов на орудие. Подвижная секция армейского склада – следующие 85 снарядов, а на передовом складе заготавливали по 250 выстрелов на пушку. Итого 590 снарядов из расчета на ствол, 340 из которых находились «на колесах» одновременно. Командование прочих стран–участниц войн с Наполеоном постигало все премудрости на горькой и кровавой практике потерь и поражений на полях битв; и хотя артиллеристы союзников никогда не обладали такой же прекрасной выучкой, слаженностью и изобретательностью – особенно у высшего командного звена, – все же враги Франции учились у нее и перенимали опыт, внедряя его у себя.

Битва при Фридланде, 14 июня 1807 г.

В июне 1807 г. полевая артиллерия превратилась в отдельный боевой род войск, сделавшись ровней пехоте и кавалерии. Более артиллерия уже не хотела оставаться лишь службой поддержки, теперь она сама выступала как самостоятельная сила, пользующаяся поддержкой других – главный ударный кулак при содействии и помощи пехоты. Орудия могли не только возглавлять атаку, но, при определенных обстоятельствах, играли роль главного инструмента наступления.

Такого рода развертывание принадлежало французскому генералу Сенармону, который 14 июня 1807 г., будучи начальником артиллерии I корпуса генерала Клода Виктора (1764–1841), по собственной инициативе организовал и возглавил артиллерийскую атаку против русского центра, сокрушил его быстрым огнем с близкой дистанции, открыв путь для достижения французами решительной победы. Фридланд (сегодняшний Правдинск в России) расположен в излучине реки Алле на территории, называвшейся некогда Восточной Пруссией. Командующий главной русской армией, генерал Левин Август Беннигсен (1745–1826),

Французская 5,5-дюйм. (140-мм) гаубица системы AN XI, созданной для замены системы Грибоваля в 1803 г. Как бы там ни было, лишь два орудия пошли в массовое производство – как раз эта гаубица и 6-фунт. пушка.

узнал о дислокации на западном берегу реки, напротив городка, одного Резервного корпуса Великой армии под началом маршала Жана Ланна (1769–1809). Поскольку Беннигсен счел, что Ланн оказался без поддержки, русский генерал решил перейти реку и уничтожить неприятельское соединение. Выбрав такой способ действий, Беннигсен вынуждал себя сражаться на позиции спиной к водной преграде. Далее он приказал саперам навести через реку три понтонных моста, ведущих только к Фридланду, хотя имел в распоряжении и мост общего назначения. Такая схема действий осложняла Беннигсену возможность быстро отступить в случае необходимости. Ланн немедленно отправил курьеров на поиски Наполеона и основных сил его армии, сам же избрал тактику маневренной обороны и мастерских сдерживающих действий против русских. У французского маршала под рукой находилось всего лишь 26 000 чел., с которыми ему приходилось противостоять не менее чем 60 000 русских. В общем, Беннигсен не смог разбить корпус Ланна, хотя и развернул против него всю свою армию. Ланн продержался до 5 часов пополудни, когда к месту сражения прибыл французский император, который, увидев, какую возможность подарил ему русский командующий, не поверил собственным глазам.

Наполеон решил вести бой по принципу экономии сил и средств у себя на левом фланге, атакуя русский левый фланг частями VI корпуса Нея. Маршал Ней выстроил свои войска под прикрытием Зортлакского леса, а когда прозвучал условленный сигнал (три артиллерийских залпа из тыла французского центра), вышел оттуда и атаковал без перестроения.

Почти тотчас же на него обрушился сильный огонь русских артиллерийских батарей с восточного берега реки, и чуть ли не весь VI корпус оказался смят русской контратакой. Итак, на начальном этапе битвы французы потерпели неудачу и понесли заметные потери.

Офицер французской конной артиллерии в военной форме периода 1806–1812 гг. Обмундирование в гусарском стиле, установленное для военнослужащих конноартиллерийских частей, подчеркивало их смелость и подвижность.

Продвижение Сенармона

В центре у французов генерал Пьер Дюпон (1765–1840), командир пехотной дивизии из состава I корпуса генерала Виктора, по собственной инициативе начал выдвижение и сближение с противником. Дюпон пользовался поддержкой 12 пушек корпусной артиллерии. Сенармон, бывший тогда начальником батарей I корпуса, попросил командование задействовать в поддержку наступления Дюпона весь контингент корпусной артиллерии из 36 стволов. Сначала Сенармон построил артиллерию в две 15-орудийные батареи по флангам дивизии Дюпона. Оставшиеся шесть пушек он пока придержал в резерве вместе с боеприпасами в зарядных ящиках. Артиллерийские подразделения скоро обогнали пехотинцев Дюпона, и Сенармон, приняв на себя ответственность, приказал батареям самостоятельно наступать против центра русской позиции. Они продвигались вперед скачками, первый раз открыв огонь по неприятелю приблизительно с 410 м. Русская пехота держалась стойко.

После пяти или шести залпов Сенармон приказал ротам сниматься с места и двигаться дальше, а затем, остановившись на дистанции в 230 м до противника, снова стрелять.

Велев в какой-то момент артиллеристам прекратить огонь, Сенармон вновь передвинул роты, чтобы опять остановиться и стрелять, на сей раз уже с 135 м. В некоторых источниках говорится, будто Сенармон в итоге приблизился к врагу на расстояние менее 90 м, но более вероятным следует ограничить предельно приближенную позицию чертой где-то между 90 м и 135 м от русской боевой линии. Как бы там ни обстояло дело в действительности, французские артиллерийские роты стреляли с близкой дистанции и стреляли быстро. Прошло лишь чуть более 20 минут, а на поле перед ними лежало уже свыше 4000 русских солдат, сраженных ядрами и картечью. Центр армии Беннигсена оказался прорван, и это стало самым решительным эпизодом битвы.

К тому времени Ней перегруппировал VI корпус и контратаковал в поддержку маневра Сенармона. Дюпон со своей дивизией тоже осуществил выдвижение и сокрушил в ближнем бою противостоявшую ему русскую пехоту.

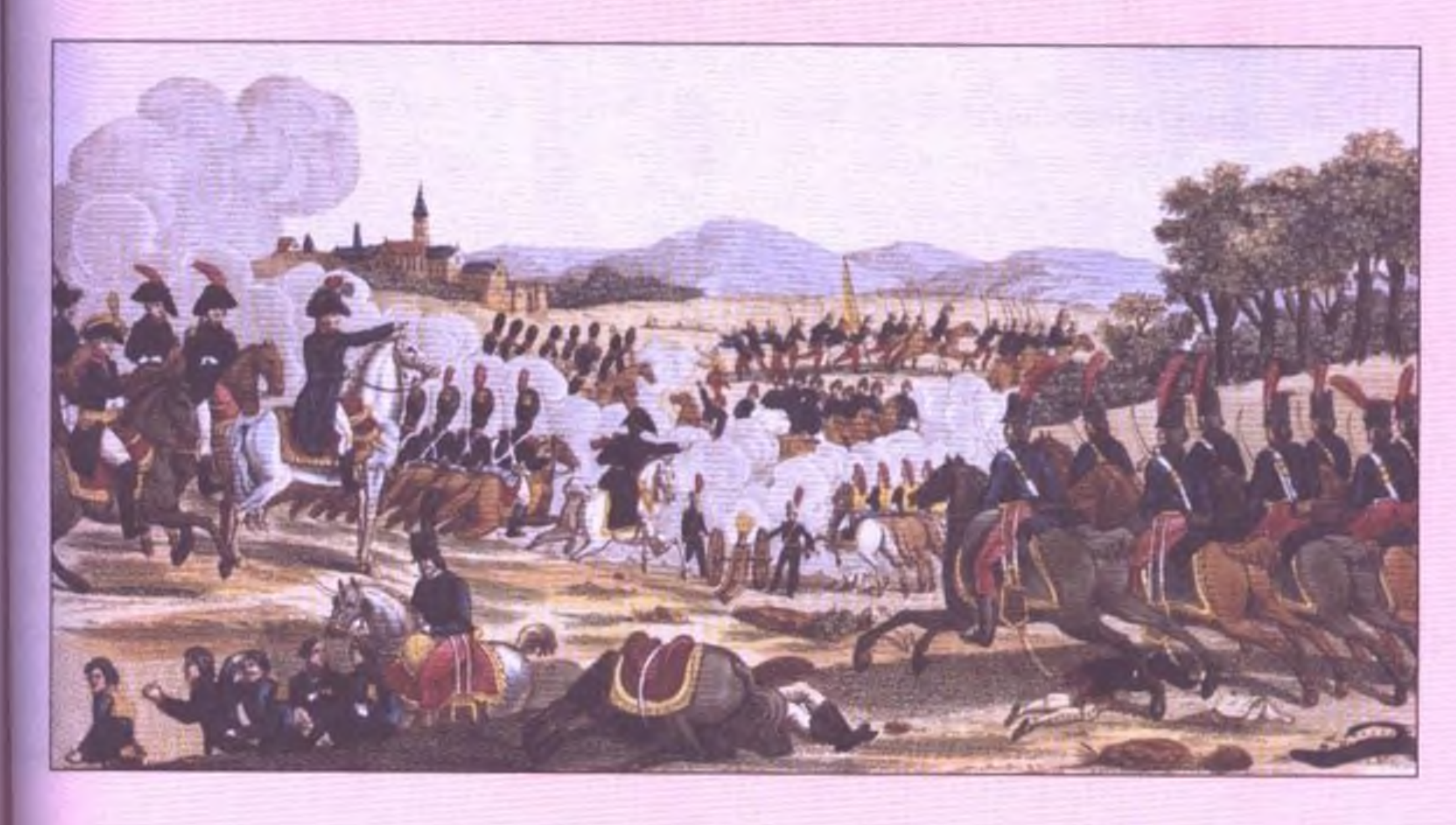
Сенармон подвергся контратаке перешедшей в наступление русской кавалерии, но его артиллерийские роты перестроились и встретили неприятельскую конницу двумя картечными залпами, выкосив немало атакующих.

Далее на поле битвы ничего особо выдающегося уже не происходило. Русский левый фланг дрогнул и побежал к мостам. Ней и Дюпон продолжали продвижение, и Сенармон теперь уже не атаковал, а обеспечивал поддержку войскам, наступавшим на Фридланд; совместными усилиями французские соединения отбросили неприятеля за Алле. Преследуемая французами, разбитая армия Беннигсена отступила в пределы России. В июле 1807 г. воюющие стороны подписали в Тильзите (на реке Неман) мирный договор, положивший конец Четвертой антифранцузской коалиции.

Фридланд вошел в историю как поистине выдающаяся победа Французской империи и стал своего рода водоразделом в области способов развертывания и боевого использования артиллерии. Сенармон дал жизнь новой артиллерийской тактике, которая из раза в раз применялась на полях сражений, в том числе под Оканьей (снова при личном участии Сенармона), Раабом, Лютценом, Ваграмом, Ханау, а также при Линьи и Ватерлоо в 1815 г. Поступая подобным образом, он выполнял наказ, данный конной артиллерии Максимилианом-Себастьяном Фуа (1775–1825): «Придвинуться поближе и стрелять почаще».

Артиллерия как самостоятельная сила

Артиллерийская атака Сенармона под Фридландом стала первым случаем применения артиллерии в качестве отдельной боевой силы, играющей на поле сражения наступательную роль. Французские пушки осуществили тогда самостоятельный маневр, действуя независи-

На этой цветной иллюстрации, изображающей сражение при Фридланде, Наполеон показан на коне во главе войск в левой части композиции. На заднем плане видна элитная кавалерия – конные гренадеры Императорской гвардии.

мо от других войск. Они произвели смятение в рядах противника и нанесли ему большие потери, вследствие чего ход битвы решительно изменился в пользу французов. Следует помнить, что под Фридландом пехота поддерживала батареи Сенармона, фактически поменявшись с ними местами. Отныне полевая артиллерия – по крайней мере во французской армии – более не удовлетворялась ролью исключительно поддерживающего звена. Она уверенно заявила о себе как о равноправном партнере пехоты и кавалерии на поле сражения, недвусмысленно продемонстрировав также способность служить маневренным родом войск, части которого могут самостоятельно захватывать и удерживать позиции.

Батареи Сенармона нанесли противнику потери в размере не менее 4000 чел. и просто расколотили русский центр, уничтожив целые части – например 3-й батальон лейб-гвардии Измайловского полка лишился 400 чел. из 520, бывших на поле в тот день. Согласно рапорту, написанному Сенармоном 15 июня, его орудия во время сражения при Фридланде выпустили по врагу 368 картечных снарядов и 2516 сферических ядер.

Личный состав французских батарей потерял 11 чел. убитыми и 45 ранеными, кроме того, выбыло из строя 53 лошади. Конь под генералом Сенармоном был тяжело ранен. Весьма характерно подытожил действия противника один из русских артиллерийских офицеров, ставший свидетелем происходившего. Он назвал артиллерию Сенармона «ужасной батареей».

По завершении кампании 1807 г. некоторые довольно любопытные наблюдения сделал русский артиллерийский генерал Сиверс. Он, среди всего прочего, не находил большой качественной разницы между французскими и русскими полевыми орудиями и сопутствующим снаряжением.

Помимо отлаженных структур командования и управления, французскую артиллерию отличали от прочих способы боевого использования орудий. Сиверс восхищался тем, как французы сосредотачивали и применяли гаубицы, обычно устанавливая их скрытно в низинах, откуда те могли бить по русским, сами оставаясь неуязвимыми для неприятельского огня. От внимания Сиверса не укрылось обыкновение французской артиллерии не вести контрбатарейный огонь и стремление вместо этого концентрировать внимание на вражеской

Наполеон в битве при Фридланде 14 июня 1807 г. Слева от императора изображен генерал Удино (с непокрытой головой), а справа – группа русских пленных. На заднем плане видны захваченные русские знамена. Это сражение особенно памятно тем, как мастерски французский артиллерийский генерал Сенармон, применив новаторскую тактику, использовал в нем артиллерию.

пехоте. Он отмечал склонность командиров артиллерии в его армии поступать иначе. Он также считал, что стрельба с больших дистанций, которая как будто бы нравилась французам, не отличалась особой действенностью. Вероятно, и Сенармон думал так же, а поэтому-то постарался подобраться к врагу как можно ближе.

Битва при Лютцене, 2 мая 1813 г.

С точки зрения артиллерии сражение под Лютценом примечательно крупномасштабным ударом, вымостившим путь для решительной пехотной атаки против союзнического центра, благодаря чему поле битвы осталось за французами. Наполеон, сколотив новую армию из конскриптов нового набора и солдат, уцелевших после Русской кампании, вступил в апреле 1813 г. в Германию, чтобы помериться там силами с русскими и пруссаками.

Соединившись с Эльбской армией принца Евгения де Богарне, возрожденная Великая армия продвигалась к Лейпцигу в Саксонии, когда около полудня 2 мая III корпус маршала

Битва при Фридланде
14 июня 1807 г.

После кровопролитной битвы с ничейным исходом, состоявшейся в феврале 1807 г. при Эйлау, войска обеих сторон разошлись по зимним квартирам. Наполеон неустанно трудился над восстановлением сил Великой армии и возвращением ей полной боеспособности, так что, когда наступил май, он снова изготовился действовать в поле, поставив себе на этот раз целью разгром русской армии. Благодаря подвижной обороне, мастерски организованной маршалом Ланном 14 июня вблизи городка Фридланд, Наполеон сумел застать армию генерала Беннигсена на неудобных для нее позициях на берегу реки Алле. Применив сдерживающую тактику против численно превосходящего правого крыла русских войск, император атаковал левое крыло неприятеля. Главный удар, который наносил корпус маршала Нея, не достиг цели, но генерал Сенармон, командовавший артиллерией корпуса генерала Виктора, по собственной инициативе атаковал русский центр, нанеся противнику огромный урон артиллерийским огнем с близкой дистанции. Повторная атака Нея послужила поддержкой для смелых артиллеристов, и французы сбросили русских в реку, расположенную у тех за спиной. Русская армия понесла огромные потери, и сражение – не менее решительное, чем Аустерлиц в 1805 г. – вынудило царя Александра искать мира с Наполеоном.

Фридланд стал местом, где решительным образом завершилась война, стартовавшая в сентябре 1806 г. Теперь, когда Пруссия и Россия потерпели поражение, в то время как Австрия еще не оправилась после катастрофы 1805 г., Наполеон сделался господином Центральной Европы.

Хайнрихсдорф

Фридланд

Река Алле

Постенен

1 Упорно сражаясь, корпус Ланна сдерживает численно превосходящую русскую армию в ожидании подхода основных сил Наполеона.

2 VI корпус Нея наступает, выдвигаясь из Зортлакского леса. Однако противник поначалу отбивает его атаку.

3 Пехотная дивизия Дюпона из состава I корпуса Виктора по собственной инициативе ее командира выдвигается в направлении русского центра. Поддержку ей обеспечивает подвижная артиллерия.

4 После 20 минут интенсивного артиллерийского обстрела свыше 4000 русских пехотинцев остаются лежать на поле в центре русской позиции.

5 Корпус Нея возобновляет наступление и поддерживает дивизию Дюпона, что приводит к полному разгрому русских войск.

6 Тем временем на французском левом фланге кавалерии Груши удается одолеть куда более крупные русские силы.

Нея на правом фланге Наполеона подвергся неожиданной атаке прусского корпуса под командованием генерала Гебхарда фон Блюхера (1742–1819). Случившееся потом представляло собой довольно беспорядочную битву, результатом которой стали потери в размере примерно 20 000 чел. с каждой стороны и несомненная реабилитация Наполеона – восстановление его военной репутации.

Армией союзников командовал русский генерал Людвиг Витгенштейн (1769–1843), принявший бразды руководства русскими войсками после смерти фельдмаршала Михаила Кутузова (1745–1813). Витгенштейн довольно неудачно спланировал начальную фазу кампании, да и исполнение его схемы действий союзническими войсками тоже оставляло желать лучшего; не случись того, что случилось, их генералов ожидал бы, возможно, еще больший сюрприз, чем Нея, когда тот столкнулся с Блюхером. В разгоревшейся затем битве, по мере того, как на протяжении дня пламя боя все ярче пылало на поле, союзники и французы с равной поспешностью бросали войска вперед в нараставшем крещендо симфонии огня и дыма.

«Порой судьба страны может зависеть от местоположения крепости».

Наполеон

Когда французы постепенно достигли численного преимущества над союзниками, – поскольку Наполеон быстро подтянул все части и соединения к полю сражения, – последние стали терять инициативу и подаваться на флангах. Усмотрев для себя возможность разделаться с врагами, Наполеон вознамерился атаковать с намерением проломить союзнический центр. Генерал Друо, способный артиллерист, сформировавший в 1808 г. полк пешей артиллерии Императорской гвардии и впервые пославший его в бой под Ваграмом в 1809 г., сосредоточил от 70 до 80 орудий из состава гвардейской артиллерии и прочих пока не задействованных частей в огромную батарею и повел ее прямо в гущу боя.

Максимально подойдя к боевым порядкам русских и пруссаков, то есть приблизившись к ним на дальность уверенного картечного выстрела, французская артиллерия открыла сокрушительный огонь, который начал буквально выкашивать союзнический центр. Смертоносные залпы картечью образовывали настоящие просеки в рядах союзников, целые полки исчезали, захлебываясь в крови и пропадая в дыму невообразимой преисподней, сотворившейся на Земле. Залп грохотал за залпом – артиллерия палила с малой дистанции до тех пор, пока на вражеских позициях не прекратилось всякое движение.

Тем временем, пока канониры стреляли, а Друо лично направлял их действия, гвардейская пехота перешла в наступление слева от большой батареи и двинулась против союзнического центра, или против того, что от него осталось. Гвардия почти или вовсе не встречала огневого противодействия в ответ на ружейные выстрелы. Когда атакующие достигли позиций русских и прусских войск, мертвые тела лежали там так скученно и близко друг к другу, что даже лошади ехавших верхом офицеров не касались копытами земли. Продолжая наступление по трупам, гвардейская пехота углубилась в центр союзнической армии, когда наконец встретила спорадический ружейный огонь со стороны пережившей ад вражеской пехоты. Поскольку гвардия напирала, уцелевшие солдаты союзников не выдержали и побежали, оставив поле победоносным французам.

Действия Друо стали не менее блистательным повторением деяний первопроходца Сенармона, впервые испробовавшего такую тактику шестью годами ранее. И снова, как и тогда, артиллерия работала на протяжении лишь короткого отрезка времени: большая батарея Друо стреляла приблизительно 20–30 минут, успев превратить в руины союзнический центр и позволив гвардейской пехоте перейти в атаку и захватить позиции неприятеля при весьма слабом противодействии с его стороны.

Осада

При стремительности кампаний, разворачивавшихся с 1792 по 1815 г., неудивительно отсутствие в них тенденции предпочтения осадного дела в противовес тому, что отмечалось в предыдущих европейских войнах. Хотя осады все равно происходили, а крепости и города отстаивались защитниками за укреплениями и брались противником, как встарь, штурмом или хитростью, главный акцент в тот период делался на маневр и битвы в поле, где сходились между собой все более крупные армии и где решались судьбы княжеств, королевств и империй.

Ранее осада неизменно служила привычной составляющей в европейских войнах, а осадная артиллерия образовывала значительную часть артиллерийского парка любой армии. Орудия осадной и гарнизонной артиллерии традиционно отличались бóльшим калибром, чем полевые пушки, и устанавливались на более массивных лафетах. Последние представляли собой обычно упрощенные и укрупненные версии лафетов полевой артиллерии. Гарнизонные лафеты находили применение в крепостях и на береговых батареях; они бывали довольно простыми, как те, что использовались на военных кораблях, хотя встречались и сложные, как весьма и весьма эффективный лафет гарнизонной пушки, представленный в 1748 г. Грибовалем.

Осадам уделялось довольно значительное место в боевых действиях на Пиренейском полуострове. В частности, несколькими знаменитыми осадами была отмечена кампания французского командира Луи-Габриэля Сюше (1770–1826) на востоке Испании, и успешное подавление обороны испанских городов в период Пиренейской войны, безусловно, помогло замирить регионы, завоеванные французами.

В Западной Испании и Португалии французам в их осадных операциях обычно способствовал успех, хотя первая осада Сарагоссы в 1808 г. стала редким исключением из этого правила.

Осадные операции представляли собой как искусство, так и науку. Принципы строительства фортификаций, действий различных частей в процессе осады и обложения города или крепости тогдашней эпохи в буквальном и переносном смысле изваяли в камне корифеи инженерно-саперного дела последней трети XVII – начала XVIII столетий – маркиз де Вобан (1633–1707) и барон ван Кухорн (1641–1704). В наполеоновский период все их наработки оставались по-прежнему действенны так же, как обстояло дело за 100 лет до того.

Наполеон в сражении при Лютцене 2 мая 1813 г. Хотя французы поначалу оказались застигнутыми врасплох союзнической армией генерала Витгенштейна, столкновение завершилось победой Наполеона. Для нас же самое интересное в этой битве – повторение на новом и более масштабном уровне артиллерийской атаки Сенармона под Фридландом. Французским артиллерийским командиром, проводившим сокрушительный маневр под Лютценом, был генерал Антуан Друо.

Битва при Лютцене

2 мая 1813 г.

После катастрофической Русской кампании Наполеон восстановил сильно потрепанную Великую армию и к апрелю 1813 г. вступил в Германию, намереваясь соединиться с Эльбской армией, возглавляемой принцем Евгением де Богарне. Новая Великая армия располагала численным превосходством над русскими и прусскими войсками, однако, за вычетом Императорской гвардии, французские части состояли почти исключительно из новобранцев, прослуживших меньше года. Сражение у Лютцена памятно поражающей воображение операцией артиллерии, возглавленной генералом Друо. По мере течения битвы и нарастания накала в противостоянии, Друо создал передовую батарею из 80 орудий, принадлежавших частям Императорской гвардии и линейной артиллерии. Приблизившись к центру боевой линии союзников на дистанцию картечного выстрела, эта батарея открыла ураганный огонь и в буквальном смысле проломила огромную брешь в союзнических порядках. Тем самым она открыла путь для решительного наступления гвардейской пехоты, в голове которой находились два фузилерных полка из так называемой Средней гвардии. Все пехотные части, составлявшие центр русско-прусской армии, оказались почти полностью уничтоженными, а земля там, где они недавно держали оборону, покрылась множеством трупов и тел умирающих.

Лютцен, небольшой город вблизи Лейпцига в Саксонии, стал свидетелем первой крупной битвы Германской кампании 1813 г. Союзники, несмотря на достижение ими вначале эффекта внезапности, понесли полное и безоговорочное поражение. Наполеон, не располагавший крупными силами по-настоящему надежной кавалерии, не смог развить успеха и завершить победу окончательным разгромом врага за счет энергичного и напористого преследования.

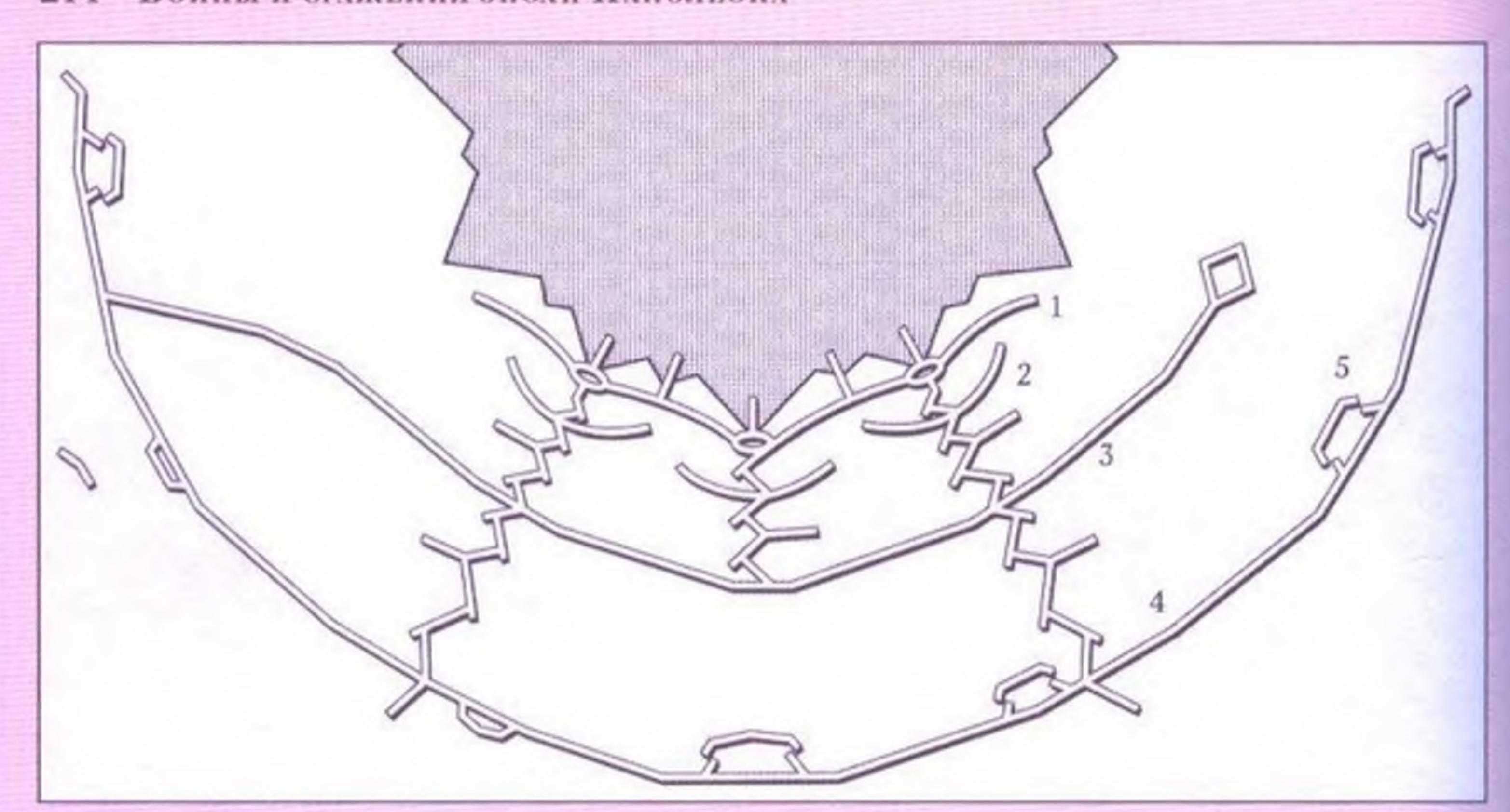
1 III корпус маршала Нея оказывается застигнутым врасплох союзнической армией под Лютценом и несет тяжелые потери на первом этапе битвы.

2 Наполеон спешно перебрасывает в поддержку Нея все имеющиеся войска, в том числе VI корпус Мармона из Вайссенфельса и V корпус Лористона из Лейпцига.

3 В самый разгар сражения генерал Друо сосредотачивает крупную батарею из 80 стволов и выдвигает ее в сторону противника. Приблизившись на дистанцию картечного выстрела к центру союзнической армии, артиллеристы Друо обрушивают на него смертоносный огонь, который за короткое время уничтожает целые полки неприятельской пехоты.

4 Сквозь грохот и дым французская гвардейская дивизия переходит в наступление, возглавляемое ветеранами из двух фузилерных полков Средней гвардии.

5 Потрепанные и поредевшие войска союзников со всей поспешностью отступают с поля битвы, оставив его победителю – Великой армии.

На этой диаграмме показаны принципы осадных работ периода Революционных и Наполеоновских войн: 1) третья параллель; 2) полупараллель; 3) вторая параллель; 4) первая параллель; 5) осадные батареи. Основные способы ведения осады, разработанные маршалом Вобаном в XVII веке, по-прежнему действовали и в эпоху Наполеона.

Инженерно-саперные войска

Процесс формирования военной инженерии и создания инженерно-саперных частей в армиях различных стран–участниц цепи конфликтов в период между 1792 и 1815 гг. оставил за собой со времен Вобана уже довольно большую и своеобразную историю. До начала XVIII века инженерно-саперного рода войск как такового еще не существовало, хотя сами военные инженеры уже были. Французских пехотных офицеров прикомандировывали как помощников к старшим инженерно-саперным офицерам, и первые учились у последних постигать необходимую науку. Прошло еще несколько лет, когда в 1715 г. в лексикон военных прочно вошел термин *génie*, или инженерные войска.

Поначалу французский Королевский инженерный корпус состоял только из офицеров, но после реорганизации в состав его влились объединенные в роты искусные минеры, став организационно частью артиллерии, а потому ими обычно командовали специально отобранные артиллерийские офицеры.

Инженерно-саперные части отделились и стали самостоятельной службой в 1758 г., и желавшему поступить в нее офицеру приходилось заканчивать военно-инженерное училище в Мезьере, созданное там в 1749 г.

Однако только в 1793 г. инженерно-саперные формирования выделились в боевой род войск, насчитывавший 12 батальонов *sapeurs du génie* (инженерных саперов), и артиллерия перестала главенствовать над ними. В 1806 г. Наполеон учредил инженерный обоз для транспортировки инструментов и прочего снаряжения, а двумя годами позднее установил для саперных частей четкую и определенную батальонную организацию. В 1811 г. для работы в депо была создана рота мастеровых саперов – *sapeurs-ouvriers*. Инженерно-саперные войска в других странах–участницах конфликта тащились далеко позади в кильватере французских, уступая им в опыте и организации. В России и Пруссии военно-инженерные службы находились примерно на одном и том же уровне. У русских, как и в случае с артиллерией и вообще техническими войсками, ощущался сильный недостаток хорошо образованных кадров, в то время как прусская военно-инженерная часть еще не оправилась от периода забвения при Фридрихе Великом. Австрийская инженерно-саперная служба отличалась скудностью и плохой организацией вплоть до Семилетней войны.

В начале этого конфликта императрица Мария Терезия попросила о временном переводе опытных и квалифицированных офицеров французской артиллерии в австрийские войска. Среди таких специалистов в Австрию отправился и Грибоваль, и именно он помог реорганизовать австрийские военно-инженерные структуры и подготовить для них грамотный личный состав, что принесло армии Габсбургов немалую пользу в ходе войны с пруссаками.

Сержант британской пехоты во время атаки на укрепления в Бадахосе. Изображенный тут пехотный унтер-офицер вооружен саблей и эспонтоном, который мог послужить хорошим оружием в рукопашной. Кроме того, эспонтон выступал в качестве знака различия в британской армии. Сержанты должны были использовать эспонтоны для защиты знамен своего батальона.

Британский корпус Королевских инженеров (Royal Engineers) состоял в тот период исключительно из офицеров, как обстояло дело ранее и во Франции.

Хорошо образованный и готовый усердно трудиться личный состав британской военно-инженерной службы располагал лишь небольшими или же и вовсе почти нулевыми практическими знаниями о правилах ведения осадных операций. До осады Бадахоса у британцев не было достойных по уровню инженерно-саперных частей, о чем герцог Веллингтон (1769–1852) жаловался в письме к военному министру, лорду Ливерпулю (1770–1828). Королевский корпус саперов и минеров появился сразу после упомянутой осады. В узком смысле, то есть применительно к текущей кампании, британцы явно опоздали, однако в будущем – в долговременной перспективе – перемены принесли немало пользы.

Осада Бадахоса, март-апрель 1812 г.

Всего на протяжении Пиренейской войны Бадахос осаждался четыре раза, причем всего за довольно короткий период 1811–1812 гг. Первая осада предпринималась французами и закончилась удачно, затем тем же самым занимались под Бадахосом британцы, правда, с противоположным результатом. Четвертую и последнюю осаду вели они же, на сей раз завершив начатое успехом, хотя весь эпизод и носил крайне кровопролитный характер, а прекрасно показавшая себя в нем британская пехота впоследствии запятнала воинскую честь отвратительными деяниями. Захват города вылился в продолжавшуюся три дня вакханалию пьянства, изнасилований и грабежа союзного и дружески настроенного населения, которое к тому же никак не противодействовало британцам во время ведения теми осадных операций.

Осады Веллингтона в Португалии и в Испании не отмечены ни мастерством, ни изобретательностью. Многие попытки заканчивались неудачами, те же, которые приносили успех, обычно сопровождались тяжелыми потерями, наносимыми осажденными штурмующим в открытых приступах. Бадахос являлся одним из ключевых городов Испании, его непременно приходилось брать, иначе союзническая армия не могла бы продолжать движение во внутренние районы страны и в конечном итоге достигнуть Южной Франции. Город располагался на

реке Гвадиана, и воды ее образовывали естественные препятствия на подступах к нему с двух сторон. Бадахос и сам защищался сильными укреплениями, имея к тому же грозные передовые оборонительные сооружения – форты, называвшиеся Пардалерас и Пикурина.

На другой стороне Гвадианы находился форт Сан-Кристобаль и хорошо защищенное предмостное укрепление, охранявшее мост через реку. Фортификации оборонял гарнизон численностью около 5000 чел. под грамотным командованием генерала Армана Филиппона (1761–1836), оказавшегося достойным противником.

15 марта 1812 г., несмотря на плохую погоду, весьма затруднявшую земляные работы, союзнические войска начали осаду Бадахоса, открыв первую параллель против его восточной стороны. Солдаты, занятые в рытье этой параллели, трудились по пояс в воде, находясь под постоянным и довольно сильным обстрелом со стороны французов. 19 марта части французского гарнизона сделали вылазку из крепости, но это нападение было отражено, и строительство продолжалось. Для обстрела городских укреплений осаждающие подготовили артиллерийские позиции, и 24 марта шесть батарей открыли огонь по форту Пикурина и люнету Сан-Роке. Кроме того, артиллерия била по главным стенам, или куртине Бадахоса между бастионами Тринидад и Сан-Педро.

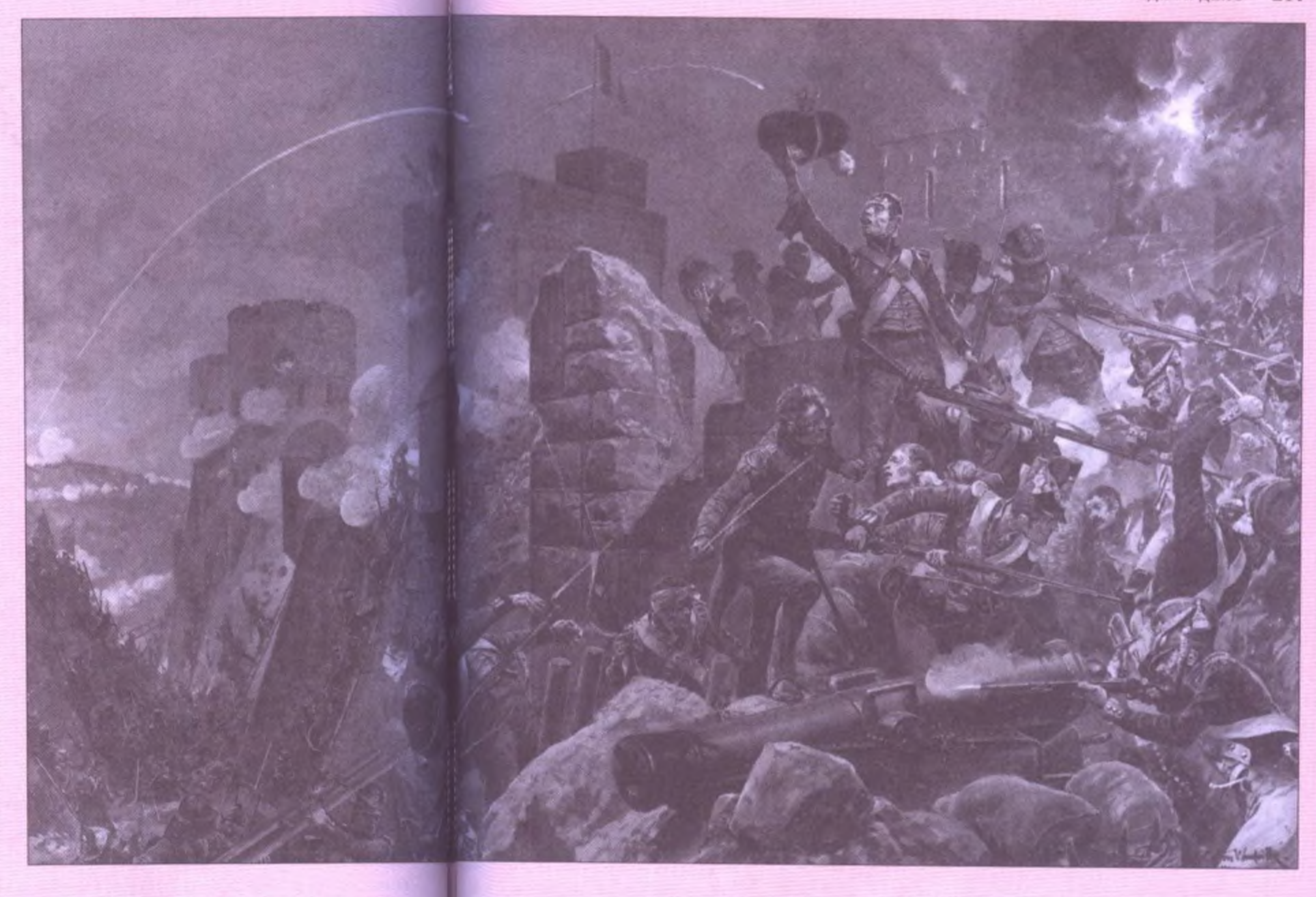
Плотная оборона

Дивизия генерал-майора Томаса Пиктона (1758–1815) штурмовала Пикурину ночью 25 марта и после отчаянных и кровопролитных боев овладела фортом; части Пиктона понесли тяжелый урон. На следующий день британские осадные пушки вновь открыли огонь по Бадахосу, нанося на сей раз удары по куртине между бастионами Тринидад и Санта-Мария. Но город располагал очень прочными стенами, а потому понадобилось немало времени, чтобы 5 апреля появились две бреши, которые командование сочло пригодными для прорыва силами штурмовых партий. И все же перед началом приступа Веллингтон приказал пробить еще одну брешь.

Однако британский военачальник недооценил усилий защитников, их храбрости, стойкости, изобретательности и способности превратить Бадахос в неприступную крепость или, по крайней мере, заставить врага дорого заплатить за успех. Во рву были поставлены препятствия, сделавшие его негодным в качестве обычного места сбора штурмующих. Хотя в стенах и появились проломы, защитники и тут приготовили новые заграждения на пути противника, создав позади брешей прочные узлы обороны, способные сдержать любой натиск атакующих и свести на нет их попытки ворваться в крепость.

Веллингтон планировал развернуть главный приступ силами двух колонн, состоявших из Легкой дивизии и 4-й дивизии, которым отводился участок брешей. На направлении вспомогательного штурма, устремленного на замок крепости, путь наступления лежал через разлившиеся воды Роильяса (притока Гвадианы), перейти которые представлялось возможным только по дамбе, утопленной на глубину более полуметра; этот участок достался солдатам 3-й дивизии Пиктона. Другие малые приступы предполагались против Пардалераса, бастиона Сан-Висенте и люнета Сан-Роке.

Британцы пошли на штурм в 8 часов вечера 6 апреля. Попытки прорыва через бреши повлекли за собой кровавую бойню и закончились полным провалом для штурмующих. Защитники не просто наносили атакующим колоннам огромный урон, они еще и высмеивали неприятеля во время боя. Британские солдаты и офицеры сражались стойко, отважно и упорно, однако оборона перед ними была профессионально организована, к тому же и французы дрались как звери; так, скоро в брешах стало не повернуться от тел раненых и умирающих британцев.

Бойцы британского 88-го пешего полка по штурмовым лестницам взбираются на стены замка Бадахоса. Атака на данном участке считалась второстепенной, однако принесла успех, в то время как штурм брешей на направлении главного удара закончился для нападавших кровавой баней.

Атака дивизии Пиктона на замок тоже поначалу развивалась неудачно, даже сам ее командир был при этом ранен. Однако мужественный генерал Пиктон, несмотря на полученное ранение, собрал отброшенных солдат, вновь повел их на приступ и закрепился на нижнем участке стен. Приставив штурмовые лестницы, британцы во множестве перебрались за парапет. И снова встреченное ими со-

Осада Бадахоса

март-апрель 1812 г.

Последняя осада Бадахоса, проводившаяся войсками Веллингтона, памятна провалившимся приступом бреши на главном направлении и успехом второстепенного штурма замка. Союзники уже терпели неудачи при попытках овладеть Бадахосом, а отсутствие у британцев сообразного задачам осадного парка, равно как и дефицит офицеров-инженеров и инженерно-саперных частей делали главным инструментом осады пехоту. Отвага и мужество британской пехоты общепризнаны и даже легендарны, а потому Веллингтона, несомненно, печалили ужасающие потери среди солдат. Мастерские действия в обороне Бадахоса генерала Филиппона и возглавляемого им гарнизона резко контрастировали с непрофессионализмом сопровождавшей действия британской инженерно-саперной службы во время осады. Большой урон у пехотных формирований побудил командование британской армии создать в ее составе полноценный Королевский корпус саперов и минеров.

На территории Испании и Португалии в период с 1808 по 1814 г. происходило больше осад, чем на любом другом театре военных действий. Французы обычно действовали в осадах грамотно, если не сказать мастерски; кровавые штурмы Бадахоса, проводившиеся силами пехоты, привели британских военных к осознанию насущной необходимости создания жизнеспособного корпуса саперов и минеров.

Форт Сан-Кристобаль

Река Гвадиана

Замок

Бадахос

Форт Пикурина

Люнет Сан-Роке

Форт Пардалерас

1 Армия Веллингтона, чтобы развернуть наступление во внутренние районы Испании, сперва должна была взять Бадахос, стратегически важный город и крепость вблизи испано-португальской границы.

2 15 марта, в ужасных погодных условиях начинаются осадные работы против крепости.

3 Для обстрела крепости устанавливаются батареи. 24 марта шесть батарей открывают огонь по форту Пикурина, а также по люнету Сан-Роке.

4 Главный штурм брешей в ночь 6 апреля оборачивается крахом, потери атакующих составляют одну четверть от всех сил, участвовавших в приступе.

5 Второстепенный по значимости штурм замка Бадахос частями 3-й дивизии Пиктона имеет успех, чем грамотно пользуется британское командование.

6 Гарнизон города бежит в форт Сан-Кристобаль, где французский командующий на следующее утро складывает оружие.

противление французов отличалось упорством и яростью, однако британские пехотинцы продолжали наседать и шаг за шагом продвигаться вперед, сумев в итоге захватить замок, хотя, правда, и с огромными потерями. Бастион Сан-Висенте тоже пал, и мужество оставило защитников Бадахоса.

Генерал Филиппон вместе с вверенным ему гарнизоном отступил из города в форт Сан-Кристобаль, где и капитулировал на следующий день. Таким образом, осада Бадахоса завершилась наконец победой, но британские солдаты, которые так хорошо зарекомендовали себя как храбрые и упорные бойцы на протяжении всего тягостного противостояния, словно бы решили продемонстрировать их темную сторону, ринувшись грабить город и измываться над его населением.

Вакханалия продолжалась до тех пор, пока солдаты не натешились вволю и беспорядки сами собой не пошли наконец на убыль. Порядок удалось восстановить, однако эксцессы повторились, когда в следующем году британцы захватили штурмом город Сан-Себастьян.

Осада Гамбурга, декабрь 1813 г. – май 1814 г.

Наилучшим примером обороны укрепленных позиций в описываемый нами период надо, несомненно, счесть героическую защиту маршалом Даву города Гамбург в 1813–1814 гг. Обороняемый ареал отличался большой площадью, к тому же на нем проживало довольно значительное количество гражданских лиц. Войска осаждающих численно превосходили гарнизон защитников в два или даже в три раза, а кроме того, эпизод памятен почти полным отсутствием каких-то незаконных действий французского гарнизона по отношению к местным жителям. Даву отказался от продолжения борьбы за город и сдал его только после отречения Наполеона, но не ранее, чем получил подтверждение фактического окончания войны из уст пользовавшегося его доверием представителя французских властей. Оборону можно считать самым положительным примером в техническом плане, вообще же она есть эпическое деяние, достойное пера поэта.

Стратегическая обстановка для французов в начале 1813 г. сложилась довольно безрадостная. Остатки Великой армии уносили ноги

Осады Веллингтона во время войны на Пиренейском полуострове отличались низким качеством работы британской военно-инженерной службы, которой отчаянно не хватало подготовленных солдат-саперов, тогда как британским офицерам-инженерам недоставало опыта и знаний в такой области, как ведение осад. Соответственно, учтя все недостатки, в 1813 г. в Британии создали наконец корпус саперов и минеров, со всей поспешностью отправив его в Испанию, но, как говорится, уже к шапочному разбору.

из России после катастрофической кампании, а принц Евгений де Богарне и маршал Луи-Александр Бертье (1753–1815), начальник штаба Великой армии, пытались потихоньку наскрести новые силы. Сам Наполеон оставил армию и поспешил во Францию, дабы сплотить правительство, заново внушив веру в императора после неудачной попытки переворота, и сколотить новую армию.

Головные части русских, которые тоже изрядно пострадали во время того полного ужаса и драматизма похода, потихоньку втягивались в Центральную Европу, тогда как Пруссия, воспрянув после былых поражений, вновь повернулась против французов. Французские гарнизоны в основных крепостях упорно держались, однако империи отчаянно не хватало войск – и еще больше испытанных ветеранов, – чтобы отражать наскоки коварных казаков и отбиваться от наскоро сколоченных союзниками «вольных корпусов», тогда как контингенты и правительства государств Рейнского союза либо проявляли пассивное нежелание поддерживать дело французов, либо открыто переходили на сторону их врага.

Генерал Клод Карра Сен-Сир (1760–1834) впал в панику и бросился вон из Гамбурга, напуганный слухами, неточными данными разведки и преувеличенными сведениями о численности войск противника, фактически готовых противодействовать французам в стратегически важном районе. Командование в сложившейся ситуации принял маршал Даву, который отправил генерала Доминика Вандамма (1770–1830) захватить Гамбург, очистить его от присутствия враждебных сил и восстановить французское господство в городе и прилегающих к нему районах. Вандамм выполнил наказ маршала силами собственной пехотной дивизии при помощи датского контингента.

Командование Даву

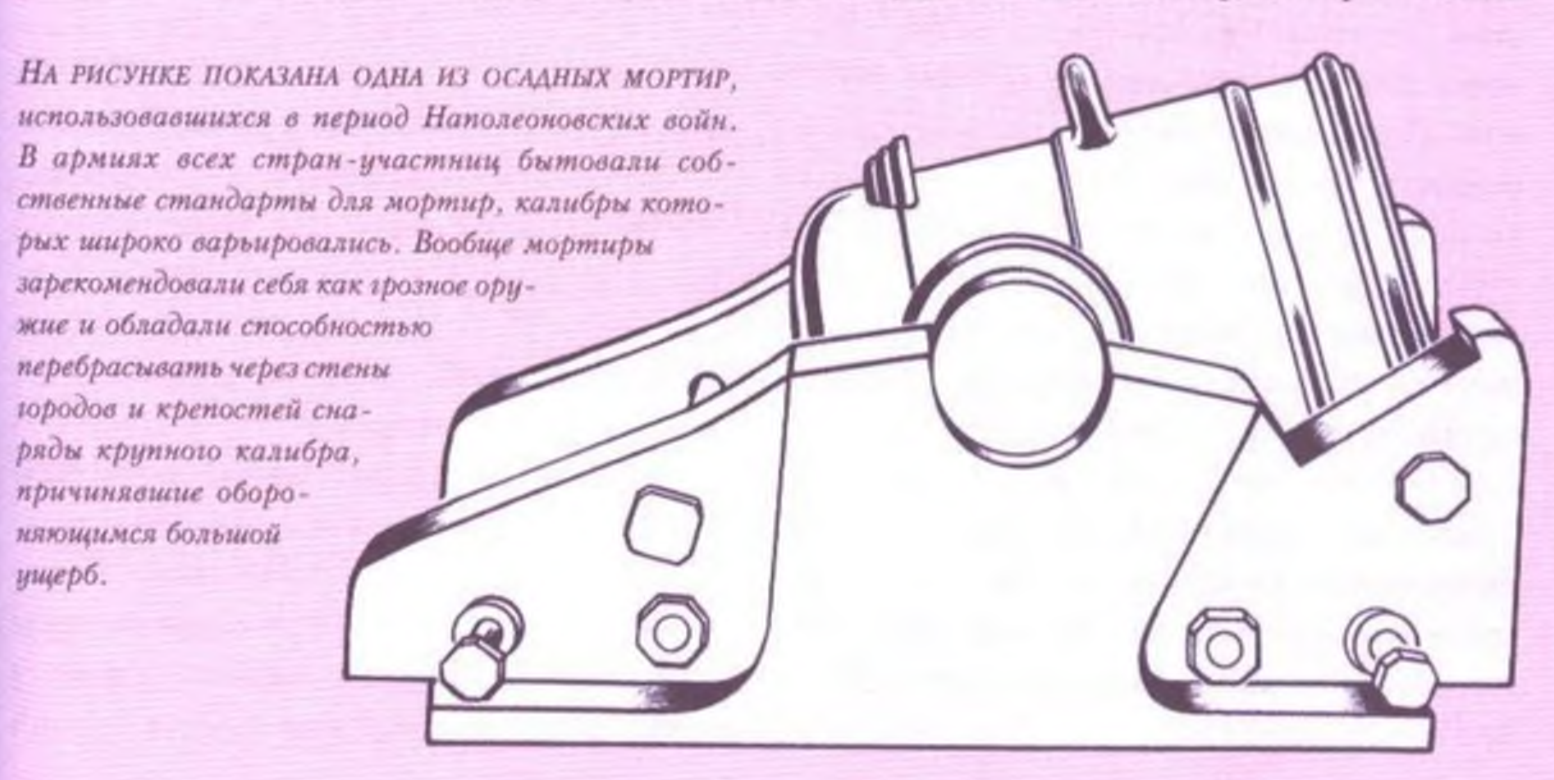
Соединение маршала Даву, состоявшее из трех французских пехотных дивизий и разносортных кавалерийских частей, в том числе польских, с 1 июля 1813 г. называлось XIII корпусом. С учетом датского контингента, оказывавшего поддержку французам, общая численность войск Даву достигала 43 000 чел.

Будучи сам в прошлом кавалеристом и находясь вдали от начальственного взора, Даву располагал среди прочего кадрами 1-го кирасирского полка. Из имевшихся материальных ресурсов он приказал этим всадникам создать новую кирасирскую часть, и кирасиры, выполняя распоряжение маршала, наскребли необходимые седла, сбрую и доспехи – все, что им удалось разыскать. Названный неофициально 15-м кирасирским, полк начинал точно потешное войско из комической оперы, но когда осада закончилась, он отправился домой во Францию с репутацией закаленного и бывалого кавалерийского формирования.

В осаде

Осада началась в декабре 1813 г. К тому времени Даву полностью контролировал ситуацию в Гамбурге и на территории прилегающего к нему военного округа. Находясь в городе с мая, он уверенно вел боевые операции против союз-

На рисунке показана одна из осадных мортир, использовавшихся в период Наполеоновских войн. В армиях всех стран-участниц бытовали собственные стандарты для мортир, калибры которых широко варьировались. Вообще мортиры зарекомендовали себя как грозное оружие и обладали способностью перебрасывать через стены городов и крепостей снаряды крупного калибра, причинявшие обороняющимся большой ущерб.

ников. Между тем в период с мая по декабрь положение его становилось все более изолированным, известий о состоянии дел у основной армии или новостей из Франции не поступало, а посему он мог считать себя фактически отрезанным и надеяться лишь на собственные силы. Даву принял все необходимые меры для обеспечения себе возможности защищать город до конца. Заброшенные оборонительные сооружения подновили и улучшили, к гражданскому населению обратились с призывом заготавливать провизию для осады, кроме того, пришлось снести кое-какие строения в пригородах, чтобы предоставить артиллерии чистое поле для обстрела. И все же многие из горожан остались глухи к воззваниям французов, вследствие чего из-за положения с продовольствием в начале осады из города пришлось выселить 25 000 гражданских лиц.

Даву, следуя своему обычному правилу, не позволял солдатам ослаблять строгую дисциплину – фактически в ходе осады дисциплина порой была не просто строгая, а суровая. Соответственно, обученные и знающие что делать войска оказались полностью готовыми к осаде, когда она наконец началась. Подобные установки если не вовсе гарантировали от эксцессов в отношении гражданского населения, то сводили их до минимума. Даву оставался Даву, он проявлял строгость, но не забывал о справедливости.

2 декабря Даву отошел в Гамбург, и скоро союзники подступили к городу. Как бы там ни было, генерал Беннигсен, возглавлявший русские и немецкие войска в том районе, дал старт настоящим осадным операциям против Даву не ранее января 1814 г.

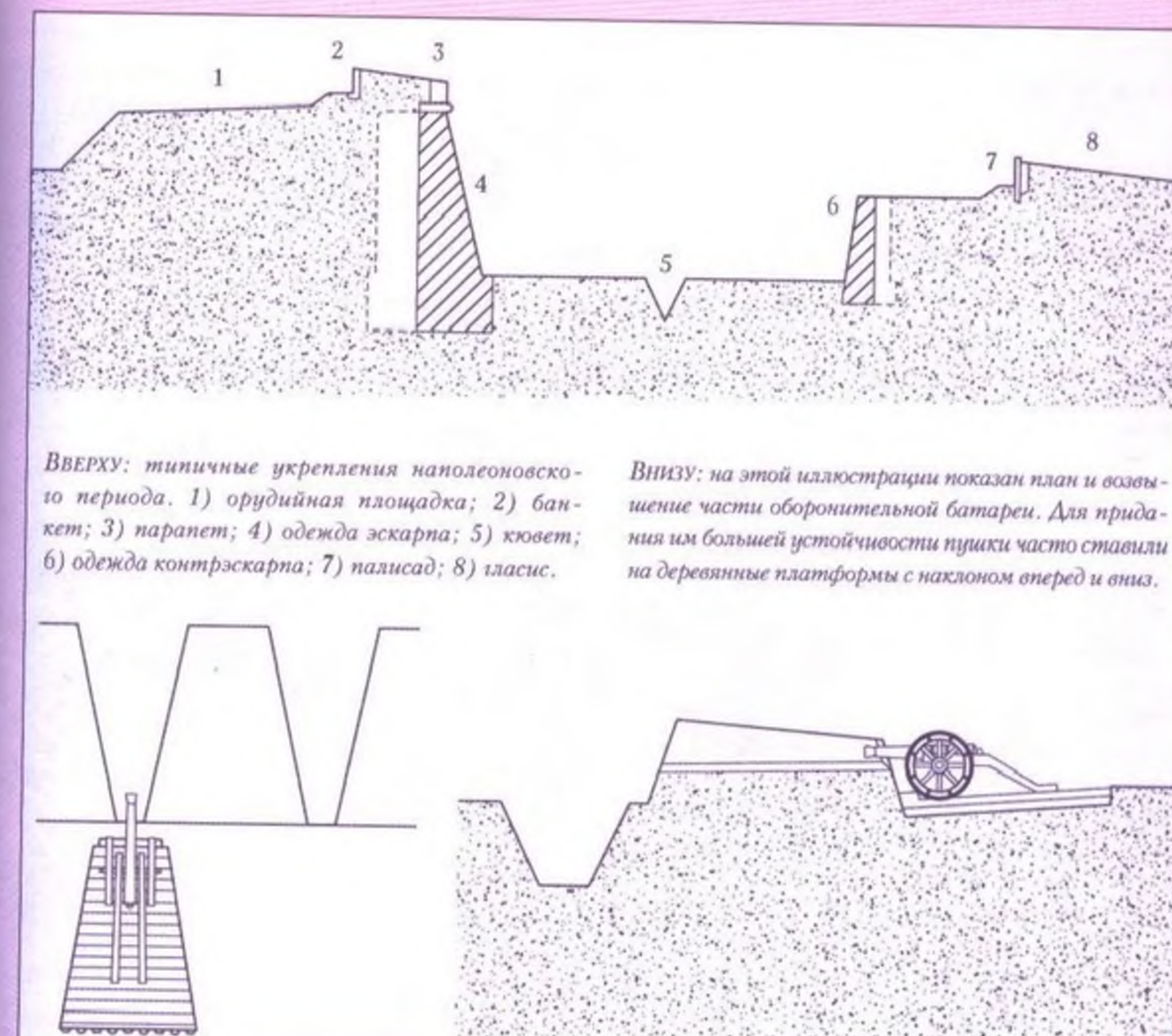
«Укрепленные города есть те крепкие орешки, которые непросто раскусить, если зубы ваши еще не привыкли к этому. Взятие сильных мест есть нечто вроде ремесла или торговли, за кои вы беретесь, не побывав прежде в подмастерьях. Армии и ветераны нуждаются в искусных инженерах, которые бы возглавляли их в таких операциях. У вас есть такие? Однако некоторые, похоже, думают, что брать форты так же просто, как затянуться понюшкой табака».

Бенджамин Франклин

На короткое время к Беннигсену присоединился со своими шведско-немецкими войсками кронпринц Швеции Бернадотт (1763–1844). Приход этих частей и соединений увеличил размеры сил осаждающих до 120 000 чел., но Бернадотт не спешил скрестить оружие с Даву, которого некогда – в 1806 г. под Ауэрштедтом – фактически бросил одного перед лицом целой прусской армии. Скоро он ушел искать возможности стяжать славу где-нибудь в другом месте, не позволив Даву чести нанести поражение бывшему «товарищу по оружию».

После поспешного ухода Бернадотта в восточном направлении Беннигсен все равно обладал численным перевесом над Даву в пропорции более чем два к одному. Русский командующий предпринял подряд три крупных наступления против защитников Гамбурга – 7, 17 и 27 февраля. Во всех трех случаях атакующих постигли неудачи, и они отступили с большими потерями, поскольку Даву организовал эффективную эшелонированную оборону с механизмами, приводившимися в движение продуманной системой подачи сигналов тревоги. Более того, Даву создал подвижные резервы из отборных войск, поддержанных конной артиллерией. Их представлялось возможным быстро перебросить на угрожаемые участки и своевременно усилить гарнизон в тех местах, где наступал враг.

После трех кровопролитных попыток Беннигсен решил отказаться пока от наступательных действий и вознамерился уморить противника голодом или, возможно, просто предполагал таким образом дождаться окончания войны. Наполеон проиграл битву под Лейпцигом, и союзники вторглись во Францию, хотя в феврале 1814 г. исход кампании еще казался сомнительным. Так или иначе, Даву с гарнизоном продолжал держаться. Солдаты получали еду и медицинскую помощь, соблюдали дисциплину и по-прежнему горели желанием драться.

Вверху: типичные укрепления наполеоновского периода. 1) орудийная площадка; 2) банкет; 3) парапет; 4) одежда эскарпа; 5) кювет; 6) одежда контрэскарпа; 7) палисад; 8) гласис.

Внизу: на этой иллюстрации показан план и возвышение части оборонительной батареи. Для придания им большей устойчивости пушки часто ставили на деревянные платформы с наклоном вперед и вниз.

Почетный выход

Еще одну попытку атаковать Гамбург осаждающие предприняли ближе к концу осады. Подняв белые флаги парламентеров, русские бросились штурмовать французскую линию аванпостов.

Французы, однако, остались настороже и уверенно отразили натиск русских, заставив их откатываться к собственным рубежам с чувствительными потерями.

Тем не менее конец неминуемо приближался. В апреле пришли известия об отречении Наполеона от престола, но Даву отказался сдаваться до тех пор, пока не получит приказа от заслуживающего доверия французского официального лица. Таковым в описываемом случае стал генерал Этьен Жерар (1773–1852), явившийся принять у Даву командование XIII корпусом. И все же французский корпус не сдался русским – французы ушли из Гамбурга при оружии, с пушками, знаменами и обозом. Отступление началось 27 мая 1814 г. и закончилось к концу месяца, в городе же остались только больные и раненые, которые не могли идти. Им предстояло вернуться во Францию, как только они будут готовы к дороге.

Даву вполне мог добавить эту оборону укрепленного города к списку своих великих успехов – выдающихся битв при Ауэрштедте, Эйлау (1807 г.), Экмюле (1809 г.) и Могилеве (1812 г.). Данный случай стал наиболее успешно выдержанной обороной укрепленных позиций на протяжении всего описываемого периода, и в течение многих лет потом его изучали профессиональные солдаты или те, кто готовился ими стать.

Осада Гамбурга

декабрь 1813 г. – май 1814 г.

Даву не посрамил закрепившейся за ним репутации умелого военачальника, оборона Гамбурга на протяжении шести месяцев против значительно превосходящих численно неприятельских войск стала наиболее успешным примером защиты укрепленных городов за всю историю Революционных и Наполеоновских войн. Даву удержал Гамбург против всех противников, успешно отразил все до единого союзнические приступы и поддерживал превосходную дисциплину среди солдат своего корпуса на протяжении всего периода нахождения их в городе – до осады, с ее началом и вплоть до завершения. Он пользовался славой твердого и неподкупного командующего и руководителя, так что сами солдаты называли его «Справедливый»; на протяжении осады, за все время пребывания войск в Гамбурге, почти или вовсе не отмечались инциденты с участием гражданских лиц и французских солдат. Оборона города велась мастерски: Даву сформировал подвижные силы из пехоты и артиллерии, готовые выступить в любую угрожаемую точку периметра обороны. Он даже создал в Гамбурге кирасирский полк, неофициально получивший 15-й номер. Успешно отстояв город, Даву согласился сдать его только тогда, когда получил верные сведения об отречении Наполеона и окончании войны.

Гамбург представлял собой стратегически важный портовый город на Нижней Эльбе, который Наполеон полагал необходимым удержать. В мае 1813 г. он поручил его оборону маршалу Даву, войска которого с 1 июля именовались XIII корпусом.

Гамбург

2 Союзническая осадная армия генерала Беннигсена по численности более чем вдвое превосходит войска Даву. Она проводит три атаки на оборонительные позиции защитников Гамбурга – 7, 17 и 27 февраля 1814 г. Все эти попытки отражаются с большим уроном для нападающих, поскольку Даву организовывает весьма эффективную эшелонированную оборону, которая приводится в действие за счет хорошо продуманной системы подачи сигналов тревоги.

1 Даву организовывает оборону Гамбурга по весьма логичной схеме, в том числе приказывает снести часть построек в пригородах, которые мешают простреливать подступы огнем артиллерии. Из-за нехватки съестных припасов из города вынужденно изгоняются свыше 25 000 гражданских лиц.

5 Успешно выдержав оборону, Даву сдается только тогда, когда получает верные доказательства отречения Наполеона и окончания войны.

3 Даву создает силы подвижного резерва из пехоты и артиллерии, готовые выступать туда, где в них более всего нуждаются на позициях по периметру обороны города.

4 В апреле 1814 г. русские вновь предпринимают наступление против защитников Гамбурга. Прикрываясь белыми флагами перемирия, они атакуют линию французских передовых опорных пунктов, но терпят неудачу. Эта попытка штурма стоит нападавшим серьезных потерь.

Глава пятая

Война на море

В описываемый период существовало несколько факторов, диктовавших морскому командиру тактические условия. Движение парусному судну обеспечивала оснастка из огромного количества канатов, дерева и парусины. Единственной альтернативой всему этому оставались весла, что тоже не особенно радовало, поскольку как раз там, где находились места гребцов, хотелось бы установить огромные и неповоротливые пушки. Более того, весла – длинные и уязвимые к разного рода внешним воздействиям – тянулись далеко от бортов корабля, и противник мог легко вывести их из строя.

Как весла, так и паруса требовали множества по меньшей мере отчасти подготовленного персонала – добрых моряков, способных должным образом обслуживать их. Под словом «корабль» в нашем случае подразумевается судно с парусным вооружением, оснасткой, или такелажем: три мачты с прямыми или квадратными парусами на каждой из них. На мачте обычно подвешивались вертикально один над другим по три прямых, связанных друг с другом паруса, которыми представлялось возможным управлять двумя канатами, или шкотами. Корабль имел к тому же еще до трех «косых», или продольных, парусов, и каждый из них регулировался одним шкотом.

В носу на бушприте помещались треугольные паруса (кливеры и стаксели), а в корме на

На этом полотне с изображением сражения при Трафальгаре видно, сколь чудовищные повреждения могли получать военные корабли той эпохи. Рушащиеся мачты с парусами падают на верхнюю палубу, в то время как пушечные ядра разносят в щепы деревянные борта.

бизань-мачте еще один косой. В хорошую погоду вооружение усиливали за счет добавления до восьми дополнительных прямых парусов на нижнем уровне.

Ставить и убирать паруса приходилось тогда, когда менялась сила ветра или когда требовалось изменить скорость движения судна; подобные операции занимали массу времени, требовали пространства и привлекали множество живой силы. Смена курса – разворот судна в новом направлении сообразно ветру – представлялась особенно хитроумным занятием. Чтобы руководить действиями команды, тянущей и перетягивающей все это многообразие линей, шкотов и оттяжек, морскому офицеру приходилось постигать многие науки, проявлять смекалку и наживать немалый опыт.

Корабли с прямыми парусами хорошо ходили при попутном ветре – фордевинде и бакштаге, дувшем под острым углом в кормовую часть судна. Корабли же с косыми парусами могли двигаться почти против ветра, курсом бейдевинд.

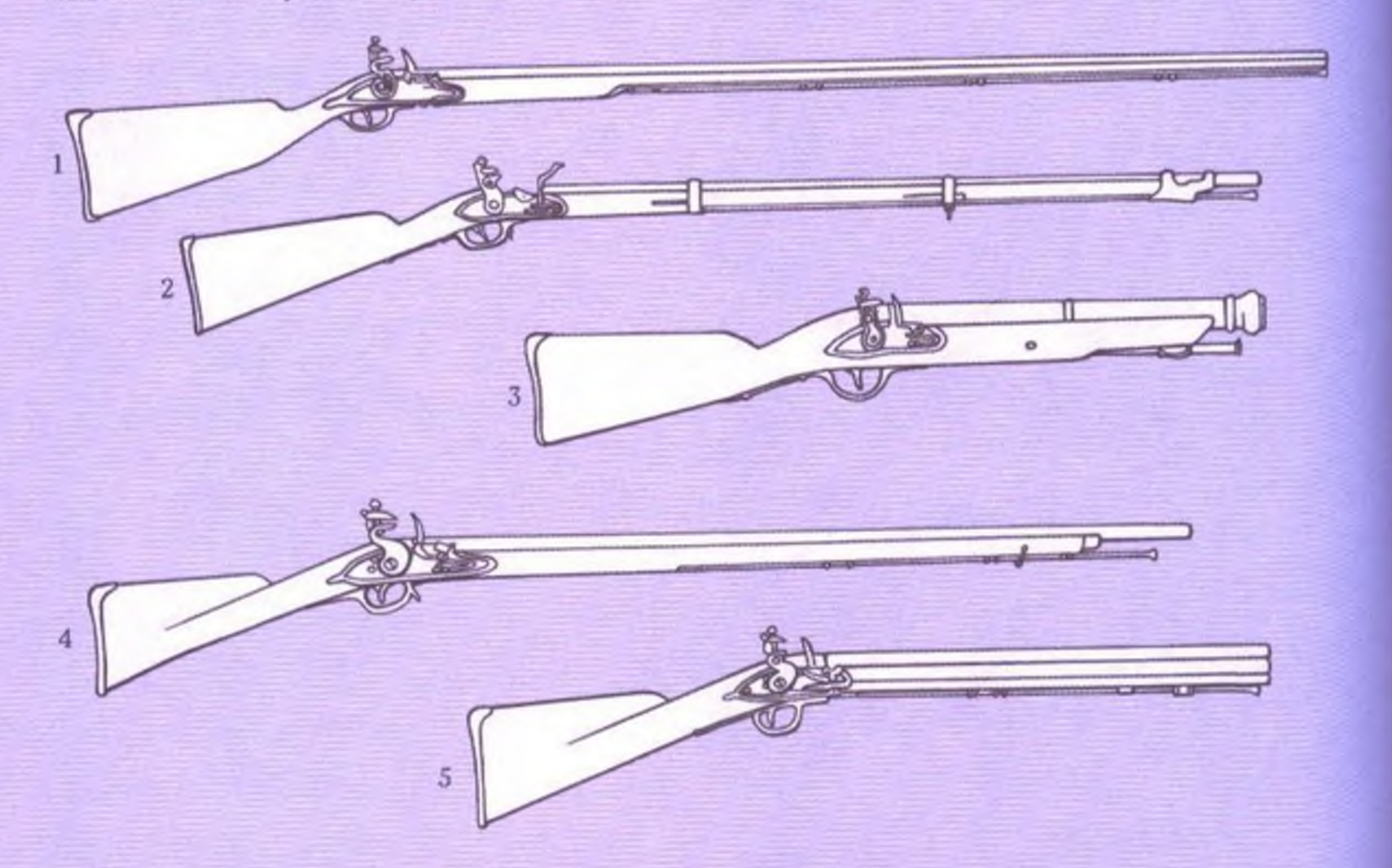
Соответственно, в битвах обычно сходились при приспущенных парусах. Самые широкие из парусов – нижние на каждой из мачт – зачастую сворачивались. Большие и неуклюжие дополнительные паруса и вовсе убирались подальше, а косые паруса сокращались. Хотя такое уменьшение объемов такелажа неминуемо снижало скорость, зато оно снижало и количество людей, обслуживавших парусные снасти и потому носившихся туда-сюда по палубе корабля в то время, как остальные пытались стрелять из пушек. При этом также высвобождались резервы рабочей силы для оказания помощи орудийной прислуге и – превыше всех обязанностей – для поддержания постоянной подачи боеприпасов из порохового погреба.

Весла обеспечивали маневренность при любых погодных условиях, однако за это приходилось платить уступками в прочности корпуса – такие суда вынужденно строились не слишком мощными и тяжелыми, иначе гребцы не могли бы обеспечить им достойное ускорение. К тому же, крупные пушки на такие корабли, обычно называемые галерами, могли устанавливаться фактически только для стрельбы вперед или назад, поскольку сила отдачи бортовой батареи могла привести к перевороту судна. Более того, при расположении артиллерии по борту всегда создавалась бы опасность возникновения хаоса во время попыток расчетов орудий и гребцов одновременно выполнять их обязанности. В описываемый период гребцами на галерах часто служили рабы или приговоренные преступники; на таких судах устанавливались также мачты и паруса, дававшие возможность пользоваться ими при благоприятном ветре.

Такие суда охраняли крупные порты и действовали на реках и озерах, а также в Средиземноморье. При полном штиле галеры обладали способностью создавать большие сложности крупным парусникам за счет выхода им в уязвимую корму, где всегда не хватало пушек для ответного огня.

Все представленные тут типы огнестрельного оружия имели в основе принципа действия кремневый механизм: кремень ударял в стальную пластину, выбивал искру, а та воспламеняла порох. Как бы там ни было, кремневый ударник требовалось располагать в зажиме ровно, дабы он точно бил по пластине, в то время как мелкие кусочки его со временем откалывались под влиянием частых столкновений со сталью; к тому же ветер мог унести искру прежде, чем она успевала воспламенить порох. Словом, подобные ружья часто оказывались очень ненадежными – ненадежными куда более, чем принято считать под влиянием фильмов и романов.

1 Французское штатное морское ружье
2 Французский морской мушкетон
3 Французский коротКоствольный морской карабин
4 Британское штатное морское ружье (около 1805 г.)
5 Британское морское многоствольное ружье

Наступательные средства

В распоряжении командира корабля находились три вида наступательных средств. Первым из них являлась бортовая артиллерия, стрелявшая разнообразными снарядами. Пушки могли, например, на впечатляющие расстояния бить сплошным выстрелом, или ядром и повреждать структуру неприятельского корабля, создавая кроме того огромное количество смертоносных для живой силы древесных отколов – с большой скоростью разлетавшихся во все стороны обломков и щепок. С более близкого расстояния бортовые пушки выпускали так называемые цепные ядра (обычно два ядра, соединенных между собой коротким отрезком стальной цепи); ими обычно целили высоко в надежде на то, что снаряд обкрутится вокруг мачты и такелажа на неприятельском корабле, перебьет их и таким образом поспособствует снижению скорости и маневренности вражеского судна. При еще большем сближении короткоствольные карронады – британская новинка – могли послать в скопления живой силы на вражеских палубах тучу маленьких пуль, калеча и убивая матросов противника, заставляя его буквально захлебываться кровью. К тому же, попав в борт, выстрелы таких орудий приводили к неровным проломам в корпусе корабля, представлявшим собой куда более опасные повреждения, чем отверстия от круглых ядер.

Изображенный здесь французский морской канонир (около 1805 г.) носит на голове типичную шляпу-бикорн с революционной трехцветной кокардой. В руке у него мы видим фитильный пальник – палку с обмотанным вокруг ее конца пропитанным порохом и медленно тлеющим фитилем. Для производства выстрела из пушки канонир раздувал разгоравшийся ярко фитиль и подсовывал его к запальному каналу орудия. При наличии кругом большого количества рассыпного пороха ношение подобных пальников представлялось делом очень опасным. В британском Royal Navy – Королевском военно-морском флоте – их заменяли кремневыми запальными механизмами.

К сожалению, ни одна из таких гладкоствольных и заряжавшихся с дула пушек не отличалась меткостью огня. Чугунные ядра демонстрировали тенденцию быстро ржаветь. Ржавчину приходилось счищать, а ядра – покрывать краской, предохраняющей их от появления новых налетов, но все это неизбежно нарушало гладкость поверхности и строгость сферической формы снарядов. Изменение зазора между ядром и каналом ствола приводило к смещениям и к отклонению пушечных ядер от траектории. Более того, как цель, так и стрелявший по ней корабль двигались, качаясь на волнах редко бывавшего идеально спокойным моря. В общем, при сложении всех этих обстоятельств, для достижения решительного результата требовалось значительное сближение – около 400–500 м.

Вторым видом наступательных средств, имевшихся у командира корабля, была судовая команда. Капитан мог приказать подвести корабль борт к борту с неприятельским и бросить моряков на абордаж, чтобы захватить вражеское судно в яростном рукопашном бою, обычно стоившем жизни многим из участников, особенно у побежденных. В таком стремительном и беспорядочном побоище ручное огнестрельное оружие – ружья или пистолеты – неизбежно становилось фактически одноразовым. Абордажные сабли, топоры и короткие пики позволяли вывести из строя больше солдат и матросов противника и, главное, сделать это быстрее, чем пистолет, поскольку его приходилось перезаряжать, теряя поистине жизненно важное время.

Как бы там ни было, огнестрельное оружие и тут играло важную роль – если удавалось подгадать верно и дать залп из карронад сверху, представлялось возможным с большей надеждой на успех послать абордажную команду на залитую кровью палубу против уже заметно ослабленного врага.

«Настоящий моряк обязан уметь не только ставить и убирать паруса, маневрировать и обходить рифы, но должен еще мочь измерить глубину лотом в черной ночи, как днем... не бояться взять в руки иглу, чтобы штопать парус... знать, как свои пять пальцев, любую мелочь в парусном вооружении...»

Капитан Бэйзил Холл

Третьим наступательным средством, которое нередко применяли морские командиры, являлось зажигательное судно, или брандер. В качестве брандера, представлявшего собой одноразовое орудие нападения, использовался любой ненужный или незначительный корабль, который начиняли взрывчатыми и горючими веществами, поджигали и направляли в центр строя неприятельского флота.

Такой подход обычно использовался, когда цель стояла на якоре. Да, конечно, все выглядит словно бы в соответствии с принципом «на кого бог пошлет», но порой воздействие на противника оказывалось сокрушительным. Стоит только представить себя запертым в огромном деревянном гробу, наполненном бочками с порохом, когда некуда бежать, в то время как к вам медленно, но верно приближается огромный полыхающий костер.

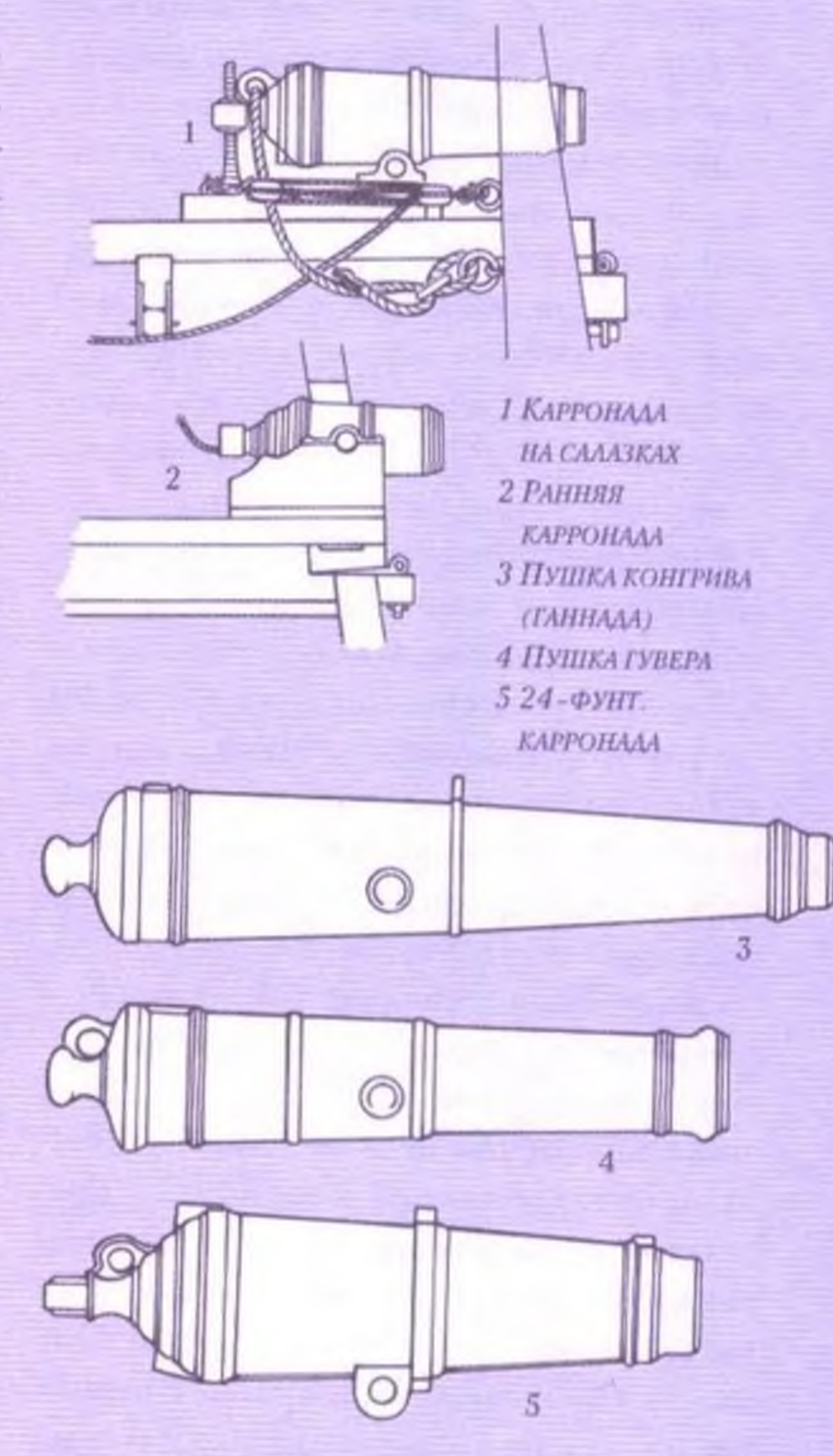
В 1809 г. капитан Королевского военно-морского флота Томас Кокрейн (1775–1860) с достойным внимания эффектом применил 20 брандеров в сражении у острова Экс. Он организовал атаку ночью, в прилив, когда корабли находились в наиболее уязвимом положении. Сначала он осветил узкий канал двумя брандерами, затем подорвал заслон, прикрывавший вход в пролив, двумя заминированными баржами, нагруженными каждая 500 бочонками пороха, что дало возможность остальным брандерам войти в воды, где на якорях стояли четыре фрегата и одиннадцать линейных кораблей. Французские команды обрубили якорные канаты и позволили течению отнести их на береговую отмель. На следующее утро у французов в строю остались только два линейных корабля и фрегат. Кокрейн атаковал их имевшимися у него в резерве фрегатами. Два неприятельских судна и фрегат запылали, а два других корабля выбросили флаги, сигнализируя намерение сдаться.

Тактика флота

Ко времени начала Наполеоновских войн (1805–1815 гг.) процесс развития морских боевых приемов, или тактики, претерпевал воздействие уже более чем 200-летней эволюции. Выработавшийся за все это время лозунг выглядел просто: постройте корабли в одну линию за флагманом, затем приблизьтесь к противнику и открывайте огонь из пушек. Та сторона, орудия которой палили бойчее, обычно побеждала. В стремлении снизить воздействие падавших сверху обломков и осколков, на некоторых кораблях поднимали сети над верхними палубами. Гамаки, или кровати членов экипажа, вывешивались по бортам для уменьшения разлета отколовшихся от корпуса малых и больших фрагментов древесины. Для снижения опасности от другого источника осколков – корабельных шлюпок – их спускали на воду и привязывали к корме или вовсе бросали, надеясь при благоприятном исходе боя подобрать потом. Упоминаемые тут осколки не есть какие-то занозы, которые можно выковырять из тела иголкой. Нет, отколы эти представляли собой здоровенные и неровные куски дерева, способные запросто оторвать руку или ногу или пронзить тело насквозь.

Сделалось общепринятой практикой сажать на мачтах морских пехотинцев-снайперов или метких стрелков из матросов и поручать им «снимать» вражеских офицеров. Поскольку обычно огнестрельное оружие того периода позволяло в лучшем случае попасть куда-нибудь с дистанции 200 м, такие задания были, как бы сказали мы теперь, эксклюзивными.

Британцы развили тактику «crossing the tee», или «поперечного тэ» (то есть проведения поперечной черты в букве Т), состоявшую в выводе линии эскадры поперек вражеского строя против головного или замыкающего судна и в открытии затем массированного огня не в борт, а вдоль корпуса неприятельского корабля. Такой прием и назывался продольным прострелом. Все британские корабли по очереди сосредотачивали огромную огневую мощь против одной уязвимой точки. Подход требовал от британских командиров крепких нервов и умения держать себя в руках, поскольку вынуждал сначала принять на себя огонь противника при сближении и только потом, когда подходил строго определенный момент, позволял отвечать ему. Что, вероятно, еще сложнее, британским командам приходилось эффективно управляться с парусами, находясь под становившимся по мере сближения все более точным неприятельским огнем. Вышеназванную

1 Карронада на салазках
2 Ранняя карронада
3 Пушка Конгрива (ганнада)
4 Пушка Гувера
5 24-фунт. карронада

Карронады различных типов. Такие орудия создавались для стрельбы по морякам и солдатам, находившимся на борту вражеского корабля, зарядами из огромного количества маленьких шариков, или пуль. Принцип действия делал карронаду похожей на гигантский дробовик, вследствие чего получался обычно крайне сокрушительный эффект. Данные орудия отличались куда более коротким стволом и ограниченной дальностью огня по сравнению с нормальной пушкой. Стволы карронад обычно делали конусообразными, стремясь придать выстрелам больше кучности и обеспечить металлическим пулям возможность сохранить максимум энергии, вырабатывающейся при взрыве метательного заряда, для увеличения ударного воздействия.

технику усовершенствовал лорд Хоу (1726–1799) в «Славное первое июня» 1794 г., хотя та довольно путаная и беспорядочная морская битва закончилась вовсе не так славно, как утверждается. Французы потеряли всего семь кораблей, но ушли с остальными 19.

Самое действенное улучшение выразилось в разрубании строя. Одна или две колонны кораблей при таком приеме посылались прямо в середину неприятельской линии. Идущие дальше по ветру головные суда противника начинали отчаянно пытаться прийти на помощь отставшим товарищами, тогда как британцы сосредотачивали массированный огонь сменявших друг друга кораблей всего в двух точках вражеской линии. Трафальгар (1805 г.) служит отличным примером действенности подобного рода уловки. Самой близкой из крупных предшественниц французских Революционных и Наполеоновских войн (1792–1815 гг.) является для Британии война, которую она в 1775–1783 гг. вела против своих восставших североамериканских колоний. Британия не сумела достигнуть победы в ней преимущественно из-за вмешательства Франции и Испании и из-за последовавшего в 1781 г. крупного морского поражения в Чесапик-Бэй.

Но по-своему проиграла и Франция. Усиление налогообложения подданных французской короны, вызванное необходимостью оплачивать расходы на вышеупомянутую войну, привело к революции. Когда в 1793 г. Британия вступила во французские Революционные войны, за десять лет после окончания Войны за независимость США британский флот уже трижды проводил мобилизацию. В первый раз делалось это с целью поддержки Вильгельма Оранского, во второй – для борьбы с Испанией по причине торговых разногласий в Тихом океане, а в третий – против России в пользу Турции. Ни в одном из трех случаев дело не дошло до столкновений, однако мобилизации послужили неплохими репетициями. Теперь Британия знала, за что будет сражаться, и осознавала необходимость достигнуть господства на море над Францией и ее союзниками. Традиционная британская морская стратегия имела вид своего рода трезубца:

1) Запереть неприятельские корабли в гавани, где они сделаются безопасными, однако будут потреблять ценные ресурсы, ослабляя противника.
2) Вступать в битву с любыми судами, которые попытаются прорваться оттуда, с целью уничтожить или захватить их.
3) Доставлять войска и поддерживать их всем необходимым в любой точке планеты, где сочтет нужным правительство короля Георга.

Заморская угроза

Для поддержания и снабжения флота требовались иностранные базы. Хотя британская стратегия позволяла достигать господствующего положения в войнах, Британия не всегда и не во всем добивалась целей сразу. Франция, которая успешно оспаривала первенство у британцев менее 20 лет тому назад, корчилась в пламени революции. Как и вообще типично для подобных случаев, революционное правительство оказалось куда более жестким и кровожадным, чем его предшественники. Ему приходилось как консолидировать власть и укреплять собственное положение внутри Франции, так и отражать одно за другим нападения союзников и сторонников свергнутой монархии. Кампании чисток и казней политических оппонентов и акции по искоренению потенциальных гнезд контрреволюционного движения накатывались на страну, как штормовые волны на морской берег.

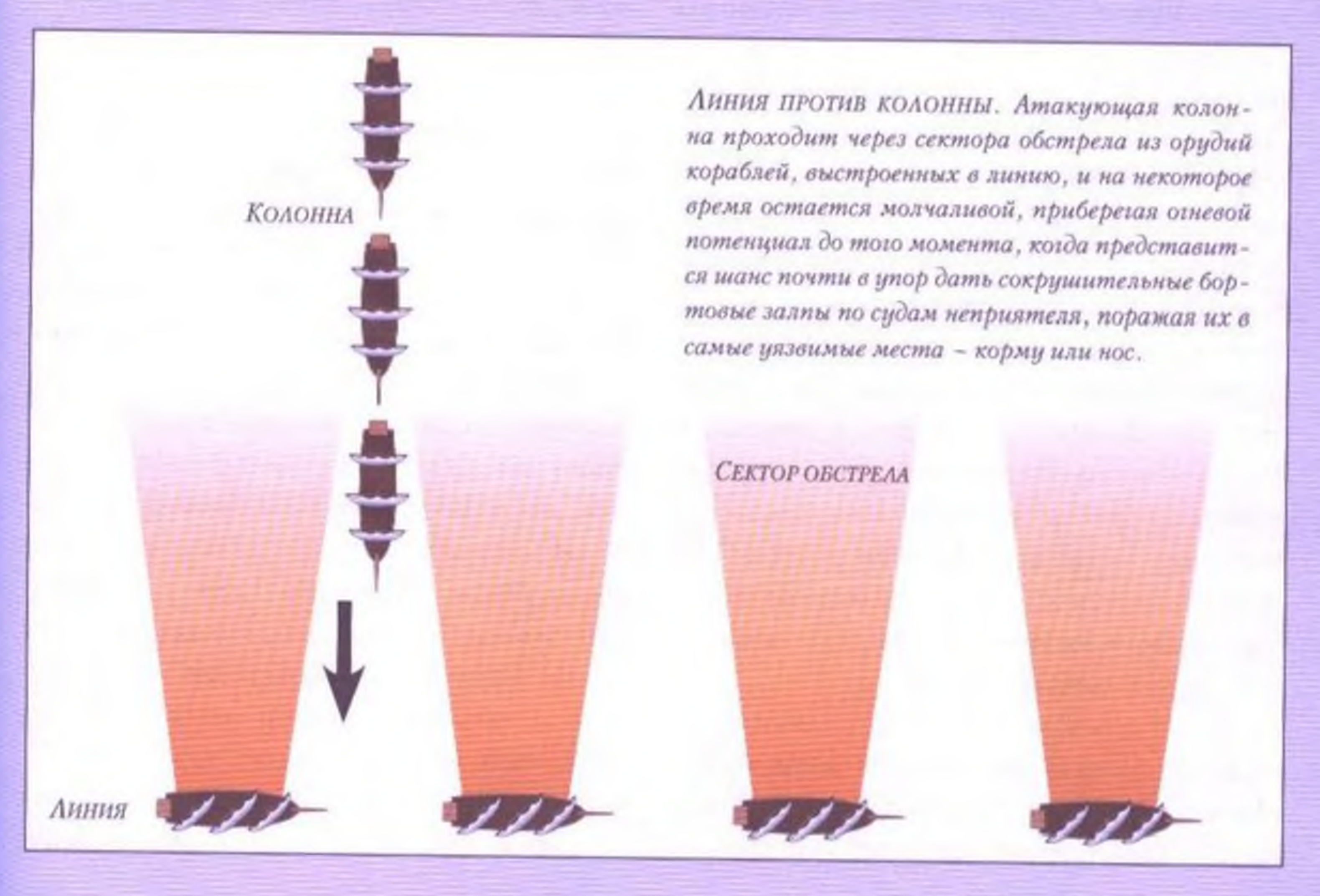
Стремление избавляться от армейских офицеров следует назвать довольно недальновидным, но сравнительно безопасным, поскольку их могли заменить опытные выходцы из рядов унтер-офицеров. В ВМС все обстояло гораздо хуже – французский военно-морской флот лишился огромного количества бывалых командиров и высококвалифицированных кадров. В 1790 г. половина офицеров «не смогла вернуться» из отпусков и приступить к своим обязанностям. К 1791 г. количество невозвращенцев достигло 80-процентной отметки.

Само собой разумеется, французский военно-морской флот, если не считать каких-то отдельных случаев, изо всех сил старался вернуть себе прежний уровень профессионализма. Так или иначе, он устроил два рейда против Ирландии и один – против Уэльса. Десанты не смогли разжечь на местах революционный огонь из искр недовольства, тогда как поддерживавшие операции эскадры были выслежены и отловлены британскими военными кораблями. Сильное формирование перешло в наступление на ньюфаундлендскую торговлю, но Королевский ВМФ (*Royal Navy*) смог предоставить суда сопровождения для входящих и исходящих конвоев и ответить противнику в том же духе.

В 1794 г. один французский караван, возвращавшийся из США с грузом зерна, необходимого Франции для преодоления последствий неурожая 1793 г., оказался застигнутым врагом в Ла-Манше, а его конвой был изрядно потрепан в день «Славного первого июня». В 1797 г. испанский флот, вынужденный выступать в качестве союзника французов, получил хороший урок в сражении вблизи мыса Сан-Висенти. Следовательно, ситуация требовала от французов развития превосходящей тактики не только на суше, но и на море.

Новые корабли поступали во французский имперский ВМФ преимущественно из оккупированных стран. Франция приобрела голландский, датский (захваченный кавалерией во время стоянки на якорях в замерзшей гавани), итальянский, испанский и венецианский флоты, а также и эскадру рыцарей ордена Св. Иоанна с Мальты. Путем заключения договоров Франция заручилась помощью русского флота и даже очень небольшого ВМФ США. Словом, сколько бы вражеских кораблей ни захватили или ни потопили британцы, им всегда приходилось иметь дело с все новыми и новыми.

Наполеон Бонапарт (1769–1821) впервые стрелял по британцам, возглавляя артиллерию в ходе французской осады Тулона, который обороняли британские, испанские и неаполитанские войска, оказывавшие поддержку местным роялистам. Тулон послужил толчком для карьеры Наполеона, скоро сделавшегося командующим войсками в Италии, а затем – армией вторжения в Египет в 1798 г. С точки зрения Директории – правительственного революционного комитета в Париже – операция против Египта позволяла Франции создать угрозу торговым путям, связывавшим Британию с Индией (то есть с источником значительной части британских богатств), а заодно давала возможность удалить Бонапарта как опасного игрока на политической сцене в Париже. Наполеон собрал около 35 000 чел. из «Итальянской армии» в различных портах Италии и эскадру сопровождения из боевых кораблей в Тулоне. Они соединились между собой на Мальте, принадлежавшей ордену рыцарей Св. Иоанна – религиозному и одновре-

Линия против колонны. Атакующая колонна проходит через сектора обстрела из орудий кораблей, выстроенных в линию, и на некоторое время остается молчаливой, приберегая огневой потенциал до того момента, когда представится шанс почти в упор дать сокрушительные бортовые залпы по судам неприятеля, поражая их в самые уязвимые места – корму или нос.

Сражение на Ниле – эпизод из продолжавшейся более 22 лет фактически мировой войны – стало свидетелем самого мощного из рукотворных взрывов в ту эпоху, когда взорвался пороховой погреб французского флагмана – 120-пушечного корабля «Л'Орьян». Случившееся на какой-то момент заставило стороны застыть в ужасе и изумлении прежде, чем битва возобновилась.

менно военно-политическому образованию, сохранившемуся с далеких времен Крестовых походов.

10 июня войска Наполеона высадились на острове в четырех разных точках. Встретив скорее символическое, чем действительное противодействие со стороны одной-единственной галеры и двух маленьких галиотов, французы быстро добились цели – страдавший от нехватки численности гарнизон острова сдался менее чем через 24 часа. Французская армада из 13 линейных кораблей и примерно 400 транспортников отправилась затем в восточном направлении, держа курс к южным берегам Крита, после чего, пробыв в море примерно неделю, повернула на юго-восток в сторону Александрии, куда и прибыла 1 июля.

Недостаток карт, в контраст с тем, как обстояло дело при захвате Мальты, когда к услугам экспедиционных сил французов имелись прекрасные образцы работы картографов, а также нехватка судов целевого назначения, приспособленных для высадки, превратили десантирование в адский кошмар. Британский флот под командованием контр-адмирала сэра Горацио Нельсона (1758–1805) подходил к берегу двое суток назад и мог вернуться в любой момент.

Наполеону приходилось спешить и как можно быстрее захватывать Александрию хотя бы уже из-за одного вопроса обеспечения снабжения войск водой. Он овладел портом и двинулся к Каиру, 21 июля столкнувшись с армией мамелюков в битве у пирамид, в которой французы одержали решительную победу. А где же находился Нельсон и британский флот? Отсутствие его может объясняться неполучением своевременных данных разведки, словом, адмирал просто ничего не знал о высадке французов. Перво-наперво, хотя британцы имели сведения о предстоящем вторжении, они не располагали информацией в отношении направления – не знали, что целью станет Египет. Переход под контроль Франции испанского флота и объединение двух флотов в Тулоне побудили оказавшихся в численном меньшинстве британцев к концу 1797 г. покинуть Средиземное море. Известия о сборе армии вторжения и эскадр сопровождения просочились в Лондон в апреле, хотя

сведения в отношении точных намерений и целей противника отсутствовали. Можно было предполагать попытку повтора неприятелем высадки в Ирландии или в Уэльсе.

Хронология как бы подчеркивает сложности, с которыми столкнулись британцы:

29 апреля – Лондон приказывает Средиземноморскому флоту отправиться на массированную «разведку боем» для выяснения цели эскадры вторжения.

30 апреля – Нельсон с Средиземноморским флотом прибывает к Кадису, что на юго-западе Испании.

2 мая – Нельсон отправляет из Лиссабона три линейных корабля, три фрегата и один шлюп для разведки в Средиземном море.

10 мая – до командования Средиземноморского флота добирается приказ от 29 апреля.

17 мая – Нельсон захватывает французский корвет, но не получает определенной информации.

19 мая – французский флот сопровождения покидает Тулон.

20 мая – сильный шторм разбрасывает фрегаты Нельсона и едва не топит флагман; на починку его на Сардинии уходит четыре дня. Фрегатам так более и не удается состыковаться с эскадрой Нельсона.

24 мая – к Средиземноморскому флоту, занятому блокадой Кадиса, приходит подкрепление из восьми линейных кораблей. Десять 74-пушечных кораблей, плюс «Леандр» с его 50 орудиями покидают устье реки Тежу в Португалии, чтобы усилить флот Нельсона.

1 июня – Нельсон, находящийся неподалеку от Тулона, ошибочно считает, что французская эскадра все еще стоит в гавани. Гавань удачно для неприятеля прикрывают множество скал и маленьких островков.

5 июня – известие о подходе подкреплений достигает Нельсона в виду Тулона.

6 июня – французский транспортный флот появляется у берегов Мальты.

7 июня – подкрепления прибывают к Тулону.

8 июня – Нельсон уходит от Тулона.

9 июня – французская эскадра эскорта оказывается в водах близ Мальты.

10 июня – французы высаживаются на Мальте.

11 июня – войска мальтийского ордена рыцарей Св. Иоанна капитулируют перед Наполеоном.

12 июня – Нельсон в виду Корсики.

17 июня – Нельсон вблизи Неаполя.

18 июня – французский флот уходит с Мальты.

20 июня – будучи в виду Мессины, Нельсон узнает о захвате противником Мальты.

22 июня – к Нельсону, находящемуся в виду мыса Пассаро, поступает известие об отбытии французов с Мальты и дальнейшем продвижении в юго-восточном направлении.

25 июня – Наполеон, располагаясь у берегов Кандии, получает подтверждение относительно выхода эскадры Нельсона на его поиски. Наполеон приказывает флоту взять курс на мыс Аза, к западу от Александрии.

28 июня – флот Нельсона курсирует в виду Александрии, но не находит никаких признаков присутствия французов и уходит в северном направлении.

29 июня – французский флот вблизи мыса Аза.

1 июля – французский флот подходит к Александрии.

4 июля – Нельсон в виду берегов Южной Турции.

19 июля – Нельсон принимает на борт предметы снабжения в Сиракузах, на Сицилии.

24 июля – Нельсон уходит из Сиракуз, направляясь к Морее *en route* (на пути) к Александрии.

28 июля – Нельсон, находясь у Корона, узнает о том, что четыре недели тому назад французы были в виду Кандии, когда следовали в направлении Александрии.

1 августа – в 10 часов утра Нельсон подходит к Александрии. Британцы видят французские транспортники в главной гавани, однако не находят ни следа присутствия крупных боевых кораблей.

1 августа – в 1 час пополудни французские боевые корабли обнаружены в заливе Абукир, в 25 км восточнее Александрии.

Таким образом, Нельсон просмотрел французский флот, который ускользнул от него на пути к африканскому берегу и нашел себе место в заливе, тогда как британцам, вследствие допущенной промашки, пришлось потратить на поиски противника целый месяц.

Битва на Ниле, 1 августа 1798 г.

Высадив армию, включавшую в себя 24 000 пехотинцев, 4000 кавалеристов и 3000 артиллеристов с их орудиями, французский флот сопровождения бросил якорь в заливе Абукир в дельте Нила к востоку от Александрии. Главную бухту Александрии заполнили транспортники, к тому же она была слишком мелкой для крупных боевых судов. Командовавший флотом вице-адмирал Франсуа Брюэс (1753–1798), вне сомнения, испытывал чувство удовлетворения от достижения такого положительного результата, к тому же без битвы с английской эскадрой, встречи с которой ему удавалось избегать на протяжении нескольких месяцев, он позволил себе расслабиться. Наполеон находился где-то на пути к Каиру, солнце сияло, море оставалось спокойным. Корабли сделали свое дело для Восточной армии генерала Наполеона Бонапарта.

На тот момент Брюэс даже не принял должных мер предосторожности. Он не отдал приказа поставить суда на шпринги – канаты, закрепленные на носу и корме и соединенные со становым якорем для удержания судна в требуемом положении, что позволило бы команде менять угол положения корабля, а следовательно, сектор обстрела в соответствии с надобностью (см. ниже). Если бы Брюэс сделал это, то смог бы вести огонь по целям в море. Вместо того корабли просто стояли на якоре, а потому требовали пространства для разворота в зависимости от ветра. Поскольку ветер дул с севера – с того направления, с которого следовал Нельсон, корабли французов могли стрелять только на восток или на запад. Как бы там ни было, коль скоро сам Брюэс благодушествовал, такое же настроение воцарилось среди его капитанов и их команд.

Часть членов команд находилась на берегу в Александрии, в порту, где помогала коллегам с торговых судов разгружать их. Тенты и прочие вещи, потребные в ходе медленного плавания в условиях столь жаркого климата, остались не снятыми с верхних палуб французских кораблей. Мусор и разного рода принадлежности, никем не убираемые, потихоньку накапливались на нижних орудийных палубах. Командование не позаботилось о формировании патрульной эскадры, которая могла бы известить его о приближении противника. Даже тогда, когда британский флот находился возле Александрии и командующий его знал о происходящем в главной гавани, никто не сообщил об опасной близости врага французскому адмиралу, пребывавшему в полном неведении об опасности всего примерно в 25 км оттуда, на берегу залива Абукир.

Брюэс поставил флот на якорях в таком порядке с запада на восток:

В первой линии:

«Геррье» (74 пушки)	*«Конкеран»* (74)
«Спартиат» (74)	*«Акилон»* (74)
«Пёпль Суверен»(74)	*«Франклин»* (80) контр-адмирал Бланке дю Шайла
«Л'Орьян» (120) вице-адмирал Брюэс	
«Тоннан» (80)	*«Эрё»* (74)
«Меркюр» (74)	*«Гийом Телль»* (80) контр-адмирал Вильнёв
«Женерё» (74)	*«Тимолеон»* (74)

Во второй линии (фрегаты):

«Серьёз» (36)	*«Артемиз»* (40)
«Диан» (40)	*«Жюстис»* (40)

Под прикрытием боевых кораблей флота, располагаясь еще ближе к берегу, стояла на якорях точно не установленная по количеству и названиям группа малых судов.

Место французской стоянки в 1 час пополудни засекли моряки с «Зелоса». Нельсон действовал в типичной для него решительной манере. Матросы на британских судах поставили больше парусов, и те устремились на восток. План был прост. Британский командующий разделил силы на две колонны: одной предстояло заходить на вражескую эскадру со стороны, обращенной к морю, а второй – со стороны суши.

Заходившая от берега колонна Нельсона строилась в следующей последовательности:

«Голиаф» (74 пушки)	*«Зелос»* (74)
«Орион» (74)	*«Одейшес»* (74)
«Тезей» (74)	

Заходившая с моря колонна Нельсона:

«Вэнгард» (74)	*«Минотавр»* (74)
«Дифенс» (74)	*«Беллерофон»* (74)
«Мэджестик» (74)	*«Леандр»* (50)

На север:
«Куллоден» (74)

На запад и со всей возможной скоростью:

«Александр» (74)	*«Суифтшюр»* (74)

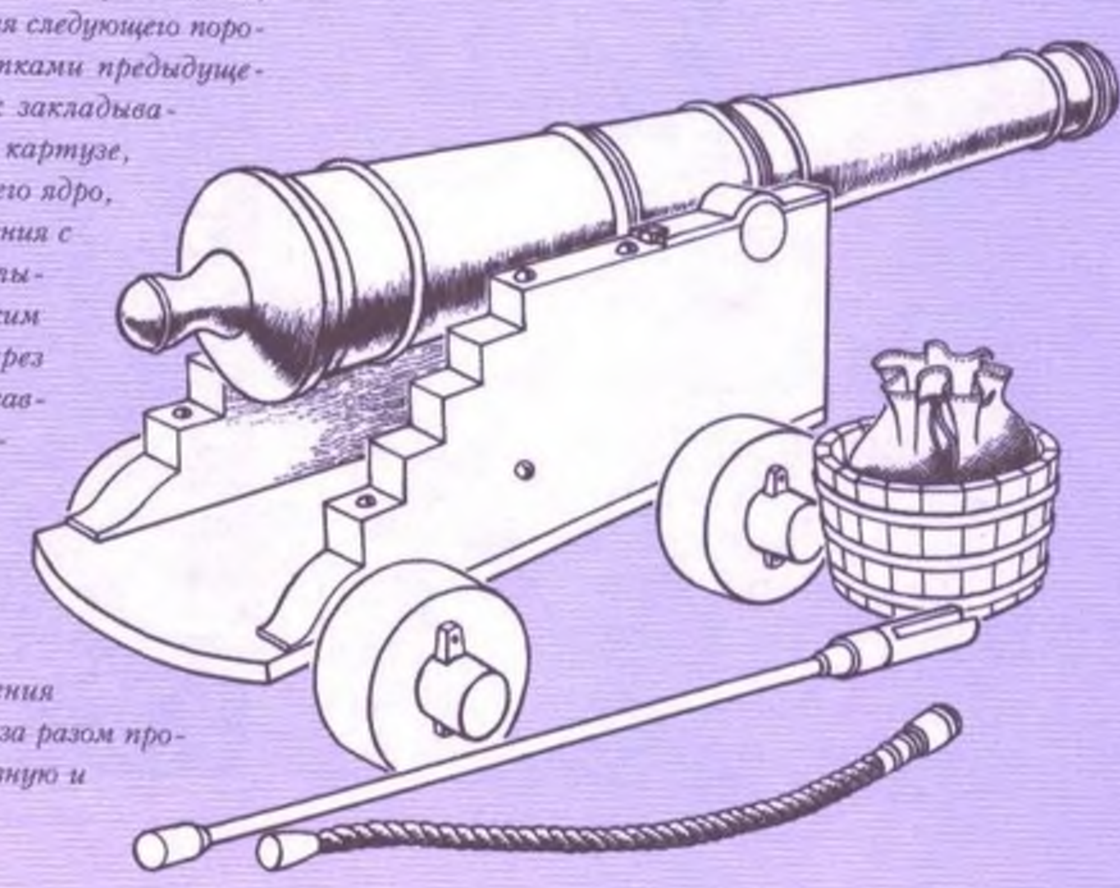
И державшийся позади, дабы избегнуть риска быть обращенным в пыль, 18-пушечный бриг «Мютин».

Брюэс готовится к сражению

Таким образом, французы оказывались между двух огней. Поскольку при данном построении ветер дул в спину Нельсону во время его наступления на противника, британский командующий приказал травить на кораблях кормовые якоря. Такое решение позволяло останавливать суда и обрушивать весь огонь на неприятельский корабль, подавляя его противодействие, после чего – переходить к следующему. Как и французы, британцы не располагали хорошими картами местности и не знали наверняка, где хватало, а где не хватало глубины для прохода кораблей без риска сесть на мель. Когда они шли под парусами в восточном направлении, то на какое-то время узрели вожделенную цель – вражеские корабли – в образовавшееся ненадолго окно между фортом Абукир и островком с тем же названием. Простые матросы, обычно сидевшие на британских судах на реях, увидели целый лес из 60 мачт находившейся еще далеко линии кораблей, команды которых в поспешности готовились к встрече с Королевским ВМФ.

Тем не менее проход между фортом и островком был предательски мелким, и британской эскадре пришлось идти в обход последнего из них. Однако британские моряки не заметили батареи из четырех 12-фунт. пушек и двух 33-см мортир, установленной по распоряжению Брюэса на другой стороне островка и, следовательно, пребывавшей в положении, позволявшем ударить по любым неприятельским судам, шедшим в параллель со стоявшим на якоре французским флотом.

Французам и в самом деле хватало забот. Когда около 2 часов пополудни вице-адмиралу Брюэсу доложили о появлении английского флота, он приказал убрать палубы и приготовиться к бою. Понимая, что при нехватке личного состава на борту кораблей он не сможет поставить паруса, вывести свой флот в море и

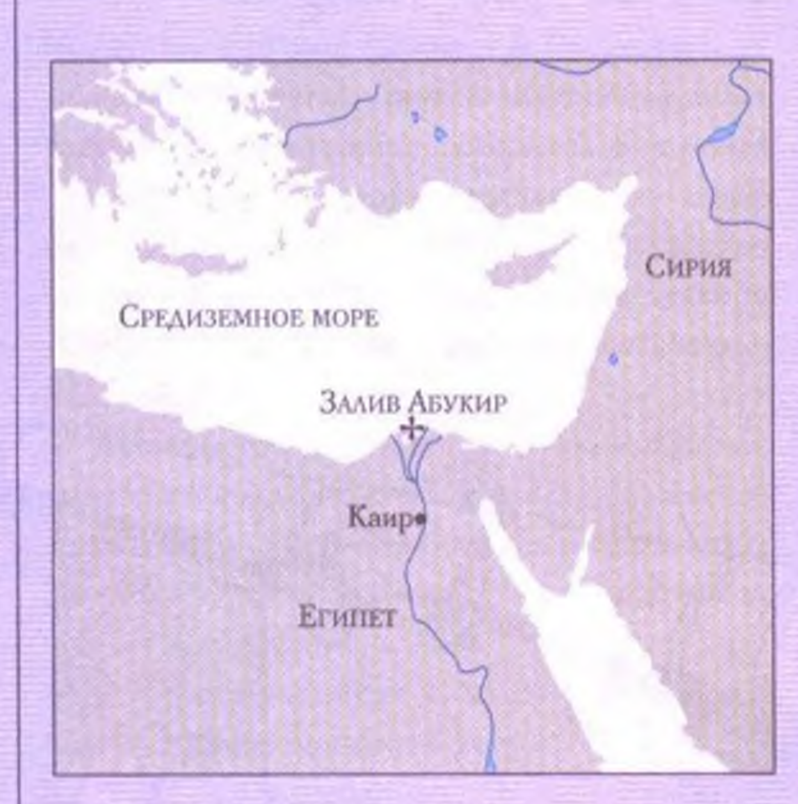

Испанская 24-фунт. пушка. После выстрела пушка под действием силы отдачи откатывалась от борта. Ствол надлежало сначала как следует прочистить, дабы не допустить воспламенения следующего порохового заряда тлеющими остатками предыдущего выстрела. Затем в казенник закладывали очередную порцию пороха в картузе, или парусиновом мешке, после него ядро, которое вбивали до соприкосновения с зарядом. Затем канонир прокалывал оболочку заряда металлическим нагелем, или протравником через канал запального отверстия и вставлял в него так называемую «скорострельную трубку» с высококачественным порохом. Затем орудие выдвигалось обратно на огневую позицию готовым к стрельбе. Все вышеперечисленные процедуры требовали привлечения восьми человек, вынужденных раз за разом проделывать трудоемкую, однообразную и утомительную работу.

Битва на Ниле

1 августа 1798 г.

Нельсон застал французский флот на якорях неготовым к сражению и к тому же при неполных командах. Хотя французы сделали максимум возможного для исправления катастрофического положения, все равно усилий их оказалось совершенно недостаточно. Британские корабли сосредоточили огонь на западной оконечности вражеского строя и один за другим крушили французские суда, в то время как те не получали никакой поддержки от товарищей на восточной оконечности линии. Британцы продолжали делать свое черное дело, когда в какой-то момент сражения в воздух взлетел французский флагман, 120-пушечный «Л'Орьян». Матросы трех французских линейных кораблей обрубили якорные канаты и выбросили суда на берег, команды их пополнили ряды сухопутной армии Наполеона. Ускользнуть сумел только вице-адмирал Вильнёв с двумя кораблями. Уничтожение французского флота привело к тому, что армия очутилась в западне. Сам Наполеон покинул Ближний Восток, избежал встречи с британскими кораблями и вернулся во Францию, где его скоро объявили пожизненным первым консулом. Остатки французской армии добивали прибывшие в Египет британские экспедиционные силы (одна армия из Европы, другая из Индии) и войска Османской империи.

Французская Директория очень бы хотела удержаться у власти, потому члены ее согласились отправить наиболее талантливого генерала, Наполеона Бонапарта, куда подальше с глаз долой выполнять безумный план завоевания Египта. Наполеон обманул чаяния надеявшихся избавиться от него недоброжелателей и захватил страну, однако не смог удержать ее ввиду отсутствия поступления снабжения и подкреплений из Франции.

Замок Абукир

1 Доставив Восточную армию Наполеона в гавань Александрии, французский флот отходит на «безопасную» якорную стоянку в заливе Абукир.

2 Французский флот обнаружен двумя линейными кораблями британцев. Нельсон утратил контакт с имевшимися у него в распоряжении фрегатами, а потому вынужден в качестве разведчиков полагаться на более крупные суда.

3 Заходящая от берега часть эскадры Нельсона следует к линейному кораблю на самой западной оконечности французского строя, проскакивает на позицию между ним и берегом, бросает якоря и приступает к массированному обстрелу противника.

4 Заходящая с моря часть эскадры, выдвигаясь на позиции перед вражескими судами, в свой черед проделывает все то же самое с внешней стороны французской линии. Каждый французский корабль подвергается нападению двух или даже более британских.

5 Потрепанный «Беллерофон» отходит, подранком ковыляя прочь, после того, как его накрывает огнем куда более крупный корабль противника – флагман «Л'Орьян». Это позволяет другим британским кораблям приблизиться к французскому гиганту, держась вне поля обстрела его грозной бортовой артиллерии.

6 Команды трех французских кораблей рубят якорные канаты и выбрасывают суда на берег, тогда как вице-адмирал Вильнёв спасается бегством из залива с двумя другими кораблями.

HMS «Вэнгард»

«Л'Орьян»

Французский флот

HMS «Беллерофон»

Французские фрегаты

принять сражение там, Брюэс предпочел биться, держа суда на якорях.

Брюэс велел капитанам перебросить канаты на корабли у них за кормой. Если таким образом он намеревался не дать британцам прорвать линию строя, тогда план не сработал.

Как бы там ни было, французский командующий отдал приказ подсоединить шпринги – толстые тросы – к якорным канатам. Все это было куда легче приказать, чем выполнить, и требовало времени и большого количества людей. Им приходилось тянуть длинный и толстый – до 20 см в диаметре – канат, закрепляя его в соответствующих точках внизу на носовом якорном конце и на корме, чтобы потом, по мере необходимости, за счет натяжения шпрингов ставить судно бортом к ветру или течению.

Шпринги позволяли даже недоукомплектованным командам управлять положением кораблей и поворачивать их лагом к противнику для полноценного ведения огня. К большому несчастью для французов, ограниченному количеству матросов просто не хватало рук для своевременной постановки шпрингов, как не успевали моряки и как следует очистить палубы.

Само собой разумеется, суматошная обстановка затрудняла способность команд должным образом обслуживать пушки, особенно с левого борта, обращенного к суше. Поистине Брюэс создал в заливе Абукир настоящую плавучую «линию Мажино». Как ни жаль, его урок ничему не научил соотечественников 100 с лишним лет спустя. Брюэс также задействовал два брига, «Райёр» и «Алерт», с наказом нарочно задержаться на мелководье между островком и берегом в попытке заманить британцев возможностью проскочить там, где они почти наверняка сели бы на мель.

Первый выстрел прозвучал в 6:20 вечера. Прошло почти пять с половиной часов с того момента, когда с «Зелоса» заметили французов, что говорит о том, насколько слабо показывали себя корабли той эпохи, двигаясь против ветра. Тем не менее, когда британские суда обогнули островок, ветер стал дуть им в корму.

Морская пушка. Ствол покоится казенной частью на лафете, где между ними помещается широкий клин. Путем смещения его вперед и назад представлялось возможным регулировать угол вертикальной наводки, однако нацеливание морской пушки требовало куда большей сноровки, чем на суше, поскольку приходилось выбирать момент, учитывая постоянно менявшийся градус крена корабля. Практически на такие же лафеты ставили и крепостные пушки.

1 Ствол
2 Деревянный лафет (тележка)
3 Пороховой рожок
4 Ушат с фитильным пальником
5 Ядро
6 Картечная бомба
7 Пороховой заряд (картуз)
8 Ножи
9 Шуфла (для рассыпного пороха)
10 Пыжовник
11 Прибойник
12 Банник
13 Рычаг (для наведения пушки)

Обе колонны повернули на правый борт, при этом заходившая от берега колонна стремилась к западной оконечности французской линии с последующим обходом противника там и выходом на него с левого борта.

Нельсон выступает в бой

Возглавлявший британцев «Голиаф» принял первые выстрелы с французского корабля «Геррье» и расположенной на островке батареи. Затем британский лидер прошел мимо бака «Геррье» и ударил огнем и железом в уязвимую точку. На «Голиафе» замешкались с выбросом якоря, а потому судно остановилось на уровне кормовой части «Конкерана» слева, при этом французский фрегат «Серьёз» оказался у «Голиафа» спереди и справа. Корабли обменялись жаркими залпами с бортов. «Зелос» последовал за «Голиафом», а когда солнце повисло на западе, принялся с воодушевлением палить по «Геррье», сбил последнему выстрелами фок-мачту, вставая тем временем на якорь на уровне бака по левому борту противника. «Орион» прошел за «Зелосом», обогнул его и опасно приблизившегося к берегу «Голиафа», затем дал по несчастному фрегату «Серьёз» полный бортовой залп, превратив вражеское судно в лишенные мачты тонущие обломки, после чего отдал кормовой якорь, будучи почти вровень с линейным кораблем «Пёпль Суверен».

К тому времени заходившая от берега колонна утратила строй, тогда как противоположная колонна, вынужденная изначально держаться дальше, уступая пространство первой, четко и организованно следовала курсом в направлении центра французской линии с гигантским 120-пушечным «Л'Орьяном». «Одейшес» из заходящей от берега колонны проскочил в промежутке между «Геррье» и «Конкераном», подобравшись меньше чем на 50 м к последнему. Тем временем «Геррье» подвергся атаке двух британских кораблей с бака и с юта и мог отвечать врагу огнем лишь немногих стволов. «Конкеран» тоже немало пострадал от назойливого внимания к нему со стороны двух судов, «Одейшеса» и «Голиафа». «Тезей» шел по пятам и проследовал между «Зелосом», «Голиафом» и их целями, бросая якорь примерно в 250 м ближе к берегу от «Спартиата».

Матрос, стреляющий из небольшой карронады с марса мачты по верхней палубе вражеского судна. Ему следует проявлять особую осмотрительность, следя за тем, как бы вспышка от выстрела пушечки не подпалила паруса собственного корабля. На верхотуре не так-то много места для размещения боеприпасов, посему в случае продолжительного боевого столкновения их приходилось поднимать туда с нижних палуб.

С другой стороны от него на траверсе всего в 75 м – на дистанции огня в упор – остановился флагман Нельсона «Вэнгард». Затем по порядку у британцев продвигался «Минотавр», занявший позицию против «Акилона». «Дифенс», приближавшийся к цели за «Минотавром», выстроился против «Пёпль Суверена», с другого борта у которого уже находился «Орион». «Беллерофон» преследовал французское судно «Франклин» и закончил путь возле «Л'Орьяна» с его почти вдвое большим количеством пушек. Выполняя указания Нельсона, «Мэджестик» подтянулся для вступления в обмен огнем с «Тоннаном».

Британским кораблям потребовалось около часа для выхода на огневые позиции, и хотя они наносили врагу немалый урон, не все складывалось совершенно безоблачно и для них.

К несчастью, горя желанием поскорее вступить в драку, капитан «Куллодена» слишком

неровно срезал путь вокруг отмелей у островка и сел на мель. «Леандр» остановился, пытаясь подать посильную помощь, но рули «Куллодена» отпустило только лишь в первые часы после полуночи. Этот корабль так и не принял участия в бою. «Леандр», задержавшийся в попытках оказать содействие «Куллодену», около 8 часов вечера вступил в сражение, где схватились гиганты. Корабль прошел через брешь, оставленную выбившимся из линейного строя «Пёпль Сувереном». Он («Леандр») проследовал мимо лишенного мачт «Беллерофона», которого относило прочь от могучего «Л'Орьяна». Бортовыми залпами «Леандр» посеял смятение и смерть на палубах «Франклина» слева и «Акилона» справа. За «Леандром» спешили «Суифтшюр» и «Александр».

«Победа не есть слово, достаточно сильное для описания подобных сцен».

Адмирал Нельсон, обозревая плавающие руины, в которые превратились многие суда после битвы на Ниле

Первый из этих двух отдал якорь вблизи бака по правому борту «Л'Орьяна», а второй – слева у кормы все того же «Л'Орьяна». Заняв такие позиции, британские корабли имели цели для их полных бортовых батарей, в то время как французы могли отвечать лишь частью своих пушек.

План Нельсона осуществлялся, таким образом, полностью. Его меньший по численности флот успешно сосредоточил имевшиеся в распоряжении силы против части французского флота, вдвое уступавшей британцам. Теперь ход оставался за Брюэсом – наступал момент попробовать воспользоваться численным преимуществом и превосходством в огневой мощи, чтобы раздавить британский флот. У французов еще имелись запасные ресурсы, тогда как британцы ввели в действие все силы и более не располагали резервами. Как бы там ни было, пушечные ядра летали вокруг, точно ласточки или стрижи, и вскоре после вступления в дело «Суифтшюра» и «Александра» Брюэс погиб, да и капитан его флагмана довольно быстро затем получил смертельное ранение.

Нет ничего удивительного в том, что «Л'Орьян» загорелся. В период между 8 и 9 часами вечера связанные боем и оказавшиеся в меньшинстве на местном уровне французские корабли гибли один за другим. «Геррье» сдался после трех часов отчаянной перестрелки. «Конкеран» продержался всего 12 минут – две из трех мачт он потерял от вражеского огня и уже ни на что не годился. «Спартиат» капитулировал около 9 часов вечера, после того как побывал в бою не менее чем с четырьмя разными британскими противниками.

Для «Акилона» война закончилась в 9:25 вечера, когда судно потеряло все мачты и большую часть команды. «Пёпль Суверен» с перебитым якорным концом отнесло в сторону от линии, но корабль вновь отдал якорь на траверзе «Л'Орьяна». Флагман к тому времени уже загорелся, и около 10 часов вечера пламя, судя по всему, добралось до порохового погреба, поскольку произошел такой гигантский по силе взрыв, что обе стороны на время утратили способность сражаться, остолбенев от ужаса и шока и прекратив пальбу. Разлетевшиеся в разные стороны пылающие обломки вызвали возгорания на французском «Франклине» и британском «Александре», но на обоих кораблях команды сумели погасить пожары. Некоторое время спустя «Франклин» сдался.

«Тоннан», очутившийся непосредственно за кормой «Л'Орьяна», успешно обменивался огнем с «Мэджестиком», грот- и бизань-мачты которого он срубил ядрами. Особое мужество проявил в этом бою капитан «Тоннана», Аристид-Обер Дюпти Туар (1760–1798). Сначала он потерял правую руку, затем левую, потом еще и ногу, но, прислоненный к бочонку с отрубями, продолжал командовать, пока не истек кровью и не умер. Еще два французских корабля покинули линию и выбросились на берег, а потом сдались командам «Александра» и «Леандра». Фрегат «Артемиз» мощно выпалил с борта по «Тезею», затем спустил флаг, но, поскольку уже горел, взорвался. Французский фрегат «Жюстис» поставил паруса и попытался захватить «Беллерофон», от каковой затеи его отвадил «Зелос». Французский 74-пушечный корабль «Тимолеон» выскочил на мель при попытке спастись бегством. Удалось улизнуть только линейным кораблям «Гийом Телль» (т.е. Вильгельм Телль) и «Женерё», а также фрегатам «Диан» и «Жюстис». Этим спасшимся отрядом из четырех судов командовал контр-адмирал Пьер-Шарль Вильнёв (1763–1806). Семнадцать французских кораблей потерпели полное поражение от всего лишь тринадцати британских – славная победа, как ни считай. Нельсон столкнулся с сильной, но неподвижной линейной обороной, умело использовав силы и нанеся противнику удар превосходящими силами, сконцентрированными против узкого участка. Разгром флота обрек французскую армию на упорную, но бесполезную борьбу на Ближнем Востоке вдали от родины; казалось, такая же судьба ожидает и возглавлявшего ее молодого генерала.

Лорд Горацио Нельсон, изображенный английским художником сэром Уильямом Бичи (1753–1839).

Наполеон ускользает

Однако молодые и амбициозные генералы, способные доставлять массу хлопот своим противникам, редко так запросто дают шанс запереть себя в ловушку. Периодически громя тщетно пытавшихся извести оккупационное войско египтян, но не имея возможности с боями пройти по землям всей империи османов на востоке Средиземноморья, Наполеон оказался вынужден тайно покинуть армию. Он вернулся во Францию на одном корабле с лишь немногими старшими коллегами и товарищами. В его отсутствие военное положение Французской республики заметно ухудшилось. Она утратила почти все свои приобретения в Италии и была вынуждена сражаться против нового альянса враждебных государств. В этот антифранцузский союз, известный как Вторая коалиция, входили Австрия, Британия, Неаполь, Португалия, Османская империя, Россия и Ватикан. Францию атаковали на всех фронтах.

Атака, как известно, лучшая форма обороны, а Наполеон и не рассматривал иных вариантов стратегии. Он вновь отвоевал Италию, отбросив неприятеля и на других участках.

Заключенный в 1802 г. Амьенский мир дал Европе передышку, продлившуюся, однако, недолго. Заручившись политической помощью друзей, Наполеон осуществил один из наиболее известных в истории *coups d'état*, или государственных переворотов, который имел далеко идущие последствия. Новый режим, сменивший Директорию, именовался Консульством. Он представлял собой этакий триумвират из трех консулов, главным из которых, или первым консулом, являлся Наполеон, фактически сосредотачивавший в своих руках всю полноту власти. Война с Британией возобновилась, и, как и всегда, Наполеон намеревался перейти в наступление. «Армия Англии» (или «Английская армия») численностью 160 000 чел. собралась в Булони; стартовали работы по строительству барж для флота вторжения. В Англии вспыхнула самая настоящая паника. Началась перепись годных к ношению оружия мужчин и учет потенциального оружия, в списки которого в портах Ла-Манша входили чуть ли не стамески. Бонапарт превратился в пугало – родители стращали им детей, если те не желали слушаться.

На этой диаграмме показывается, как следует маневрировать поперек курса чужого корабля, не подставляя корму под бортовой огонь. Самым слабым местом любого судна служила корма, через которую противник мог простреливать его по всей длине корпуса.

Но для обеспечения флотилиям из барж возможности достигнуть английского берега требовалось, самое меньшее, заполучить временное превосходство в водах Ла-Манша. Понимая это, Наполеон планировал заманить британские блокировочные эскадры подальше от французских берегов и успеть произвести вторжение прежде, чем флот вернется. Осуществлять данную схему действий выпадало французским эскадрам из Тулона и Бреста, а также испанским флотилиям из Картахены и Кадиса. Согласно замыслу Наполеона, они должны были порознь отплыть в Вест-Индию и соединиться там в один огромный флот, вероятно, не менее чем из 40 линейных кораблей. Затем такая громадная сила вернулась бы в Ла-Манш, смела британские морские патрули, находившиеся в проливе, и обеспечила эскортное сопровождение баржам, собранным для переброски войск из Франции в Англию. До известной степени план осуществился.

Битва при Трафальгаре, 21 октября 1805 г.

Командование военно-морскими силами в Тулоне принял Вильнёв, сумевший вырваться из залива Абукир; этот адмирал, располагавший одиннадцатью линейными кораблями и шестью фрегатами, поставил парус первым. Отплытие флота не укрылось от внимания капитанов двух британских фрегатов, и те поспешили сообщить об этом лорду Нельсону (он стал пэром после победы на Ниле), который пока находился неподалеку от Сардинии. Вильнёв задержался в Картахене на двенадцать часов – как раз достаточно для того, чтобы показать силу и отдать приказы. Затем он снова снялся с якоря, проследовал Гибралтар и остановился в Кадисе, где вновь отдал приказы и поспешил дальше. Местом встречи избрали Мартинику в Карибском море. Там к Вильнёву присоединился флот из Кадиса – плюс семь линейных кораблей. Позднее еще два судна прибыли из Рошфора с приказом для адмирала вернуться в Европу и соединиться с флотом из 12 кораблей в Эль-Ферроле, расположенном на северо-западном побережье Испании, а затем продолжать движение в северном направлении к Бресту (порту на полуострове Бретань, где британцами был заблокирован 21 французский корабль).

Пока Вильнёв выполнял данные ему указания, Нельсон бросился в погоню. Однако Вильнёв давно уже растаял за горизонтом, пока Нельсон в Гибралтаре гадал о направлении движения противника, прикидывая, где искать его, и в итоге ошибся, взяв южнее.

После столкновения с вице-адмиралом сэром Робертом Колдером (1745–1818) чуть западнее Эль-Ферроля Вильнёв сумел достигнуть цели: войти в Эль-Ферроль и соединиться с 12 базировавшимися там судами. Если принять в зачет потери, у него под началом оставалось 28 кораблей, в то время как шедший за ним Колдер имел всего лишь 15; последний наконец счел осторожность лучшей стороной доблести и отступил, оставшись поджидать прочие британские силы у Уэссана.

Гонки

Представленное далее расписание действий показывает в поэтапном режиме «игры в догонялки» между Вильнёвом и Нельсоном весной и летом 1805 г.:

30 марта 1805 г. – Вильнёв выходит из Тулона.

7 апреля – Вильнёв в виду Картахены.

9 апреля – Вильнёв следует через Гибралтар.

9 апреля – Вильнёв бросает якорь в Кадисе.

18 апреля – Нельсон, будучи вблизи Сардинии, узнает о прохождении французами Гибралтара.

11 мая – Нельсон, находясь в виду Лагоса (Португалия), бросается в преследование за Вильнёвом.

16 мая – Вильнёв прибывает к месту встречи (рандеву) на Мартинике.

30 мая – Вильнёв получает подкрепление из Рошфора вместе с инструкциями из Парижа.

5 июня – донесение Нельсона, датированное 11 мая, приходит в Лондон. Вильнёв отплывает с Мартиники. Нельсон отправляется в море с Барбадоса.

6 июня – Вильнёв вблизи Доминики.

8 июня – Вильнёв перехватывает британский конвой, державший курс к Эль-Ферролю.

9 июня – Нельсон узнает, что 6 июня Вильнёв побывал на Доминике.

12 июня – Нельсон, находясь в виду Антигуа, устремляется к Гибралтару.

6 июля – командование британского флота в Ла-Манше получает сведения о нахождении Вильнёва на Мартинике.

17 июля – коммодор Альман вырывается из Рошфора с пятью линейными кораблями.

18 июля – Нельсон подходит к Кадису и затем направляется домой в отпуск. Он пробыл в море на борту HMS «Виктори» свыше двух лет.

22 июля – Вильнёв прибывает в точку к востоку от Эль-Ферроля с 20 линейными кораблями и вступает в бой с эскадрой Колдера из 15 линейных кораблей. Британцам удается захватить два испанских корабля и сильно повредить еще два. Плохая погода заставляет стороны прекратить сражение.

25 июля – Вильнёв оставляет два поврежденных судна в бухте Виго и идет к Эль-Ферролю.

31 июля – Вильнёв прибывает в Эль-Ферроль, после чего общее число линейных кораблей в его командовании достигает 28. Пока все идет хорошо.

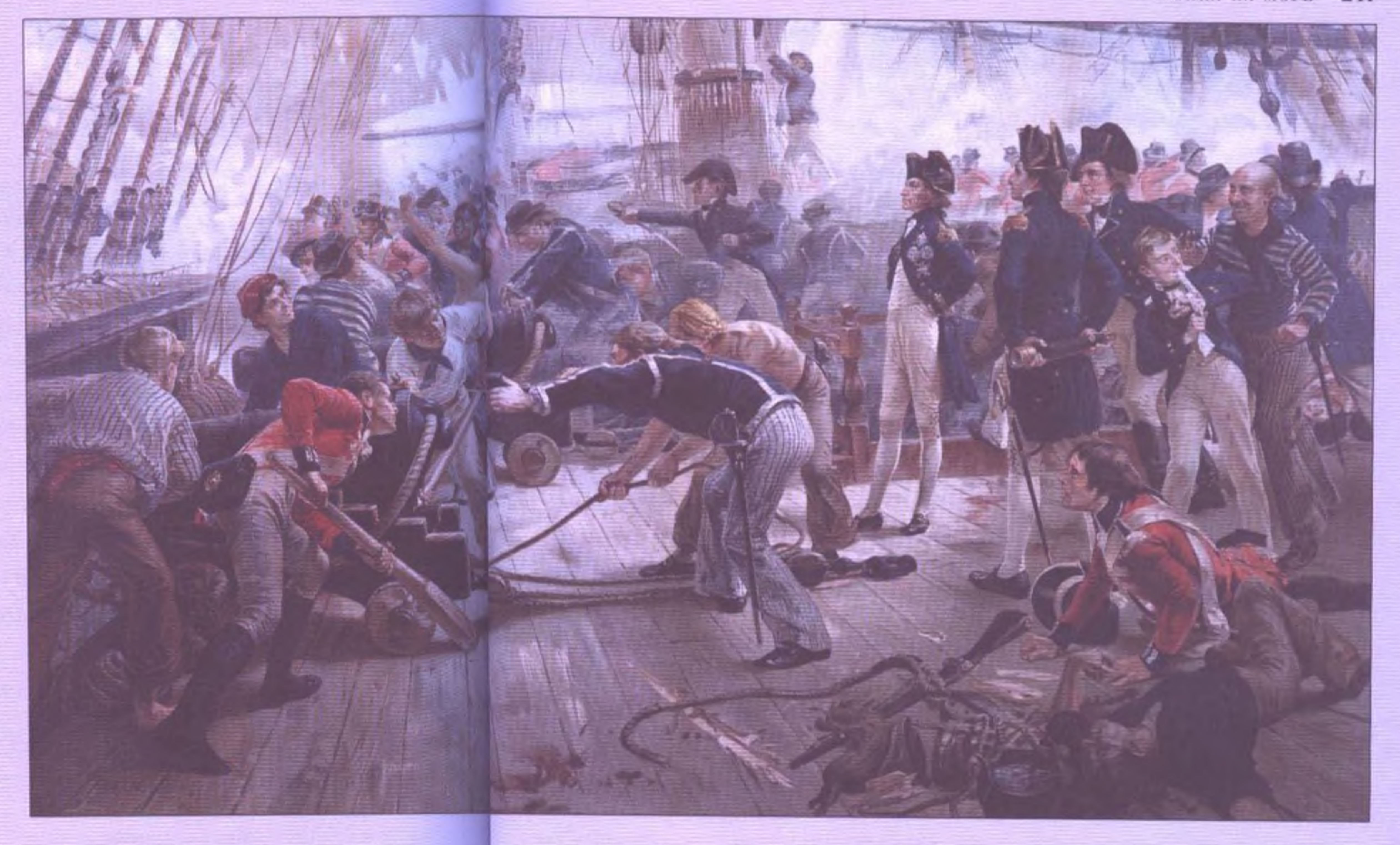
9 августа – Вильнёв со всем флотом отправляется на поиски Альмана, который находится в море с еще пятью кораблями.

> *«Дело английского главнокомандующего состоит в том, чтобы, в первую очередь, вынудить неприятельский флот принять битву на наиболее выгодных для себя условиях... и, во-вторых, поддерживать ее до тех пор, пока все дело не будет сделано».*
>
> Нельсон

Поворотный момент

Вильнёв не сумел отыскать коммодора Альмана. Если бы ему это удалось, Вильнёв, по всей видимости, повернул бы на север в направлении Бреста и освободил заблокированные там крупные военно-морские силы французов (21 корабль). Тогда численность всего флота составила бы, принимая во внимание возможные потери, где-то 50 кораблей. Трудно представить себе, как британский флот, находившийся тогда только в виду Кадиса, смог бы нагнать противника, сделай он такой ход. Подобный оборот событий, безусловно, послужил бы сигналом для погрузки на суда «Английской армии» и отправки ее в Южную Англию. Однако случилось нечто иное. Вильнёв повернул на юг, к Кадису, где еще шесть испанских кораблей, вполне могущие быть ему полезными, очутились запертыми вице-адмиралом Катбертом Коллингвудом (1748–1810) и его небольшой эскадрой. 20 августа Вильнёв прибыл в Кадис, что увеличило количество кораблей, имевшихся в его распоряжении, до 34.

Такой результат, вроде бы положительный для Наполеона, привел к ответным действиям со стороны Королевского ВМФ. Колдера с его 20 кораблями отправили из Эль-Ферроля на усиление Коллингвуда у Кадиса. Нельсон от-

ЭТА ГРАВЮРА с картины «Трафальгар» кисти Уильяма Оверенда была в 1905 г. опубликована в «Illustrated Sporting и Dramatic News» с подписью: «"Герой Трафальгара" Нельсон на борту корабля "Виктори". Октября 21-го числа 1805 г.». Нельсон запечатлен тут справа на палубе «Виктори» сосредоточенно вглядывающимся в непроглядную даль и словно бы не замечающим полыхающего вокруг него сражения.

был из Англии с подкреплениями в помощь Коллингвуду и прибыл к Кадису 28 сентября, имея, в общей сложности, 29 кораблей. Шести из них остро требовалось пополнение запасов продовольствия и пресной воды. В понятии Нельсона, установление блокады заметно отличалось от традиционной формулы: «держитесь близко и не давайте им высунуть носа». Он предпочитал отправлять на дозорные вахты фрегаты, давая им наказ высматривать противника с расстояния, сам же оставался за горизонтом, откуда мог нанести удар по любому, кто осмелился бы выйти в море. Словом, такая блокада не была совершенно непроницаемой. Стратегия эта уже привела к уходу Вильнёва из Тулона, заставив самого Нельсона бороздить Атлантический океан, гоняясь за французом. Следуя плану Наполеона, Вильнёв увеличил свой флот с 11 кораблей до 34, которые находились с ним в Кадисе.

17 сентября Вильнёв получил от Наполеона приказ, предписывавший обеспечить транспортировку войск, взятых на борт в Вест-Индии, в Неаполь и собрать еще больше кораблей в Тулоне и в Генуе. Таким образом император стремился разрушить на корню планы Третьей коалиции, созданной тогда против Франции, и, в частности, сорвать сотрудничество русских и британцев в Италии.

Соответственно, объединенные флоты изготовились к отплытию 10 октября. До Вильнёва долетело известие о намерении Наполеона заменить его другим человеком, который уже находился в пути. Победа над британцами пришлась бы Вильнёву как раз кстати и помогла сохранить должность.

Хотя флот Нельсона усилился еще двумя линейными кораблями, ему пришлось отправить пять судов в Гибралтар для пополнения запасов, вследствие чего в распоряжении британского командующего осталось 26 кораблей. Отданные им перед сражением приказы сохранились, и, в соответствии с ними, все командование делилось на три колонны. Одной колонне предстояло идти на прорыв вражеской линии на уровне двенадцатого корабля с тыла, тогда как собственной колонне адмирала отводился центр, где Нельсон надеялся встретить французского командующего. Третья колонна, или Передовая эскадра, в действительности представляла собой резерв для действий в соответствии с обстановкой. Нельсон предполагал, что неприятельский авангард не сможет развернуться вовремя и, следовательно, окажется не в состоянии решающим образом повлиять на события. Чего-то подобного Вильнёв и ожидал. Он тоже планировал придержать в резерве эскадру численностью примерно в треть всех наличных сил, оставив для главной битвы линию из 22 кораблей.

Французские и испанские корабли начали поднимать паруса 19 октября, а около 9:30 утра дозорные британские суда подали донесения об активности противника Нельсону, покуда тот курсировал в 80 км западнее. Он приказал начать «всеобщую погоню», а затем велел «готовиться к битве». События, однако, развивались медленно. Ветер дул слабый, так что к 3 часам пополудни в море вышли только 12 кораблей объединенного франко-испанского флота. Остальные последовали в первые часы после полуночи. Ветер, дувший с юго-запада, стал усиливаться, вынуждая корабли Вильнёва идти поперек него курсом на северо-запад. Нельсон, следовавший в восточном направлении к проливу, в какой-то момент пребывал в неведении относительно происходившего у противника, пока не получил верные сведения от дозорных фрегатов.

Весь день и вечер 20 октября обе стороны занимались маневрированием, а ночью французский резерв отогнал висевшие на хвосте британские фрегаты, в процессе чего смог заметить часть боевого строя британцев.

К утру следующего дня флоты находились всего в 18 км друг от друга и в 30 км к западу и немного к северу от мыса Трафальгар. Британцы шли с наветренной стороны к флоту Вильнёва. Похоже, оба флотоводца отказались от идеи выделения резерва: французы построились в одну линию, а британцы – в две колонны. Нельсон решил идти на полных парусах, а не ограничиться обычным для сражения сокращенным набором, рассчитывая так свести до минимума количество бортовых залпов, которые получат его корабли в процессе достижения неприятельского строя. Вильнёв, ветеран нескольких битв с британцами, уже оставил позади любые надежды как-то влиять на ход сражения. Он предпочел положиться

на присущие его капитанам «храбрость и жажду славы», посчитав бессмысленным связывать их сигналами от командующего.

Ниже приведены названия судов из боевых соединений, участвовавших в сражении под Трафальгаром. Корабли даны в том порядке, в котором они вступали в битву в тот день.

Наветренная (левая) колонна Нельсона:

«Виктори» (100 пушек)	*«Темерер»* (98)
«Нептун» (98)	*«Левиафан»* (74)
«Британия» (100)	*«Конкерор»* (74)
«Африка» (64)	*«Агамемнон»* (64)
«Аякс» (74)	*«Орион»* (74)
«Минотавр» (74)	*«Спартиат»* (74)

Подветренная (правая) колонна вице-адмирала Коллингвуда:

«Ройял Соврин» (100)	*«Беллайсл»* (74)
«Марс» (74)	*«Тоннан»* (80)
«Беллерофон» (74)	*«Колоссус»* (74)
«Ахилл» (74)	*«Дредноут»* (98)
«Полифемус» (64)	*«Ривендж»* (74)
«Тандерер» (74)	*«Дифайэнс»* (74)
«Принс» (98)	*«Дифенс»* (74)

плюс к тому четыре фрегата и два судна меньшего размера.

Флот Вильнёва:

«Нептюн» (80 пушек)	*«Сципион»* (74)
«Райо» (100)	*«Формидабль»* (80)
«Дюге Труэн» (74)	*«Сан-Франциско де Асис»* (74)
«Монблан» (74)	*«Сан-Агустин»* (74)
«Эро» (74)	*«Сантиссима Тринидад»* (136)
«Бюсантор» (80)	*«Нептюн»* (84)
«Сан-Леандро» (64)	*«Редутабль»* (74)
«Энтрепид» (74)	*«Сан-Хусто»* (74)
«Эндонтабль» (80)	*«Санта-Ана»* (112)
«Фуге» (74)	*«Монарка»* (74)
«Плютон» (74)	*«Альхесирас»* (74)
«Багама» (74)	*«Эгль»* (74)
«Суифтшюр» (74)	*«Аргонот»* (74)
«Монтанес» (74)	*«Аргонаута»* (80)
«Бервик» (74)	*«Ашилль»* (74)
«Сан-Идельфонсо» (74)	
«Принсипе-де-Астуриас» (112)	
«Сан-Хуан Непомусено» (74)	

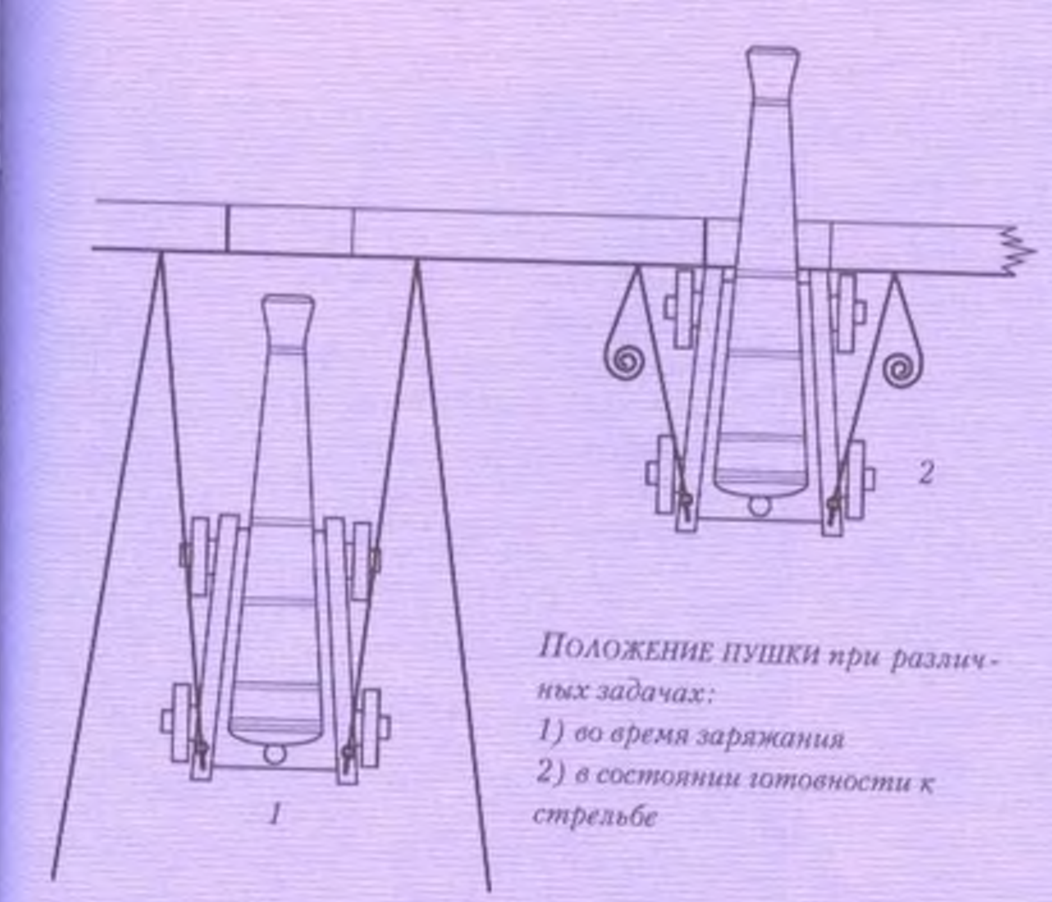
плюс пять фрегатов и два судна меньшего размера.

Флоты входят в боевое соприкосновение

Британцам построение эскадр Вильнёва виделось изогнутой линией, в центр которой они направлялись. Подобное представление могло стать просто-напросто результатом преломления изображения длиной 3 км, протянувшегося вдоль изгиба земной поверхности. Издалека строй противника казался довольно манящим. То там, то тут в боевых порядках виднелись бреши, тогда как где-то, наоборот, отмечались скопления кораблей, теснившихся один возле другого. Эффект этот можно сравнить с автострадой со слишком большим количеством машин на ней, когда вдруг приходится замедлять ход и буквально останавливаться, а потом разгоняться по не вполне понятной причине. Некоторые источники приписывают данный феномен задумке Вильнёва, решившего распределить свои суда между пятью смешанными эскадрами – по четыре французских и три испанских корабля в каждой. Чем больше кораблей строилось в линию, тем более сложным оказывалось спрямить ее и избежать сбоев. Тем временем колонны Нельсона с наветренной стороны подошли к франко-испанской линии. Флот Вильнёва следовал под парусами в северном направлении, так что если британцы шли точно к тем самым брешам, которые они и наметили, все должно было кончиться для них преследованием противника вместо приближения к нему под желаемым прямым углом.

Невоспетым героем сражения следует считать штурмана «Виктори», оценивавшего скорость, направление и дистанцию удаления франко-испанского флота и избиравшего курс, позволивший бы выполнить план Нельсона. К 11 часам утра эскадры находились всего в 5 км друг от друга и шли со скоростью в 3 узла, то есть примерно 5 км/ч. Британцы поставили все паруса, тогда как французы – только сокращенный комплект.

Первый бортовой залп дал французский корабль «Фуге», целясь в «Ройял Соврин» вице-адмирала Коллингвуда, возглавлявшего подветренную эскадру и опережавшего колонну самого Нельсона. Обе британские колонны шли на тот момент слегка расходящимися курсами. Формирование Нельсона готовилось

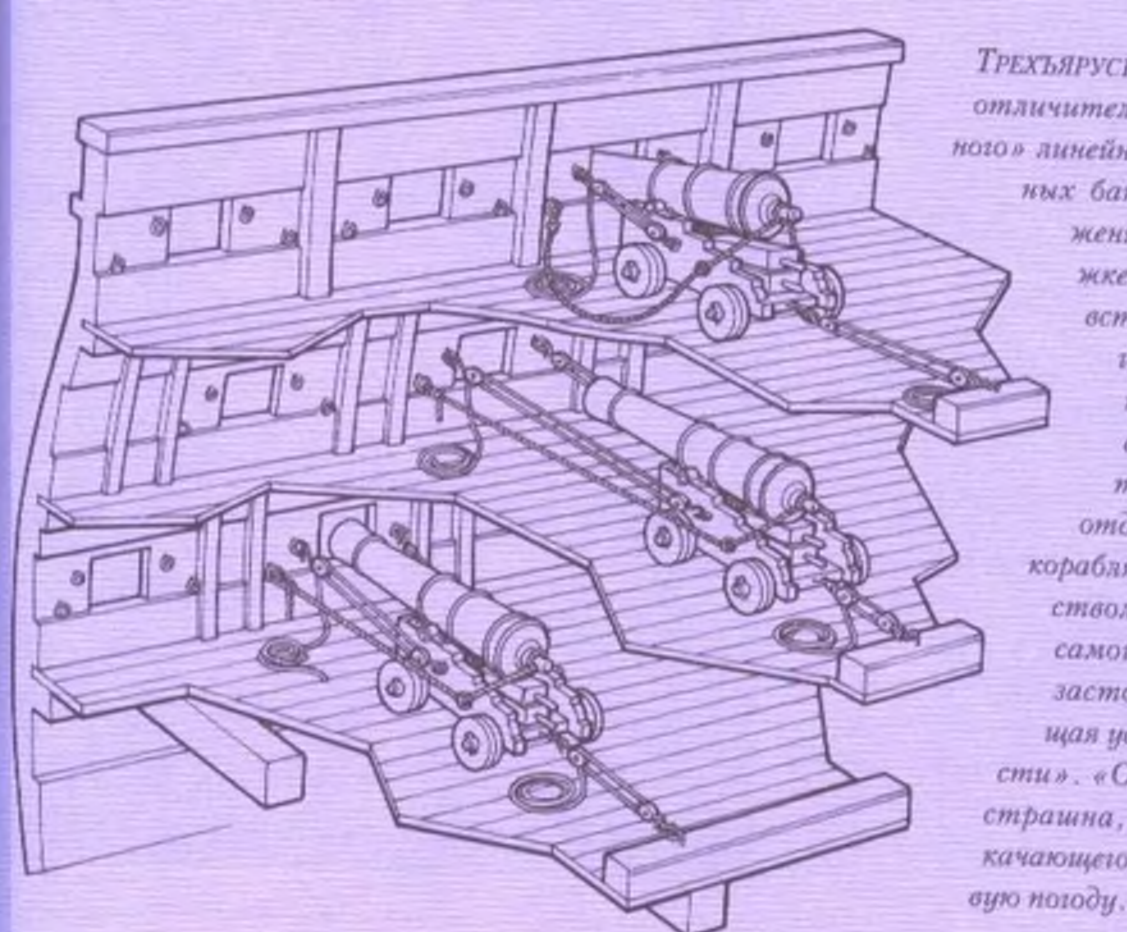

Положение пушки при различных задачах:
1) во время заряжания
2) в состоянии готовности к стрельбе

вот-вот ударить по «Бюсантору», флагманскому кораблю адмирала Вильнёва. Коллингвуд на «Ройял Соврин», однако продвигался по несколько смещенному курсу. Вместо того, чтобы ударить в районе двенадцатого корабля во вражеском строю, Коллингвуд вломился в пространство между «Санта-Аной» и «Фуге» – семнадцатым во франко-испанской линии.

Так или иначе, британские колонны вклинились в боевой порядок противника. Следовавшие по ветру французские и испанские корабли выказывали тенденцию разворачиваться лагом, стремясь встретить устремившиеся на прорыв их строя британские суда бортовыми залпами. Строй у обеих сторон утратил четкость, порядок и форму, и сражение превратилось в беспорядочную свалку, точно такую, какую и представляли себе оба флотоводца. В подобных обстоятельствах каждый корабль ведет бой с ближайшим соседом, а каждый воин должен полагаться на товарища, стоящего плечом к плечу с ним или прикрывающего спину. К несчастью для французов, британские моряки получили лучшую выучку от капитанов, а капитаны прошли лучшую школу у их адмиралов. К тому же подход все большего количества британских кораблей в те же или почти в те же точки приводил к тому, что неприятельские суда в непосредственной близости от данного пункта оказывались в численном меньшинстве так же, как это происходило во время побоища на Ниле.

Не струсив и не дрогнув, Коллингвуд на 100-пушечном «Ройял Соврине» в 12:10 зашел в хвост 112-пушечному испанскому кораблю «Санта-Ана», пропахав его двойным залпом с борта (двумя ядрами из каждого

Трехъярусная орудийная палуба служит отличительным признаком «первоклассного» линейного боевого корабля эры парусных баталий. На топ-палубе заряженная пушка подъехала на тележке к орудийному порту, готовая встретить огнем приближающегося противника. На средней палубе изображена только что выстрелившая пушка, откатившаяся под действием силы отдачи от борта в глубину чрева корабля, где прислуга пробанит канал ствола и перезарядит орудие. На самой нижней палубе находится застопоренная пушка, отвечающая условиям должной «мореходности». «Отвязанная пушка» поистине страшна, когда «бродит» по палубе качающегося на волнах судна в штормовую погоду.

Битва при Трафальгаре
21 октября 1805 г.

Сражения выигрываются людьми, а не техникой. Нельсон сумел вложить в головы командирам простой и гениальный план: построиться в две колонны и полным ходом идти в середину вражеского строя. Когда он наконец встретился с объединенным флотом противника в море, британский командующий не терзался сомнениями. Его матросы и офицеры хорошо знали свое дело. Британцы образовали колонны и поставили максимум парусов, стремясь свести до минимума число возможных залпов, которые им придется принять от противника при сближении. Когда же они поравнялись с неприятельскими кораблями, лишние паруса в целях экономии времени были срублены, а капитаны направили суда против наиболее близких и удобных для каждого из них на тот момент вражеских целей. Вильнёву не оставалось ничего иного, кроме как положиться на храбрость офицеров и команд кораблей, находившихся под его началом, и отказаться от попыток как-то влиять на ход боя, принявшего форму затяжного и кровавого обмена огнем.

Большинство морских сражений происходило в пределах 50–100 км от берега. Обычно в таких случаях одна сторона не искала битвы, но оказывалась вовлеченной в нее, когда неприятель заставал ее за каким-то другим занятием, как произошло и у мыса Трафальгар. Вильнёв стремился собрать как можно больше линейных кораблей и с ними снять блокаду с Бреста, но тут-то французов и настиг энергичный и напористый командующий британским флотом.

2 Головная часть объединенного флота находится уже вне сектора, в котором разворачивается битва, и оказывается не у дел по причине удачно воплощенной в жизнь Нельсоном стратегии выведения вражеской линии из строя путем прорыва ее в двух местах.

«Бюсантор»

«Редутабль»

HMS «Виктори»

«Санта-Ана»

HMS «Ройял Соврин»

1 Франко-испанский флот, дрейфуя на частью прибранных парусах, образует строй в виде полумесяца. Поскольку кораблям, во избежание столкновения друг с другом, требуется пространство, они выстраиваются раздвоенной линией, стремясь обрушить на приближавшиеся британские колонны как можно больше огня одновременно.

4 Колонна Нельсона идет несколько медленнее, но скоро и она оказывается в центре событий. Британские корабли поворачивают левее и сражаются как в сцепке с ближайшими неприятельскими кораблями, выводя их из строя и заставляя спускать флаги.

Наветренная колонна

5 Ближе к концу сражения некоторые из испанских кораблей поворачивают в попытке ударить во фланг британской колонне. Замыкающие, или тыловые британские суда, в том числе «Минотавр» и «Спартиат», меняют курс и идут навстречу неприятелю с целью парировать выпад.

3 Колонна Коллингвуда спешит вступить в противоборство с неприятелем. Головной корабль принимает на себя огонь, вероятно, не менее чем четырех вражеских судов. Но, двигаясь быстро прямо на противника, он представляет собой сравнительно малую цель и к тому же скоро оказывается вне зоны обстрела.

Подветренная колонна

орудия), а с правого борта выпустил град снарядов по 74-пушечному «Фуге». Затем «Ройял Соврин» вышел бок о бок к правому борту «Санта-Аны» и, обмениваясь выстрелами, можно сказать, лицом к лицу с одним неприятелем, получил хорошую порцию чугуна в корму от «Фуге» и с носа – от «Сан-Леандро». Как бы там ни было, два этих судна попадали не только по противнику, но также по «Санта-Ане» и друг по другу, а потому они отошли дальше, предпочитая атаковать прочие британские корабли, которые, словно не зная удержу, все прибывали и прибывали.

По мере того, как все больше британских кораблей оказывалось вовлеченными в жаркое горнило боя, суда с тыла франко-испанской линии тоже стали подтягиваться и включаться в драку в центре. Еще идя на сближение с врагом, «Ройял Соврин» несся заметно впереди своей колонны и потому сражался в одиночестве на протяжении где-то 15 минут прежде, чем следующий корабль в строю, «Беллайсл», подошел и оттянул на себя часть внимания противника.

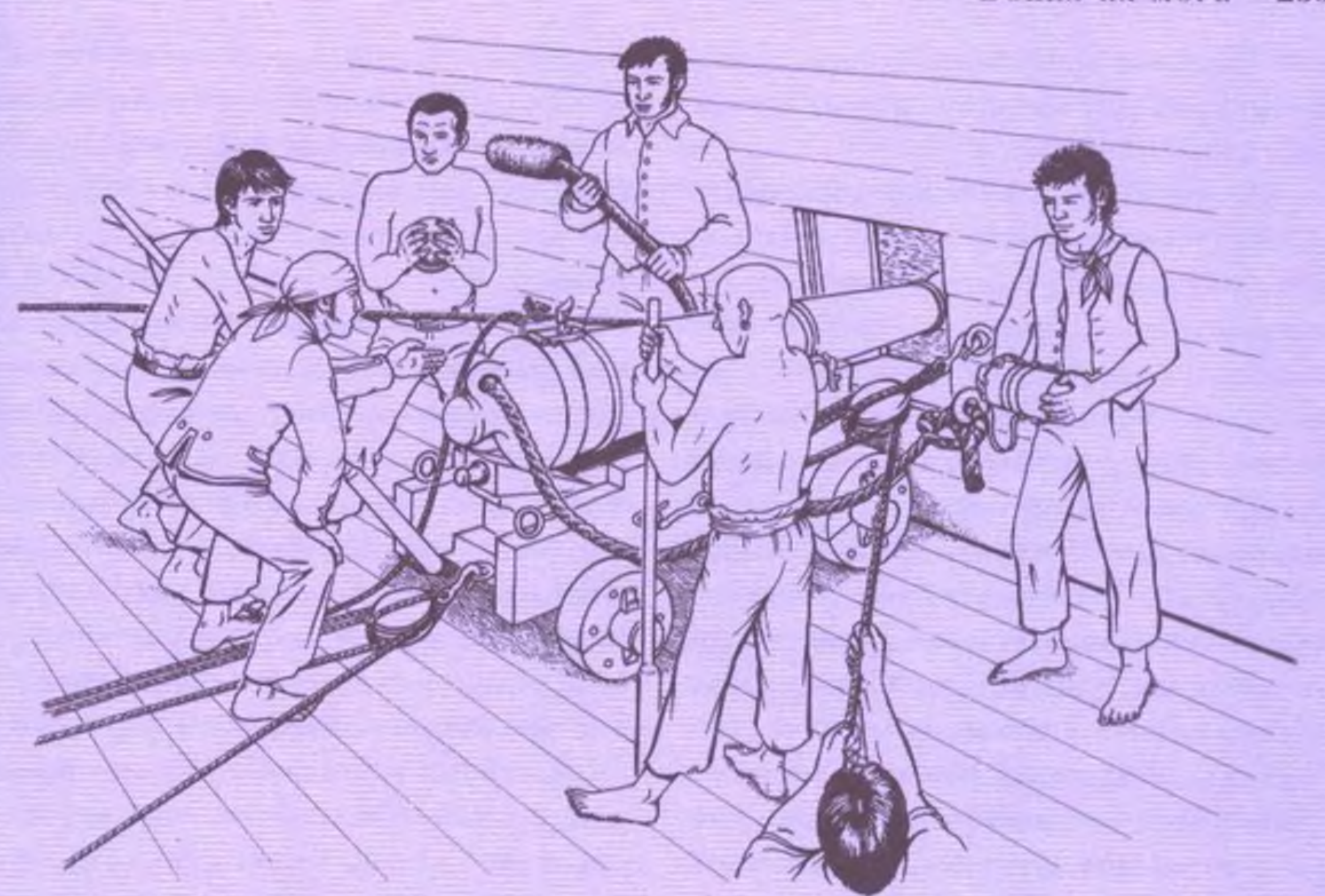
Он обдал залпом левую раковину «Санта-Аны», затем обошел ют «Эндонтабля» и ввязался в смертельную дуэль с «Фуге». В действительности «Беллайсл» превратился в мишень для многих франко-испанских кораблей, когда те проходили мимо с тыла, и закончил битву, заслужив сомнительную честь выйти из нее как наиболее сильно поврежденный корабль из всего флота Нельсона.

Следующим в линии шел «Марс»; пытаясь изо всех сил избежать столкновения с «Санта-Аной», он подставил корму под губительный огонь противника. Подходивший следом «Тоннан» (британский трофей битвы на Ниле) пришел на выручку «Марсу» и вступил в сражение против «Альхесираса» и «Сан-Хуана Непомусено». Последний предпринял несколько попыток взять противника на абордаж, но все их удалось отразить; оба вышеназванных испанских судна позднее сдались. 30 минутами позже «Ройял Соврина» к сваре подоспел «Беллерофон», он завязал бой с «Монаркой», которая прежде сдалась «Марсу», но, поскольку британцы не смогли послать отряд для принятия капитуляции, «Монарка» возобновила боевые действия. В продолжавшей становиться все более беспорядочной битве «Беллерофон» зацепился и перепутался такелажем с «Эглем», оказавшись вынужденным вести бой на две стороны. «Беллерофон» лишился грот- и бизань-мачты и потерял своего капитана, насмерть сраженного вражеским огнем. «Эгль» обрушивал на «Беллерофон» губительные залпы до тех пор, пока из клубов дыма не появился «Ривендж», который в свой черед пропахал ядрами «Эгль». Вскоре после того «Монарка» сдалась «Беллерофону».

«Колоссус», следовавший далее в своей колонне, вступил в боевые действия около 1 часа пополудни и оказался вынужденным противостоять двум кораблям из хвоста франко-испанской линии – «Багаме» и «Суифтшюру» (британский корабль *Swiftsure* был захвачен французами в 1801 г.). К тому времени линейный строй представлял собой нечто похожее на три эшелона сражающихся. Несмотря на потерю большей часть такелажа, «Колоссус» наносил удары по обоим вражеским судам. Испанский «Багама» сдался, а британский «Орион» вступил в бой с «Суифтшюром», и тот тоже спустил флаг. Если «Беллайсл» вышел из боя как наиболее пострадавший, на долю «Колоссуса» пришелся самый большой урон у британцев, около 200 чел., и позднее «Агамемнону» пришлось взять его на буксир. Вместо того, чтобы следовать прямо за лидером в одну и ту же точку линии, несколько судов из колонны Коллингвуда продвинулись для атаки замыкающих кораблей неприятельской линии, стремясь одновременно вывести из строя сразу нескольких противников. Не прошло и двух часов, как хвост франко-испанской линии был разгромлен.

Гибель Нельсона

Из-за все стихавшего ветра Нельсон, который на 100-пушечном адмиральском корабле «Виктори» (Victory, то есть «Победа») возглавлял наветренную колонну британского флота, достиг франко-испанской линии не ранее чем через добрых 40 минут после Коллингвуда. Дополнительные паруса «Виктори» развевались до самого последнего момента из-за стремления командующего выжать из ветра все возможное и двигаться как можно быстрее, по минимуму принимая на себя залпы неприятельских кораблей в процессе сближения с ними. По мере того, как противники сходились, огонь врага становился все более точным, и скоро флагман Нельсона лишился стеньги бизань-мачты и понес другие потери.

Британская 32-фунтовка. Пушка заряжена, подведена к орудийному порту, а канонир (gunner, он же стрелок-наводчик) занят прицеливанием. Члены расчета, если считать по часовой стрелке от крайнего справа: подносчик пороха с картузом (зарядом в мешке); подкатывающий с веревочным канатом; досылающий с прибойником; канонир; подкладчик; заряжающий с пушечным ядром; пробанивающий (с банником в руках). Канонир отскакивает в сторону в самый последний момент и дергает за вытяжной шнур, приводящий в действие кремневый запальный механизм.

Как бы там ни было, когда «Виктори» прошла между «Бюсантором» и «Редутаблем», она сполна вернула неприятелю то внимание, которым он одарил ее: двойные и тройные выстрелы из пушек разнесли корму французского флагмана. Корабли прошли так близко друг от друга, что снасти «Виктори» касались такелажа «Бюсантора». Британский флагман обдал огнем с правого борта бак «Редутабля», затем прошел вдоль правого борта неприятельского судна.

В то время как бортовые батареи британского флагмана продолжали бить по обоим французским кораблям, открытая орудийная палуба «Виктори» оказалась под огнем снайперов с топов мачт «Редутабля». Именно выстрелом оттуда и был сражен Нельсон около 1:25 пополудни, как и многие из тех, кто находился на верхней палубе. Спастись от вражеского абордажа «Виктори» удалось только благодаря тому, что на помощь членам команды, еще остававшимся наверху, пришли матросы и морские пехотинцы с нижних ярусов.

За «Виктори» следовал 98-пушечный «Темерер», который подвергся губительному обстрелу с «Нептюна», открывшего огонь из второй импровизированной линии. Команда «Темерера» утратила способность к управлению судном, его принялось сносить в сторону, но расчеты орудий продолжали стрелять в подворачивающиеся под руку цели; так «Темерер» поучаствовал в обстреле оказавшегося справа от него «Редутабля» и «Нептюна», очутившегося тогда слева у бака. Около 1:40 пополудни «Редутабль» снесло на «Темерер», британская команда зацепилась за него крючьями, бросилась на абордаж, вследствие чего «Редутабль» был захвачен. Затем на «Темерере» заметили «Фуге», приближавшийся среди клубов дыма, и дали по нему залп с близкой дистанции. Уже поврежденный французский корабль столкнулся с «Темерером» в области бака по правому борту. Команда «Темерера» втащила рухнувшую бизань-мачту «Фуге» на

свой корабль и задействовала ее как мостик, чтобы перебежать на «Фуге» и захватить также и его.

Вслед за «Темерером» подошел британский «Нептун», на трех палубах которого размещалось 98 орудий. Он расположился около возвышавшегося над морем испанского четырехпалубного корабля «Сантисима Тринидад» – настоящего гиганта, вооруженного 136 пушками. Расклад, возможно, казался заранее проигрышным для британцев, но они не убоялись мощи колосса и принудили к сдаче даже «Сантисима Тринидад». Курс «Нептуна» привел его на позицию возле «Бюсантора», и «Нептун» дал по нему бортовой залп, как сделали кроме того «Левиафан» и «Конкерор». Внутри французского флагмана творились, должно быть, сцены достойные адского кошмара. Не имея возможности продолжать бой, «Бюсантор» спустил флаг. Чтобы принять этот корабль у французов, на него был послан капитан морской пехоты, который взял в плен вице-адмирала Вильнёва, совершенно не пострадавшего в ходе сражения, и отправил сдавшегося французского командующего на борт «Марса».

Несмотря на немалый ущерб, понесенный обеими сторонами, франко-испанский флот, совершенно очевидно, располагал большими силами. Если бы свежие корабли были задействованы в бою, британцам определенно пришлось бы худо. Перед тем как сдаться, Вильнёв отдал приказы свободным кораблям идти на выручку и поддержать центр.

Однако ветер совсем спал, и командам пришлось разворачивать суда в нужном направлении за счет применения шлюпок, но все равно продвижение к центру проходило слишком медленно.

И все-таки пять кораблей франко-испанской линии повернули в западном направлении, намереваясь ударить во фланг флотилии Нельсона. К тому времени, когда их маневр заметили, «Агамемнон» и «Аякс» как раз готовились вступить в драку в центре. Тем не менее оба дали залпы по приближавшемуся врагу. Последними двумя кораблями из левой колонны Нельсона были «Минотавр» и «Спартиат». Они изменили курс в направлении ветра и сошлись с наступающим строем под перпендикуляром, обрушивая огонь на бак «Формидабля», французского 80-пушечного корабля, на котором держал свой флаг контр-адмирал Пьер Дюмануар ле Пелле (1770–1829). Затем британцы заняли позицию между кораблями Дюмануара и тем сектором, который недавно был центральным участком сражения, а теперь служил местом расположения многих сильно поврежденных британских кораблей. Вероятно, Дюмануар намеревался оказать помощь судам, находившимся в хвосте изначальной франко-испанской линии, и продолжал двигаться в их сторону. Затем, видя, что Коллингвуд смог отрядить шесть британских кораблей, образовавших заслон на пути французов, а испанский вице-адмирал Федерико Гравина (1756–1806), командовавший самой задней эскадрой соединенного флота, вывел ее из боя, Дюмануар поспешил в направлении Гибралтара, но потом вновь поменял курс и устремился к Рошфору. Гравина с 10 кораблями нашел спасительное убежище в Кадисе.

Финал битвы при Трафальгаре ознаменовался взрывом французского корабля «Ашилль» (Achille, то есть «Ахилл»). Он находился в тесном боевом контакте с «Принсом», когда вспыхнул его фор-марс. Следующим залпом на «Ашилле» срубило грот-мачту, и пламя распространилось повсюду. С того момента взрыв стал неизбежным. «Принс» постарался прекратить бой и спустил шлюпки в попытке спасти французских моряков, несмотря на то, что пушки еще продолжали вести огонь. Взрыв произошел около 5:45 пополудни, и спасти удалось всего лишь 100 из 500 чел. команды «Ашилля».

Оба командующих верно оценивали возможный расклад в предстоящей битве и конечный результат. Британцы захватили или уничтожили не менее 18 линейных кораблей противника – Нельсон рассчитывал на 20. Но победа обошлась недешево. Головные британские корабли пострадали очень сильно, многие из них лишились мачт и могли передвигаться только на буксире. Потери личного состава в наветренной колонне Нельсона составили 571 чел., в подветренной эскадре Коллингвуда – 1120, а общий урон среди моряков и солдат, служивших на судах франко-испанского союзнического флота, превысил 6000 чел.

(точное количество погибших так и осталось незафиксированным). Испания потеряла 8 из 30 линейных кораблей, Франция – 13 из 70, Британия – ни одного. Для Испании битва имела далеко идущие последствия – страна в итоге оказалась не в состоянии подавить движения за независимость в южноамериканских колониях. Франция пострадала меньше. Она располагала достаточным морским потенциалом, позволявшим ей вынудить британцев продолжать вколачивать силы и средства в блокаду оставшихся французских эскадр, что давало шанс ограничить возможности Королевского ВМФ выслеживать и уничтожать эскадры фрегатов и каперские суда, пиратствовавшие на маршрутах международной торговли.

Кроме того, британским рабочим на верфях дома и за рубежом пришлось потратить многие месяцы на ремонт поврежденных в сражениях кораблей, сумевших все же кое-как добраться до портов.

Анализ

Успех стратегии Нельсона неминуемо вызывает вопрос: возможен ли был какой-либо ответ на действия британских колонн, разрубавших французскую линию? Ведь на суше, наоборот, британская пехотная линия обычно показывала превосходство над французской колонной. Но нет, в море все иначе, и подход Нельсона фактически препятствовал быстрому развороту и включению в бой кораблей, двигавшихся далее в направлении ветра от «надлома».

Продольный срез, показывающий канал ствола гладкоствольной пушки. Здесь мы видим заряд и сферическое ядро, утрамбованное с двух сторон пыжами. Нагель, или протравник, прокалол отверстие в картузе с пороховым зарядом. Затем протравник вынимался, и в запальное отверстие вставлялась «скорострельная трубка» с высококачественным порохом. Для производства выстрела из пушки канонир поджигал запал в запальном отверстии при помощи фитильного пальника. Огонь распространялся по запалу и достигал заряда, который взрывался. Часть силы и энергии взрыва находила выход через запальное отверстие, образуя впечатляющую огненную струю, поднимавшуюся на 30–40 см над казенной частью орудия.

Пушки кораблей в линейном строю не могли стрелять по атакующему судну противника после того, как оно подходило слишком близко к свободному пространству, неминуемо оставляемому кораблями в линии между собой.

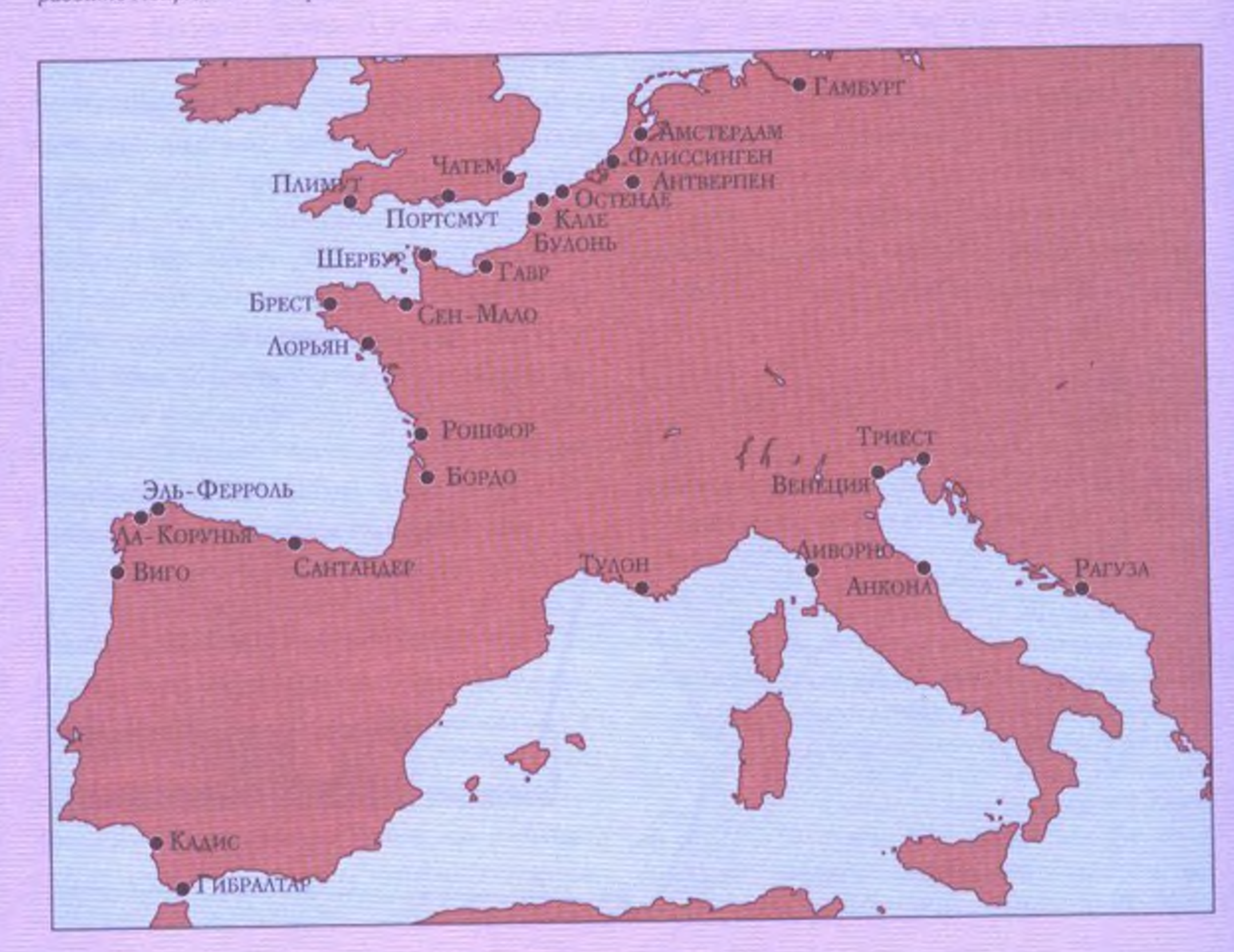
Чтобы в морском бою линия могла одолеть колонну, находящиеся рядом с «надломом» корабли должны были иметь возможность сполна применить пушки против приближавшихся к их строю британских судов. Вне глобальных конструктивных изменений материальной части, позволивших бы разворачивать больше стволов в направлении носа или кормы без изменения положения корпуса корабля, франко-испанским кораблям пришлось бы нарушить строй и следовать параллельно британским. Некоторые, кстати, до той или иной степени именно это и проделали. «Фуге» осуществил разворот в самом начале сражения, обстреляв «Ройял Соврин» при проходе вдоль «Санта-Аны». В те моменты, когда французы и испанцы применяли такую тактику, шансы сторон в битве более или менее выравнивались. Однако по мере прибытия все большего количества британских кораблей численное превосходство на местном уровне начинало сказываться сильнее и сильнее, и франко-испанский противник просто не успевал противодействовать преобладающим силам неприятеля.

Альтернативным подходом для Вильнёва могла бы стать раздвоенная колонна, в которой корабли второй линии стояли как бы в шахматном порядке по отношению к судам первой линии.

Вторая линия получила бы возможность расстреливать британские корабли, пока те занимались тем же самым, обрушивая залпы на первую франко-испанскую линию. Скопление судов в хвосте франко-испанского строя под Трафальгаром дало именно такой эффект, однако решающего слова

не сказало. Уже сам план Нельсона позволял ему изначально завладеть инициативой – он выбирал, где атаковать, и сосредоточил значительную часть флота против заметно меньших сил противника на протяжении сравнительно короткого периода времени.

Кроме того, на его стороне находилось еще одно громаднейшее преимущество, поскольку он располагал лучше подготовленным и более опытным личным составом. К несчастью для французов, Вильнёв, несмотря на попытки выполнить план Наполеона и сосредоточить как можно больше кораблей для противодействия противнику, просто не смог найти верного решения проблемы, которую отлично осознавал. Ни один из вариантов очерченных выше стратегических приемов не нашел применения. Трафальгар стал последней крупной битвой кораблей с прямыми парусами.

Основные морские базы эпохи Наполеоновских войн. Наполеон держал под контролем свыше 20 морских портов и имел больше линейных кораблей, чем Британия. Однако в этом численном перевесе заключалась и слабость, поскольку он не мог собрать свой разбросанный флот воедино, чтобы разбить мощные силы Королевского ВМФ.

На других театрах военных действий

Нельзя сказать, будто в описываемую пору совсем уж не отмечалось бы меньших по размаху боевых столкновений, послуживших ценными уроками всепобеждающему Королевскому ВМФ. Франция и ее союзники по-прежнему располагали множеством кораблей, и Королевский флот должен был гибко применять силу, дабы поддерживать свое господство на морях. Наполеону, однако, хватало дел на суше, а потому большие морские проекты отодвигались для него на задний план. В то время как крупные британские эскадры дежурили в море и стерегли выходы с баз, где прохлаждались моряки имперских флотов, капитаны французских фрегатов рыскали всюду в поисках добычи, оказавшейся бы им по зубам.

В истории ведения боевых действий на море давным-давно повелось вручать капитанам небольших вооруженных судов «каперские свидетельства», дававшие законное право нападать на неприятельские корабли и забирать их или/и находящиеся на них грузы и ценности в качестве награды; без подобных сертификатов данного рода промысел расценивался

«Нельсон сражен выстрелом!» Порох создавал огромные клубы сероватого дыма, которые зачастую сильно ухудшали видимость, о чем свидетельствует и эта сцена, изображающая верхнюю палубу британского корабля «Виктори» в разгар Трафальгарского сражения. Корабельные шлюпки (выше в центре) обычно спускались на воду для уменьшения опасности от поражения людей обломками. К моменту смертельного ранения Нельсона команда «Виктори» уже понесла серьезный урон, потеряв много матросов и офицеров.

как пиратство. Капитаны таких судов курсировали в выбираемых ими на свой страх и риск районах прохождения торговых путей до тех пор, пока трюмы не наполнялись добычей или же пока в команде не начиналась остро ощущаться нехватка рабочих рук по причине потерь и болезней или же из-за необходимости вести захваченную материальную часть в порт своим ходом. Поскольку торговля носила тогда уже весьма глобальный характер, вольные каперы бороздили моря вдоль и поперек в поисках добычи, находя ее то там, то тут.

Будучи самым крупным участником мировой торговли, Британия больше других страдала от таких хищников, а поскольку ей пришлось израсходовать слишком много сил и средств на создание линейных кораблей в стремлении одолеть Францию на море, она не располагала достаточным числом малых судов для противодействия каперству повсюду.

Как бы там ни было, определенные ресурсы все же имелись, и они задействовались для ведения операций того масштаба, который могла позволить себе Британия, суть же их состояла в нанесении ударов по наиболее важным французским заморским базам.

Значение торгового пути в Индию, пролегавшего вокруг южного побережья Африки и далее на северо-восток по бескрайнему Индийскому океану, трудно переоценить. На этом маршруте чрезвычайно удобно «сидели» голландская колония в Южной Африке и принадлежавшие Франции острова Маврикий (он же Иль-де-Франс) и Реюньон (при «старом режиме» носивший название Иль-де-Бурбон). К неудовольствию Британии, Голландия сделалась в описываемый период частью европейской империи Наполеона, Маврикий же, где хозяйничали французы, служил прибежищем очень активной каперской эскадре. Британские войска высадились в Капстаде (Кейптауне) и захватили голландскую колонию просто за счет демонстрации мускулов, но для овладения Маврикием и Реюньоном был разработан более серьезный план. В соответствии с применяемыми в XIX столетии способами ведения комбинированных операций, британцам предстояло доставить к местам назначения сухопутные силы – регулярные армейские части, а также европейские и индийские воинские формирования Британской Ост-Индской компании (Honourable East India Company/

HEIC) – с целью занятия и удержания береговых баз, в то время как морской составляющей отводилась задача противодействия неприятельским кораблям и обеспечения поддержки войскам на суше. Надо, однако, заметить, что особой новизной подобная схема действий не отличалась – британцы и другие европейские народы проделывали подобные вещи уже более 200 лет.

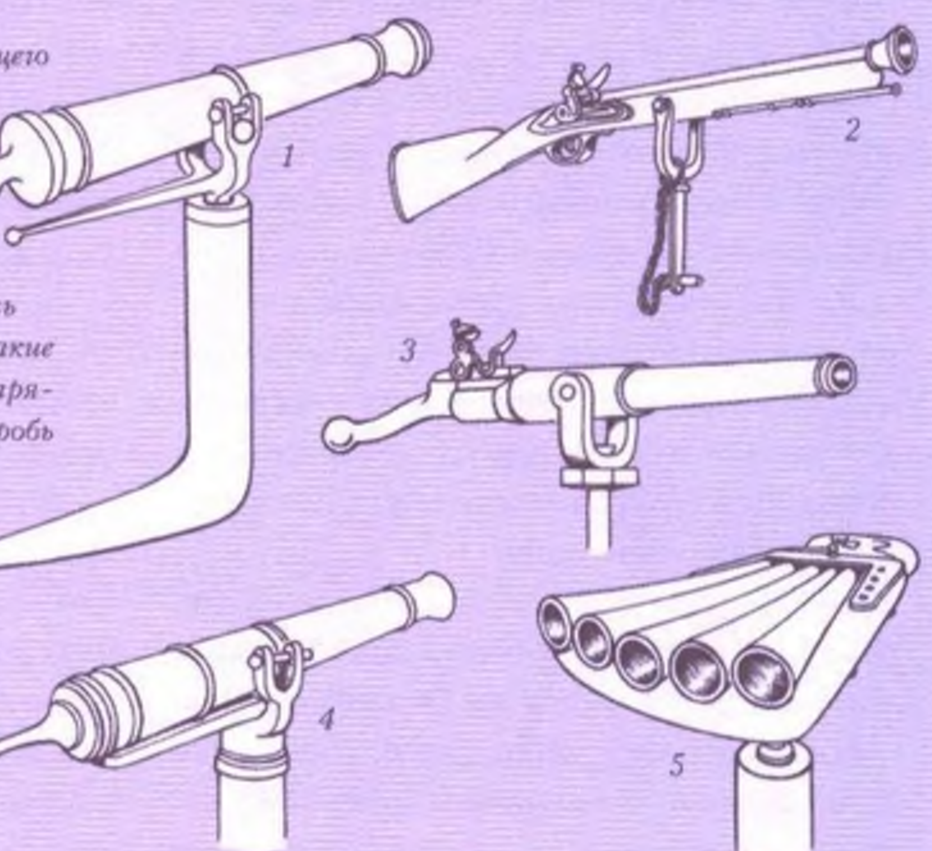
К середине 1810 г. у французов в данном районе ходило три фрегата: «Беллона» (40 пушек), «Минерва» (40) и «Виктор» (22). 3 июля они атаковали три судна HEIC, каждое из которых имело водоизмещение 813 тонн (в метрических тоннах/800 р.т.). Последние являлись одними из крупнейших торговых кораблей того времени, хотя Ост-Индская компания строила суда и бо́льших размеров – до 1422 тонн (1400 р.т.). Вдобавок ко всему конструктивно они превосходили по прочности фрегаты по причине замены дуба железом в некоторых опорных узлах. Свыше половины флота HEIC составляли 1422-тонные корабли, все больше которых закладывалось и спускалось со стапелей в Бомбее, где производственники предпочитали в качестве основного материала использовать вместо дуба тиковое дерево, которое лучше показывало себя в тропических водах. В данном случае в распоряжении Компании имелся к тому же построенный в Индии фрегат, HMS «Виктори» – самый старый из служивших в ту пору военных кораблей.

Хотя «индиец» немного и превосходил размерами обычные фрегаты, вооружение его слегка уступало им. Каждый из 813-тонных «индийцев» мог нести батарею из 32 пушек калибра 18 фунтов, что считалось вполне достойным арсеналом, если бы только к тому же на нем было пространство для размещения команды, соответствовавшей задачам фрегата как настоящего боевого корабля. Место отсутствовало, поскольку судно несло много груза, в чем, собственно, и заключался смысл его существования – его, так сказать, *raison d'être*.

Французская эскадра захватила два из трех судов Ост-Индской компании – «Цейлон» и «Уиндэм». Третьему удалось улизнуть под покровом темноты. Но помощь уже шла к ним. Еще до захвата вышеназванных кораблей у острова Родригес, в 720 км к востоку от Маврикия, собралась небольшая эскадра. Фрегатам «Боудикка» (38 пушек) и «Нереида» (36) предстояло обеспечить сопровождение транспортникам, несшим на борту 3650 британских и индийских солдат. Они двинулись в путь в тот самый день, когда произошло нападение, – крайне удачное совпадение.

Через трое суток к ним присоединились и другие боевые корабли: «Сириус» (36 пушек), «Ифигения» (36) и «Мажисьен» (36). Солдаты высадились в разных точках, и Реюньон удалось захватить с минимумом потерь убитыми. Основная часть сил эскадры отправилась к острову Фарватера (Иль-де-ла-Пасс), лежащему к юго-востоку от Реюньона напро-

Типы легких пушек. Оборона против идущего на абордаж противника являлась весьма серьезным делом. Команды прятались за фальшбортами и выпрыгивали оттуда в тот момент, когда корабли сходились бортами. Малая артиллерия требовалась для того, чтобы посеять смятение и смерть в рядах атакующих. Такие пушки ставились поверх фальшборта и заряжались в чем-то похожими на ружейную дробь мелкими пулями и металлическим ломом.

1 Французский фальконет образца 1786 г.
2 Английский мушкетон
3 Espingole (мушкетон)
4 Бронзовый фальконет
5 Органное многоствольное орудие

1, 2 и 3 Различные варианты цепных ядер
4 Книппель со штанговой перемычкой
5 «Расширяющийся» выстрел
6 Выстрел с ножевыми лезвиями (стригач)

Виды снарядов морских пушек. Для поддержания мачты и управления парусами на корабле использовались без преувеличения целые километры разнокалиберных канатов и веревочных тросов. Угодить в снасти и повредить их простым круглым ядром представлялось делом довольно затруднительным. Показанные здесь образцы снарядов имели больше шансов на попадание и выведение из строя такелажа вражеского судна, что могло как минимум снизить его скорость, а при удачном раскладе приводило даже к падению мачты.

тив Гран-Пора (Большого порта). Здесь, как планировало командование, представлялась возможность создать операционную базу против прилегающих островов. Объект был захвачен при некотором противодействии неприятеля, и эскадра рассредоточилась для нанесения дальнейших ударов по врагу, оставив 14 августа у острова Фарватера (Иль-де-ла-Пасс) только «Нереиду» под командованием капитана (позднее контр-адмирала) Несбита Уиллоуби (1777–1849).

Битва при Реюньоне, 1810 г.

Ровно шесть дней спустя, 20 августа, французская эскадра с двумя трофеями – всего пять кораблей (фрегатов и судов, равных им по тоннажу) – возвращалась домой, направляясь на якорную стоянку в Гран-Пор. Капитан «Нереиды» Уиллоуби, старший британский офицер, использовал *ruse de guerre* (военную хитрость), чтобы заманить французов на стоянку, где атаковал головной корабль, оказавшийся самым маленьким из всех – 22-пушечным «Виктором». Он почти немедленно сдался и бросил якорь тут же рядом. За «Виктором» наступила очередь «Минервы», с которой «Виктору» приказали вступить в бой, что он и сделал. «Нереида» и артиллерия форта на острове Фарватер (Иль-де-ла-Пасс), находившегося на тот момент уже под контролем британцев, обменялись выстрелами с «Минервой», «Цейлоном» и «Виктором», при этом «Минерва» сосредоточила огонь на форте, что вызвало там взрыв и повреждение некоторых пушек. Часть людей из команды «Нереиды» находилась на берегу, и эти матросы едва спаслись, поскольку шли на веслах к кораблю, где по пути едва не оказались отрезанными атакующими французами. К счастью, противник не удостоил их вниманием, и это позволило морякам безопасно добраться до цели. Тем временем «Беллона» тоже вошла в бухту и встала на якорь. Между тем «Уиндэм» направился на запад.

Уиллоуби очутился в очень незавидном положении. В его распоряжении находился остров и собственный корабль. У французов было четыре судна, правда, при неполных командах, но зато на более удобной позиции. Уиллоуби отправил на 7-метровом одномачтовом баркасе к прочим капитанам эскадры

Битва при Реюньоне
1810 г.

Оборотной стороной постоянных успехов нередко становится излишняя самоуверенность. После почти 16 лет непрерывных побед капитаны Королевского ВМФ, похоже, стали считать себя способными выиграть при любом раскладе сил и в каких угодно обстоятельствах. Незатейливая атака навстречу противнику представлялась достаточным залогом обеспечения победы. Британский офицер, командовавший у Реюньона, не заметил, каким маршрутом возвращались французские корабли, и не отдал приказа замерить глубину перед тем, как его флотилия устремилась в битву. Когда головное судно село на мель, британцы лишились возможности маневрировать и, следовательно, сосредоточить силы против смелого и бывалого противника. Команды как проклятые трудились у орудий, отправляя в сторону неприятеля массу чугуна, однако никакие даже самые самоотверженные усилия матросов у пушек не могли компенсировать вреда, нанесенного ошибками старших офицеров.

Война дело дорогостоящее, и Британия нуждалась в заморской торговле для обеспечения необходимых средств и получения жизненно важных ресурсов. Королевскому флоту предстояло свести на нет угрозу со стороны французов на море, особенно в Индийском океане, и обеспечить безопасность судам, курсирующим на продолжительных трассах, связывавших метрополию с Индией и Дальним Востоком.

4 Французская флотилия на якорях слева направо: «Виктор», «Минерва», «Цейлон» и «Беллона». «Минерву» и «Цейлон» удается оттеснить после нанесения некоторого ущерба.

3 HMS «Мажисьен» садится на мель в этом месте и, находясь там в неподвижном состоянии, оказывается способным стрелять по «Цейлону» лишь из трех пушек. Позднее корабль приходится сжечь, чтобы избежать его захвата французами.

2 «Сириус» садится на мель слишком далеко от места боевого столкновения прочих судов и не может как-то повлиять на исход сражения. Его приходится сжечь в целях предотвращения захвата неприятелем.

МАЭБУР

РИФЫ

ИЛЬ-ДЕ-ЛА-ПАСС

6 HMS «Нереида» встает на якорь в этом месте и вступает в бой с «Беллоной». Когда во время обмена огнем вражеским выстрелом перебивает шпринговый канат, корма «Нереиды» сама поворачивается в направлении «Беллоны», что дает последнюю возможность нанести сопернику большой ущерб, вследствие чего HMS «Нереида» вынужден капитулировать.

5 HMS «Ифигения» встает на якорь тут, в 50 м от «Минервы», и открывает огонь по «Цейлону» из кормовых пушек. Позднее «Ифигения» уходит к острову Фарватера, но сдается с подходом к французам подкрепления.

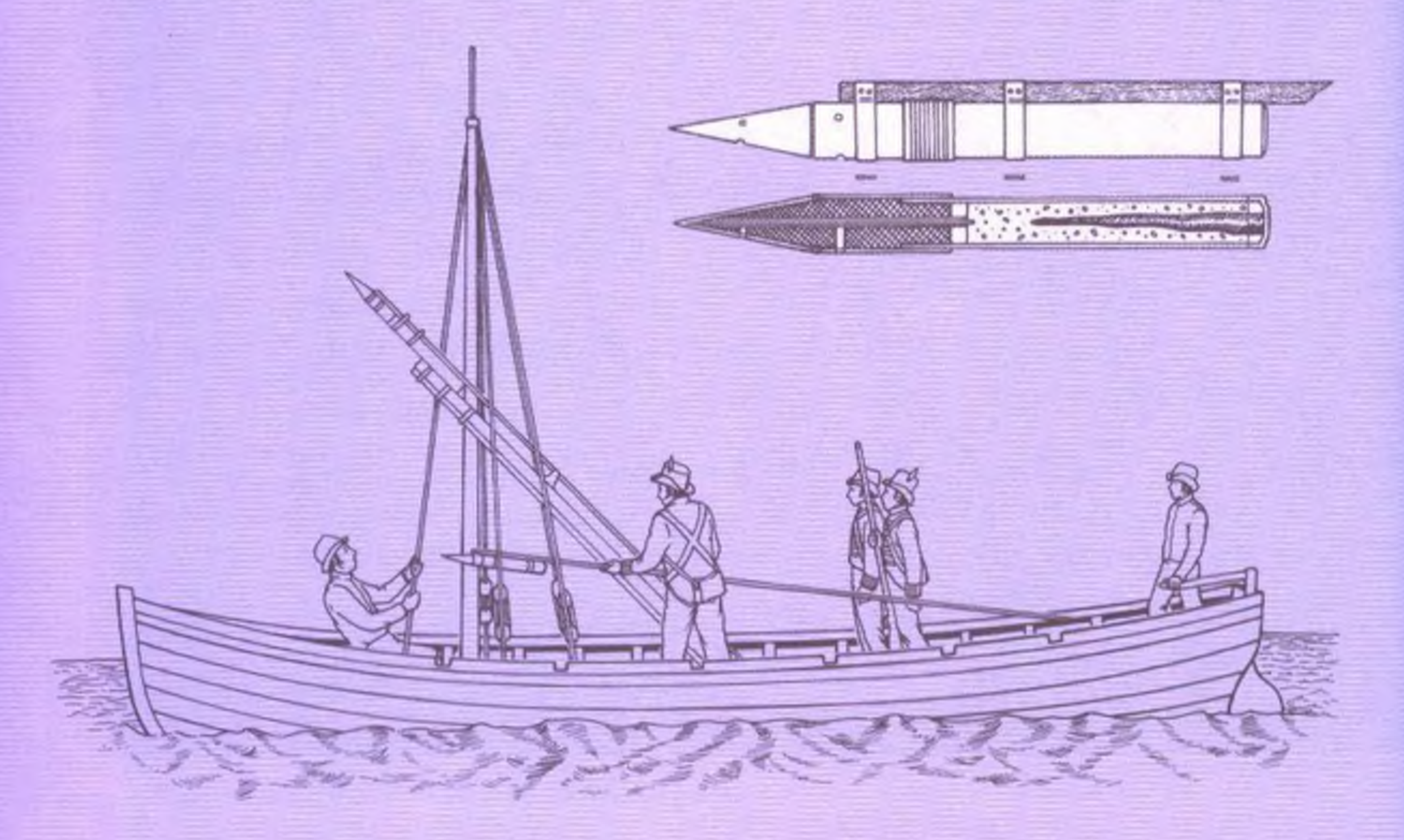
РИФЫ

1 Форт на острове Фарватера (Иль-де-ла-Пасс) захвачен британцами, но позже поврежден огнем французов; отсюда британцы пытаются обстреливать стоящую на якорях французскую флотилию, однако не достигают успеха из-за слишком большого расстояния до цели.

лейтенанта с сообщением о появлении французов. Фрегаты «Сириус» и «Ифигения» вместе с бригом «Стонч» стояли вблизи Пор-Луи, столицы Реюньона, то есть оставались на противоположной стороне острова, где блокировали запертые в гавани несколько французских каперских судов. Не смутившись невыгодным раскладом сил, Уиллоуби приказал мортирам на острове попробовать, долетят ли их снаряды до стоявших на якорях французов. Хотя огонь и не доставал их, французские суда на всякий случай поменяли позицию. Уиллоуби потребовал выхода из боя «Виктора», поскольку тот сдался ранее.

«Уиндэму» тем временем не везло. Отосланный на запад с командой из 30 чел. предупредить французов в Пор-Луи, он был замечен фрегатом «Сириус», который, конечно же, пустился бы в погоню. Но этого не произошло.

Британская ракета Конгрива, установленная на корабельной шлюпке. Подобные ракеты очень напоминали большие фейерверки из тех, что так любимы публикой в наши дни. Начиненная взрывчаткой боеголовка устанавливалась на длинной палке и запускалась с простой деревянной подставки. Дальность огня регулировали за счет изменения угла наклона «пусковой установки». Даже в условиях суши подобные предки реактивных снарядов демонстрировали вопиющую неметкость огня, не говоря уже о применении их с воды. Однако эти примитивные ракеты вселяли страх в сердце врага.

Как бы там ни было, ветер совершенно стих, и «Уиндэм» в конечном итоге был взят 10 моряками в двух небольших гребных лодках, забывшими захватить с собой вообще какое-либо оружие. Капитан «Сириуса», который таким образом узнал о происходящем у острова Фарватера (Иль-де-ла-Пасс), отправил вновь обретенный «Уиндэм» в Пор-Луи с приказом снять оттуда остальные корабли эскадры. Сам же «Сириус» двинулся в южном направлении напрямик к Иль-де-ла-Пассу, куда и прибыл 22 августа. Уиллоуби горел желанием немедленно атаковать, и британцы бросились на противника. К сожалению, «Сириус» сел на мель в южной части пролива и сумел сняться оттуда только на следующее утро с приливной волной.

«Ифигения» и «Мажисьен» прибыли вскоре после 2 часов пополудни, тоже встав на якорях в проливе. Около 4:30 пополудни все четыре корабля подняли якоря и под парусами двинулись к стоянке, намереваясь остановиться там и дружными залпами принудить противника к капитуляции примерно так же, как это проделал Нельсон с французами на Ниле. Суда следовали в нижеследующем порядке: «Нереида», «Сириус», «Мажисьен» и «Ифигения».

«Нереиде» удалось продвинуться к цели, бросить якорь и приступить к обстрелу «Беллоны». «Сириус» пошел дальше, стремясь выйти на дистанцию огня с противником. «Мажисьен» села на мель и смогла применить только три пушки.

Однако «Ифигения» сумела выдержать рамки плана, выйти на расчетную боевую позицию, отдать якорь и начать стрелять по «Минерве» с дистанции примерно в 50 м. В 6:15 вечера «Цейлон», оказавшийся под огнем погонных орудий «Мажисьен» и кормовых – «Ифигении», спустил трехцветный флаг и направился к берегу. В 6:30 вражеским снарядом «Минерве» перебило якорный канат, и корабль понесло в сторону суши. То ли «Цейлон», то ли «Минерва» вступили в ближний бой с «Беллоной», вынудив и ее рубить якорный канат и идти к берегу.

«Беллона», однако, сохранила еще способность дать залп полным бортом. Около 7 часов вечера огнем перебило шпринговый канат «Нереиды», корма последней начала разворачиваться и во всей полноте приняла на себя огонь «Беллоны». Пушки «Нереиды» замолчали, «на борту сотворилось страшное смертоубийство», и около 1:30 ночи корабль спустил флаг. Затем команду посетили добравшиеся туда посланцы командира с «Сириуса», поинтересовавшись, почему с «Нереиды» перестали стрелять.

«Мажисьен» пришлось поджечь, дабы предотвратить захват судна неприятелем, и около 5 часов пополуночи команда покинула его, а в 11:30 утра корабль взорвался. В 9 часов утра собственная команда точно так же подпалила и оставила «Сириус». «Ифигении» кое-как удалось выбраться и, избежав захвата, уйти к острову Фарватера (Иль-де-ла-Пасс). Беды ее на этом, однако, не кончились. Из-за рифов со стороны Пор-Луи появились еще три 40-пушечных фрегата: «Венюс», «Астре» и «Манш». Видя столь неблагоприятный для себя расклад, командир «Ифигении», капитан Генри Ламберт, осознал очевидный факт отсутствия у него выхода. Он выговорил самые сносные на тот момент условия, получил гарантии возвращения офицеров и команды в Кейптаун или в Англию с условием не возобновлять службы, покуда они не будут официально обменяны на французских военнопленных. К сожалению, условия договора так и остались невыполненными, британцы провели год под стражей на острове до тех пор, пока туда не отправили очередную экспедицию.

Американский фактор

Несмотря на катастрофу, постигшую франко-испанский флот у Трафальгара, войны в европейской империи Наполеона кипели еще долго. Императору французов пришлось подтвердить превосходство французского оружия в столкновениях с Австрией и Пруссией, но вот наконец в 1812 г. он повел Великую армию в Россию. В то время как войска его победоносно продвигались в глубь вражеской территории, не ведая предстоящего им скоро ледяного ада русской зимы, другим французским и итальянским солдатам приходилось иметь дело с испанскими партизанами, а также с англо-португальской армией. А тем временем в стороне от таких цветистых декораций на сцене, где разворачивались события главной драмы, разыгрывалось скромное представление бродячих жонглеров. Прошло всего каких-то 30 лет после обретения ими независимости, и бывшие североамериканские колонии Великобритании, гордо именовавшиеся Соединенными Штатами Америки, почувствовали себя в силах найти какой-нибудь повод для расширения собственных земельных владений. Соединенные Штаты перешли в наступление с целью приобретения территорий на юге, потеснив там так называемых «коренных американцев» и отхватив куски у испанцев с их колониями Флоридой и Майами. Штаты договорились с Францией о приобретении Нового Орлеана и обратили жадный до завоеваний взор в северном направлении – на Канаду. Верно, нельзя не признать, что в данном случае кое-какие основания для агрессии наличествовали. Британия старалась наладить эффективную блокаду континентальной Европы, с которой Соединенные Штаты очень бы хотели торговать. К тому же суда Королевского ВМФ останавливали и обыскивали американских «торговцев» в поисках укрывшихся британских моряков-дезертиров. Руководство США между тем разработало великий план местного значения – построить сверхпрочные и мощные фрегаты по стандартам, обычно зарезервированным для линейных кораблей. Такие фрегаты бросят вызов

Битва на озере Эри

10 сентября 1813 г.

10 сентября британцы под началом коммодора Роберта Хериота Бэркли и американцы под командованием Перри столкнулись в сражении вблизи Пут-ин-Бэй (шт. Огайо). Британскую эскадру представляли шесть кораблей с 63 пушками, в то время как в американскую флотилию входили девять судов при суммарных 54 пушках. Британские корабли вооружались преимущественно традиционными морскими длинноствольными орудиями, способными отправлять пушечные ядра на дистанцию приблизительно 1,6 км. Американские корабли несли на борту в основном карронады. Флагман Перри «Лоуренс» вступил в схватку с флагманом противника, в то время как «Ниагара» поначалу отстала и не сближалась с неприятелем. После почти полного выхода «Лоуренса» из строя Перри отправился в шлюпке на неповрежденную «Ниагару» с приказом вступить в ближний бой, провал британский строй и принудил Бэркли к капитуляции. Позднее коммодор Перри написал знаменитый отчет генералу Уильяму Генри Гаррисону: «Мы встретили противника, и его суда стали нашими: два корабля, два брига, одна шхуна и один шлюп».

Великие озера и река Св. Лаврентия образовывают значительную часть населенной границы между Канадой и Соединенными Штатами Америки, а также служат основным способом сообщения между двумя странами в данном районе. Установление контроля над озерами имело важное значение для организации успешной обороны или наступления той или иной стороны в регионе.

HMS «Чиппева» · HMS «Леди Прево» · HMS «Литтл-Белт» · «Скорпион» · «Ариэль» · «Ниагара» · HMS «Куин Шарлотт» · HMS «Хантер» · HMS «Детройт» · «Каледония» · «Трипп» · «Лоуренс»

1 На рассвете 10 сентября американский впередсмотрящий замечает к северо-западу шесть британских кораблей. Тотчас же мастер-коммандант Оливер Хэйзард Перри дает сигнал флоту США приготовиться к вступлению в бой с британцами.

2 Американские шхуны «Ариэль» и «Скорпион» располагаются с наветренной стороны (слева) по курсу флагмана, чтобы вступить в бой с первыми британскими судами и не допустить массированного обстрела своей флотилии противником.

3 USS «Лоуренс», флагман Перри, вступает в противоборство с «Детройтом», 19-пушечным флагманом Бэркли. Сражаясь против более сильного противника, «Лоуренс» быстро выходит из строя и беспомощно дрейфует, поскольку большинство членов его команды либо убиты, либо ранены.

4 Перри решает избрать для себя другой флагман. Под сильным обстрелом он преодолевает на шлюпке примерно 800 м и прибывает к «Ниагаре», в то время как «Лоуренс» капитулирует.

5 «Ниагара» (20 пушек) вступает в противоборство с вторым по величине судном флотилии Бэркли, 17-пушечным «Куин Шарлотт», и в конечном итоге прорывается вперед, выходя из зоны обстрела британского корабля.

6 Спеша обрушить огневой залп на «Ниагару», «Детройт» поворачивает на правый борт и сталкивается с «Куин Шарлотт». Оба судна повреждены, а Бэркли ранен.

7 Оба судна, более непригодные к управлению, сдаются. Меньшие по габаритам британские канонерки пытаются уйти, но американцы настигают их и также принуждают к сдаче.

кораблям, действующим на периферии интересов Британии и британского флота. Кроме того, предстояло сосредоточить две армии на границе с Канадой.

Поначалу дела пошли вкривь и вкось. Части ополчения собирались плохо, и в итоге удалось сколотить и отправить в поход только одну из двух запланированных армий. В общем, на суше развернулась кампания, в которой с каждой стороны действовали соединения размером меньше дивизии, при этом американцы, несмотря на свой численный перевес, были отброшены британскими войсками и канадскими ополченцами. Большая часть границы между США и Канадой проходила по Великим озерам, и вот тут-то военные действия выплеснулись на воду. Противоборствующие силы оперировали малыми кораблями с малыми орудиями. В начале враждебных действий британцы имели «Провинциальный флот» (Provincial Navy), в состав которого входили два небольших корабля, «Ройял Джордж» и «Эрл-оф-Мойра», и две шхуны, базировавшиеся на озере Онтарио, а также корабль, бриг, шхуна и вооруженный «торговец», находившиеся на озере Эри. Соединенные Штаты не могли похвастаться даже и такой «роскошью», располагая бригом «Онеида» и войсковым транспортом, который пришлось списать с баланса, ибо в октябре 1812 г. он был захвачен и сожжен.

Президент Джеймс Мэдисон (1751–1836) дал распоряжение ВМС США построить эскадры для обоих озер с задачей впоследствии вырвать пальму первенства из рук врага в противостоянии с британцами на пресных водах.

Новая флотилия, включавшая «Онеиду» и шесть переделанных озерных судов, была готова к 8 ноября и попробовала себя в погоне за двумя британскими кораблями, но не особенно преуспела, не сумев настигнуть их. Наступала зима, а потому обе стороны употребили изрядную часть энергии на работы в доках, стремясь построить побольше судов. Британцы заявили о себе спуском на воду 30-пушечного фрегата и двух корветов, а также переводом в состав местного флота 450 опытных моряков из Королевского ВМФ.

Американцы отозвались постройкой нового корвета, 24-пушечного «Мэдисона», переоборудованием «Леди-оф-де-Лэйк» и закладкой собственного фрегата с 26 пушками. С обеих сторон позаботились и о малых судах, оснастив несколько парусных и гребных баркасов пушечками, установленными на баке по одной единице на судно. К августу 1813 г. противники вполне изготовились к началу боевых действий.

Операции на Великих озерах: озеро Эри, 10 сентября 1813 г.

Американцы, как и британцы, располагали боевыми эскадрами на озере Онтарио и на озере Эри. На Онтарио военно-морские силы США могли использовать три корабля – «Дженерал Пайк» (26 пушек), «Мэдисон» (24) и «Онеида» (18), плюс 10 переоборудованных озерных судов, вооруженных отчасти пушками, а отчасти карронадами. Британская эскадра, развернутая на том же озере, включала в себя «Вулф» (23 пушки), «Ройял Джордж» (20), «Эрл-оф-Мойра» (16), «Лорд Мелвилл» (14), «Лорд Бересфорд» (12) и «Сэр Сидни Смит» (12), которым в качестве вооружения служили в основном карронады. Тем временем на озере Эри американцы имели «Лоуренс» (20 пушек) и «Ниагару» (20), плюс семь переоборудованных озерных судов. В общей сложности на всех них приходилось 15 длинноствольных орудий и 39 карронад. Британская эскадра на Эри состояла из кораблей «Куин Шарлотт» [«Королева Шарлотта»] (18 пушек), «Леди Прево» (12) и «Дженерал Хантер» (6), а также двух шхун и одного шлюпа. Всего на этих судах размещалось 35 длинноствольных пушек и 28 карронад; еще один корабль, 20-пушечный «Детройт», пока еще не был достроен.

Мастер-коммандант Оливер Хэйзард Перри (1785–1819), возглавлявший американскую эскадру на озере Эри, начал с патрулирования в виду реки Детройт, стремясь вызвать реакцию британской флотилии, и в конечном итоге добился желаемого эффекта. Британцы появились 10 сентября при благоприятном бризе, и два их головных судна сосредоточили огонь на «Лоуренсе», флагмане Перри. Следующий номер в линии у американцев, «Каледония», пока тащился позади. Прошло всего несколько минут, и «Лоуренс» превратился в

плавучие обломки, две трети команды этого американского корабля было убито или ранено. Перри велел везти себя на шлюпке к «Ниагаре», намереваясь продолжить сражение оттуда. Как бы там ни было, офицерский состав британской флотилии тоже изрядно пострадал от американского огня. «Детройт», «Куин Шарлотт», «Хантер» и «Леди Прево» – все потеряли первых лейтенантов, а британский командующий был смертельно ранен. Пока британцы пытались навести порядок в своих рядах, Перри ринулся на своем корабле прямо на их строй, стреляя с бортов залпами в обоих направлениях. «Детройт» попытался развернуться в намерении встретить противника бортовым залпом, но в него врезалась «Куин Шарлотт», которая не поддержала маневра. У британцев явно творилось самое настоящее замешательство, и при восьми кораблях США, находившихся в непосредственной близости от них, четыре судна британской флотилии, еще пригодных к бою, предпочли сдаться.

«Мы несравненно уступаем им (британцам) в мощи на море, что не позволяет нам встретить их на этом поле битвы без риска подвергнуть опасности драгоценное сокровище нашей национальной славы. Однако у нас есть весомые средства повернуть все в свою пользу и доставить противнику большие неприятности».

Уильям Джонс,
МИНИСТР ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА США

Озеро Шамплейн

Два дня спустя американцы развили успех другой важной победой на озере Шамплейн. На сей раз речь шла о совместной операции армии и флота, действовавшего в поддержку сухопутного наступления на Платтсбург. В данном случае американцы стояли на якорях примерно так же, как пятнадцатью годами ранее французы в заливе Абукир. Обе флотилии насчитывали по 16 кораблей. Каждую возглавлял фрегат – у британцев 37-пушечный «Конфьянс», а у американцев более скромный 26-пушечный «Саратога». Двенадцать британских канонерок так сильно пострадали от действий американских кораблей во время приближения к ним на открытом участке, что им пришлось отступить. По крайней мере один из британских катеров потерпел крушение у Островка, так что осталось всего три британских судна против 16. Британский корабль «Линнет» попытался выйти в тыл «Саратоге», занимавшей позицию на левом фланге американской линии, в то время как той пришлось иметь дело с фрегатом «Конфьянс», обмениваясь с ним бортовыми залпами. Однако «Линнет» был встречен десятью американскими канонерками, появившимися из устья реки. Сражение продолжалось два с половиной часа, после чего британский «Конфьянс» спустил флаг перед «Саратогой».

Надо заметить, что используемые обеими сторонами корабли строились не столь основательно по сравнению с их океанскими сородичами. Они несли меньше вооружения, позволяя при этом с большей легкостью маневрировать на них, но с той же легкостью шли ко дну, поскольку не обладали способностью выдерживать мощных залпов и сохранять способность к выживанию после сильных повреждений. Битвы с участием таких плавсредств напоминали скорее соревнования по гонкам на яликах, чем горделивую поступь деревянных островов, увенчанных белыми шапками парусов.

Не следует недооценивать пользу канонерок. Отличаясь очень небольшой осадкой, такие суда могли действовать там, где не удавалось пройти более крупным собратьям. Они оснащались всего одним продольным косым парусом, что делало их более удобными в управлении по сравнению с крупными кораблями, отягощенными несколькими мачтами, поленницами рангоутов и километрами парусов. Довольно значительный запас живой силы,

требуемый в случае необходимости идти на веслах, позволял использовать людей при взятии судов на абордаж или для рейдов на сушу. К тому же канонерки могли ходить против ветра и даже вообще в отсутствие оного. Они обладали способностью выдвинуться на такие огневые позиции, на которых для противника не представлялось возможным достать их огнем пушек с борта, с бака или с юта. Но, несмотря на все эти преимущества, канонерские лодки оставались именно лодками — большими гребными лодками, крайне уязвимыми даже перед одним-единственным попаданием корабельной пушки, тогда как карронады могли нанести в буквальном смысле сокрушительные повреждения судну и огромный урон команде.

Британия и США оставались в состоянии войны до 1815 г. Британцы делали на американском побережье что хотели: высаживали сухопутные войска и отряды матросов для уничтожения материальной части флота — судов и батарей — и даже самого здания конгресса США. Далеко на юге, под Новым Орлеаном, британцы задействовали 45 кораблей, барж и лодок, подобных канонеркам с Великих озер, для доставки частей армии через почти 100 км мелководья, причем перед лицом вооруженного неприятельского противодействия. На иных участках бывало так мелко, что командам и пассажирам приходилось спрыгивать в воду и чуть ли не волоком перетаскивать суда в более глубокие места.

Корабли, принимавшие участие в тех сражениях, строились кустарным способом, как делалось до возникновения настоящей кораблестроительной индустрии. Но пресловутые «слова пророчества» уже проступили на стене. Королевский ВМФ мог гордиться своим парусным флотом, но времена его уходили в небытие. Паровой двигатель опробовали на судах на воде еще до того, как Наполеон встретил судьбу под Ватерлоо в 1815 г. Спустя примерно полвека, во время Гражданской войны в США, в ход пойдут железнодорожные рельсы, приспособленные в качестве грубой и примитивной брони первых броненосцев, а грохот чугунных пушечных ядер, рикошетом отлетавших от этой рудиментарной броневой защиты, прозвучит погребальным звоном по горделивым деревянным островам, увенчанным белыми шапками парусов.

Мастер-коммандант О.Х. Перри на шлюпке перевозит свой флаг с «Лоуренса» на «Ниагару». Это действие не было вызвано трусостью, но диктовалось практическими соображениями – невозможностью осуществлять управление эскадрой с борта выведенного из строя флагмана.

Выборочная библиография

Blaze, Elzéar. *Military Life Under Napoleon. Chicago.* The Emperor's Press, 1995.

Blond, Georges. *La Grande Armée.* London: Arms & Armour Press, 1995.

Boulart, Bon. *Memoires Militaires du General Bon Boulart sur les*

Guerres de La Republique et de L'Empire. Paris: La Librarie Illustree, nd.

Bowden, Scott. *Napoleon's Grande Armee of 1813.* Chicago: The Emperor's Press, 1990.

'Napoleon's Finest: Marshal Davout and His 3d Corps', *Combat Journal of Operations, 1805–1807.'* Military History Press, 2006.

Brandt, Heinrich von. *In the Legions of Napoleon: The Memoirs of a Polish Officer in Spain and Russia, 1808–1813-* London: Greenhill Books, 1999.

Carnet de la Sabretache. Paris, nd.

Volume 3, 1895: 'Le 7e Corps à Eylau', page 3.

Volume 4, 1896: 'Bataille d'Eylau,' page 81.

Volume 5, 1897: 'Bataille de Friedland, 'Journal d'operations du 1-er corps de la Grande Armée', page 325.

Volume 15, 1907: 'Le Centenaire de Friedland', page 321; and 'Soldats d'Heilsberg et de Friedland,' page 354.

Caulaincourt, Armand de. *With Napoleon in Russia.*

New York: Dover Publications, 2005.

Chandler, David. *The Campaigns of Napoleon.*

New York: Macmillan, 1966. (editor). *The Military Maxims of Napoleon.*

London: Greenhill Books, 1987.

Chesney, Charles. *Waterloo Lectures.* London: Greenhill Books, 1997.

Chlapowski, Dezydery. *Memoirs of a Polish Lancer.* Chicago: The Emperor's Press, 1992.

Clowes, William Laird. *The Royal Navy, a History from Earliest Times* (volumes four and five). London: Chatham Publishing, 1997.

Detaille, Edouard. *L'Armée Française: An Illustrated History of the French Army, 1790–1885.* New York: Waxtel & Hasenauer, 1992.

Du Teil, Jean. *The New Use of Artillery in Field Wars:*

Necessary Knowledge. The Nafziger Collection, 2003.

Elting, John R. *Swords Around A Throne: Napoleon's Grande Armée.* New York: The Free Press, 1988.

Esposito, Vincent J. and Elting, John *R.A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars,* London: Greenhill, 1999.

Fletcher, Ian. *Galloping at Everything: The British Cavalry in the Peninsular War and at Waterloo 1808–1815.*

Mechanicsburg, PA: Stackpole Books, 1999.

Forrest, Alan. *Conscripts and Deserters: The Army and French Society during the Revolution and Empire.*

New York: Oxford University Press, 1989.

Gallaher, John G. *The Iron Marshal: A Biography of Louis Davout.* London: Feffer & Simons, Inc., 1976.

Gardiner, Robert, editor. *Nelson against Napoleon, from Copenhagen to the Nile, 1798–1801.* London: Chatham Publishing Ltd, 1997.

Fleet Battle and Blockade: the French Revolutionary War 1793–1797. London: Chatham Publishing Ltd, 1996.

Gill John H. *With Eagles to Glory.* London: Greenhill Books, 1992.

Girod de l'Ain, Maurice. *Grands Artilleurs: Drouot, Senarmont, Eblé.* Paris, 1895.

Goodwin, Peter. *The 20 Gun Ship* (Blandford Anatomy of the Ship series). London: Conway Maritime Press, 1988.

Graves, Donald E., editor (trans by Jonathan Williams).

De Scheel's Treatise on Artillery. Museum Resoration Service, 1984.
Griffith, Paddy. *The Art of War in Revolutionary France, 1792–1802.* London: Greenhill Books, 1998.
Gruppe, Henry E. editor. *The Frigates* (The Seafarers series). Amsterdam:Time-Life Books, 1979.
Fighting Sail. (The Seafarers series).Amsterdam: Time-Life Books, 1979.
The East Indiamen. (The Seafarers series). Amsterdam: Time-Life Books, 1979.
Harbron, John D. *Trafalgar and the Spanish Navy.* London: Conway Maritime Press, 1988.
Haythornthwaite, Philip J. *Napoleon's Military Machine.*
Tunbridge Wells: Spellmount Publishing Ltd., 1988.
Horricks, Raymond. *Marshal Ney.* London: Archway Publishing, 1988.
Johnson, David. *Napoleon's Cavalry and Its Leaders.*
New York: Holmes & Meier Publishers, 1978.
The French Cavalry, 1792–1815. London: Belmont Publishing, 1989.
Kiley Kevin. *Artillery of the Napoleonic Wars.* London: Greenhill Books, 2006.
Lachouque, Henry and Anne S.K. Brown. *The Anatomy of Glory: Napoleon and his Guard.* London: Greenhill Books, 1997.
Lavery, Brian. Jack *Aubrey Commands, An Historical companion to the Naval World of Patrick O'Brian.*
London: Conway Maritime Press, 2003.
The Arming and Fitting of English Ships of War 1600–1815. London: Conway Maritime Press, 1987.
Luvaas Jay (editor). *Napoleon on the Art of War.* New York: The Free Press, 1999.
Markham J. David (editor). *Imperial Glory: The Bulletins of Napoleon's Grande Armée, 1805–1814.* London: Greenhill Books, 2003.
Muir, Rory. *Salamanca 1812.* New Haven: Yale University Press, 2001.
Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven: Yale University Press, 1998.
Nafziger, George. *Imperial Bayonets.* London: Greenhill, 1996.
Nardin, Pierre. *Gribeauval Lieutenant General des Armeés du Roi (1715–1789).* Paris, nd.
Nosworthy, Brent. *With Musket, Cannon and Sword: Battle Tactics of Napoleon and His Enemies.* New York: Sarpedon, 1996.
Oman, Charles. *A History of the Peninsular War* (Volume V). London: Greenhill, 2005.
Paret, Peter. *Yorck and the Era of Prussian Reform.* Princeton: Princeton University Press, 1966.
Petre, F. Lorraine. *Napoleon's Last Campaign in Germany:*
1815. London: Arms and Armour Press, 1974.
Quimby, Robert. *The Background of Napoleonic Warfare: the Theory of Military Tactics in Eighteenth Century France.* New York: Columbia University Press, 1957.
Regenbogen, Lucian. *Napoleon à Dit: Aphorismes, citations et opinions.* Paris: Les Belles Lettres, 1998.
Ross, Steven. *From Flintlock to Rifle: Infantry Tactics, 1740–1866.* London: Frank Cass, 1996.
Rothenberg, Gunther. *The Art of Warfare in the Age of Napoleon.* Bloomington: Indiana University Press, 1978.
Schneid, Frederick. *Napoleon's Italian Campaigns: 1805–1815.* Westport: Praeger, 2002.
Ségur, Philippe Ac. *Memoirs of an Aide-de-Camp of Napoleon, 1800–1812.* Gloucestershire: Nonsuch Publishing, 2005.
History of the Expedition to Russia (2 volumes). Gloucestershire: Nonsuch Publishing, 2005.
Siborne, William. *History of the Waterloo Campaign.* London: Greenhill Books, 1995.
Six, Georges. *Dictionnaire Biographique des Generaux & Amiraux Français de la Revolution et de L'Empire*
(1792–1814). Paris: Bordas, 1947.
Sutton, Jean. *Lords of the East, the East India Company and its ships (1600–1874).* London: Conway Maritime Press, 1981.
Tousard, Louis *de. American Artillerist's Companion.*
New York: Greenwood Press, 1969.
White, David. *The Frigate Diana* (Anatomy of the Ship series). London: Conway Maritime Press, 1987.
Wilson, Sir Robert. *The Campaigns in Poland in 1806 and 1807.* London: Worley Publications, 2000.
Zhmodikov, Leonidovich. *Tactics of the Russian Army in the Napoleonic Wars* (two volumes). The Nafziger Collection, 2003.

Научно-популярное издание

Роберт Брюс, Йен Дикки, Кевин Кайли, Майкл Павкович, Фредерик Шнейд

ВОЙНЫ И СРАЖЕНИЯ ЭПОХИ НАПОЛЕОНА
1792–1815

Ответственный редактор *А. Ефремов*
Научный редактор *А. Васильев*
Художественный редактор *Б. Волков*
Дизайн переплета *М. Горбатов*
Технический редактор *О. Кистерская*
Компьютерная верстка *С. Карпухин*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 13.10.2009 г.
Формат 70×100 1/16. Гарнитура «Светлана». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21,93.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 8215

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-38052-7
9 785699 380527 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.